

К 100-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

Санкт-Петербург, 2022

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)

К 100-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Сборник докладов

Международной научной конференции «Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии»

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
2022

УДК 94(470) (08)
ББК Т3 (2)712я43 + Т3 (2)713я43
К11

К11 К 100-летию окончания Гражданской войны и образования СССР. Сб. докл. межд. науч. конф. «Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии» / отв. редактор д-р ист. наук, проф. В. В. Калашников; под ред. канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2022. 396 с.

ISBN 978-5-7629-3120-5

Рецензент д-р ист. наук, проф. Н. Н. Смирнов (СПб ИИ РАН)

ISBN 978-5-7629-3120-5
© СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие: две знаменательные даты *(И. В. Узлова)* 5

I. Проблемы образования и распада СССР в вопросах и ответах

Десять проблемных вопросов *(В. В. Калашников)* 12

Ответы на вопросы

Гагкуев Р. Г. (ИРИ РАН, Москва) 13
Голдин В. И. (САФУ им. М. В. Ломоносова, Архангельск) 18
Икэда Есиро (Токийский университет, г. Токио) 44
Меньковский В. И. (БГУ, Минск) 49
Пыльцын Ю. С. (ЕДС, Екатеринбург) 52
Рынков В. М. (ИИ СО РАН, Новосибирск) 56
Смирнова Т. М. (ГУАП, Санкт-Петербург) 62
Суэйн Дж. (Университет Глазго, Великобритания) 67
Солдатенко В. Ф. (ИПиЭИ им. И. Ф. Кураса НАН Украины) 70
Стогов Д. И. (СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург) 91
Цветков В. Ж. (МПГУ, Москва) 103
Чураков Д. О. (МПГУ, Москва) 111

II. Из истории Гражданской войны в России

Голдин В. И. Гражданская война в России: осмысление спустя 100 лет 118
Калашников В. В. О некоторых трактовках истории Гражданской войны в новейшей историографии 134
Галлямова Л. И. Дальневосточная республика: создание, эволюция и финал 170
Калиновский В. В., Пученков А. С. Религиозный фактор в истории Гражданской войны в России (на примере Крымского полуострова) 194
Пученков А. С. Горское движение, исламский фактор и Гражданская война на Северном Кавказе: к постановке вопроса 211
Пыльцын Ю. С. Почему Терек не стал русской Вандеей 222
Рабинович А. Е. Трагедия в заливе 232
Семенов В. В. Барон Врангель наступает: последний триумф белых в Гражданской войне 237

Солдатенко В. Ф. Феномен украинского повстанчества 255
Ганин А. В. «Удалось вывезти ген. Слащева, его жену
и меня в потайном помещении парохода» 291

III. Образование и распад СССР

Голдин В. И. Национальный вопрос и межнациональные отношения на Европейском Севере России: взгляд сквозь годы 307
Иоффе Г. З. Перестройка. Финал советской истории:
Разрозненные заметки о людях и их делах 329
Краус Т. Столетие образования Советского Союза – актуальные мысли 359
Меньковский В. И. Соотношение исторической науки и
исторической политики в оценке советского прошлого 372
Назаров О. Г. Образование СССР 378

Сведения об авторах 394

И. В. Узлова

ПРЕДИСЛОВИЕ: ДВЕ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ

Предлагаемый читателю сборник содержит материалы и статьи, представленные участниками международной конференции «Россия в эпоху революций и реформ. К 100-летию окончания Гражданской войны и образования СССР». Выбор темы вполне понятен: на конец 2022 г. падают две знаменательные даты: сто лет со времени окончания Гражданской войны и образования СССР.

Сборник является своего рода юбилейным и в том плане, что публикует материалы *десятой* конференции, которая ежегодно проводится в Санкт-Петербурге под общим названием «Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии»[1]. Конференция задумывалась как форум для свободного обсуждения самых острых и сложных проблем историографии истории революции и реформ в России XX века. В ней принимают участие научные сотрудники ряда институтов и региональных центров РАН, преподаватели ведущих университетов России, а также Белоруссии, Великобритании, Венгрии, Украины, США, Японии.

Сборник состоит из трех разделов. В ***первом разделе*** помещены ответы группы ученых на Вопросник, который содержит ряд ключевых вопросов, относящихся к предыстории и истории образования и демонтажа СССР, с акцентом на проблему межнациональных отношений. Предварительная рассылка Вопросника по ключевой проблеме, выносимой на конференцию того или иного года – одна из особенностей Санкт-Петербургской конференции. Вопросник этого года позволяет более четко выявить позиции историков по таким проблемам, как причины распада Российской империи, роль нацио-

[1] См.: Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. Сборник докладов. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2013; Гражданская война в России: проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2014; Россия в первой мировой войне: проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015; Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2016; Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ» 2017; Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии». СПБ.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018; Эпоха революции и гражданской войны в России: проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2019; Русская революция и ее итоги: взгляд на историю советского периода. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020.

нального вопроса в ходе Гражданской войны (включая его роль в поражении Белого движения и победе красных), причины успеха Советской власти в объединении большей части территории распавшейся Российской империи, особенности национальных отношений в СССР, включая роль национального вопроса в истории демонтажа Советского Союза, и др.

В качестве ведущих тенденций следует отметить согласие многих авторов с тем, что национальная политика большевиков была фактором, который помог им одержать победу в Гражданской войне, а национальная политика белых, напротив, стала одной из важнейших причин их поражения. Наиболее категоричным был британский историк Дж. Суэйн, который считал лозунг «Единая и неделимая Россия» главной причиной поражения белых.

В. И. Голдин отметил, что лозунг белых был «идентичен идеологической доктрине Российской империи и воспринимался на национальных окраинах, в том числе правящими элитами новообразованных государств, как возвращение к старым царским порядкам». С ним согласны В. И. Меньковский и В. М. Рынков. Последний отметил, что в сложившейся «социальной среде лозунг единой и неделимой оказался чреват новыми социальными и военными конфликтами». Аналогичную позицию занимают Д. О. Чураков и Т. М. Смирнова.

Однако Д. И. Стогов полагает, что лозунг «Единая и неделимая» русским населением бывшей Российской империи «не мог не восприниматься положительно (уже в силу менталитета русских)», а также считает, что значительная часть «инородцев» воспринимала его, «скорее, индифферентно».

По мнению В. Ж. Цветкова этот лозунг трактовался белыми «в контексте не национальной, а социальной политики. В противостоянии с советским лозунгом классовой борьбы, основанном на антагонистическом противоречии между эксплуататорами и эксплуатируемыми, Белое движение позиционировало лозунг национального, классового единства».

Принципиально важным был вопрос о том, почему большевики смогли собрать большую часть территорий распавшейся империи. Здесь историки расставили довольно разные акценты. В. И. Голдин и Р. Г. Гагкуев отметили гибкую, учитывающую конкретные обстоятельства, национальную политику большевиков. Японский историк Ё. Икеда главной причиной успеха большевиков в собирании нерусских земель назвал грамотное использования такого

института как «автономия», широко толкуя этот термин. Р. Г. Гагкуев также считает, что «возможность создания в рамках РСФСР национальных автономий, безусловно, удовлетворяла запросы многих национальностей».

Британский историк Дж. Суэйн объясняет успех большевиков в собирании большей части территорий распавшейся империи проведением ими национальной политики в сочетании с земельной реформой.

В. Ж. Цветков подчеркнул, что для большевиков «принципиальным вопросом было не просто “собирание земель”, а создание многонационального социалистического государства, построенного на принципах пролетарского интернационализма, единстве социально-экономической и политической организации общества, на общности идейной и культурной жизни». Эти факторы, по мнению историка, и стали главными в процессе образования СССР. С ним в целом согласен В. Ф. Солдатенков, который выделил и такой фактор: «неготовность к решительной ломке сложившихся традиций совместной жизни и страх перед перспективой попасть в новую зависимость».

В. М. Рынков сделал другой акцент. Он считает, что большевики смогли собрать большую часть территорий распавшейся империи, поскольку именно они «стали победителями в Гражданской войне». Он пишет: «Победитель неизбежно собирал большую часть, но не имел возможности собрать все». Близок к этой позиции и Д. О. Чураков: «Сила большевиков как собирателей русского исторического пространства заключалась в том, что большевики смогли построить сильное государство. Это государство было способно успешно решать любые проблемы сепаратизма…»

Во ***втором разделе*** представлены статьи, посвященные различным проблемам истории и историографии Гражданской войны в России начала XX века. Наиболее общими по своему содержанию являются две статьи, написанные архангельским историком В. И. Голдиным и петербургским историком В. В. Калашниковым.

В. И. Голдин, ведущий историограф истории Гражданской войны, уделил особое внимание процессу подготовки 12 тома «Гражданская война в России. 1917–1922» 20-томной академической «Истории России». Говоря о спорных проблемах новейшей историографии, В. И. Голдин признает важную роль иностранной интервенции в истории гражданской войны в России. Однако *ключевую роль* интервенции в развязывании Гражданской войны автор отме-

чает лишь в отношении двух макрорегионов – на Европейском Севере и Дальнем Востоке.

В. В. Калашников подчеркивает ключевую роль иностранной военной интервенции в развязывании полномасштабной Гражданской войны в России *в целом*, включая Поволжье, Юг и Сибирь. Он посвятил свою статью критике позиций тех историков, которые отрицают такую роль, увидев доминирование этой позиции и в статьях новейшей трехтомной энциклопедии «Россия в гражданской войне» (2021). Как отмечает сам автор, его статья написана с целью вызвать открытое обсуждение в историческом сообществе принципиальных положений, которые содержат подготовленные макеты одиннадцатого (1914–1917 годы) и двенадцатого (1917–1922 годы) томов упомянутой 20-томной академической «Истории России» с тем, чтобы «избежать опасных промахов, которые способны усилить раскол не только среди историков, но и в обществе».

Региональные особенности Гражданской войны в России представлены в статьях Л. И. Галлямовой, В. В. Калиновского, Ю. С. Пыльцына, А. С. Пученкова, В. В. Семенова и В. Ф. Солдатенко.

Очерк Л. И. Галлямовой посвящен финальной фазе в истории Гражданской войне – истории формирования и судьбе Дальневосточной республики. Автор отмечает, что идея создания ДВР принадлежала эсеро-меньшевистским лидерам, которые готовили свое выступление против Колчака в Восточной Сибири с тем, чтобы создать «автономное демократическое буферное государственное образование, находящееся с РСФСР в договорных отношениях». Идею поддержали и местные большевики, и центральное правительство в Москве с тем, чтобы избежать опасности столкновения с Японией. Итоговый вывод автора гласит: «Создание и функционирование ДВР позволило Советской России избежать прямого военного столкновения с Японией, сохранить Дальний Восток за собой, восстановить территориальную целостность и единое политическое и экономическое пространство государства, обеспечить его военную безопасность. Таким образом, финалом Гражданской войны стало завершение объединительного процесса и претворение в жизнь государственных интересов СССР и его политической независимости».

А. С. Пученков поставил вопрос об особенностях гражданской войны на Северном Кавказе, где классовые конфликты переплетались с религиозными и национальными. Говоря о причинах победы Советской власти в этом реги-

оне, автор сделал вывод: религиозный фактор, наряду с земельным вопросом и межнациональными отношениями, был основным в эпоху революции и Гражданской войны на Северном Кавказе; большевики смогли победить, только объединив на какое-то время все эти факторы».

Ю. С. Пыльцын фактически продолжил эту тему в статье «Почему Терек не стал “русской Вандеей”» и сделал акцент на разное отношение большинства казаков и большинства горцев Терека к Советской власти. Автор объяснил различие, прежде всего, «земельным вопросом, который советская власть планировала разрешить в благоприятном для горцев смысле».

В. В. Калиновский в своей статье в соавторстве с А. С. Пученковым удачно показал важную роль религиозного фактора в истории Гражданской войны на примере многоконфессионального Крыма, сделав акцент на роли православного духовенства и «православного фактора» в деятельности режимов, которые существовали на территории полуострова в 1917–1920 годах. Принципиальное значение имеет вывод авторов о том, что «духовенство не смогло и не пожелало быть пассивным созерцателем братоубийственной войны – они избрали ту сторону, которая им была наиболее близка идеологически».

Статья В. В. Семенова, посвященная попытке Врангеля вырваться из Крыма, тоже может быть отнесена к региональной теме. Тем не менее, автор подчеркивает ее общероссийское значение как попытки «воплощения на оставшемся под ногами кусочке крымской земли наивозможно более полной и неподдельной антитезы большевистскому государству». Автор отметил, что сама эта попытка была продиктована фактическим крахом классического белого движения, который показал, «что силой оружия большевизм не победить». Хотя автор уделяет основное внимание самому июньскому наступлению, принципиальное значение имеет его вывод о том, что «июньский успех *небольшой, но воинственной Русской армии* не имел реальной возможности стать переломным моментом Гражданской войны».

В. Ф. Солдатенко посвятил свою статью феномену украинского повстанчества, который был важным фактором в истории Гражданской войны на юго-западе бывшей Российской империи. Особое внимание автор уделил той роли, которую сыграли повстанцы в борьбе с белым движением в 1919 г. на территории Левобережной Украины. Он отметил, что повстанцы координировали свои действия «во вражеском тылу со стратегией и тактикой регуляр-

ных частей Красной армии. Эффект оказался положительным, результаты – победными».

А. Е. Рабинович посвятил свою статью «Трагедия в заливе» одному из самых трагических эпизодов гражданской войны и иностранной интервенции на Балтике, когда существовала опасность прорыва британских кораблей к Петрограду. Стремясь ее ликвидировать, три эсминца красного Балтийского флота в ночь с 20 на 21 октября 1919 г. вышли минировать фарватер и подорвались на минах, что привело к гибели 28 офицеров и 485 матросов. Это фрагмент новой книги историка, который уже много лет скрупулезно изучает историю революции и гражданской войны в Петрограде.

А. В. Ганин, продолжая изучение биографии генерала Я. А. Слащева, публикует и комментирует новый важный документ: доклад А. И. Баткина о тайных операциях советской разведки в Константинополе в ноябре 1921 г. Одной из таких операций стало возвращение Слащева в РСФСР в рамках усилий, направленных на то, чтобы побудить белых генералов отказаться от борьбы с Советской властью и привлечь их к сотрудничеству.

Третий раздел содержит ряд статей, посвященных истории образования СССР и, в какой-то мере, судьбе советского многонационального государства. Этот раздел дополняет ту работу, которую проделали участники конференции 2021 г. Раздел открывает статья В. И. Голдина, посвященная межнациональным отношениям на Европейском Севере России. Автор делает вывод о том, что в целом межнациональные отношения в этом регионе всегда «развивались достаточно благоприятно и без серьезных конфликтов, что, впрочем, не означает отсутствие проблем, которые необходимо решать, уделяя этой сфере самое пристальное внимание и сегодня».

О. Г. Назаров, анализируя проблему образования СССР, показал, что программное требование большевиков о праве наций на самоопределение всегда было лишь инструментом создания добровольного государственного союза трудящихся в борьбе за построение нового, социально справедливого общества. Он подчеркнул, что до революции Ленин был «сторонником унитарного, а не федеративного устройства государства». Однако реалии исторического процесса побудили внести коррективы в эту позицию, и в годы гражданской войны большевики продемонстрировали большую тактическую гибкость в национальном вопросе, что и позволило создать условия для создания СССР.

Венгерский историк Т. Краус, размышляя о причинах и результатах образования СССР, дал ответ на вопрос о ключевом факторе, который обеспечил создание Советского Союза и его превращение во вторую промышленную и военную державу в мире за беспрецедентно короткий промежуток времени. По мнению историка, «для всех, по крайней мере, для авторов, стоящих на научных позициях, однозначен вывод, что» эта задача была решена «благодаря некапиталистическим формам производства и социальной организации». Они позволили накопить «народную творческую силу, беспрецедентную в истории человечества».

Белорусский историк В. И. Меньковский, посвятил свою статью анализу соотношения исторической науки и исторической политики в оценке советского прошлого.

Известный советский и российский историк Г. З. Иоффе поделился своими мыслями и воспоминаниями о том, в какой атмосфере работали историки в период «перестройки» и накануне демонтажа СССР.

Оргкомитет провел лишь небольшую редакцию представленных работ, устранив явные пропуски и опечатки.

По сложившейся традиции конференция прошла на базе Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета. Участники конференции выразили благодарность ректорату и службам Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» за поддержку, которая позволила подготовить конференцию и издать настоящий сборник.

I. ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И РАСПАДА СССР В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ

Данный раздел содержит ответы группы российских и зарубежных историков на ряд вопросов по ключевым проблемам истории образования и распада СССР. Ниже представлен Вопросник (перечень вопросов), направленный участникам Проекта.

ДЕСЯТЬ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСОВ

1. Дайте характеристику государству и обществу дореволюционной России с точки зрения национального вопроса.

2. Объясните причины распада Российской империи. Назовите основные этапы этого процесса.

3. Почему большевики смогли собрать большую часть территорий распавшейся империи и почему не собрали всю?

4. Согласны ли вы с тезисом о том, что лозунг «Единая и неделимая» был одной из причин поражения белого движения в период Гражданской войны. Поясните свой ответ.

5. Какое влияние оказала Гражданская война на процесс создания нового многонационального государства?

6. Советский Союз, созданный как федерация, быстро стал централизованным государством. Каковы причины и были ли альтернативы такому ходу событий?

7. Дайте характеристику советскому государству и советскому обществу с точки зрения национального вопроса?

8. По Вашему мнению, Россия выиграла или проиграла от Беловежских соглашений, осуществленных командой Б. Н. Ельцина?

9. Оцените шансы на воссоздание в той или иной форме многонационального государства из числа бывших союзных республик СССР. Какие факторы будут способствовать, а какие препятствовать процессам интеграции на постсоветском пространстве?

10. Открытый вопрос: задайте себе и дайте ответ на любой иной важный, по Вашему мнению, вопрос, связанной с общей темой Вопросника.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

Р. Г. Гагкуев (ИРИ РАН, Москва)

1. Дайте характеристику государству и обществу дореволюционной России с точки зрения национального вопроса.

Состояние национального вопроса в Российской империи нельзя охарактеризовать однозначно. С одной стороны, представители разных национальностей могли занимать в России административные и военные должности, включая самые высокие, делать карьеру в разных профессиональных областях, сохранять свою национальную культуру. С другой – для большинства народов Российской империи отсутствовала возможность какого-либо обособления на уровне национальных, пусть даже национально-культурных, автономий в составе страны. Исключениями были Польша и Финляндия, что скорее только подчеркивало общее состояние вопроса. Проблема усугублялась совершенно разным уровнем развития народов, входивших в состав Российской империи. В то время как в ряде случаев существовали различные национальные партии и общественные организации, в других – народы находились на стадии родоплеменных отношений.

Очевидно, что выработанная в России на протяжении столетий модель взаимоотношений с национальными элитами, при которой они, по сути, включались в состав элиты общероссийской, начала давать сбои при начавшемся в стране в годы Первой мировой войны системном кризисе. Многие накопившиеся за долгое время межнациональные проблемы по мере ослабления центральной власти стали выходить на поверхность, приведя в 1917 г. к появлению огромной массы разных национальных органов разного уровня, провозглашавших сначала автономию, а в годы Гражданской войны попытавшихся создать самостоятельные государственные образования. Этот процесс сопровождался, в том числе, и межнациональными конфликтами за территории некогда единых губерний и областей бывшей империи.

2. Объясните причины распада Российской империи. Назовите основные этапы этого процесса.

Главной причиной распада Российской империи стала Первая мировая война и начавшийся в стране системный кризис. Падение монархии было главным рубежом, обозначившим неизбежность процесса постепенного раз-

вала империи. Временное правительство оказалось неспособным реализовать какую бы то ни было внятную политику во взаимоотношениях с появившимися на национальных окраинах национальными органами власти. Большинство из них не планировало изначально какого-либо обособления в национальных государственных образованиях, но по мере падения авторитета центральной власти и ее неспособности сохранить контроль над событиями, стало проводить более самостоятельную политику.

Условно, этапы распада Российской империи можно было бы обозначить в следующих основных событиях: 1) весна 1917 г.: отречение Николая II от престола, появление Временного правительства и Петроградского совета, а также многочисленных органов власти на местах; 2) лето – осень 1917 г.: кризис в управлении страной, падение авторитета Временного правительства, активное формирование в армии национальных частей, позднее в ряде случаев ставших опорой национальных правительств; 3) октябрь 1917 г.: приход к власти большевиков, непризнание власти Совета народных комиссаров рядом национальных органов на местах, взятие курса на независимость; 4) весна 1918 г.: заключение Брестского мира, отказ правительства РСФСР от многих территорий, начало оккупации стран Четверного союза.

3. Почему большевики смогли собрать большую часть территорий распавшейся империи и почему не собрали всю?

Собирание большевиками большей части территорий бывшей Российской империи стало следствием победы в Гражданской войне. При этом среди причин побед в гражданском противостоянии, безусловно, стала гибкая и изменяющаяся ввиду обстоятельств национальная политика большевиков. Возможность создания в рамках РСФСР национальных автономий, безусловно, удовлетворяла запросы многих национальностей. В спорных случаях насущные вопросы могли решаться большевиками за счет русского населения в пользу не пользовавшегося ранее равными правами местного национального населения. Интернационализм советской власти способствовал созданию в РККА многочисленных национальных формирований как из военнопленных и китайских рабочих, так и коренных народов, населявших Российскую империю. Гибкая политика в борьбе с наиболее сильными национальными образованиями привела к созданию многочисленных формально независимых советских республик, вошедших в конечном счете в состав СССР.

Оставшиеся за рамками Советского Союза территории бывшей Российской империи едва ли можно назвать существенными. Попытка расширения революционной войны в Европе во время советско-польской войны показала неготовности Красной армии к большой войне и отсутствие поддержки советской власти большинством поляков. Руководство РСФСР в вопросе экспорта революции, по сути, сделало выбор в пользу сохранения советской власти в стране, не будучи готово к новым столкновениям в отсутствии реальных союзников и начавшего отстраиваться «санитарного кордона» вокруг Советской России.

4. Согласны ли вы с тезисом о том, что лозунг «Единая и неделимая» был одной из причин поражения белого движения в период Гражданской войны. Поясните свой ответ.

Отсутствие единой, а главное, отвечающей реалиям Гражданской войны национальной политики, можно отнести к одной из причин, хотя и не главной, которая привела к поражению Белого движения. Как и во многих других аспектах внутренней политики, непредрешенчество ключевых вопросов устройства государства и его границ вплоть до победы в войне и созыва национального учредительного органа отдавало инициативу в действиях большевикам. Беря власть в свои руки, белые, как правило, воспроизводили аппарат управления и территориальное устройство, существовавшее в Российской империи. Решение сложных проблем, в том числе – национальных, – как правило, откладывалось. Одновременно с этим большевики проводили активное создание национальных автономий, привлекая тем самым на свою сторону определенную часть наиболее активных представителей разных народов. Национальная политика была одной из причин победы советской власти и поражения белых.

5. Какое влияние оказала Гражданская война на процесс создания нового многонационального государства?

Гражданская война оказала ключевое влияние на создание нового государства. Основа национально-территориального деления РСФСР, а затем и СССР сложилась именно в годы Гражданской войны или по ее итогам. Не случайно именно в момент окончания Гражданской войны – в конце 1922 г., после прекращения существования во Владивостоке последней белой власти, претендующей на общероссийскую роль, – было создано новое государство –

Советский Союз. Многие границы между республиками как внутри РСФСР, так и между республиками СССР носили компромиссный характер в силу их условности в рамках одного, единого советского государства, которое к тому же в перспективе могло быть расширено за счет новых республик. Эта ситуация наглядно проявилась уже после распада СССР, когда начался ряд территориальных конфликтов, часть из которых не урегулирована по сей день. Как показала практика, заложенные в национально-территориальном устройстве Советского Союза «бомбы» способны вызывать конфликты и десятилетия спустя после распада единого многонационального государства.

6. Советский Союз, созданный как федерация, быстро стал централизованным государством. Каковы причины и были ли альтернативы такому ходу событий.

Советский Союза с самого начала был обречен на централизацию власти с формальным сохранением федерализма. С одной стороны, этому способствовала ключевая роль большевиков (коммунистической партии), в создании СССР как государства. Именно она и ее идеология были той скрепой, которая держала страну воедино. С другой стороны, построение «санитарного кордона» вокруг Советской России и СССР с самого начала существования и неприятие ведущими мировыми игроками советской модели общественного устройства делали для Советского Союза ставку на собственные ресурсы и централизацию власти единственно возможным курсом. Как показал опыт распада СССР, и первое, и второе условие были обязательными для существования страны. При ослаблении центральной власти и лишения КПСС ведущей роли центробежные тенденции достаточно быстро набрали необратимую силу.

7. Дайте характеристику советскому государству и советскому обществу с точки зрения национального вопроса.

Решение национального вопроса в СССР едва ли имеет аналоги в какой-либо другой стране мира, как в виду уникальности национального состава государства и его масштабов, так и ввиду достаточно широких прав, которыми пользовались республики ССР и АССР, а также населявшие их национальности. Конечно, закрепленное в Конституции СССР право выхода из Советского Союза любой из республик было фикцией при сохранении сильного государства. Но, помимо этого, союзные республики, при всей центра-

лизации власти, пользовались достаточно широкими правами в социально-экономической и национально-культурной жизни. В немалой степени такими правами обладали также автономные республики и области в составах республик СССР.

Наряду с созданием автономных и союзных республик в стране существовала проблема межнациональных отношений. Большинство этих конфликтов уходило столетиями вглубь веков. Некоторые из них приводили к межнациональным столкновениям, вызванным спорными границами или другими претензиями, активно проявлявшимся еще во время существования Советского Союза. С его распадом многие из таких конфликтов перешли из скрытой в открытую форму. Черными страницами стали депортации ряда народов в годы Великой Отечественной войны. При характеристике советского государства и советского общества в отношении как национального, так и других вопросов следует исходить из их непрерывной эволюции на протяжении всего времени существования СССР.

8. По Вашему мнению, Россия выиграла или проиграла от Беловежских соглашений, осуществленных командой Б. Н. Ельцина?

Беловежские соглашение стали, с одной стороны, формой цивилизованного развода между бывшими республиками СССР. Главное их значение, пожалуй, заключается в сохранении мира при распаде Советского Союза, недопущении большой войны, как это нередко происходит при распаде многонациональных государств. С другой стороны, в конечном счете, именно Беловежские соглашения подтвердили отсутствие претензий у российского руководства к существовавшим в СССР территориальным границам республик, многие из которых были созданы или расширены за счет РСФСР. Отсутствие каких-либо претензий к границам республик в рамках единого СССР оставило за рамками Российской Федерации Крымский полуостров, и ряд других территорий, отданных в разные годы и по различным причинам союзным республикам. Большим просчетом команды первого Президента России стало также фактическое отсутствие интереса к защите прав русскоязычного населения в новых национальных государствах. В последующие годы неучет интересов русскоязычного населения привел к многочисленным нарушениям его прав в ряде бывших республик Советского Союза.

9. Оцените шансы на воссоздание в той или иной форме многонационального государства из числа бывших союзных республик СССР. Какие факторы будут способствовать, а какие препятствовать процессам интеграции на постсоветском пространстве?

Прогнозировать возможные интеграционные процессы на территории бывшего СССР крайне сложно. С одной стороны, реальная успешная интеграция уже началась, о чем говорит создание Союзного государства России и Белоруссии, интеграционные процессы внутри которого усиливаются. С другой – многое зависит от итогов проводящейся Российской Федерацией Специальной военной операции на Украине. Очевидно, что ее результаты могут оказать влияние как на территориальное устройство в европейской части бывшего СССР, так и на возможный ход дальнейшего объединения бывших республик. Не менее важен опыт – противостояние России глобальным экономическим санкциями со стороны стран Запада, перестройка и переориентация национальной экономики на взаимодействие с другими странами мира.

10. Открытый вопрос: задайте себе и дайте ответ на любой иной важный, по Вашему мнению, вопрос, связанной с общей темой Вопросника.

— (нет ответа)

В. И. Голдин (САФУ им. М. В. Ломоносова, Архангельск)

1. Дайте характеристику государству и обществу дореволюционной России с точки зрения национального вопроса.

Российская империя в начале XX века представляла собой с точки зрения национального вопроса сложное, разнородное, многоэтническое пространство. По материалам переписи 1897 г., когда учитывались не народы, а языки и наречия, на которых говорили жители империи, их количество составило внушительную цифру – 146[1]. Из 125 млн человек 55,7 млн были великороссами, иначе говоря, русскими, то есть русское ядро империи составляло менее половины ее населения (44,3 %), что уже означало наличие серьезной проблемы для империи. Славянское ядро империи дополняли малороссы (украинцы) – 22,4 млн (17,8 %) и белорусы – 5,9 млн (4,7 %), которые вместе с русскими составляли единую по корневому происхождению славянскую

[1] Рубакин Н. А. Россия в цифрах. М., 1912. С. 37.

группу – 66,8 % населения. Нередко к ним добавляют как славян еще поляков – 7,9 млн (6,3 % населения), но на деле они составляли одну из самых проблемных и протестных национальных групп населения. Второй, после славянской по численности была тюркская группа – 13,6 млн (10,8 %), весьма пестрая и разнородная по составу. Кроме того, в стране насчитывалось 5,1 млн евреев (4,2 %). К финно-угорской группе языков относились 3,5 млн человек (2,5 %). Картвельцы и народы кавказских горцев составляли 2,4 млн. человек, 1,8 % населения[2]. И этот перечень можно продолжить.

Многонациональный состав населения сочетался с его сложным конфессиональным составом. Православную религию исповедовали 69,4 % населения. Второй по численности группой были магометане (мусульмане) – 11,1 % населения, третьей – католики – 9,1 %, четвертой – евреи, исповедовавшие иудаизм, – 4,2 %, за ними следовали протестанты, старообрядцы и сектанты. По переписи 1897 года, было учтено 2,2 млн старообрядцев и сектантов, хотя специалисты считают, что их в конце века насчитывалось не менее 20 млн[3].

Автор намеренно связал национальный состав населения с конфессиональным, ибо идеологической доктриной XIX в. было «Православие, самодержавие, народность». Православие и Российской империи было господствующей религией и официально поддерживалось государством. Российская империя, таким образом, будучи формально поликонфессиональным государством, на деле и по сути была православной империей. В свою очередь, Русская православная церковь считалась главной идеологической и духовной опорой самодержавия. На него работала целая армия православного духовенства. В 1890 году численность белого духовенства составляла 98 551 человек (в том числе 1 858 протоиереев, 40 129 священников, 12 629 диаконов, 43 935 причетников), черного – 14 171 человек (6 865 монахов и 7 306 монахинь)[4]. Впрочем, сама Православная церковь в конце XIX – начале XX вв. переживала серьезный кризис.

К 1914 г. численность населения империи увеличилась, составив 165 млн человек, и число различных народов, входивших в ее состав, оценивалось уже

---

[2] Россия в начале XX века. М., 2002. С. 88–89.

[3] Россия в начале XX века. М., 2002. С. 89–90; Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX в. М., 1904. С. 17; Рубакин Н. А. Россия в цифрах. М., 1912. С. 77.

[4] Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода… за 1890 и 1891 годы. Приложения № 1–2, 4. С. 117–123, 129–137.

в 140. Число русских составляло по-прежнему меньше половины населения, хотя их доля и увеличилась – 48 %, а вот славянская группа в целом (даже с учетом поляков) количественно осталась фактически неизменной, составив 92 млн человек[5], а вот в процентном отношении значительно сократилась. Православные составляли 70,8 %, католики – 8,9 % и мусульмане – 8,7 %[6].

Значительно возросла в это время численность православных священнослужителей: белого духовенства – 112 629 человек (в том числе 3 246 протоиереев, 47 859 священников, 15 035 диаконов, 46 489 причетников), черного – 29 128 человек (11 845 монахов и 17 283 монахини)[7].

В XIX в. власти империи уделяли проблемам национальных окраин и национальной тематике несравненно меньшее внимание по сравнению с другими проблемами, например, крестьянской темой. Это было обусловлено как отсутствием серьезной периферийной конфликтности, так и недостаточным пониманием серьезности этой проблематики. В начале XX в. комплекс различных национальных проблем (тесно взаимосвязанных с социально-экономическими и политическими) выплеснулся наружу, особенно в период Первой российской революции, что было во многом неожиданным для самодержавия, заставляя его размышлять над происходящим и пытаться действовать, предпринимать хотя бы что-то для противодействия различным национальным движениям.

Уже упоминавшаяся ранее идеологическая доктрина империи XIX в. «Православие, самодержавие, народность» сменилась в начале XX в. под воздействием интеграции этносов новым лозунгом – «Единая и неделимая Россия», впервые включенным в Основные законы 1906 г.[8] Имперская власть стремилась к нивелированию этносов и растворению их в единой массе во имя лояльности монархии и законопослушания.

Российская империя была устроена очень сложно, и ее власти свою политику по отношению к национальностям и национальным окраинам проводили в зависимости от многих факторов: от социально-экономического, культурного и

---

[5] Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. I. 1900–1939. М., 2000. С. 117.
[6] Россия в начале XX века. М., 2002. С. 31.
[7] Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Пг., 1916. Приложения № 1–3, 9–10. С. 4–7, 24–27.
[8] Бахтурина А. Ю. Государственная власть Российской империи во взаимодействии с входившими в нее народами // Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства. М., 2012. С. 123.

образовательного уровня населявших ее народов, от региональных особенностей, от уровня притязаний, конфликтности и степени сопротивления и др.

Демонстрируя себя как европейская держава, Россия пыталась выстраивать свои отношения с западными окраинами и народами, здесь живущими, по европейским канонам. Но это далеко не всегда получалось. Наиболее сложным был польский вопрос, ибо поляки никогда не смирялись со своим разделением и стремились воссоединиться, отделившись от России. Другим наиболее сложным вопросом на европейской окраине империи был финляндский. Великое княжество Финляндское обладало известной автономией и наибольшими правами в сравнении с другими национальными регионами и народами империи, но в начале XX в. происходит рост финского самосознания и сепаратизма, и особенно после Первой российской революции. Имперскими властями были предприняты попытки подавления этих тенденций и осуществления русификации, проведения жесткой языковой политики, что встречало соответствующее противодействие. Лишение Финляндии автономии в 1910 г. окончательно усугубило противоречия между финнами и имперской властью.

За исключением Польши и Финляндии другие национальные территории не имели особого статуса государственных образований, а их народы не рассматривались как целостные нации, но входили в состав губерний Российской империи, и в них видели лишь подданных «его императорского величества».

Свою специфику имел еврейский вопрос. Дискриминация евреев выражалась в черте оседлости (хотя и существовали различные способы ее преодоления) и в образовательном цензе. Черта оседлости для евреев была окончательно отменена во время Первой мировой войны, но в этот период евреи были подвергнуты насильственной депортации.

В азиатской части страны (Кавказ, Средняя Азия) черты колониальной политики царизма проявлялись наиболее заметно. С одной стороны, из этих территорий в пользу империи изымались ресурсы, хотя, с другой стороны, считалось, что Россия выполняет там цивилизаторскую миссию и несет туземным народам передовую культуру и образование. Уровень грамотности там, особенно в Средней Азии, был очень низким. Под предлогом «недостаточного развития гражданственности» миллионы трудящихся национальных окраин были лишены избирательных прав.

Обострение национальной проблематики в начале XX в. было во многом связано с модернизационными процессами, урбанизацией, ростом образования и культуры, формированием зачатков гражданского общества, партийности, хотя эти процессы шли очень противоречиво, напряженно и протекали по-разному в различных национальных регионах.

Так или иначе, модернизационные процессы в сочетании с консервативной политикой правительства способствовали формированию националистически настроенных элит, рассматривавших успешное экономическое развитие своих регионов в качестве предпосылки для создания государственности или, по крайней мере, автономии и расширения прав.

Уровень национальных притязаний в Российской империи существенно различался: чем реликтовее был этнос и менее развитыми национальные элиты, тем он был ниже. Степень притязаний возрастала по мере продвижения с юга и востока на север и запад, и была наиболее высокой в Польше, Финляндии и прибалтийских губерниях.

Но, за исключением Польши (Царства Польского), где национальная элита и население стремились к полному суверенитету и независимости, в остальных национальных регионах в дореволюционный период требования не выходили, как правило, за пределы культурно-национальной автономии, и то не везде.

Жесткая централизаторская политика царизма в отношении национальных окраин, проводимая в условиях пробуждения национального и этнического самосознания, роста различных политических движений, складывания политических партий, в том числе национальных, приводила к росту вертикальной конфликтности во взаимоотношениях между имперским центром и национальными регионами. Ущемление прав национальностей в различных сферах – духовной, культурной и конфессиональной, языковая дискриминация, вмешательство в их традиции и обычаи воспринимались все более болезненно, выливаясь как в глухое сопротивление, так и в различные протестные движения и массовые волнения. Затяжной системный кризис включал в себя много компонентов, факторов и процессов – политических, социально-экономических, культурных. Постепенное ослабление самодержавной власти и ее десакрализация, происходившая на фоне и под воздействием поражения в Русско-японской войне, в условиях Первой российской революции и, наконец, в ходе неудачного течения Первой мировой войны усиливали

брожение в национальных регионах, что наиболее ярко выплеснулось в Туркестанском восстании 1916 г. Дальнейшее ослабление и, наконец, крушение имперской власти в ходе Февральской революции неизбежно должны были вызвать и вызвали новый виток национальных движений.

Но, наряду с вертикальной конфликтностью и ее нарастанием, большое значение имел и рост горизонтальной межэтнической конфликтности – межэтнических конфронтаций в сопредельных с инородческими регионах или местах смешанного расселения этносов, а также в губерниях, входивших в черту оседлости, где проявления антисемитизма носили перманентный характер.

Зонами такой горизонтальной конфликтности были, например, пограничье Великого княжества Финляндского с Архангельской, Олонецкой и Санкт-Петербургской губерниями, а также Прибалтика. В Ковенской, Варшавской, Киевской и Бессарабской губерниях наибольшей проблемой был антисемитизм и связанные с ним погромные движения. Зонами высокой конфликтности были регионы Северного Кавказа, где исконной была межнациональная вражда, конфликты и взаимные набеги горцев и казаков. Высоким уровнем конфликтности характеризовалось Закавказье, прежде всего, Бакинская губерния, в несколько меньшей мере – Эриванская и Тифлисская губернии. В Поволжье самыми конфликтными считались Астраханская и Казанская губернии. В Средней Азии и Казахстане конфликтность нарастала в условиях переселения и крестьянской колонизации, поощряемой правительством. Власти видели серьезную опасность и стремились бороться с пантатаризмом, партюркизмом и панисламизмом.

Таким образом, накануне Первой мировой войны в Российской империи отсутствовала продуманная и гибкая национальная политика, власть видела в людях лишь подданных «его императорского величества». Абсолютное большинство национальностей и этносов были лишены возможностей образования и движения к культуре и цивилизованности, а их представители, за редким исключением, возможностей вертикальной социальной мобильности. 75 % взрослого населения империи были неграмотными, а во многих национальных районах этот процент был еще выше. Только 20 народов, из более чем сотни, имели в той или иной степени разработанную письменность.

В стране существовала достаточно сложная национальная и межнациональная ситуация, тлели, периодически возгораясь, очаги межэтнических конфликтов, которые власть чаще всего подавляла силой. Между тем, нацио-

нально-этнический фактор, сопровождавшийся ростом этнонационального самосознания и пробуждением политической активности, грозил для власти серьезной опасностью.

Национальная буржуазия стремилась выторговать у царского правительства уступки и привилегии, а возникшее национально-освободительное движение направить в капиталистическое русло. Проповедь ярого национализма вполне уживалась с верноподданническими чувствами к самодержавию.

По мере постепенного ослабления имперской власти в начале XX века, в условиях нараставших трудностей и поражений Первой мировой войны вертикальная и горизонтальная этнонациональная конфликтность грозила вылиться и, в конечном итоге, мощно выплеснулась наружу в наступившую революционную эпоху, приведя к потрясениям и крушению империи.

2. Объясните причины распада Российской империи. Назовите основные этапы этого процесса.

Распад Российской империи обусловил целый комплекс причин: политических, экономических, социальных, культурных и других, как внутренних, так и внешних. Первая российская революция поставила на повестку дня целый комплекс острых и актуальных проблем, требовавших срочного решения. Неспособность имперской власти сформулировать и объяснить населению программу действий и последовательность решения назревших проблем и провести ее в жизнь во многом предопределила падение режима и крушение империи. Столыпинские реформы потерпели неудачу. Модернизация страны была непродуманной и непоследовательной, во многом усиливая напряженность в обществе.

Катализатором процесса распада империи было неудачное для нее участие в Первой мировой войне. Любая война является серьезным испытанием для страны, общества, власти. Мировая война, тотальная по своему характеру, требовала максимальной концентрации сил и испытывала всю систему на износ. Неудачное для Российской империи развитие военных событий вызывало растущую неудовлетворенность общества властью, вело к ее десакрализации и быстрому нарастанию системного кризиса. Одним из ярких его проявлений в национальной сфере стало восстание летом 1916 г. в Туркестане.

Февральская революция и свержение самодержавия, отречение царя Николая II от престола за себя и за сына в пользу младшего брата великого князя

Михаила Александровича, акт последнего «об отказе от восприятия верховной власти до установления в Учредительном собрании образа правления и новых основных законов государства российского» и наделение на этот период всей полнотой власти Временного правительства фактически положили конец монархическому правлению в России. Деятельность Временного правительства привела к ослаблению государственности, нарастающему кризису во всех его проявлениях и росту, в частности, национальных движений, наиболее сильными из которых были происходившие в Финляндии и Малороссии (Украине).

Объявление России постановлением Временного правительства (точнее Директории) от 1 (14) сентября 1917 г. Российской Республикой означало, по сути, окончательный отказ от имперских традиций и стремление к демократизации в сфере национальных и межнациональных отношений, что, в свою очередь, ускорило центробежные тенденции в стране. Приход большевиков к власти и объявленная ими национальная программа, включавшая в себя и декларацию о праве наций на самоопределение вплоть до отделения, означали и стремление к складыванию новой системы национальных отношений в стране, что было, в свою очередь, связано с надеждой на мировую революция, которая кардинально изменит всю систему международных отношений. Но развернувшаяся Гражданская война и крах надежд на победу мировой революции кардинально изменили ситуацию и заставили большевиков путем проб, ошибок и экспериментов вести национально-государственное строительство в стране, искать оптимальные формы взаимоотношений с населяющими ее народами. При этом первоочередной задачей было выстоять и достичь победы в Гражданской войне.

3. Почему большевики смогли собрать большую часть территорий распавшейся империи и почему не собрали всю?

Ответ на этот вопрос связан с объяснением победы большевиков в Гражданской войне, что было обусловлено целым комплексом причин и факторов (военных, политических, социальных, экономических и др.), связанных как с их сильными сторонами и преимуществами, так и недостатками и слабостями их противников. Это большая тема, которая подробно раскрывается в написанном, по большей части, автором этих строк заключении XII тома «Гражданская война в России. 1917–1922» 20-томной академической «Исто-

рии России», работа над которым заканчивается сейчас, и который планируется к передаче в издательство «Наука» осенью 2022 г.

Поэтому здесь коснемся лишь национальной составляющей, тем более что в состав Советской России не был возвращен ряд именно национальных территорий. Отметим, прежде всего, то, что большевики проводили более гибкую и привлекательную для многонационального населения России национальную политику, действуя где-то достаточно умело средствами убеждения, пропаганды и агитации, обращаясь в первую очередь к национальным низам, но нередко и к части представителей национальных элит, местной интеллигенции, а где-то, если необходимо, применяли и силу. Главные противники большевиков, белогвардейцы со своим лозунгом «Единой и неделимой» ассоциировались со старой имперской Россией, о чем еще пойдет речь в дальнейшем. Учитывая то, что решающую роль для удержания власти правящими кругами, возникших в войну национальных государств, играла внешняя поддержка, лидеры советского государства умело играли на международных противоречиях, чтобы лишить их такой поддержки.

Коснемся конкретных территорий, которые не удалось вернуть в состав России. Это, во-первых, бывшее Царство Польское, которое воссоединилось с другими частями, ранее отошедшими по разделам к Германии и Австро-Венгрии, после поражений этих стран в Первой мировой войне, и в результате осенью 1918 г. было воссоздано независимое и самостоятельное польское государство – Польская республика. Ее руководители осуществляли амбициозную внешнюю политику с лозунгом воссоздания великой Польши от моря до моря, воюя ради этого в 1918–1920 гг. со своими соседями – Украиной, Белоруссией, Литвой, Советской Россией. Решающую роль в исходе противоборства сыграли события советско-польской (или лучше сказать, учитывая, кто был ее инициатором – польско-советской войны) 1920 г., когда Польша в вооруженном противостоянии с Советской России опиралась на всестороннюю поддержку стран Антанты. Исход этой войны известен, что обернулось и утратой Западной Украины и Западной Белоруссии.

Ситуация с Финляндией была существенно иной. Ее будущее было в решающей степени обусловлено исходом Гражданской войны в этой стране в первой половине 1918 г. – она завершилась победой белофиннов при поддержке, в том числе посредством вооруженной интервенции, со стороны Германии. В дальнейшем главной задачей советского руководства было не воз-

вращение территории Финляндии, а недопущение вовлечения ее русскими белогвардейцами и странами Антанты в большую войну с Советской Россией, с одной стороны, а также сведение к минимуму ее недружественных действий и вооруженных рейдов против своих северных территорий, прикрываемых действиями «добровольцев» – с другой.

В результате подписания Тартуского (Юрьевского) мира с Финляндией в октябре 1920 г. Советская Россия вынуждена была уступить Финляндии Печенгскую область и ряд островных и полуостровных территорий в Баренцевом море, но вернула в свой состав три волости в Восточной Карелии, ранее оккупированные финнами. Утрата указанных территорий была суровой платой за мир с Финляндией, что дало основание петербургскому историку А. В. Смолину сравнивать этот мир с Брестским миром 1918 года[9]. Впрочем, отношения Советской России, а затем СССР с Финляндией и в последующие годы и десятилетия оставались напряженными. Печенгская область была возвращена в состав СССР в октябре 1940 г.

Еще одной территорией, которую не удалось вернуть в состав России, была Бессарабия, захваченная Румынией в начале 1918 г. В дальнейшем Румыния активно участвовала в интервенции Антанты в России. Развитие событий на Юге России в годы Гражданской войны было чрезвычайно сложным и напряженным. Поэтому измотанная войной Советская Россия удовлетворилась ликвидацией Южного фронта после разгрома и эвакуации войск генерала Врангеля, не имея сил и возможностей для продолжения противоборства с Румынией и освобождения Бессарабии. Это произошло лишь в 1940 г.

4. Согласны ли вы с тезисом о том, что лозунг «Единая и неделимая» был одной из причин поражения белого движения в период гражданской войны. Поясните свой ответ.

Да, согласен, ибо, как уже отмечалось выше, этот лозунг был идентичен идеологической доктрине Российской империи и воспринимался на национальных окраинах, в том числе правящими элитами новообразованных государств, как возвращение к старым царским порядкам.

---

[9] Смолин А. В. «Новый Брест». Тартуский мир Советской России с Финляндией 1920 г. СПб., 2020.

Именно это приводило к коллизиям во взаимоотношениях Вооруженных сил Юга России с Грузией и горскими народами Северного Кавказа в 1918–1920 гг., а затем войск Деникина с украинской Директорией во время их наступления на Москву летом – осенью 1919 г. То же самое помешало белогвардейским лидерам получить вооруженную поддержку Финляндии в наступлении на Петроград в 1919 г., когда договоренности о сотрудничестве, достигнутые генералом Юденичем и Марушевским в ходе летних переговоров с белофиннами, не были одобрены Верховным правителем адмиралом Колчаком. Ключевым вопросом было признание независимости и границ Финляндии, на что Колчак не пошел, указывая, что это прерогатива Учредительного собрания.

Та же причина воспрепятствовала складыванию тесного военного сотрудничества в борьбе с советской властью между Польшей и генералом Деникиным, а затем его преемником генералом Врангелем. И перечень таких примеров можно продолжить.

К невозможности белогвардейцев наладить сотрудничество с представителями национальных элит следует добавить негативное отношение к ним низов населения национальных окраин, которые воспринимали их политику как стремление реставрировать старые дореволюционные порядки. Не случайно, поэтому появление белогвардейцев и их действия в национальных регионах приводили к столкновению с массовым повстанческим, прежде всего крестьянским движением.

5. Какое влияние оказала Гражданская война на процесс создания нового многонационального государства.

Это влияние было многоплановым. Во-первых, это колоссальные и многообразные потери и ущерб, которые понесли народы национальных окраин в ходе этой войны, ибо через целый ряд из них неоднократно перекатывались ее «волны». Во-вторых, обнаружившаяся колоссальная сложность межнациональных отношений, их высокая и разнообразная конфликтность, множество кровавых межнациональных и межэтнических столкновений (еврейские погромы на Украине; грузино-армянская и армяно-азербайджанская войны в Закавказье; кровавые конфликты между грузинами с одной стороны и осетинами и абхазами с другой; карательные экспедиции, которые грузинское правительство направляло с целью подавления национальных движений в «демократи-

ческой» Грузии; разнообразные кровавые конфликты в Средней Азии и др.) требовали максимальной аккуратности и деликатности в национально-государственном строительстве. Именно поэтому форма федерации, предполагающая равноправие вступающих в нее народов и государственных образований, к которой большевики до революции относились достаточно настороженно, становится основной формой советского национального и государственного строительства, воплотившись сначала в создание Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, потом в образование Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики и, наконец, в создание СССР как равноправного союза советских республик.

Вместе с тем, накопленный кровавый опыт Гражданской войны, происходившие в ходе нее межнациональные и межэтнические конфликты и столкновения надолго впитывались в историческую и культурную память народов. Другой проблемой и сложностью, вытекавшей из опыта войны, была привычка к силовому решению вопросов, к жесточайшей централизации. Еще одна проблема, выявившаяся в военный период, заключалась в попытках форсированного решения национальных проблем, перескакивания через этапы, неучета и неуважения национальных традиций и привычек, особенно духовных и религиозных, отсутствия должной терпимости, толерантности. Лишь со временем и через приобретенный негативный опыт это воплотилось, например, в выражение, что «Восток – дело тонкое».

6. Советский Союз, созданный как федерация, быстро стал централизованным государством. Каковы причины и были ли альтернативы такому ходу событий.

Ответ на этот вопрос будет продолжением размышлений по предшествующему вопросу. Во-первых, несомненную роль в этом сыграла Гражданская война, а до этого еще Первая мировая война, с вынесенными из них привычками к жесткой дисциплине, централизации, консолидации сил и средств ради достижения победы. Это было характерно и для руководителей, и для массовой культуры населения. Помимо этого, несомненно, сказывались традиции и привычки дореволюционной эпохи, традиции имперства, а также жесткая дисциплина и централизм, характерные для большевистской партии, ее лидеров и актива со времен подпольной деятельности в царской России.

К централизму и унитарности в управлении подталкивали и огромные размеры страны, к тому же с очень разнородными в социально-экономическом и культурном отношении регионами и с многонациональным населением, находившимся на разных стадиях исторического развития.

Потребность в централизации и максимальной концентрации ресурсов диктовали и международное положение страны, потребность ее форсированного развития, важность в короткий исторический срок догнать в экономическом и культурном отношении развитые капиталистические страны. Необходимым было и перераспределение ресурсов из сельского хозяйства в промышленность, прежде всего в тяжелую, ради ускоренной индустриализации страны, от более развитых республик, в первую очередь из РСФСР, к менее развитым для ускоренного развития национальных окраин. К тому же следует учитывать, что развитие СССР в межвоенный период происходило в условиях враждебного окружения, угрозы военных конфликтов и большой войны, что требовало и поддержания должной обороноспособности, развития современных военных отраслей производства. В короткие сроки предстояло создать и систему современного образования, в т. ч. высшего, а также науки, в том числе и в национальных регионах.

Несомненную роль играли авторитарные привычки и склонности руководителя страны – И. В. Сталина, игравшего ключевую роль и в национальной политике, учитывая уже накопленный им ранее в годы Гражданской войны опыт работы как наркома по национальным делам.

Все вышеперечисленные факторы делали маловероятными иные альтернативы развития.

7. Дайте характеристику советскому государству и обществу с точки зрения национального вопроса.

С момента своего образования Советская Россия уделяла важное внимание национальному вопросу. Первым документом стала «Декларация прав народов России», принятая уже 2 (15) ноября 1917 г. В дальнейшем был принят целый ряд других документов по вопросам национальной политики, провозглашены равенство и суверенность народов России, гарантировалось свободное развитие национальных меньшинств. Одним из самых привлекательных для национальностей стал выдвинутый еще до революции тезис большевиков о праве наций на самоопределение вплоть до отделения и создания са-

мостоятельных государств. Но когда большевики пришли к власти, в стране и в ее национальных регионах развернулась суверенизация, стремление осуществить самоопределение вплоть до отделения на деле. Столкнувшись с развернувшимся распадом страны, большевики осознали все опасные последствия этого процесса. В результате центр тяжести их политики был смещен на сохранение единства страны и поиски оптимальных форм советского национально-государственного строительства.

Этот процесс шел трудно и посредством проб и экспериментов. Большевики, осознав грозящую опасность распада страны, стали подчеркивать, что самоопределение не фетиш. Так, нарком по делам национальностей И. В. Сталин в докладе на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г. подчеркнул, что «принцип самоопределения должен быть средством для борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма»[10]. Декларировалась идея самоопределения *трудящихся масс* каждой национальности в противовес стремлению противников большевиков отделить контролируемые ими территории от Советской России.

III Всероссийский съезд Советов принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа»[11]. В ней была законодательно определена форма советской государственности: «Советская российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик». Иначе говоря, этот съезд учредил РСФСР как федерацию советских республик. В общих чертах структура государственной власти, взаимоотношения между ее центральными и местными органами были определены в постановлении «О федеральных учреждениях Российской республики»[12].

Вслед за этим развернулся сложный процесс конструирования этой федерации. Конституция РСФСР, принятая 10 июля 1918 г., содержала положение о советах областей, «отличающихся особым бытом и национальным составом», и возможности создавать автономные областные союзы как части РСФСР (ст. 11). Вместе с тем Конституция не определяла национально-

---

[10] Сталин И. В. Сочинения. Т. 4. С. 32.
[11] Образование Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972. С. 22, 35.
[12] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 15. 1918. 13 января. Ст. 215; Городецкий Е. Н. Рождение советского государства. 1917–1918. 2-е изд. М., 1987. С. 308.

государственный состав республики, а в ст. 8 указывалось, что съезд Советов «ограничивается установлением коренных начал федерации Советских Республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном Советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях»[13].

В дальнейшем большевистский подход к национальному вопросу и национально-государственному строительству варьировался от допущения унитарного государства, которому изначально отдавалось предпочтение, до федерации автономий или союза самостоятельных социалистических республик, что воплотилось в создании СССР, который в дальнейшем трансформировался в сторону унитарного централизованного государства. Дальнейшее развитие многонационального государства шло по пути совершенствования национально-государственной структуры и национально-государственных взаимоотношений. Если к началу 1923 г. в стране было 33 национально-государственных и национально-территориальных образования, то к 1937 г. их число возросло до 51. Среди них было 11 союзных республик, 22 автономные республики, 9 автономных областей и 9 автономных (национальных) округов. В дальнейшем число союзных республик в СССР увеличилось до 15, а автономных республик – до 20, менялось и количество автономных областей и автономных (национальных) округов.

Но самостоятельность в виде национального наименования территории была предоставлена лишь нациям. Поэтому из более чем 130 национальностей, населяющих СССР, около 80 не получили никаких национальных образований[14]. В стране сложилось, как уже отмечалось выше, четыре разных вида национально-государственных и национально-административных образований с разными правами: союзная республика, автономная республика, национальная область, национальный округ. В них кроме коренных проживали и другие исторически сложившиеся народы. Такое положение и предоставление отдельным нациям особых прав и особых национально-властно-

[13] Образование Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972. С. 45.

[14] Козьменко В. М., Цай В. И. Эволюция межнациональных отношений и национальной политики В СССР в 1920-х − 1991 г. // Вестник РУДН, серия «История России». 2012. № 2. С. 121.

территориальных претензий заложили, по оценке современных исследователей, мину замедленного действия под национальный вопрос в СССР[15].

Впрочем, до поры до времени межнациональные отношения в СССР не вызывали тревоги и серьезных опасений. В основе национальной политики лежали принципы интернационализма и дружбы народов, оказывалась всемерная поддержка национальностям, и живущие в Советском Союзе граждане чувствовали себя полноправными и защищенными членами могучего и динамично развивающегося государства.

На рубеже 1960–1970-х гг. в СССР было объявлено о создании новой исторической, интернациональной общности людей – советского народа. В 1977 г. была принята новая Конституции СССР, в которой говорилось: «Союз Советских Социалистических Республик – единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма, в результате свободного самоопределения наций и народностей, которые совместно и активно строят коммунизм»[16]. Считалось, что национальный вопрос в СССР решен, и взрывоопасных проблем здесь не существует.

Действительно в области национальных отношений был достигнут большой прогресс, и национальный вопрос в том виде, в котором он достался от Российской империи, был решен, было сделано многое для юридического и фактического равноправия народов, обеспечения их реального динамичного развития. Но объявленная в СССР перестройка всколыхнула и всю национально-государственную проблематику. Выявились имеющиеся здесь противоречия и слабые места. В условиях гласности были подняты многие сложные и болезненные проблемы истории межнациональных отношений и национально-государственного строительства в СССР, что стало во многом основой для собирания и действий националистических и радикальных экстремистских сил. Ослабление центра привело к стремлению к суверенизации на местах. Теория самоопределения, которая лежала в основе конституционно-правовых норм советского государства, стала давать трещины.

Политические лидеры малых народов стали разыгрывать национальную карту с целью получить большие привилегии, а в результате так называемой

---

[15] Котанджян Г. С. Этнополитология консенсуса – конфликта. М., 1992; Вдовин А. И. Российская нация. Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. 2-е изд. М., 1996. С. 156.

[16] Конституция СССР 1977 года. М., 1977.

«революции элит» в условиях новой системы альтернативных выборов в Советы к власти на волне критики прошлого и настоящего и обещаний «светлого будущего» стали приходить оппозиционно-настроенные по отношению к КПСС и союзному Центру национально-радикальные силы. В условиях национального возрождения и даже национальной эйфории они последовательно шли от постановки вопросов о культурно-языковом самоопределении и большей экономической самостоятельности к борьбе за независимость и выход из СССР. В какой-то мере повторялась ситуация 1917 г., но уже применительно к СССР. На местах в различных национальных регионах развернулась волна протестов, демонстраций, беспорядков, этнического насилия.

Дискредитация советского исторического прошлого и современности, социалистической идеологии в СССР легитимизировала действия этнонационалистов в глазах населения и усилила дезинтеграционные процессы в государстве.

В этой ситуации особое значение приобрел закрепленный в советской конституции вопрос о праве выхода советских республик из СССР. В период всевластия КПСС о реальной постановке этого вопроса речи идти не могло. В условиях же ослабления КПСС и отмены нормы Конституции о ее руководящей роли в стране ситуация кардинально изменилась, что и предопределило крах СССР. Принятый Верховным Советом СССР 3 апреля 1990 г. Закон СССР № 1409-I, определявший порядок выхода союзных республик из Советского Союза, уже не соблюдался. Планируемый к подписанию в августе 1991 г. президентом М. С. Горбачевым Союзный договор, предполагавший переутверждение СССР как Союза Суверенных Советских Республик, означал, по сути, фактическую смерть социалистического государства и федерации, а возможная конфедерация вряд ли могла бы остановить последующий распад, который ускорился в результате выступления ГКЧП, запрета КПСС, а затем и Беловежских соглашений.

Все происшедшее, вместе с тем, вряд ли дает право говорить об ущербности и нежизнеспособности СССР и отрицании всех достигнутых в период его существования кардинальных перемен в национальной сфере и очевидных достижений в сфере прогресса наций, народностей и этносов страны, в области национальных, межнациональных отношений и национально-государственного строительства. В результате распада СССР, вследствие социальных и политических катаклизмов, усиленных межнациональными конфликтами, отсутствием воли и способности высшего государственного руко-

водства к выводу страны из кризиса, когда верх, в конечном итоге, взяли центробежные силы, мало кто выиграл, а вот проиграли очень многие, что в полной мере очевидно сегодня.

8. По вашему мнению, Россия выиграла или проиграла от Беловежских соглашений, осуществленных командой Б. Н. Ельцина?

На мой взгляд, здесь не может быть двух мнений, ибо, с одной стороны, распад СССР стал крупнейшей мировой геополитической катастрофой, а с другой стороны, 1990-е годы являлись одной из наиболее драматических и трагических страниц в истории страны, и думаю, что пережившие тот период и живущие сегодня наши современники согласятся с этим. Уже само по себе Беловежское соглашение было незаконным в связи с тем, что 3 апреля 1990 г. был принят уже упоминавшийся Закон СССР № 1409-I, определявший порядок выхода союзных республик из Советского Союза. Кроме того, в ходе всесоюзного референдума 17 марта 1991 г. с участием 80,03 % числа избирателей, граждан СССР 76,4 % высказались в пользу сохранения единства страны в виде федерации[17].

Россия, безусловно, проиграла в результате Беловежских соглашений, ибо даже единственный, по существу, аргумент в пользу ее самостоятельного существования – освободиться от перераспределения своих средств и ресурсов в пользу отстающих в своем развитии республик и использовать их во благо российских граждан, оказался несостоятельным.

Советский Союз в 80-е годы представлял собой самое мощное государственное образование в отечественной истории, оценивался, наряду с США, как сверхдержава не только в военном отношении и с точки зрения развития ВПК, но и экономики в целом, человеческого, образовательного и научного потенциала, способного реализовать любую сверхзадачу, возникавшую в ходе соревнования двух систем. СССР по сравнению со всеми государственными образованиями в отечественной истории, не говоря уже о современности, обладал самым мощным влиянием в мире, осуществляя руководство созданной им социалистической системой, объединявшей вокруг себя и страны социалистической ориентации, и государства, избравшие некапиталистический путь развития, генерировавшего и представлявшего идеи развития и создания общества социальной справедливости, весьма привлекательные в тре-

[17] Известия. 1991. 27 марта.

тьем мире. Но непродуманные реформы, развернувшиеся в период перестройки, привели к результату обратному ожидаемому и распаду СССР.

Автору ранее уже приходилось писать, размышляя о том, что и как происходило в СССР во второй половине 80-х – начале 90-х гг., анализировать эти процессы на объективном и субъективном уровне, объясняя распад Советского Союза[18].

Что касается деятельности команды Ельцина, то спонтанно проведенная Беловежская встреча трех лидеров и достигнутые соглашения, направленные на ликвидацию СССР, нанесли последний удар по стране и привели к ее краху. В Советском Союзе в это время не оказалось уже политических сил и авторитетных лидеров, способных предотвратить его. Впрочем, существует утверждение, что вице-президент РСФСР А. В. Руцкой предлагал президенту СССР Горбачеву арестовать Ельцина, Кравчука и Шушкевича, но тот отмахнулся, сказав, что в январе 1992 г. будет заключен новый союзный договор, что являлось иллюзией. С другой стороны, в это время стало очевидно, в полной мере, что Горбачев неспособен на решительные действия, что было чрезвычайно важно в условиях глубочайшего кризиса. Вся история его деятельности стала историей некоего романтика и декларанта во власти, неспособного стать действительно ответственным и решительным государственным деятелем, отвечающим за вверенную ему страну.

Ельцин же, действуя как таран, в это время решительно доразрушал СССР, декларируя некие идеи о предстоящем постсоветском светлом будущем России. Что получилось на деле, показало его десятилетие во власти в 1990-е гг. Автор этих строк в своей книге, изданной в 2021 г., посвятил этому главу[19]. Если кратко резюмировать, то это был стремительный распад экономики и социальной сферы, падение основных показателей хозяйственной деятельности, уровня и качества жизни россиян, быстрое сокращение численности населения России, преждевременный уход из жизни миллионов россиян, угроза потери суверенитета и контроля над страной в пользу иностранного капитала, разрушение системы образования, науки и культуры, сведение к минимуму влияния и авторитета России в мире.

---

[18] Россия в эпоху реформ и революций. Проблемы истории и историографии. Демонтаж СССР: 1991 год. СПб., 2021. С. 39–51; Голдин В. И. На перекрестках памяти. Архангельск, 2021. С. 125–135.

[19] Голдин В. И. На перекрестках памяти. Архангельск, 2021. С. 406–452.

Обращаясь же к главному ракурсу нашего издания – национальным и межнациональным отношениям, следует подчеркнуть, что 1990-е гг. характеризовались глубоким кризисом в этой сфере в России, а также драматическими и даже трагическими перипетиями на постсоветском пространстве. В России в 1990-е гг. набирал силу процесс суверенизации, когда ряд национальных территорий – прежде всего Якутия, Татария и Башкирия, отказывались осуществлять платежи в адрес федерального центра, но главным и наиболее тяжелым проявлением кризиса были чеченские события, война в Чечне с угрозой распространения ее на весь Северный Кавказ.

Руководство России тщетно искало в эти 1990-е гг. так называемую «национальную идею», которая может объединить страну и ее многонациональное население в условиях неожиданно обрушившихся на него тяжелых испытаний и позволит обозначить хоть какой-то приемлемый вариант развития и видение будущего. Положение специалистов по национальным и межнациональным отношениям в сфере российской науки, а также оказавшихся во власти было в этот период весьма незавидным, ибо высшее российское руководство слабо понимало, что можно и что следует делать в этой сфере. Сужу об этом, в частности, и по общению в 2000-е гг. с известным специалистом в области национальных отношений и государственным деятелем СССР и России В. А. Михайловым, который в 1995–2000 гг. был министром по делам национальностей и федеративным отношениям в российском правительстве. С 1998 г. он возглавлял кафедру национальных и федеративных отношений, переименованную позднее в кафедру национальных, федеративных и международных отношений Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Совершенно парадоксальным выглядит сегодня ставшее ныне хорошо известным общение министра иностранных дел России А. В. Козырева с американцами, в котором уже не они его, а он спрашивал их, каковы должны быть российские национальные интересы. Лишь в 2000-е гг. и в дальнейшем уже новое российское руководство стало реально формулировать национальные интересы страны и стремиться к обеспечению своей внутренней и внешней безопасности, что, в конечном итоге, и привело к нарастающему конфликту с Западом, достигшему в последние годы и сегодня наивысшей стадии.

9. Оцените шансы на воссоздание в той или иной форме многонационального государства из числа бывших союзных республик СССР. Какие факторы будут способствовать, а какие препятствовать процессам интеграции на постсоветском пространстве?

Шансы здесь невелики. Реально речь может идти лишь о неких перспективах трансформации союзного государства России и Белоруссии и Евразийского экономического союза. Но и в том, и в другом случае много проблем. Начнем с того, что Россия как традиционный в прошлом собиратель земель должна действовать в данном случае не только и не столько силой, сколько быть привлекательной с точки зрения имиджа своего настоящего и возможного будущего, ее конкурентоспособности. В этом отношении говорить о привлекательности и притягательности современной России в качестве объединителя для других стран с точки зрения уровня развития и качества ее экономики, науки, образования, инноваций достаточно сложно.

Казалось бы, наиболее близкой для России могла бы быть Белоруссия, но реалии развития союзного государства более чем скромные, да и особых перспектив не предвидится, и причины здесь самые разные.

Еще более проблемными видятся перспективы развития Евразийского экономического союза. Интерес партнеров России видится, прежде всего, в том, чтобы в результате этого сотрудничества получать от нее какие-то преференции, прежде всего экономические. Существующие перспективы развития предполагают постепенное развитие сотрудничества, повторяющее, по сути, путь, пройденный Европейским союзом, на шесть с лишним десятилетий от торгового к экономическому объединению, а в дальнейшем к формированию общего внутриполитического и внешнеполитического пространства с созданием, в конечном итоге, наднациональных органов. Но вряд ли руководители стран-участниц ЕАЭС согласятся пойти в перспективе на углубленное сотрудничество, охватывающее разные сферы, и воссоздание в той или иной форме многонационального единого государства. Маловероятно, что в этом будут заинтересованы и представители национальных элит.

Кроме того, республики, входившие в состав СССР, объединяли единство цели развития, общность политических идей, коммунистическая перспектива, а у государств, входящих в состав ЕАЭС, общности такой цели и политико-идеологических взглядов нет, что делает создание в перспективе единого многонационального государства маловероятным. Политическую обстановку

в этих странах нельзя признать стабильной, что делает вероятным смену политических режимов и приход к власти сил, которые не будут заинтересованы в сотрудничестве с Россией или в углублении этого сотрудничества.

Помимо всего прочего, страны, входящие в состав ЕАЭС и их экономики, в разной степени, но находятся в тесной взаимосвязи и нередко в зависимости от стран Запада, которые будут всячески препятствовать развитию их связей, сотрудничества и интеграции с Россией.

Помимо всего прочего, а возможно, что это и самое главное, для объединения нужны привлекательные идеи как для лидеров действующих сегодня государств, так и для их населения. При создании СССР такими идеями были коммунистические, а сегодня таких привлекательных для объединения идей, в том числе политических, просто нет.

10. Открытый вопрос: задайте себе и дайте ответ на любой иной важный, по Вашему мнению, вопрос, связанной с общей темой Вопросника.

100 лет СССР и 30 лет без СССР – исторические уроки и современность.

Россия на протяжении всей своей истории пыталась выступать в качестве объединителя славянских и иных приграничных к ней территорий. Но для этих процессов были характерны различные циклы, когда доминировали то центростремительные, то центробежные процессы. В XX век Российская империя вступила, имея самую большую территорию во всей своей государственной истории. Но нараставший в начале XX в. кризис, переросший в системный и охвативший, в том числе, сферу национальных и межнациональных отношений, а также углубившийся в результате неудачного течения Первой мировой войны, привел к революционным взрывам и краху Российской империи.

Центробежные тенденции, набиравшие силу, привели к образованию на постимперском пространстве в период вспыхнувшей и разгоравшейся Гражданской войны множества различных государственных образований. Две главные противоборствовавшие в войне силы – советский лагерь и Белое движение предложили свои проекты и программы собирания страны. Более привлекательным оказался советский проект, гарантировавший нациям право на самоопределение вплоть до отделения и создания независимых государств, декларировавший принцип пролетарского интернационализма, с од-

ной стороны, и собирание их под эгидой федерации с социалистическим императивом развития – с другой.

Ход и исход Гражданской войны привели к победе Советской России, а одним из ее результатов стало создание на I Всесоюзном съезде Советов Союза Советских Социалистических Республик как федеративного объединения четырех советских союзных республик, каждая из которых считалась суверенным государством. В ходе последующего развития и национально-государственного строительства их число увеличилось до 15. Но федерация оказалась во многом декларацией, ибо на деле сложилось централизованное государство, и вся полнота власти оказалась в руках центральных государственных органов, находившихся в Москве, а все возникавшие спорные вопросы и противоречия разрешались во многом в партийном порядке, ибо все коммунистические организации союзных республик входили в состав всесоюзной коммунистической партии – ВКП(б)–КПСС, и союзные республики объединяла общность политико-идеологических воззрений и главная цель – строительство социализма и коммунизма.

За годы существования СССР был достигнут колоссальный прогресс в развитии союзных республик, всех народов, национальностей и этнических групп: их экономики, социальной сферы, культуры, образования и науки. Основополагающими принципами их отношений являлись не только декларируемые, но и реализуемые на деле: пролетарский интернационализм, всесторонняя помощь более развитых народов и республик и, прежде всего, СССР и русского народа менее развитым народам, национальностям и этническим группам, перераспределение ресурсов в пользу их развития, а также принцип дружбы народов.

Уже в межвоенный период были достигнуты глубокие изменения в развитии национальных и межнациональных отношений, разрешены спорные вопросы, вызывавшие кровавые конфликты, во многом преодолены коллизии и конфликты, существовавшие в них ранее, в том числе в годы Гражданской войны. В ходе развития страны, в целом, были созданы новые экономика, культура, наука, образование, система социальных отношений. Именно это, а также новые сложившиеся межнациональные отношения позволили СССР добиться победы в Великой Отечественной войне, несмотря на ее тяжелое начало, и внести решающий вклад в победу и спасение человеческой цивилизации от угрозы фашистского порабощения.

Послевоенные десятилетия характеризовались высокой динамикой развития и тем же перераспределением средств, прежде всего из РСФСР, в пользу других республик и народов, в результате целый ряд показателей экономического, культурного, образовательного развития там оказался более высоким, чем у русских и других граждан, живущих в указанной республике.

Вместе с тем, в 70–80-е гг. на повестке дня в СССР оказался ряд серьезных вопросов, связанных с потребностями модернизации страны в условиях нового этапа научно-технической революции, важности решения социальных задач, повышения уровня и качества жизни населения. Но программа реформ не была продумана, а заданный императив критического осмысления советского исторического прошлого и его наследия сквозь призму критики сталинизма и вера в спасительные рецепты развития рыночной экономики привели к росту антисоциалистических тенденций в различных сферах жизни страны.

Лозунги гласности и демократии, критическое переосмысление исторического прошлого, обращение к сложным страницам его межнациональных отношений со стремлением часто сыпать соль в старые и, казалось бы, уже зажившие раны наряду с ослаблением централизованного руководства привели к обострению межнациональных отношений, появлению и росту конфликтов в этой сфере.

Отмена 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС и принятие Декларации о государственном суверенитете СССР в первой половине 1990 г. означали нанесение двух тяжелых, а по существу, смертельных ударов по СССР, что наряду с избранием Б. Н. Ельцина председателем Верховного Совета РСФСР, а затем и президентом РСФСР и группированием вокруг него антисоциалистических сил во многом предопределило доминирование центробежной тенденции, которая охватила ряд союзных республик, а затем и Советский Союз в целом. Беловежские соглашения стали последним толчком, вызвавшим крах, распад СССР и образование на его месте 15 независимых государств.

Наступил цикл не только распада СССР, но через суверенизацию и так называемые ельцинско-гайдаровские «реформы» та же угроза нависла и над Российской Федерацией. Изменения в ее государственном руководстве на рубеже веков позволили прервать эту тенденцию. Последующий период характеризовался ростом центростремительных тенденций в России, возвращением в ее состав Крыма и объединением вокруг нее ряда государств, ранее входив-

ших в состав СССР. Возвращение в состав России Крыма в результате проведенного здесь референдума, всесторонняя помощь Донецкой и Луганской республикам, в том числе проведение специальной военной операции на Украине, создание Евразийского экономического союза знаменовали собой новые объединительные тенденции на постсоветском пространстве. Но все это столкнулось с сильнейшим противодействием со стороны стран Запада, пакетом антироссийских санкций, принятых и проводимых в последние годы.

Серьезным вызовом для современной России является массовая миграция с постсоветского пространства, как трудовая и относительно кратковременная, с возвращением современных гастарбайтеров на родину, так и связанная с переселением представителей других наций с семьями в российские города и создание там своих корпоративных объединений.

Примером возможных будущих осложнений и коллизий является развитие ситуации в последние годы в передовых и наиболее привлекательных для мигрантов странах Европы (Германия, Франция, Бельгия и др.). Здесь, в частности, возникли неконтролируемые властями анклавы, в них боится появляться полиция, и они становятся рассадниками терроризма, проституции, наркомании и т. п.

Интересную тенденцию демонстрируют опросы последних лет в отношении СССР. Растет доля тех, кто сожалеет о распаде страны. Ныне это примерно две трети опрошенных. Это связано с чувством сожаления о потере принадлежности к великой и могучей стране, стабильности, социальной справедливости и уверенности в завтрашнем дне. 37 % указывают на возросшее взаимное недоверие и ожесточенность. Опрашиваемые нередко сожалеют и о том, что лейтмотив дружбы народов, который был одним из ключевых в советское время, нередко уходит на второй план сегодня. Согласно исследованию «Левада-Центра» «Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе в российском общественном мнении» 75 % россиян считают, что советская эпоха была лучшим временем в истории страны, и не согласны с этим только 18 %[20].

Так или иначе, современная Россия, являющаяся, как и ранее, полиэтническим пространством, где проживают представители многочисленных народов,

[20] URL: www.vedomosti.ru; wciom.ru (дата обращения:10.09.2022).

национальностей и этнических групп, требует самого внимательного отношения властей и общества к национальным и межнациональным проблемам.

Таким образом, Россия находится сегодня на переломном и судьбоносном рубеже в своем развитии, что в полной мере относится и к национальным и межнациональным отношениям. Внимательное отношение к этой тематике и своевременное решение возникающих в этой сфере проблем и предотвращение возможных конфликтов на российском и постсоветском пространстве чрезвычайно важно с точки зрения современности и будущего России. Уроки прошлого, особенно в такой сложной и деликатной сфере как национальные и межнациональные отношения, требуют понимания и учета, памятуя строки: «Осторожно с прошлым, осторожно, не разбейте глиняный сосуд».

Важнейшим условием существования России является уяснение уроков распада Российской империи, а затем и СССР в XX веке, тем более что угрозы и опасности существуют и сегодня. Они коренятся не только в усилиях коллективного Запада, направленных на ликвидацию Российской Федерации, осуществление раскола ее на целый ряд независимых государств, где ставка во многом делается на розыгрыш национальной карты, обострение национальной и межнациональной конфликтности в стране. Особое значение при этом приобретают трактовки исторического прошлого, где всегда можно найти и умело препарировать темы, которые вызовут обострение национальных отношений, и этому необходимо вовремя давать компетентные и квалифицированные ответы, доказывающие необходимость дружбы народов и межнационального мира. Важнейшей задачей является развитие патриотических чувств населения.

Риски могут иметь место и в поведении национальных элит, политических, деловых (действующих в сфере бизнеса) и духовно-религиозных, их амбициях и стремлении сыграть на национальных чувствах, национальном самосознании населения в своих интересах.

Серьезной проблемой являются существующие различия в уровне и качестве жизни, занятости населения в целом ряде национальных регионов, больших разрывах между доходами людей во власти и рядовых тружеников. Актуальной проблемой является борьба с коррупцией во власти, нередко вызывающей стихийные выбросы недовольства населения в национальных регионах. Нельзя сбрасывать со счетов культурную, языковую и религиозную проблематику. Властям важно не допускать территориальных межнацио-

нальных конфликтов, быть очень внимательными при решении возникающих административно-территориальных и пограничных вопросов. Надлежит знать и уважать культурные и религиозные традиции, последовательно и грамотно заниматься вопросами межнациональных отношений.

Икэда Ёсиро (Токийский университет, Япония)

1. Дайте характеристику государству и обществу дореволюционной России с точки зрения национального вопроса.

Характеристику государства и общества России можно изложить так: в течение XVIII в. сложились основные черты государственного управления, в котором, наряду с сословием, вероисповеданием и регионом, национальность служила одним из главных критериев администрирования населения. Эти категории существовали не отдельно, а представляли собой сочетание слоев. Сортируя подданных юридически и управленчески по этим категориям, имперская власть регулировала взаимные отношения между разными группами населения, дискриминируя одну и защищая другую в каждом отдельном случае. Главной целью этой регуляции являлось сохранение стабильности империи.

Общество также формировалось по этой линии. Юридические и управленческие категории содействовали установлению тех рамок, с помощью которых жители истолковывали свое место в политической иерархии и развивали свою идентичность.

Данная ситуация начала меняться после Великих реформ. Развитие городов и промышленности и активизация интеллектуальной жизни верхних слоев населения привели, помимо всего прочего, к стремлению части из них иметь общесословные учреждения в политической и общественной жизни. К началу XX в. это стремление приобрело разные направления у великорусских общественных деятелей, с одной стороны, и у нерусских интеллектуалов на окраинах, с другой стороны. По вопросу идентичности каждого жителя империи первые видели главнейшую задачу в создании общеимперского гражданства, а вторые подчеркивали важность обеспечить его этническо-национальным правами, хотя они также поддерживали создание общеимперского гражданства.

2. Объясните причины распада Российской империи. Назовите основные этапы этого процесса.

Если бы Николай II дал Думе, учрежденной в 1906 г., проводить законодательную деятельность без административного стеснения, представители разных регионов империи могли бы найти общий язык для создания многонационального сообщества, основывающегося на общем гражданстве и обеспечивающего области с особыми условиями жизни культурной автономией. Однако царь не дал Думе пойти по этому пути, сохранив по сравнению с ней доминирующее положение правительства. Имперская власть продолжала проводить в жизнь регулирование взаимоотношений между группами населения, которое было указано в ответе на первый вопрос, но ввела новый акцент – предоставление приоритета интересам «русских». Этот новый курс обострил национальные противоречия в империи, и без того уже возросшие из-за политизации повседневной жизни в связи с революцией 1905 года и введением парламента.

Однако одного лишь обострения национальных противоречий было недостаточно, чтобы предопределить падение империи. Оно стало реальным лишь в условиях Первой Мировой войны. Тотальная война ускорила развитие национального самосознания разных народов России (подобное явление случилось также в Габсбургской, Германской и других империях). Такое развитие проходило через формирование национальных войск, создание национальных организаций для содействия военным усилиям, опыт изгнания из родной местности жителей прифронтовых территорий, формирование национальных организаций для помощи беженцам и обещание правительств дать территориальную автономию ряду народов в обмен на сотрудничество в военных и мобилизационных действиях. Связанная с возможностью разрушения имперских цепей, такая ситуация увеличила надежду деятелей окраин на национальную самостоятельность. Сама Февральская революция в Петрограде не явилась результатом активизации национального самосознания народов в империи, но развитие событий на окраинах России после падения царизма проходило именно на основе этой активизации. Временное правительство, составленное из общеимперских политических деятелей – и либералов, и социалистов, не могло оперативно реагировать на требования ряда окраин обновить Россию на основе федерации. Низвергнув Временное правительство,

Октябрьская революция дала окраинам окончательный толчок отсоединиться от имперского центра.

Итак, основными этапами процесса распада Российской империи являются: 1) революция 1905 года и введение Думы, политизация национального сознания населения, 2) Первая Мировая война, усиление политизации национального сознания населения, 3) Февральская революция, замедленная реакция Временного правительства на требование окраин на федерацию и автономию, и 4) Октябрьская революция, упразднение имперского центра.

3. Почему большевики смогли собрать большую часть территорий распавшейся империи и почему не собрали всю?

Главной причиной успеха большевиков в собирании нерусских земель является то, что они активно употребляли такой институт, как автономия. Это позволило им заключить временный военный и политический союз с лидерами национального движения ряда окраин. Иными словами, большевики умело адаптировали для своей цели идею автономии, которая была предметом горячей дискуссии в политике и науке дореволюционной России.

Что касается тех частей бывшей империи, которые большевики не смогли собрать, в решении их судеб главную роль сыграли два фактора – их собственная военная мощь и содействие других держав. Для Польши и Финляндии первый фактор был важнее второго, а для стран Прибалтики – второй важнее первого.

4. Согласны ли вы с тезисом о том, что лозунг «Единая и неделимая»» был одной из причин поражения белого движения в период Гражданской войны. Поясните свой ответ.

Согласен. Колчаку не удалось установить сотрудничество с Финляндией из-за его непризнания независимости последней. Подобным же образом пренебрежительное отношение окружения Юденича к независимости стран Прибалтики не помогло ему установить хорошие отношения с их правительствами. Иным лидерам национальных движений большевики казались лучшими врагами. Так, министр иностранных дел Горской Республики Гайдар Бамматов писал в письме от 17 февраля 1919 г. председателю своего правительства: «Конечно, нет сомнения, что большевики права на самоопределение в действительности не признают, но в социальном вопросе они шире всех других и среди всех мыслимых в России правительств они наиболее для

нас реальны. Так как они не станут воссоздавать единую неделимую Россию – святую Русь. Если бы в результате нашей борьбы за независимость нам пришлось бы попасть под русское иго, конечно, мы должны поддерживать наиболее радикальные элементы, поэтому, я полагаю, что нам не следует преувеличивать нашей ненависти к большевикам, а наоборот, искать с ними путей примирения (...)»[1].

5. Какое влияние оказала Гражданская война на процесс создания нового многонационального государства?

Обстановка гражданской войны привела к тому, что присоединение нескольких регионов к большевистскому режиму получило характер чисто военного завоевания. Это относится, прежде всего, к Грузии. Также методы управления в новом многонациональном государстве в целом были сильно военизированы.

Кроме того, можно утвердить, что Гражданская война в России была частью «большой» Первой Мировой войны, которая завершилась, как мне представляется, лишь в 1921 г. с окончанием Советско-Польской войны. В связи с этим процессы распада и переформирования Германской, Габсбургской и Османской империй переплелись с рождением советского многонационального государства, оказывая известное влияние на определение его состава. Так, Армении пришлось советизироваться из-за военной угрозы со стороны войск новорожденной Турции, а Восточная Галиция (Западно-Украинская Народная Республика) осталась не связанной с украинской землей ввиду военных действий новорожденной Польши.

6. Советский Союз, созданный как федерация, быстро стал централизованным государством. Каковы причины и были ли альтернативы такому ходу событий.

Причина рождения СССР как централизованного государства заключалась в том, что РКП(б), являвшаяся ядром новой федерации, имела строго централизованную структуру. Поэтому мне трудно предполагать возможность альтернатив реальному ходу событий.

---

[1] Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.) и Горская Республика (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Издание второе, исправленное и дополненное. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2013. С. 140.

7. Дайте характеристику советскому государству и советскому обществу с точки зрения национального вопроса.

Замечательным нововведением Советского многонационального государства явилась «автономная республика». Это гибридное устройство, соединявшее наследие имперской идеи (автономию) с республиканизмом. Данный инструмент помогал большевикам интегрировать нерусские части бывшей империи через автономию, в то же время, воспитывая из вчерашних подданных новых политических субъектов – граждан – через республику. Хотя главными единицами СССР были не автономные республики, а союзные республики, последние также, в сущности, были «автономными», поскольку их суверенность была существенно ограничена. Вообще говоря, СССР возник как переформированная Российская империя, модернизированная посредством такого особого устройства, как «автономная республика». Поэтому я хочу назвать СССР империей автономных республик. Добавлю, что я считаю СССР империей, имея в виду, что власть в нем не основывалась на согласии народа, которое осуществляется, помимо всего прочего, через свободные выборы.

8. По Вашему мнению, Россия выиграла или проиграла от Беловежских соглашений, осуществленных командой Б. Н. Ельцина?

Лучше было бы, если СССР переродился бы в подобие новой федерации или конфедерации, в которой национальные отношения координируются демократично. Однако, к концу 1991 г., после провала августовского путча, ход событий шел к окончательному распаду многонационального союза. Правда, в окружении Ельцина были и сторонники обновления союза, но большинство населения РСФСР, видимо, поддержало Беловежские соглашения. С этой точки зрения можно считать, что данные Соглашения лишь сделали неизбежный шаг. Вообще мне представляется, что здесь «Россия выиграла или проиграла?» – это не подходящая постановка вопроса. Случилось то, что было неизбежно, и все.

9. Оцените шансы на воссоздание в той или иной форме многонационального государства из числа бывших союзных республик СССР. Какие факторы будут способствовать, а какие препятствовать процессам интеграции на постсоветском пространстве?

На этот вопрос хочу ответить так – не обязательно представлять новое многонациональное государство в такой форме, где основная единица явля-

ется государством. Децентрализация каждого государства и составление нового союза не из государств, а из самостоятельных регионов – такова желательная перспектива, хотя ее реализуемость – маленькая.

10. Открытый вопрос: задайте себе и дайте ответ на любой иной важный, по Вашему мнению, вопрос, связанной с общей темой Вопросника.

Был ли шанс на преобразование Российской империи на федеративной основе еще до создания СССР?

Был. Если бы Временное правительство гибко реагировало на требование представителей окраин о федерализации России, то в 1917 г. возникли бы некие Соединенные Штаты России. Такое переформирование бывшей империи крепче бы сплотило народы России. Ответственность за нереализацию этого пути истории несут, во-первых, кадеты, которые, будучи сторонниками единого государства (за исключением Финляндии), руководили и Временным правительством первого состава, и Юридическим совещанием весь период его существования. Во-вторых, меньшевики и эсеры как главные силы коалиционных правительств также были ответственны за это. В особенности это касается эсеров, которые были сторонниками федерализации России, но не настаивали на ее осуществлении до открытия Учредительного Собрания. Таким образом, 1917 год стал роковым годом в судьбе бывшей Российской империи как многонационального пространства.

В. И. Меньковский (БГУ, Минск)

1. Дайте характеристику государству и обществу дореволюционной России с точки зрения национального вопроса.

Дореволюционная Россия и формально, и реально была империей. Соответственно при ее характеристике мы исходим из имперских категорий. Употребленная в XIX в. характеристика – «тюрьма народов» представляется наиболее адекватной. Характеристика, применимая не только к Российской империи, но в целом к империи как геополитическому явлению. В российских реалиях «великоросская» власть создавала и использовала властные структуры как «центра», так и национальных окраин для контроля над «инородцами», не создавая реальных равных возможностей для различных этнических и национальных групп.

2. Объясните причины распада Российской империи. Назовите основные этапы этого процесса.

Если не впадать в разного рода конспирологические объяснения, столь популярные сегодня, причины очевидны – время империй прошло. Если в XX в. распались все империи, почему Россия должна быть исключением? Не заговоры отдельных лиц, не «мировая закулиса», а логика истории определила процесс распада. Попытки противостоять этой логике, противодействовать естественному стремлению людей и наций к свободному самостоятельному существованию не могут сохранить империю, но приводят к человеческим жертвам, гуманитарным катастрофам, крови и страданиям.

3. Почему большевики смогли собрать большую часть территорий распавшейся империи и почему не собрали всю?

Российские национальные окраины были неоднородны, находились на разных стадиях экономического, политического, культурного развития. Разной была и степень национального самосознания. В каждой точке российского пространства было различное сочетание многих факторов, влиявших на взаимоотношение большевистского «центра» и окраинных структур власти. Безусловно, были общие факторы, конгломерат постимперских территорий можно рассматривать как регион, но все-таки ответ надо давать по каждой конкретной территории.

4. Согласны ли вы с тезисом о том, что лозунг «Единая и неделимая» был одной из причин поражения белого движения в период Гражданской войны. Поясните свой ответ.

Согласен. «Белое движение» во многих своих проявлениях было «движением в прошлое», базировалось на идее реставрации того режима, той системы, которые не отвечали интересам большинства. Национальной программы не имел никто из лидеров реставрационного проекта, а практика белой власти была имперской.

5. Какое влияние оказала Гражданская война на процесс создания нового многонационального государства.

Гражданская война позволила победителям включить в арсенал методов «национального строительства» силовой компонент. Красная армия стала тем аргументом, который во многих случаях на национальных территориях

становился решающим в момент выбора формы государственности и направления нациестроительства. Красная армия, созданная в условиях гражданской войны, и после ее окончания рассматривалась как инструмент мировой революции, создания всемирного союза советских республик.

6. Советский Союз, созданный как федерация, быстро стал централизованным государством. Каковы причины и были ли альтернативы такому ходу событий.

С нашей точки зрения, точнее было бы говорить, что Советский Союз был провозглашен как федерация. Реальности централизации / федерализации практически не менялись на протяжении советской истории. Короткие периоды «коренизации», «национализации» (например, «белорусизации», «украинизации») не меняли принципиально отношений зависимости местных и центральных органов власти. Провозглашенные федеративные принципы (в том числе право на выход из Союза) стали наполняться реальным содержанием лишь в конце 1980-х гг. Однако вследствие распада союзного государства они так и не были реализованы.

7. Дайте характеристику советскому государству и советскому обществу с точки зрения национального вопроса.

Как советское государство, так и советское общество менялись на протяжении своей недолгой истории. Если попытаться найти общие черты 70-летнего периода, их характеристика может быть дана в сравнении с имперской Россией. И эта характеристика будет выигрышной для Советского Союза по сравнению с Россией. Советская государственная национальная политика была далеко не идеальной, но значительно более прогрессивной, чем имперская.

8. По Вашему мнению, Россия выиграла или проиграла от Беловежских соглашений, осуществленных командой Б. Н. Ельцина?

Это решать россиянам. А в отношении других новых независимых государств – решать гражданам этих государств. Худшее в современной ситуации заключается в желании вмешиваться в жизнь соседей и решать за них, «что такое хорошо, и что такое плохо».

9. Оцените шансы на воссоздание в той или иной форме многонационального государства из числа бывших союзных республик СССР. Какие факторы будут способствовать, а какие препятствовать процессам интеграции на постсоветском пространстве?

На территории бывшего Советского Союза (бывшей Российской империи) сочетаются центростремительные и центробежные тенденции. В нынешней ситуации невозможно адекватно оценить, какие из них окажутся преобладающими, и сохранится ли этот регион как «постсоветское» или «постимперское» пространство. С уверенностью можно говорить лишь о неизбежной кардинальной трансформации региона.

10. Открытый вопрос: задайте себе и дайте ответ на любой иной важный, по Вашему мнению, вопрос, связанной с общей темой Вопросника.

Определение степени важности какой-либо из составляющих «советского феномена» зависит как от объективных факторов, в данном случае – исторических фактов, так и субъективной позиции ученого-историка, на которого влияет современность, властный дискурс, состояние профессиональной корпорации. Поэтому для меня самый важный вопрос – это *соотношение истории как науки* (если мы признаем историю наукой) *и исторической политики в оценке советского прошлого*. Рассмотрению этого вопроса посвящена отдельная статья, опубликованная в данном сборнике.

Ю. С. Пыльцын (ЕДС, Екатеринбург)

10. Открытый вопрос: задайте себе и дайте ответ на любой иной важный, по Вашему мнению, вопрос, связанной с общей темой Вопросника.

Национальный вопрос на Северном Кавказе – как он повлиял на ход гражданской войны на Юге России?

В любой войне, а в Гражданской особенно, существенной задачей является «перетянуть» на свою сторону население тех или иных областей или, во всяком случае, сделать его нейтральным. На национальных окраинах часто приходилось делать выбор: а кого поддержать? На кого опереться? Кого сделать союзником, и, как следствие этого, кого получить в противники? На Северном Кавказе все было еще сложнее. Там не было жесткой дихотомии: «русские – кавказские горцы». Среди самих русских был раскол на казаков и

иногородних, у горцев осетины не ладили с ингушами… И красным, и белым «наместникам» со стороны было тяжело разобраться в таком сложном переплетении интересов и взаимных обид. Но все же определенный вывод мы можем сделать – Южнорусское белое движение А. И. Деникина опиралось на казаков, иногородних горожан (и, отчасти, осетин). Как результат – почти все русское население служит в Вооруженных Силах Юга России. Большевики, еще с 1918 г. делают ставку на горцев. Как результат – восстания в тылу А. И. Деникина.

Почему некоторые народности на Кавказе получили статус автономных республик, а некоторые – союзных? Как это связано с общей национальной политикой большевиков?

Вопрос: почему некоторые народности получили статус автономий, а некоторые – союзных республик во многом связан не просто с национальной политикой большевиков, а с изменением фронтов Гражданской войны. К тому же, нужно отметить, что и сами административные границы часто менялись. Но неизменным оставалось одно – граница по Кавказскому хребту. Все, что было севернее относилось к РСФСР, а что южнее – было союзными республикой (или республикой, если вспомнить ЗСФСР). Чем это объяснить? Территории Северного Кавказа были заняты армиями А. И. Деникина и были заняты в 1920 г. Закавказье – к 1920 г. представляло собой де-факто независимые государственные образования. Борьбу с Белым движением большевики рассматривали как борьбу с внутренней контрреволюцией на территории РСФСР. А вот советизация Закавказья рассматривалась большевиками как «интернациональная помощь» трудящимся соседних стран. После того как советизация состоялась, «понижать» независимые государства до статуса всего лишь автономных республик было совсем не солидно и могло привести к обвинению большевиков в «империализме» и в том, что они действуют так же, как и Российская Империя.

Нужно также учитывать, что в начале 1920-х гг. большевики жили уверенностью в скором начале мировой революции и создании «земшарной» республики советов, и сам СССР мыслился как такая республика в миниатюре. Поэтому, чем больше формально независимых государств будет входить в этот Союз – тем лучше, тем солиднее (этим и объясняется, например, то, что на территории Средней Азии было создано целых пять союзных республик, вместо двух Народных республик и автономий). В дальнейшем раздел

по Кавказскому хребту не подвергался сомнению, менялись лишь границы автономий, появлялись новые союзные республики (Грузинская ССР, Армянская ССР и Азербайджанская ССР).

И на Северном Кавказе, и в Закавказье мы видим одни и те же проявления советской национальной политики – создание автономных республик в союзных по типу матрешки (Абхазская АССР в ГрузССР, Нахичеванская АССР в АзССР), частые (особенно на Северном Кавказе) изменения границ автономий, – связанные не столько с интересами определенного этноса, сколько с сиюминутными политическими интересами. Эта политика без особых изменений действовала до конца существования СССР.

Можно или назвать казачество – пострадавшей стороной ленинской национальной политики?

Думается, с полным правом это можно сделать. Границы казачьих областей были существенно урезаны в пользу других областей или национальных (союзных) республик, многие казаки были подвергнуты физическому выселению.

Сравнение национальной политики Белого движения и Советской республики – какая оказалась эффективной?

Велик соблазн сказать – советская, так как в конечном итоге Советская власть победила в Гражданской войне. Однако, на наш взгляд, национальную политику стоит рассматривать в комплексе с другими мероприятиями (пропаганда, социальные реформы, решение аграрного вопроса и т. п.) и особенно ходом военных действий. Так, в 1918 г., когда Советская власть представлялась единственной силой, способной разрешить национальный вопрос в крае, ее признали и казаки, и национальные группы Кавказа. Однако национальная политика большевиков привела к массовому восстанию терских казаков, и когда на границах Терской области появились более сильные войска А. И. Деникина, то Советская власть с легкостью пала, и даже горские народы формально подчинились новой власти. Но как только войска А. И. Деникина стали нести первые ощутимые поражения, началось сопротивление. И никакие уступки в национальном вопросе (как например, предложение генерала Эрдели в марте 1920 г. образовать из горцев Кавказа «объединенное государственное образование со своим законодательным органом, избранным на демократических началах и выборным правительством») уже не работали.

Эффективность национальной политики во многом зависела от положения на фронте. Но и после окончания Гражданской войны на юге России Северный Кавказ оставался для центральной власти задачей со многими неизвестными. Запутанные противоречия в регионе стремились решать разными путями – от простого изменения административных границ до переселения народов.

Верно ли утверждение, что деникинский режим на Северном Кавказе реставрировал модель национальных отношений, которая была в Российской империи, и ничего не предлагал инородческому населению?

Нет, неверно. Южнорусское правительство Деникина, с одной стороны, следовало идее «Единой-Неделимой» России, с другой же стороны, проявляло определенную гибкость в отношении с казачеством и народами Северного Кавказа. Были дарованы автономии горским народам, главами этих автономий были назначены представители народностей, проживающих на данной территории (в Чечне – чеченец генерал Э. Алиев, в Осетии – осетин генерал Б. Хабаев и др.). Нетерпимы были только сепаратистские стремления и симпатии к большевизму.

Идея казачьего государства в Гражданской войне (Доно-Кавказский союз, режим Краснова и т. п.) – была ли она жизнеспособна?

Как и многое в Гражданской войне, жизнеспособность той или иной идеи зависела от количества штыков и сабель, готовых ее защищать. Когда границы Всевеликого Войска Донского были обеспечены с запада германскими войсками, а с юга – Добровольческой армией, то можно было говорить о «самостоятельном казачьем государстве», но вот когда Дон оказался полностью окружен врагами, то пришлось объединяться со сторонниками «Единой-Неделимой». Впрочем, даже Всевеликое Войско Донское, которое часто приводят в пример как самый удачный опыт казачьей государственности, признавало себя независимым лишь «впредь до образования в той или иной форме единой России…» (Из Декларации Всевеликого Войска Донского). Большинство казаков удовлетворяла широкая автономия в рамках небольшевистской России. Идеи о действительно суверенном казачьем государстве в Гражданскую войну были уделом теоретиков из числа казачьей интеллигенции и не являлись массовыми настроениями.

В. М. Рынков (ИИ СО РАН, Новосибирск)

1. Дайте характеристику государству и обществу дореволюционной России с точки зрения национального вопроса.

У ответа на этот вопрос существует минимум два нарратива, базирующихся на равнозначных научных и общественно-политических дискурсах.

Первый – имперский великорусский. Государствообразующий этнос – русские, на пути расширения среды обитания занял обширнейший ареал. Имперский центр сначала присоединил политически, а затем начал интегрировать различные этносы с помощью языковой и образовательной, экономической и социально-сословной политики. Интеграционные меры варьировались в разных регионах и на разных этапах. Имперский центр проявлял гибкость, предполагавшую сохранение национальных традиций и систем управления. Нельзя не признать, эту гибкость он проявлял не всегда, и не всегда она давала нужный результат. При этом национальные элиты активно интегрировались в общеимперский правящий слой, охотно шли на службу к русскому царю. Многие национальные и просто имперские окраины являлись финансовыми получателями, а имперский центр вкладывал достаточно серьезные средства в развитие окраин, добившись, если не выравнивания в их развитии с центральными регионами империи, то, по крайней мере, опережающих темпов. Поэтому, если комплексно смотреть – национальные окраины не были ни угнетаемыми, ни эксплуатируемыми в целом. Но сам процесс модернизации поставил на повестку расширение прав отдельных народов в сфере культуры, образования и даже в сфере политических прав. Первая мировая война не только не позволила решить эту задачу эволюционным путем, но и кардинально обострила противоречия в национальных отношениях, в том числе и стараниями наших врагов.

Второй путь интерпретации – Россия присоединяла новые народы, насаждая имперскую колониальную администрацию, которая опиралась на колонию прибывших из центра поселенцев (не обязательно великороссов) как в административном, так и в экономическом плане. Народы российской империи, конечно, переживали модернизацию вместе с ней, но это только усиливало понимание собственной ущемленности. Пробуждение национального самосознания сопровождалось усиливающейся подозрительностью имперских спецслужб, усиленным насаждением имперской модели управления

экономикой и обществом, крупными освоенческими проектами, связанными с разрушением традиционной системы хозяйствования. При ослаблении центральной власти такая система должна была рухнуть.

2. Объясните причины распада Российской империи. Назовите основные этапы этого процесса.

Оба нарратива, приведенные в ответе на предыдущий вопрос, пусть немного по-разному, но дают ответ на вопрос о причинах.

Что касается этапов: на мой взгляд, их два. Первый этап – подготовительный. Он протекал в недрах империи течение 20 лет перед распадом и был связан с запаздывающим реагированием на нарастающие вызовы в развитии окраин, недостатком экономических и административных ресурсов для управления такой сложной и все усложнявшейся огромной империи, с неспособностью обеспечить необходимое разнообразие приемов и практик управления. Второй этап – собственно распад: стремительный, запущенный Февралем 1917 г., но проявившийся с очевидностью через несколько месяцев, летом – осенью революционного года и дошедший до пика к лету 1918 г., когда появление новых государственных образований, в основном национальных, стало стихийным ввиду отсутствия единого центра управления. Дальше начался процесс мучительного собирания.

3. Почему большевики смогли собрать большую часть территорий распавшейся империи и почему не собрали всю?

Именно они стали победителями в Гражданской войне!

Победитель неизбежно собирал большую часть, но не имел возможности собрать все. Как минимум, уход Финляндии и Польши практически никто не оспаривал. При иных сценариях интервенции и национального движения, ином настрое победителей очертания государства, ставшего результатом такого собирания, могли быть иные.

4. Согласны ли вы с тезисом о том, что лозунг «Единая и неделимая» был одной из причин поражения белого движения в период Гражданской войны. Поясните свой ответ.

На мой взгляд, ответ должен быть утвердительный!

За лозунгом крылась концепция, позволявшая объединить идеологически разнородные крылья антибольшевистского движения. На этом лозунге со-

шлись и те, кто настаивал на унитарности, и те, кто выступал за федеративное устройство, но в послевоенной перспективе. Источник власти – народ, волю которого воплощают представители в учредительном органе. В эпоху революционных бурь и войн легитимное представительство невозможно, любое решение о разделе территории в такие эпохи ничтожно. После окончания социальных катаклизмов народ изберет представительство, которое и примет решение о форме государства, его устройстве и территории. Очевидно, что предсказать волю народа через годы было невозможно.

Конечно, единый народ в данном случае выступал в качестве политической фикции, олицетворения и воплощения суммы разнородных интересов. «Общая воля» зависела от соотношения сил и даже от того, как будут проводиться выборы, и кто их будет проводить. Столь же очевидно, что решающей силой станет самый многочисленный этнос бывшей империи – русский и все, кто воспринимал себя в качестве носителей русской культуры на окраинах.

На стадии распада империи, на той стадии политического кризиса, когда центробежные силы преобладали, такой лозунг, консолидируя одни силы, отсекал другие, отсекал национальные элиты и мобилизованных ими носителей этнического самосознания. Отсекал и тех представителей общероссийского политикума, которые понимали, что строительство федерации нужно здесь и сейчас.

Антибольшевистское движение (мне кажется более точным именно этот термин) – это движение окраин. Это огромные пространства, на которых велик удельный вес представителей коренных народов, воспринимающих определенную территорию в качестве своей родины, а русских – в качестве пришлого населения. В такой социальной среде лозунг «Единой и неделимой» оказался чреват новыми социальными и военными конфликтами, консолидация белых происходила через противостояние с национальными движениями. Лозунг права наций на самоопределение, оказавшись в ряде случаев тактической уловкой большевиков, открывал перспективы усиливать раскол в лагере противника, использовать слабость позиции противника. Белое движение не могло похвастаться аналогичными возможностями.

5. Какое влияние оказала Гражданская война на процесс создания нового многонационального государства?

Двоякое. С одной стороны, де-юре в лагере победителей формировалась федерация, а в лагере побежденных де-факто – совокупность самостоятельных государственных образований, преимущественно не признанных международным сообществом и часто конфликтовавших друг с другом. Таким образом, сформировался социальный полигон, в котором неизбежно должна была реализоваться некая промежуточная модель. С другой стороны, само образование союзного государства, этой доселе невиданной формы сложной иерархической федерации, интегрировавшей субъекты с разным уровнем суверенитета, не является напрямую окончанием Гражданской войны. Напротив, окончание Гражданской войны сделало возможным создание нового союзного государства, и сложившийся после войны расклад сил предопределил его территориальные очертания.

6. Советский Союз, созданный как федерация, быстро стал централизованным государством. Каковы причины и были ли альтернативы такому ходу событий.

Все же преувеличивать скорость преобразований не стоит. Если партийно-политическая элита быстро консолидировалась, и ее прежде самостоятельные национальные подразделения либо интегрировались, либо были перемолоты репрессиями, то определенные сферы жизни оставались зоной относительной свободы. Известно, что до середины 1930-х гг. шла политика «коренизации», в национальных районах широко использовался родной язык. Иноязычная среда всегда оставалась сферой не столь жесткого политического контроля. На национальных окраинах оставалось больше общественной свободы, правда, не публичной. Но в целом, конечно, с середины 1920-х гг. едва ли были какие-то альтернативы у процесса централизации.

7. Дайте характеристику советскому государству и советскому обществу с точки зрения национального вопроса.

Советское общество обладало относительным единством, и в этом смысле лексема «советский народ» имела под собой определенную основу. К нам перешло наследие Российской империи, когда интеграция территорий начиналась с городов, и русские на национальных окраинах были, прежде всего, городской нацией. Став советским, общество за десятилетия шагнуло далеко

вперед по пути модернизации. Резко возросла доля горожан на окраинах. Русский оставался языком межнационального общения, языком, на котором новые горожане, независимо от национальности, приобщались к современной советской и мировой культуре, получали образование, проводили досуг, общались друг с другом.

Но национальная самоидентификация никогда не поглощалась этой единой гражданской общностью, а в малых городах и сельской местности могла и не стать преобладавшей. Национальные противоречия в советском обществе в одних сферах сглаживались, будучи направленными в русло позитивного культурного созидания (литература и искусство, наука и образование), а в других – загонялись под спуд и там десятилетиями сохранялись в национальной памяти, а в ряде случаев даже усиливались. Например, советское государство боролось против роста самосознания национальных элит. Это пробуждение с очевидностью наблюдалось еще в Российской империи и неизменно пугало власть. «Советская империя» его не смогла переварить, а пыталась уничтожить репрессиями. Территория – как известно, важнейшая основа национального самосознания, даже воображаемая или эрзац-территория (как у евреев). Перекройка границ, переселение репрессированных народов только усложняли национальный вопрос, сохранив привязку к территории.

СССР был создан как союз разноуровневых национально-территориальных образований, и вполне закономерно, что на фоне обострения противоречий в разных сферах именно национальный вопрос опять стал и детонатором распада СССР, и его важнейшей жертвой. К нам по наследству в современное постсоветское пространство перешли все те острые противоречия, которые за семьдесят лет остались нерешенными, а накопившиеся за семьдесят лет новые только добавили остроты.

8. По Вашему мнению, Россия выиграла или проиграла от Беловежских соглашений, осуществленных командой Б. Н. Ельцина?

Россия выиграла в краткосрочной перспективе с точки зрения действовавших тогда элит и даже экономических интересов. Что касается элит, то выиграли они все – каждая оказалась во главе самостоятельного государства, в том числе и в России. В отношении экономики выигрыш России был тогда максимальным. Другие государства вновь возникшего постсоветского пространства

испытали глубокий кризис. Россия сохранила относительное единство экономической территории, самой обширной среди прочих. На этой территории были и промышленная база, и ресурсы, и экономические связи, логистика которых по наследству замыкалась на столице некогда единого государства.

В долгосрочной перспективе, конечно, проиграли. Б. Н. Ельцин никак не оговорил судьбу русских, или точнее русскоговорящих, во вновь образованных государствах. И для миллионов советских граждан распад СССР стал величайшей трагедией и культурным шоком, от которого одни оправлялись годами, другие вынуждены были, бросив все, менять родину.

Получившие самостоятельность государства постсоветского пространства проводили этническую мобилизацию через формирование образа имперского центра, тяжкое и сугубо негативное наследие которого приходится преодолевать. В результате на нас возлагают ответственность за все сложности развития, и сам образ России отягощен грузом проклинаемого имперского наследия, колониальной политики, и даже те соседи, которые сохраняют дружеские с нами отношения, выстраивают свою политику памяти на отрицании и осуждении российского имперского и советского прошлого.

9. Оцените шансы на воссоздание в той или иной форме многонационального государства из числа бывших союзных республик СССР. Какие факторы будут способствовать, а какие препятствовать процессам интеграции на постсоветском пространстве?

Такие шансы были в первое пятилетие. Конечно, в виде скорее не единого государства, а более тесной, чем получилось, интеграции, конфедеративного союза. Это могли быть Украина, Беларусь, Казахстан, республики Центральной Азии. Но мог быть и более болезненный процесс, распад единого пространства Российской Федерации на пути усиления суверенитета отдельных национальных автохромных республик. Первый процесс вовремя не состоялся, второй вовремя удалось предотвратить.

Сейчас вернуться к интеграции бывших советских союзных республик нет ни малейшего шанса. Напротив, в последнее двадцатилетие преобладают дезинтеграционные тенденции. А вот на российском пространстве при всех сложностях неравенства уровня и темпов развития разных регионов, с точки зрения политического единения пройден большой и в целом позитивный путь.

На пути интеграции сегодня стоят непреодолимые препятствия. Повороты советской национально-административной политики сделали нынешние государственные границы практически случайными. В составе Российской Федерации мог остаться Казахстан, а могла, наоборот, Карелия оказаться в числе постсоветских государств. Предлагаю не забывать, что Россия и без бывших союзных республик остается многонациональным государством.

10. Открытый вопрос: задайте себе и дайте ответ на любой иной важный, по Вашему мнению, вопрос, связанной с общей темой Вопросника

Нет ответа.

Т. М. Смирнова (ГУАП, Санкт-Петербург)

1. Дайте характеристику государству и обществу дореволюционной России с точки зрения национального вопроса.

2. Объясните причины распада Российской империи. Назовите основные этапы этого процесса.

Всякое государственное образование имеет свой срок существования. Империя – слишком разнородное мегагосударство, подверженное не только национальной, но и социальной и политической эрозии. Внутри империи народы взрослеют и приобретают черты политических наций, которые стремятся к государственной независимости. Так что в некотором смысле распад любой империи – это естественный процесс. Российская империя была невероятно «лоскутной», хотя такое определение обычно применяется к другому государству. Многоукладность, полиэтничность, поликонфессиональность, даже разный расовый состав населения; различные варианты вхождения в Российское царство/империю – от добровольного союза (часто только на время, а не навсегда) до завоевания, которое оставляло неизгладимый след в памяти народа. Да, Сибирь – не Америка, но аборигенное население приводилось в повиновение «Белому царю» жесточайшими методами. Военно-политический (пусть даже объективно вынужденный) характер государства. Не просто социальная несправедливость, а жестокая эксплуатация, часто сочетающаяся с национальным угнетением. Неравноправие религий и конфессий, государственная религия – православие, религиозные репрессии. Освоение скотоводческих территорий земледельческим населением. Подавление национальных восстаний. Со второй половины XIX в. – усиленная русифи-

кация. Государственность – только русская (Великое княжество Финляндское – за скобками, и то с начала XX века его автономия ущемлялась). Уничтожение исторической государственности (и не только Речи Посполитой). Запрещение, временами тотальное, национальной культуры, вплоть до языка. Антисемитизм. Великодержавный шовинизм.

«Православие, самодержавие, народность» – единая и неделимая Россия – исторически была обречена.

3. Почему большевики смогли собрать большую часть территорий распавшейся империи и почему не собрали всю?

Кроме безгосударственных территорий с отсталым укладом, были собраны не вполне оформившиеся государственные образования, не имевшие исторического прошлого и национально-государственного опыта – вообще или в новейшее время, – с глубоким социальным расслоением и революционными настроениями трудящихся масс, со сложившимися ранее тесными культурно-экономическими связями непосредственно с Россией – при сильной политической воле интернациональной коммунистической партии, ее стремлением к мировой революции и уверенности в достижимости этой цели, используя советские вооруженные силы.

Польша в этой ситуации оказалась инородным элементом: используя выражение Руссо – «проглотив» Польшу, Россия так и не смогла ее «переварить». Уничтоженная великими державами в XVIII веке многовековая государственность с сильнейшими традициями свободолюбия, память о восстаниях против чужеземного господства и их кровавом подавлении, запрет родного языка – это «пепел Клааса», который стучал в сердцах польских масс. Историческая память, особая роль религии в жизни общества, коллективная идентификация нации и высокая национальная мобилизованность, формирование национальных воинских подразделений во всех трех частях бывшей Польши еще в период мировой войны, провозглашение возрожденной государственности 11 ноября 1918 г. – эти факторы оказались сильнее классовой солидарности, несмотря даже на глубокую приверженность польских коммунистов идеям интернационализма. С «высоты» истории понятно, что попытка «вернуть» Польшу в 1919–1920 гг. была обречена на неудачу.

Прибалтика и особенно Финляндия – регионы, менее других адаптированные в дореволюционной российской действительности. Ситуация в Литве во многом была тождественна польской. Латвия и Эстония смогли опереться

на значительную иностранную военную помощь. Финляндия вообще не была органической частью империи, и ее инаковость хорошо понималась самими руководителями российских коммунистов. Юридически принятое парламентом решение о самостоятельности не могло быть отвергнуто Совнаркомом, провозгласившим право наций на отделение.

Весьма значимым фактором, прежде всего для Польши и Финляндии, оказалось выделение этнической территории.

4. Согласны ли вы с тезисом о том, что лозунг «Единая и неделимая» был одной из причин поражения белого движения в период Гражданской войны? Поясните свой ответ.

Несомненно, это так (см. п. 1–2). Кроме того, развивающийся капитализм национальных окраин, в полном соответствии с ленинскими выводами, способствовал пробуждению национальной жизни и национальных движений, вызывал борьбу против всякого национального гнета, за создание национальных государств. Таким образом, даже антисоветские национальные формирования периода Гражданской войны боролись против белых, которые не рассматривали народы бывшей империи в качестве политических субъектов. И само звучание лозунга вызывало стойкие ассоциации с самодержавной Россией со всеми ее установлениями, а главное – с великодержавным шовинизмом.

5. Какое влияние оказала Гражданская война на процесс создания нового многонационального государства?

Политика «красных» и «белых» ясно очертила их позицию, выявив принципиальное различие в отношении национально-территориальной автономии и прав национальных меньшинств. Сохранение унитарного государства как формы прежней «единой-неделимой» не устраивало национальную интеллигенцию и другие либеральные слои, а практическая политика «белых» в национальных регионах вызывала серьезное отторжение. Декларации большевиков о правах народов на свою культуру и устройство национальной жизни в форме автономии вплоть до возможности отделения, само название Российской социалистической *федеративной* советской республики, находили поддержку широких масс, несмотря на ошибки в проведении этой политики на практике. Советская власть в национальных регионах устанавливалась с опорой, в том числе на национальные кадры. Свою роль играли и интернациональные воинские части Красной армии.

6. Советский Союз, созданный как федерация, быстро стал централизованным государством. Каковы причины и были ли альтернативы такому ходу событий.

По Ленину, «развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.» – это ведь не только о развитом капитализме, это магистральная линия жизни в одном многонациональном государстве, каким был Советский Союз. Распределение полномочий между союзными республиками и Центром было необходимым и вполне закономерным, но в условиях строительства социализма в одной отдельно взятой стране, во враждебном окружении и при реальной угрозе войны централизация неизбежно нарастала. Однако эта объективная необходимость централизации была еще более усилена с двух сторон: 1) форсированной индустриализацией с социальным переустройством многомиллионного крестьянства и 2) внутрипартийной борьбой в ВКП(б), приведшей к запрещению критического анализа политики и, в конечном итоге, – к установлению единовластия И. В. Сталина. В этих условиях федеративное устройство государства не могло осуществляться в полной мере. Однако наличие институтов национальной государственности – как союзной, так и автономной, способствовало сохранению и развитию в идеологических рамках диктатуры пролетариата национальной культуры и языка, подготовке национальных кадров, формированию национальной идентичности советских наций. Довоенная советская национальная политика обеспечивала также развитие культуры национальных меньшинств в инонациональном окружении.

Великая Отечественная война показала в целом правильность политики централизации социально-политической жизни в экстремальных условиях. Но сложившаяся командно-административная система уже не была способна радикально измениться без серьезных политических последствий. Однако именно «советский проект» создал конкурентоспособное государство, обеспечивавшее мировое равновесие в течение десятилетий после Второй мировой войны. Да и современный экономический потенциал РФ все еще держится на советском наследии, несмотря на все разорение приватизации.

Сложно судить об альтернативах в истории, слишком много «если бы». Но федеративное государство должно иметь единый стержень, хотя, конечно, его устойчивость зависит не только от «вертикальности».

7. Дайте характеристику советскому государству и советскому обществу с точки зрения национального вопроса.

Советский Союз провозгласил и осуществил подлинное равноправие больших и малочисленных народов, право наций на самоопределение, преодолел социокультурный разрыв в их развитии, обеспечил функционирование более 100 различных национальных языков, в том числе создав для десятков из них письменность, что позволило им войти в мировую культуру. В СССР была сохранена или создана национальная государственность в формах союзной (15) или автономной (21) республик, а также национально-административные единицы в виде автономных областей и округов. Поколения советских людей были воспитаны в духе интернационализма, что послужило одним из важнейших факторов победы в Великой Отечественной войне.

В СССР был создан социокультурный и экономический потенциал для всех национальных республик и регионов, что позволяет новым постсоветским государствам существовать в качестве суверенных.

В СССР сформировалась новая историческая общность людей – наднациональный *советский народ.*

Но история всегда далека от идеала, и в советской национальной политике были ошибки, непродуманные решения и даже преступления власти в виде национальных репрессий и депортаций. Большинство из них было осознано и осуждено. Однако национальная политика еще больше, чем социально-экономическая нуждается в постоянном мониторинге своей эффективности, чтобы вовремя реагировать на новые явления и тенденции в общественной жизни. Национальный вопрос нельзя решить раз и навсегда, национализм как одна из самых живучих идеологий не исчезает сам по себе, воспитание в духе межнационального мира и сотрудничества (увы, термины «интернациональное воспитание» и даже «межнациональная толерантность» сегодня не модны или даже отвергаются) должно вестись непрерывно и адекватными средствами. «Свой» национализм не менее опасен, чем «чужой». Именно рост национализма в период «перестройки», вкупе с политическими и экономическими вызовами, на которые не нашлось вовремя адекватного ответа, привел к распаду СССР.

8. По Вашему мнению, Россия выиграла или проиграла от Беловежских соглашений, осуществленных командой Б. Н. Ельцина?

Когда-то Фидель Кастро сказал в последнем слове на батистовском суде: «История меня оправдает». Полагаю, что команде Ельцина не стоит рассчитывать на оправдание истории.

9. Оцените шансы на воссоздание в той или иной форме многонационального государства из числа бывших союзных республик СССР. Какие факторы будут способствовать, а какие препятствовать процессам интеграции на постсоветском пространстве?

Государство – нет, ни при каких условиях. Вариантом может быть конфедеративный союз нескольких постсоветских государств, например, по типу ЕС (тем более что уже накопленный опыт европейского содружества дает как позитивные, так и негативные примеры, которые нужно правильно интерпретировать). Препятствием является неизбежное доминирование РФ в таком союзе. Способствовать может неблагоприятная в мировом масштабе экономическая конъюнктура на постсоветском пространстве.

10. Открытый вопрос: задайте себе и дайте ответ на любой иной важный, по Вашему мнению, вопрос, связанной с общей темой Вопросника.

Какая проблема в настоящее время является серьезной для РФ?

Рост великодержавных имперских амбиций.

Дж. Суэйн (Университет Глазго, Великобритания)

1. Дайте характеристику государству и обществу дореволюционной России с точки зрения национального вопроса.

Extreme right-wing nationalism, equating Slavs and Russians.

Крайне правый национализм, ставящий знак равенства между славянами и русскими.

2. Объясните причины распада Российской империи. Назовите основные этапы этого процесса.

The empire collapsed because the autocracy was unable to cope with the demands imposed on it by World War One. Nationalist tensions were a reflection of the weaking of central authority rather than a cause.

Империя распалась, поскольку самодержавие не смогло справиться со свалившимися на него тяготами Первой мировой войны. Национальные проблемы были скорее отражением ослабления центральной власти, нежели причиной этого.

3. Почему большевики смогли собрать большую часть территорий распавшейся империи и почему не собрали всю?

Because they developed a nationality policy, combined with land reform – avoiding the ultra-left policies seen in the Baltic States and initially in Ukraine.

Потому что они проводили национальную политику в сочетании с земельной реформой – избегая крайне левого подхода, наблюдавшегося в Прибалтике и поначалу на Украине.

4. Согласны ли вы с тезисом о том, что лозунг «Единая и неделимая» был одной из причин поражения белого движения в период Гражданской войны. Поясните свой ответ.

This was the main cause of the White's defeat. Denikin was distracted by developments in Ukraine.

Это была главная причина поражения белых. Деникин был отвлечен событиями на Украине.

5. Какое влияние оказала Гражданская война на процесс создания нового многонационального государства?

It was during the civil war that the Bolsheviks developed a coherent response to the questions of land reform (the middle peasantry) and nationality (self-determination but not for counter-revolution).

Именно во время Гражданской войны большевики выработали четкие ответы на земельный вопрос (союз с середняком) и национальный вопрос (самоопределение, но не в интересах контрреволюции).

6. Советский Союз, созданный как федерация, быстро стал централизованным государством. Каковы причины и были ли альтернативы такому ходу событий.

The success of Ukraine in the 1920s suggest the process was not 'quick', but got caught up with the Stalinist initiatives of industrialisation and collectivisation, particularly collectivisation.

Успех Украины в 1920-е гг. показывает, что процесс не был «быстрым», но он был подхвачен сталинскими инициативами в сфере индустриализации и коллективизации, в особенности коллективизации.

7. Дайте характеристику советскому государству и советскому обществу с точки зрения национального вопроса.

The possibilities offered by ‘national communism’ were consistently opposed by the Party Secretariat and the nomenklatura system, which insisted on Russian control of national parties (second secretaries etc.)

Возможностям, предлагаемым сторонниками «национального коммунизма», постоянно противостояли центральные органы и механизмы (секретариат и номенклатура), которые настаивали на российском контроле за национальными партиями (вторые секретари и т. д.).

8. По Вашему мнению, Россия выиграла или проиграла от Беловежских соглашений, осуществленных командой Б. Н. Ельцина?

Which Russia? Russian nationalists find it impossible to see Belarus and Ukraine as genuine independent states. Other Russians may see things differently.

Какая Россия? Для русских националистов невозможно представить Белоруссию и Украину по-настоящему независимыми государствами. Другие русские могут смотреть на это иначе.

9. Оцените шансы на воссоздание в той или иной форме многонационального государства из числа бывших союзных республик СССР. Какие факторы будут способствовать, а какие препятствовать процессам интеграции на постсоветском пространстве?

The Soviet Union is dead. Russia, Belarus and Ukraine could have reached some sort of co-operative relationship based on mutual respect under very different political leadership. Impossible since February 2022.

Советский Союз умер. Россия, Белоруссия и Украина могли бы достичь некоего взаимодействия, основанного на взаимном уважении и при совершенно другой политической власти. После февраля 2022 г. это невозможно.

10. Открытый вопрос: задайте себе и дайте ответ на любой иной важный, по Вашему мнению, вопрос, связанной с общей темой Вопросника

Нет ответа.

В. Ф. Солдатенко (ИПиЭИ им. И. Ф. Кураса НАН Украины)

Поставленные вопросы чрезвычайно важны. Недаром к их существу так часто обращаются ученые и политики, пытаясь найти объяснение сложнейшим общественным катаклизмам наших дней – превращению многолетнего идейно-политического противостояния между Российской Федерацией и Украиной в чудовищную военную фазу.

Ответы, как известно, оказываются разными, подчас диаметрально противоположными, что детерминируется (в числе других причин) в той или иной мере принадлежностью авторов к различным национальным общностям. Было бы противоестественным и априори нечестным отрицать определенное влияние на проявляющиеся позиции национальной и гражданской принадлежности индивидуумов. В равной степени в научных трудах недопустимо их гипертрофирование.

Стремясь неукоснительно придерживаться принципов научно-исследовательской методологии, считаю должным оговорить, что в данном случае формулируемые ответы на вопросы представляют собой своеобразный «взгляд из Киева». Речь вовсе не о доминировании национальных или региональных предпочтений, а о том, что на практике невозможно отрешиться от определенных национальных чувств, их неизбежного присутствия во всем мироощущении и отстаиваемых трактовках исследуемых проблем.

Поэтому как-то исподволь появляется стремление подкреплять общие выводы и оценки на больше известный автору, в чем-то его «родной», пережитый, «выстраданный» опыт. И тогда удельный вес собственно украинских примеров естественно возрастает, что, думается, не только не искажает общей картины, а позволяет аргументировать выводы, наблюдения, соображения через компетентные знания (конечно, с полным уважением относясь к такой же позиции коллег из других регионов), накопленные за десятилетия изучения различных аспектов сложнейшей проблемы.

Кроме того, исторический опыт решения национального вопроса в СССР настолько богат и разнообразен, что вызывает желание (и это соответствует предложенной десятой позиции) дополнить общие соображения парой сюжетов на специфически-национальном срезе, полагая, что это обогатит палитру воссоздаваемой картины, когда частности оказываются (для конкрет-

но-регионального среза измерения) не менее важными, чем общие, укрупненные моменты.

1. Дайте характеристику государству и обществу дореволюционной России с точки зрения национального вопроса.

Дореволюционная Россия представляла собой многонациональное, централизованное государство, сформировавшееся на протяжении столетий в процессе исторической поступи, реализации целей, диктуемых вызовами времени, под влиянием сложных и разноречивых факторов. Расхожее определение «тюрьма народов» в целом, может быть, – точнее, в определенных отношениях, – правильно, хотя не способно передать всего разнообразия специфики взаимоотношений между доминирующим российским (великороссийским) социумом и другими этническими общностями. Примером может служить динамика изменений положения Украины в империи Романовых.

После падения Киевской Руси под ударами татаро-монголов Среднее Поднепровье, Правобережье и Галиция через Великое Княжество Литовское попали в пределы Речи Посполитой. Ситуация для этнической массы, все более осознающей свою особость и стремящейся к самоутверждению, сложилась в полном смысле слова угрожающей, согласно нынешней терминологии – геноцидной. Ополячивание, окатоличивание, беспощадная эксплуатация, жесточайший террор против иноговорящего «быдла» создавали невыносимые условия существования и привели в середине XVII века к Украинской национальной революции под руководством Б. Хмельницкого. После череды непростых переговоров славянское православное Московское Царство согласилось выступить на стороне украинцев против Польши.

Это коренным образом изменило положение украинского этноса. Ему не приходилось больше беспокоиться за физическое выживание и самосохранение. Украинцы получили перспективу своего саморазвития и самосовершенствования. Однако вассальная зависимость Войска Запорожского (официальное наименование Украинского государства – Гетманщины) вскоре начала меняться под влиянием инкорпорации украинских земель в Российскую империю. Активно начавшись при Петре I, процесс был завершен при Екатерине II разорением Запорожской Сечи – украинская государственность была уничтожена.

Правда, украинцев не третировали как при поляках, их не приравнивали к «инородцам», отличавшихся верованиями и языком.

Но украинцам было не комфортно в «братских объятиях», в которые их начали заключать правители Росси. Им доказывали, что такого народа не существует, есть только ветвь одного – русского народа. Объявлялось, что украинского языка не было, нет и быть не может. Существует лишь диалект русского языка – вариант, серьезно ухудшенный польскими влияниями.

Царизму и его сановникам представлялось, что «малороссы» (украинцы) практически ничем не отличаются от «великороссов» – разве что языком. Потому, начиная с Петра I, и до Александра III указ за указом «отменяли» украинский язык, точнее ограничивали или запрещали его употребление в официальной жизни, учебных заведениях (кроме начального образования), в издательской деятельности, периодической печати и т. д.

Однако именно на языковой почве и происходило самоутверждение украинцев, с неизбежностью переросшее в «национальный вопрос». Последний не был результатом подстрекательского влияния поляков или австрийской, германской интриги, как часто утверждалось. Украинский вопрос имел свою объективную природу происхождения (иностранное влияние также было реалией, но все же не определяющей). И чем больше было запретов, сопровождаемых репрессиями против ослушивавшихся, не подчинявшихся, тем более нарождавшаяся творческая элита украинства пыталась на основе научных аргументов, массы исторических, лингвистических, фольклорных исследований доказать, что украинская общность имеет свои корни, природу, ментальность, историю развития, традиции, которые и позволяют претендовать, во-первых, на статус самостоятельной нации и, во-вторых, на равное право (в числе других) с великороссами решать собственные проблемы сообразно своим интересам.

Особенно продуктивным, в смысле развития самосознания, явилось XIX столетие, нередко именуемое периодом украинского духовного и культурного возрождения. Начиная с тайных обществ декабристов, весьма распространенных в Украине, и до политических партий рубежа XIX и XX вв. украинский вопрос постоянно привлекал общественное внимание. Творческая мысль украинских интеллектуалов вращалась вокруг двух идей – путей разрешения национального вопроса в России. Определенная (численно меньшая часть) считала необходимым безусловный отрыв Украины от России и пре-

вращение ее в самостоятельное независимое государство. Гораздо большая, подавляющая часть предлагала децентрализовать, демократизировать страну, уравнять все нации в правах, предоставить им территориальную автономию и выступить с предложением союза трех восточнославянских народов – великороссов, украинцев и белорусов – с тем, чтобы это стало ядром общеславянской федерации, а в дальнейшем, чтобы процесс развивался до всемирной федерации свободных, равноправных народов.

Эти идеи в первые десятилетия XX в. превратились в политические программы украинских политических партий в такой же асимметрии, как это было в XIX в. Свою роль играло и то, что лозунг «Долой самодержавие!» – оплот социального и национального гнета – не разводил политически активную часть наций по «национальным квартирам», а сближал, консолидировал, повышал шансы на победу.

Специально следует отметить и то, что вопреки бытующим в немалом числе утверждений о том, что Украина была якобы колонией (или полуколонией) России, развитие региона во второй половине XIX в. и в начале XX в. было чрезвычайно бурным, превратив его в одну из наиболее развитых в экономическом, прежде всего индустриальном, отношении, частей империи. И было это результатом усилий не только украинцев, но и субъектов интенсивных миграций из глубинных, далеких губерний в Донецкий и Криворожский бассейны, на промышленное Левобережье вообще. Развитие производительных сил также требовало новых моделей взаимоотношений в обществе.

А из-за рубежа стратегические противники России усиленно разыгрывали «украинскую карту». Прикрывая завоевательные планы ложной целью «освобождения Украины» из тисков российского феодального самодержавия, пытались вызвать как можно более активные выступления против режима. Однако правительство «полицейской страны» упрямо стояло на великодержавных позициях, обращая против революционных сил и зреющего национально-освободительного движения усиливающийся террор, достигший апогея в годы Первой мировой войны.

2. Объясните причины распада Российской империи. Назовите основные этапы этого процесса.

Нет ответа.

3. Почему большевики смогли собрать большую часть территории распавшейся империи и почему не собрали всю?

Большевикам действительно удалось собрать большую часть начавшей распадаться в 1917 году империи. Центробежный процесс оказался как бы перехвачен и обращен в центростремительный. Из многих факторов, обеспечивших объединительные тенденции, как представляется, можно выделить три основные:

1. Социальная революция, определившая и обеспечившая общественный прогресс всем нациям и народам России.
2. Общественная инерция, неготовность к решительной ломке сложившихся традиций совместной жизни и страх перед перспективой попасть в новую зависимость.
3. Прогрессивная, рациональная национальная программа РСДРП(б)–РКП(б), последовательный курс на ее воплощение в жизнь.

До Февральской революции ни одно национально-освободительное движение, в какой бы части России оно не начиналось, не могло самостоятельно рассчитывать на успех – внутренних сил для этого было явно недостаточно. С практически молниеносным превращением империи в самую свободную страну в мире сдерживать развитие всеохватывающих процессов демократизации общества стало просто некому, что угадывалось, ощущалось, оценивалось жителями всех регионов страны как открытие новых возможностей, отстраняться от которых не стоило.

В этом убеждает пример Украины. Возглавившая Украинскую революцию (масштабы, глубина, результаты национально-освободительного движения приобрели такие характеристики, выдвинули и решали такие задачи, что сомнений относительно иной квалификации развернувшихся процессов не вызывают) Центральная Рада разработала довольно обстоятельную теоретическую концепцию достижения цели (наибольший вклад в ее обоснование внес выдающийся украинский историк М. С. Грушевский). Главные ее положения сводились к следующему:

- Украинцы должны принять самое активное участие во всероссийской революции (одним из первых бессменный руководитель Центральной Рады нарек ее Великой), чтобы развить, обеспечить как можно большие и глубокие демократические преобразования в стране в целом,

сделать революционные преобразования необратимыми. Совместно завоеванные свободы должны были стать гарантом их распространения на все регионы, явиться первоосновой, базой демократических подвижек на всех пространствах.

- Содержательным стержнем платформы Украинской революции выдвигалось органическое сочетание социальных задач с национальными. Главной целью провозглашалось народоправие (в реальном понимании, истолковании весьма близкое к социалистическим канонам) и широкая национально-территориальная автономия в федеративной демократической республике Россия.

Такая программа была сразу поддержана не только политикумом, но и широкими слоями пролетариата, большинством крестьянства, т. е. нацией в целом. Все они ждали от углубления революции (которая тем временем перерастала буржуазно-демократические стандарты и трансформировалась в социалистическую) не только возрождения собственной национальной государственности, но и (главное!) ликвидации феодальных пережитков, ликвидации помещичьего землевладения, аграрной реформы в интересах большинства трудового народа. То есть, объективно и безусловно на первом месте (тому есть масса фактологических подтверждений) ориентация шла, прежде всего, на поддержку социальных слагаемых революции, которая постепенно охватывала все просторы России. И это в чем-то понималось, осознавалось, постепенно подтверждалось опытом, а в чем-то интуитивно угадывалось.

Отчасти проявлялась и привычка длительного проживания в могучем государстве, которое брало на себя решение многих проблем, среди них и внешнеполитических. Так, вполне логичным и прагматичным был расчет руководства Украинской революции делегировать будущему федеративному центру вопросы международных отношений (кому надо было доказывать, что с крупными государствами на международной арене считаются больше, нежели с мелкими и слабыми?), вопросы обороны, военного строительства, а также коммуникаций (путей сообщения, почты, телеграфа), валютно-денежного обеспечения и обращения, юридических служб. Особенно важно было учитывать специфику текущего момента. Продолжалась мировая война. Украина оказалась одним из эпицентров глобального противостояния с абсолютно очевидными экспансионистскими целями многих соседей. Однако, отправив

по мобилизации в армию 4,5 млн солдат, своего вооруженного оплота Украина не имела.

Когда III Универсалом Центральной Рады 7 (20) ноября 1917 г. провозглашалось образование Украинской Народной Республики и она объявлялась слагаемой официально не существующей Российской федерации, в этом, очевидно, сказывалась и инерция мышления в принятии кардинальных решений, и одновременно неуверенность лидеров создаваемого образования в том, что они смогут самостоятельно справиться с перспективными задачами, элементарно выстоять в неминуемых противоборствах, стремление хотя бы в чем-то застраховаться членством в объединенной государственной формации.

Создать федерацию на несоветской основе Центральной Раде не удалось: на предложение приступить к реализации проекта из всех существовавших национально-государственных образований откликнулось только военное руководство Дона.

Провозглашение IV Универсалом Центральной Рады УНР независимым, самостоятельным суверенным государством лидеры украинских партий считали мерой, вынужденной международными обстоятельствами (прежде всего, потребностью принять участие в Брестской конференции). И даже после этого, вплоть до окончания Гражданской войны, лидеры Украинской революции считали ненужным отказываться от планов федеративного объединения административно-государственных единиц на просторах бывшей Российской империи.

Значительную роль в объединительном процессе сыграла перспективно привлекательная программа большевиков, стержнем которой было обеспечение всем нациям права на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Очень важным, убедительным оказалось то, что программные требования РСДРП(б)–РКП(б) последовательно превращала в реальную и безотлагательную политику. Ленинская партия оказалась единственной из всех общероссийских сил, кто уже летом 1917 г. принципиально поддержал справедливые национальные требования Центральной Рады в конфликте с Временным правительством. При этом не лишне вспомнить, что Украинская Рада совсем не принадлежала к числу политических союзников большевиков.

Принятая уже на седьмой день после Октябрьского вооруженного восстания «Декларация прав народов России» продемонстрировала всю серьезность настроений большевиков строить национальные отношения советской власти на основе подлинного народоправия.

В немалой степени в конструктивности политики РСДРП(б) массы довольно быстро убедились в практике местных большевистских организаций, которые в процессе триумфального шествия советской власти очень уважительно относились к национальным интересам. Так, Первый Всеукраинский съезд Советов (11–12 декабря 1917 г.), провозгласив Украину социалистической республикой, заимствовал из III Универсала Центральной Рады название государства – Украинская Народная Республика, согласился с ее границами. Официальный печатный орган советской республики имел название «Вестник УНР» и издавался на двух языках – украинском и русском. Естественно в отличие от центральнорадовской советская Украина объявляла о вступлении в федеративную связь с Советской Россией.

Когда в 1919 г. местные организации Коммунистической партии (большевиков) Украины допустили немало «военнокоммунистических» ошибок, в том числе в национальном вопросе, ЦК РКП(б) помог внимательнейшим образом разобраться в ситуации, оперативно исправить проводимый курс. Созданный в июне 1919 г. военно-политический союз Советских Республик доказал свою эффективность в борьбе с противниками Украины – белогвардейскими единонеделимцами, иностранными интервентами.

Для всех абсолютно очевидным было то, что в одиночку в 1920 г. справиться с экспансией Белопольши, а также одновременно с противостоянием врангелевцам, петлюровской армии, анархо-повстанческому движению советской Украине было не по силам. Это, может быть, больше всего и убеждало в необходимости развития возникшего объединительного движения Советских Республик. Насколько известно, в подобных или несколько других проявлениях, но сущностно и содержательно похоже развивались события и в других национальных регионах.

Касательно вопроса о том, почему большевикам не удалось собрать воедино все бывшие территории имперской России, из многих причин можно выделить две главные. Во-первых, поляки и финны в сочетании компонентов своих программ первостепенное, довлеющее значение отводили национальному аспекту с неукоснительной ориентацией на государственную самостоя-

тельность. Так, на Съезде народов (его еще именуют Съездом негосударственных народов) в Киеве 8–15 сентября 1917 г. все представители национальных регионов и организаций поддержали идею федерализации России с национально-территориальными автономиями. Исключение составили поляки (финская делегация не присутствовала), выступившие за безусловное отделение от России. В дальнейшем, реагируя на волю национальных общностей, большевикам, естественно, приходилось строго придерживаться как принятого собственного законодательства, так и руководствоваться демократическими принципами во взаимоотношениях народов.

Во-вторых, в некоторых случаях у молодой советской власти просто не хватило физических сил (военных потенций), чтобы надлежащим образом поддержать справедливое разрешение национального вопроса в послевоенном устройстве Восточной Европы. Так, при заключении Рижского мира (18 марта 1921 г.) пришлось согласиться с тем, что западные регионы Украины и Белоруссии отходили к Польше. Не нашлось в тот исторический момент и сил, чтобы не подчиниться решениям Антанты на Парижской мирной конференции, согласно которым под румынской оккупацией оставались Северная Буковина и Бессарабия, а Украинское Закарпатье присоединялось к Чехословацкой республике. Пришлось исправлять несправедливости уже в ходе Второй мировой войны.

4. Согласны ли Вы с тезисом о том, что лозунг «Единая и неделимая» был одной из причин поражения «белого движения» в период Гражданской войны? Поясните свой ответ.

С тезисом согласен.

Конечно, лозунг «Единой и неделимой России» нельзя отделять от общей программы «белого движения» – в социальном плане реакционного, откровенно антиреволюционного, на практике – в значительной мере – террористического.

К примеру в Украине в 1919 г. большевики, к которым все более тяготели элементы, течения, фракции национальных партий – боротьбисты, борьбисты, меньшевики-интернационалисты, эсеры-максималисты, бундовцы, частично анархисты, совместно защищали не только социалистические завоевания России в целом. Они явились инициаторами создания военно-политического союза Советских Республик, убежденно считая, что дают от-

пор врагам социализма и в семье пусть пока немногих национально-государственных образований и, одновременно – даже в первую очередь – на своей территории – в советской Украине.

Однако совсем не беспричинно оказалось, что враждебными к Вооруженным силам Юга России выступили и силы Украинской Народной Республики во главе с С. Петлюрой. Правда, последний, под напором эмиссаров Антанты, в определенный момент и готов был пойти на объединение с А. Деникиным, подчинив «едино-неделимцам» украинские воинские формации. Но белый генерал не допускал и мысли, чтобы сесть за стол переговоров с «выскочкой» и «бандитом», очевидно и не в последнюю очередь, потому что принципиально не признавал Украины вообще, в любом мыслимом административно-государственном статусе.

И даже участники анархо-махновского движения, основным резервуаром пополнения которого являлось украинское крестьянство, решительно и весьма определенно выступили, отчаянно сражаясь против «золотопогонников». Не меньший вклад в срыв планов деникинцев внесли красные партизаны и подпольщики, серьезно дезорганизовав тылы врага.

Поскольку А. Деникин избрал маршрут похода на Москву, подчиняя себе Левобережье Украины, вплоть до «матери городов русских» Киева, развернутый террор с основательным антиукраинским подтекстом во многих случаях «в ответ» рекрутировал в ряды противников белых практически все слои украинского населения. Таким образом, хотя различные потоки противостояния белым «едино-неделимцам» в Украине «шли врозь», но в жизни они «вместе били» врага. Несовместимость векторов деникинских планов с интересами и чаяниями практически всего украинства неизбежно должна была сказаться и уже сказывалась в 1919 г. в полной мере, обостряя непримиримый конфликт, перспективы мирного разрешению которого быть не могло. Поскольку же радетели «единой и неделимой» предполагали такие же отношения и со всеми другими национальными общностями (украинцы тут не были исключением), устроить это большинство жителей многонациональной страны не могло. То есть, альтернативы финалу, произошедшему с деникинцами, рано или поздно, и быть не могло.

Естественно, это не означает, что на практике авантюра А. Деникина потерпела поражение только благодаря реакции национальных регионов. Интернациональная по составу Красная армия разгромила «едино-неделимцев»

как врагов социальных, несших освобожденным революцией народам новое национальное порабощение.

5. Какое влияние оказала Гражданская война на процесс создания нового многонационального государства.

Ответ представляется совершенно четким и определенным – огромное.

Если революция и начатые ею преобразования несли в себе массам больше позитивного заряда, общественного примера, обещающего в перспективе великолепные результаты, невиданные достижения и несомненный социальный и цивилизационный прогресс, то начавшаяся война и ее кровавый опыт убеждали: враг должен быть обязательно сломлен и разбит. Однако он очень силен, получает колоссальную поддержку извне. Победа может быть достигнута только консолидированными усилиями трудящихся всех регионов, всех наций.

Думается, что не до конца осознанные еще в 1917 г. – начале 1918 г. даже в расчетах лозунги федеративной России начали быстро наполняться конкретным содержанием сближения позиций по мере развития и ужесточения Гражданской войны и интервенции.

Субъектами союзного государства в 1922 г. станут советские республики. Примечательно, что каждая из них в момент провозглашения советской власти заявляла о своих стремлениях быть составной частью или входить в федеративные отношения с РСФСР, заключать с ней договора, налаживать дружеские, добрососедские, деловые и равноправные отношения.

Можно прийти и к выводу о том, что начавшееся и упрочивавшееся в годы Гражданской войны объединительное движение за образование федеративного государства получало более ощутимые импульсы именно «от обратного» – угрозы возвращения старых порядков, в том числе в национальной жизни, и возрастающего стремления не утратить обретенного, не проиграть противнику.

6. Советский Союз, созданный как федерация, быстро стал централизованным государством. Каковы причины и были ли альтернативы такому ходу событий?

Российскую революцию нередко называют Великой, вкладывая в слово «Великая» разные смыслы и доказательства. Не вдаваясь в перечисление длинной череды логических расшифровок, думается, в данном случае можно упомянуть одну: Великая она и потому, что произошла в великой

многонациональной стране и, вопреки многим стихийным общественным движениям, катаклизмам, порождавшим смуту, приводившим к распадам крупных государств, смогла сплотить потенциал, проявить лучшие качества и волю более 100 этносов и превратила свою Родину в могущественную сверхдержаву.

Многие важные вопросы при этом приходилось решать впервые, не имея положительного примера ни в мировом, ни в собственном опыте.

К моменту взятия власти большевики, имевшие программу по национальному вопросу и немало об этом дискутировавшие, в самых общих представлениях видели перспективу решения национального вопроса. Но сам объект – национальный вопрос – оказался настолько сложным, многоплановым и порождавшим бесконечные вопросы, что к нему неизбежно надо было вновь и вновь возвращаться. Пожалуй, никакой другой вопрос не обсуждался и не дискутировался столько раз на самых высших партийных форумах революционной поры – на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), на VIII, X, XII съездах партии, и всегда оставлял впечатления незавершенности найденных решений, побуждал потребность их перманентно корректировать, совершенствовать. Подлинным счастьем и несомненным преимуществом для партии было то, что она имела такого вождя, как В. И. Ленин – гениального ученого-мыслителя, блестяще владевшего диалектикой. Он, как никто другой, понимал, что чем больше реального равноправия, демократии, свободы решать назревающие вопросы сообразно национальному интересу будет обеспечено государственным устройством, тем сильнее будут гаситься возможные центробежные тенденции на местах, тем больше и надежнее будут обеспечены центростремительные тенденции в федеративном образовании. И великим человеческим подвигом В. И. Ленина стоит считать одно из его последних творческих деяний. Пребывая в крайне тяжелом физическом состоянии и превозмогая тяжелейшую болезнь, он смог найти в себе силы («сверхсилы»), чтобы решительнейшим образом выступить против опаснейшей тенденции, способной взорвать многонациональную страну, если бы она стала на предложенный И. В. Сталиным путь «автономизации» – на деле создания в полной мере централистского, унитарного государства. Очевидно, В. И. Ленин не исключал возможности возвращения Генерального секретаря ЦК РКП(б) на позиции, с которых его вынудили отступить в конце 1922 г.

Однако судьба не предоставила возможности В. И. Ленину довести возникший теоретический спор и принципиальнейший политически-практический конфликт (в этом нет сомнения) до победного конца.

Безусловно, краеугольными камнями созидаемого федеративного государства явились отстаиваемые ленинские принципы самоопределения, добровольности, равноправия, взаимоуважения.

Но параллельно развилась и приобрела силу и другая тенденция. Она олицетворялась И. В. Сталиным. К решающей фазе объединительного движения – осени 1922 г. – Генеральный секретарь ЦК РКП(б) подошел с пятилетним опытом бессменного руководства наркоматом национальных дел (в этом смысле сравниться с ним никто не мог) и с реноме самого авторитетного знатока и теоретика национального вопроса. Недаром вплоть до этого момента – сентября–октября 1922 г. – именно ему доверялись доклады на упомянутых партийных форумах, а решения (резолюции) принимались с его авторской подачи. При этом во всех без исключения ситуациях И. В. Сталин имел постоянную, несомненную и категорическую поддержку В. И. Ленина.

Однако у И. В. Сталина постепенно выработался собственный подход к пониманию проблем национального строительства. Обязательной предпосылкой решения любых вопросов в национальной сфере он считал установление во всех национальных регионах, национальных окраинах (а в них, как известно, проживало 57 % населения страны) советской власти. Так, условно говоря, нарком по делам национальностей превратился, прежде всего, в «наркома по установлению советской власти в национальных регионах». И в этой роли он весьма преуспел – выглядел очень убедительно и эффективно. Это можно подтвердить его деятельной, конструктивной позицией во время всего периода Гражданской войны в Украине, да, как известно, и в других регионах, на различных фронтах. Получив своеобразный «карт-бланш» в выработке проекта завершающей фазы объединительного движения советских республик, И. В. Сталин действовал искренно (вряд ли есть основания обвинять его в злом умысле и скрытых целях) и напористо, незыблемо веря в правоту предложенного «этатистского» варианта. Но то, что в полной мере оправдало себя в годы Гражданской войны, вряд ли было приемлемым для национально-государственного созидания в мирное время, да еще в расчете на длительную перспективу, в которую верили творцы нового строя.

Это сразу почувствовали уже имевшие значительный опыт в решении национального вопроса на местах партийно-советские руководители субъектов будущего союза – УССР, БССР, ЗСФСР. Ни одна делегация с мест в комиссии по подготовке документов для партийного пленума (октябрь 1922 г.), на котором предстояло рассмотреть судьбоносный документ, в полном составе не поддержала сталинский проект, предлагая к «плану автономизации» уточнения и изменения. Позицию Советской Украины очень четко, выразительно, доказательно представляли Х. Г Раковский, Н. А Скрыпник, М. В. Фрунзе (их аргументы в развернувшейся дискуссии может быть впервые так полно представлены в двухтомнике автора «Украинско-российские взаимоотношения в 1917–1924 гг.: историко-историографические эссе»[1]; думается, что картину теоретических дискуссий могли бы содержательно дополнить высказывания тогдашних лидеров Белоруссии и Закавказья).

Наверное, в определенной мере совокупность эти возражений, опасений, предостережений, предложений и, наконец, их принципиальную поддержку В. И. Лениным можно считать альтернативными элементами к плану строительства многонационального советского государства. Конечно, это не было целостной концепцией, сколько-нибудь существенно отличающейся от Декларации об образовании Союза ССР и Союзного договора. А вот тенденциям трансформации основополагающих принципов создания федерации хотя бы в определенной мере они могли конструктивно сослужить. Примером могут быть настойчивые, взвешенные, обоснованные предложения Х. Г. Раковского, в основе которых лежали четкие критерии следования демократическому курсу в национально-советском строительстве.

И если В. И. Ленин успел поддержать сомнения партийно-советской элиты национальных регионов к моменту провозглашения создания СССР, добился от И. В. Сталина серьезнейших уступок (думается, что кроме В. И. Ленина, он бы никому больше не пошел навстречу), хотя искренне винился в записках «К вопросу о национальностях или об автономизации»», что удалось не все необходимое сделать, то создать преграду сталинским подходам и позициям уже на стадии уконституирования СССР оказалось невозможным. Это убедительно продемонстрировали XII съезд РКП(б) и Четвертое Совещание ЦК РКП с партийными работниками национальных республик в

[1] «Украинско-российские взаимоотношения в 1917–1924 гг.: историко-историографические эссе». в 2 т. Москва; Берлин, 2021. Т. 2. С. 368–451.

Москве (июнь 1923 г.). Авторитаристски-централистические управленческие тенденции довольно быстро начали получать доминирование, поскольку тех, кто проявлял несогласие (как Х. Г. Раковского) начали устранять с позиций, где можно было оказывать влияние на процессы государственного строительства и развития.

Думается в мотивации позиции И. В. Сталина неоправданно искать стремление сознательно ограничивать принципы демократизма, деформировать представления о национальном равноправии и т. п. Это был другой метод упрочения советской власти, развития страны, в превосходство которого Генеральный секретарь ЦК РКП(б)–ВКП(б) уверовал абсолютно и беспрекословно реализовывал. Возможностей для этого, как оказалось, было достаточно. А потенций для противодействия неконструктивным и в определенном смысле опасным тенденциям не обнаружилось. Как не нашлось у партийно-советской элиты реальных творческих сил для продолжения борьбы за торжество ленинской линии в федеративном строительстве.

7. Дайте характеристику советскому государству и советскому обществу с точки зрения национального вопроса.

Союз Советских Социалистических Республик явился ярким, убедительным, вдохновляющим примером решения национального вопроса. Да, век его оказался недолгим, он потерпел сокрушительный крах, немного не дотянув до своего 70-летия. Было совершено немало непростительных ошибок, принято некомпетентных решений, допущено обидных провалов…

Но сколько было поистине эпохальных свершений, незабываемых достижений, подлинно исторических побед! И кто в мире может назвать более масштабный и столь же результативный опыт решения национального вопроса?

Однако фактом остается и то, что давшееся очень непросто и являвшееся бесценным завоеванием, не удалось сберечь, развить, усовершенствовать, укрепить.

Не хочется вступать в бесполезные споры с теми, кто, вопреки очевидному, оценивает опыт СССР в целом исключительно негативно. Думается, продолжающиеся на этот счет дискуссии рациональнее воспринимать как дополнительный стимул и серьезный сигнал, чтобы еще и еще раз возвратиться к непростой истории создания и функционирования советского федеративного

государства, попытаться непредвзято и объективно в ней разобраться, комплексно оценить и несомненный позитив, и столь же реальный негатив.

Есть достаточно веских объяснений (это большой и сложный разговор), почему такой богатый, разнообразный, поучительный опыт Союза ССР не получил достаточно глубокой, обстоятельной, всесторонней, системной историографической разработки. Дело чести представителей исторического цеха – дать, наконец, должную оценку феномену, повторение которого в обозримом будущем вряд ли возможно.

Многолетний опыт изучения исторической поступи Союза Советских Социалистических Республик убеждает, что до сих пор это лучший в мире пример решения национального вопроса в полиэтническом обществе и как генеральный подход он будет еще востребован и обязательно детальнейше исследован в будущем.

8. По Вашему мнению, Россия выиграла или проиграла от Беловежских соглашений, осуществленных командой Б. Н. Ельцина?

Нет ответа.

9. Оцените шансы на воссоздание в той или иной форме многонационального государства из числа бывших союзных республик СССР. Какие факторы будут способствовать, а какие препятствовать процессам интеграции на постсоветском пространстве?

Нет ответа.

10. Открытый вопрос: задайте себе и дайте ответ на любой иной важный, по Вашему мнению, вопрос, связанной с общей темой Вопросника.

Какой была реальная роль Союза ССР в реализации проблемы украинской соборности – важной слагаемой решения национального вопроса?

Рискну высказать и обосновать мнение, что решением сложнейшей исторической, национально-политической проблемы украинской соборности (т. е. собирания воедино разрозненных этнических ветвей) украинство должно быть обязано, прежде всего, Союзу ССР – его мощи (военной в том числе), стремлению политического руководства страны последовательно придерживаться принципа национальной справедливости.

Разорванный на части со времен распада Киевской Руси этнос всегда мечтал об объединении в одну семью. Впервые реально приблизиться к ре-

шению благородной гуманитарной идеи получилось в революционную эпоху начала XX века.

Неукоснительно следуя научному этнографическому принципу, концепцию соборности украинских земель уже в 1917 г. теоретически обосновал председатель Центральной Рады, лидер Украинской Народной Республики М. С. Грушевский. Считая, что в состав возрождаемой Украины по праву должны входить естественно образовавшиеся этнически-географические комплексы, в которых украинцы имеют преобладание (то есть, более 50 % жителей), ученый на основе имеющейся статистики считал, что в таком случае в УНР должны входить 9 губерний бывшей Российской империи: Подольская, Волынская, Киевская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Екатеринославская, Херсонская и Таврическая (без Крыма). К ним предполагалось присоединить Восточную Галицию, Западную Волынь, Северную Буковину, Придунайские земли Бессарабии и Карпатскую (Закарпатскую) Украину. Конечно, в некоторых приграничных областях могли возникать спорные вопросы относительно обоснованности их отнесения к тому или иному национально-государственному или национально-административному образованию. В таких случаях предполагалось проведение местных референдумов или плебисцитов для выяснения учета по этому вопросу мнения населения. Было хорошо известно, что во многих городах промышленного Левобережья высоким, превосходящим 50-процентный барьер, было количество россиян, серьезным был и удельный вес евреев. Однако в научной системе координат при определении границ национально-государственных образований преимущество должно было отдаваться не этническим «вкраплениям» отдельных населенных пунктов, а исторически сложившимся целостным этнически-территориальным массивам.

Конечно, о воссоединении западных ареалов с основным массивом – Подроссийской Украиной – речь могла идти только в результате демонтажа Австро-Венгерской империи. Но и в пределах России Временное правительство полагало допустимым согласиться с территориальной автономией только 5 губерний Юго-Западного края. Промышленно развитое Левобережье (Харьковская, Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губернии) «отрезались» как не имеющие достаточных оснований считаться украинскими.

Однако, когда в конце зимы – начале весны 1918 г. местные большевики в экстремально сложных условиях попытались уже на основе других принципов – экономического своеобразия, прежде всего, – выделить Донецко-

Криворожский бассейн в отдельную советскую республику с предложениями ее присоединения к РСФСР, лидеры РКП(б) – В. И. Ленин, И. В. Сталин, Я. М Свердлов, другие члены ЦК и руководители СНК не согласились с подобным необоснованным, сепаратистским действием. Официальная Москва решительно воспрепятствовала возрождению подобных попыток позднее, в момент образования в конце 1918 – начале 1919 гг. Донецкой губернии: нарком по делам национальностей получил категорическое поручение – «ликвидировать Кривдонбасс». Ответственные решения принимались на основе строгого соблюдения положений национальной программы РКП(б) и учета имевшейся статистики.

Первой реальной попыткой объединить восточных и западных украинцев в лице Украинской Народной Республики и Западно-Украинской Народной Республики стало одобрение на «всенародном вече» в Киеве 22 января 1919 г. Акта (Универсала) Соборности, утвержденного на следующий день Трудовым конгрессом Украины. Однако в силу ряда причин, прежде всего, резкой активизации военных действий, неразработанности механизмов строительства единого государственного организма и противоречий внутри украинских элит воплотить в жизнь провозглашенную цель не удалось.

После Первой мировой войны и сложных международных комбинаций, в частности, решений проходившей под эгидой Антанты Парижской мирной конференции Восточная Галиция, Западная Волынь были оккупированы Польшей, Северная Буковина, Придунайские земли и другие украинские районы в составе Бессарабии были аннексированы Румынией, а Карпатская Украина (Русь) была включена в состав Чехословакии. Во всех трех упомянутых странах украинское население испытывало в разной степени тяготы зависимого положения, вовлекалось в национально-освободительные процессы, проявляло стремления к объединению с преобладающей частью нации в Украинской ССР. Советская дипломатия неоднократно заявляла о противоестественности сложившейся ситуации, о том, что придет время для неизбежного справедливого решения украинского вопроса.

Такое время пришло в непростые годы Второй мировой войны. Сколь бы критичными не были подходы к Пакту Риббентропа–Молотова, но бесспорной позитивной его составляющей являлось отторжение от Польши Западной Украины, ставшее подлинным торжеством исторической справедливости. Точно также как и в сентябре – октябре 1939 г., результативно закончилась

дипломатическая акция СССР в июне 1940 г. – Румыния вынуждена была уступить ультимативному требованию Советского Союза и вернуть захваченные еще в 1918 г. земли Бессарабии в их составе и украинские регионы.

Из истории международных отношений хорошо известно, как советские делегации на Тегеранской и Ялтинской конференциях твердо и принципиально отстаивали этнические границы Украины на Западе от стремлений прибегавших к разоблаченным бесчестным приемам англичан (У. Черчилль) и американцев (Ф. Рузвельт) оторвать значительную часть украинских территорий в пользу Польши.

Освободительный поход Красной армии в Европу снял все вопросы относительно претензий Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии на украинские территории (последняя из упомянутых стран сама инициировала исправление неправомерных решений прошлого). Важно еще раз подчеркнуть, что советская сторона старалась быть максимально точной, справедливой в разрешении непростых вопросов послевоенных разграничений. О внимательнейшем отношении к волеизъявлениям населения свидетельствовали и тщательно продуманные, взвешенные процедуры законодательного оформления решений, касающихся собирания ветвей украинства.

Не столь уверенно и однозначно можно судить о факте передачи Крыма Украинской ССР по решению Верховного Совета СССР. Конечно, при этом в 1954 г. не было проявлено должного внимания к этнографическому фактору. Верх взяли прагматичные расчеты: возможность более эффективного использования территориальных и инфраструктурных аспектов в развитии полуострова в общих интересах всей страны – Советского Союза. О том, что может когда-нибудь случиться распад СССР и возникнут проблемы всесторонней обоснованности принимаемых решений, осуществленных на их основе действий, никто предугадать не мог.

Не был ли украинский коммунизм угрозой становлению и укреплению Союза ССР?

Украинский коммунизм принадлежит, возможно, к числу наименее исследованных и объективно оцененных, но весьма важных исторических феноменов революционной эпохи и первых полутора десятилетий советской власти.

Наиболее лапидарно неординарное явление можно образно представить как своеобразное движение части украинского политикума, первоначально

принадлежавшего к национальным партиям, от сугубо национальных платформ к коммунистической программе и одновременное стремление «на встречном курсе» сблизить и соединить социальные программы марксизма, реализуемые социалистической революцией, со стратегическими национальными интересами и задачами.

Названное условно первым направление воплотилось в вычленении из Украинской партии социалистов-революционеров левого крыла под названием УПСР (боротьбистов) и превращение его через ряд подвижек в августе 1919 г в Украинскую Коммунистическую партию (боротьбистов). Ее члены в марте 1920 г. влились в Коммунистическую партию (большевиков) Украины. Параллельно практически такие же процессы произошли в региональных организациях российских эсеров. Провозгласив себя поначалу Украинской партией левых украинских эсеров-коммунистов (борьбистов), они в довольно большом числе (по некоторым данным, до 17 тыс.) также вступили в КП(б)У. Выделившаяся из Украинской социал-демократической рабочей партии фракция «независимых» частично объединилась с боротьбистами, а частично в начале 1920 г образовала Украинскую Коммунистическую партию и в 1925 г. ее члены также присоединились к КП(б)У. Отдельные группы упомянутых течений вступили в Компартию Украины еще до принятия решений руководящими центрами. Похожим оказался и путь к коммунистам Украины левых элементов местных организаций еврейских социалистических партий, сплотившихся в Украинский Бунд (Комфарбанд). Есть основания считать, что весной 1920 г. численность членов КП(б)У – выходцев из недавних украинских политических партий – приближалась к половине ее состава. Это обстоятельство – серьезный повод для вывода о трансформации Украинской национально-освободительной, национально-демократической революции в национально-социалистическую.

Весьма важно учитывать тут и дополнительные объективные аргументы. Хотя члены коммунистических организаций, течений, групп Украины во время австро-германской оккупации, гетманата, антантовских интервенций, деникинщины, петлюровщины не просто преследовались, а беспощадно физически уничтожались, они прошли через все испытания и к концу Гражданской войны доказали свою неистребимость, жизнестойкость. В то же время ни одна правая или правоцентристская партия не сохранилась, хотя осложнений, подобных вышеупомянутым, им испытать не пришлось. Эмигрировали

очень незначительные остатки прежних политических руководителей Украинской революции.

Наиболее ярким личностным воплощением влечения от украинских социалистов к украинскому коммунизму является интеллектуальная эволюция выдающегося мыслителя, талантливого писателя, политического деятеля-революционера В. К. Винниченко, стремление которого «сделать Советскую Украину украинской», похоже, не понято и не оценено и до сих пор.

Проявление движения «на встречном курсе» было также детерминировано революционной практикой, когда критически мыслящие личности вроде В. П. Затонского, В. М. Шахрая, Г. Ф. Лапчинского почувствовали потребность глубже и предметнее учесть национальную специфику осуществления социалистического курса, органично дополнить социальные лозунги национальными. Тенденция усилилась во время дискуссий о принципах и методах образования, упрочения СССР. Наиболее последовательно стремились сочетать коммунистические и национальные начала Н. А. Скрыпник, Х. Г. Раковский и М. В. Фрунзе. Кроме желания внедрить в основополагающие политико-государственнические документы (вплоть до Конституции СССР) и в практику национально-государственного строительства элементов, гарантирующих демократические принципы взаимоотношений, реальное национальное равноправие, никаких тенденций, способных отрицательно влиять, тем более – составлять угрозу развитию союзному государству не было. Иногда, правда, пугала эмоциональная, но по большей части утопическая риторика таких украинских коммунистов как А. А. Речицкий, А. Я. Шумский. Отдельные проявления «идеологического сепаратизма» пресекались местными партийными организациями, чему примерами могут служить разоблачения «волобуевщины», «хвылевизма», «шумскизма».

В целом положительным следует признать очень большой вклад национальных коммунистов в осуществление политики украинизации, весьма эффективно «сработавшей» на упрочение советского строя в республике, а значит, и Союза ССР в целом.

Оценки же украинского коммунизма никогда не были достаточно глубокими, обстоятельными. Отчасти это объяснимо. Национал-коммунизм рождался в острейшей идейной борьбе, в сложнейшем революционном водовороте. На трех первых съездах КП(б)У (1918–1919 гг.), рассматривавших вопросы отношения к непролетарским партиям (в их числе и украинским) при-

нимались резолюции с самым решительным их осуждением и практически недопустимости сотрудничества с ними. Определенная инерция негативного отношения сохранялась и по отношению к выходцам из таких партий. Так, В. И. Ленин долгое время проявлял настороженность к деятельности боротьбистов. А И. В. Сталин без должных на то оснований обвинил персонально многих украинских коммунистов в национал-уклонизме, в причастности к «небольшевистской», «петлюровской» украинизации, что закончилось для многих из них, как известно, трагически. В советской историографии преобладали критические оценки феномена. Западные авторы исходят из того, что интернациональная марксистская теория несовместима с логикой решения национального вопроса вообще. Поэтому национал-коммунизм – это заблуждение, сюрреализм. Идейно-политические коллизии в постсоветский период мешают объективно подойти к постижению сущности украинского коммунизма, его взвешенной реалистичной оценке.

***

Подобных затронутым последним двум аспектам в историческом опыте решения национального вопроса в Украине еще достаточно много. Конечно, в немалом количестве важные специфические элементы есть и в других национальных регионах бывших Российской империи и Союза Советских Социалистических Республик. Очевидно, было бы интересно и полезно провести совместными усилиями ученых предметные системные исследования именно в таком ракурсе, что позволило бы создать хорошую базу для сравнительного анализа, столь важного для постижения проблемы в комплексе и ее конкретных проявлениях.

Д. И. Стогов (СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург)

1. Дайте характеристику государству и обществу дореволюционной России с точки зрения национального вопроса.

Характеристика дореволюционной России с точки зрения национального вопроса, на мой взгляд, весьма противоречива. С одной стороны, в России на протяжении многих веков, буквально с момента расселения восточнославянских племен на территории Русской равнины, сложились уникальные условия и возможности симбиоза различных народов с разными традициями и культурами. При этом в большинстве своем наблюдалось мирное сосуще-

ствование славянских, финно-угорских, а также, в особенности после покорения Иоанном Грозным Казани и Астрахани, и тюркских народов. Русские не проявляли симптомы «великодержавного шовинизма», хотя данное понятие широко использовалось в либеральной и революционной пропаганде конца XIX–XX вв.

Квинтэссенция отношения русских к иноплеменникам, на мой взгляд, наиболее последовательно выражена Ф. М. Достоевским в «Речи о Пушкине»: «…Назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. […] Наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей»[1].

Между тем, как свидетельствуют источники, в Средние века и в Новое время определенные трения в плане взаимоотношений между различными народами на территории России возникали при попытках насильственной христианизации «инородцев». Однако, на мой взгляд, этот процесс шел медленно, непоследовательно и в значительно более компромиссной форме, чем он осуществлялся католическими миссионерами в различных западных колониях. В итоге, как и в случае с православными русскими, на национальных окраинах России в целом сложилась практика так называемого «двоеверия», когда народы, формально являясь христианами и нося православные имена, сохраняли языческие традиции. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в постперестроечное время языческие традиции ряда нерусских народов начали активно возрождаться (к примеру, проводятся моления на «священных рощах» у марийцев, камлания шаманов в Сибири и т. д.).

Говоря о национальных отношениях в Российской империи, необходимо четко отличать стремления и чаяния элит тех или иных народов от стремлений и чаяний народных масс. В принципе, простому человеку любой национальности главным образом важны следующие факторы: материальное благополучие, мирное существование, сохранение традиционной формы жизни (в том числе религии, традиций, обычаев, уклада). Какой будет верховная власть в стране – по большому счету простому обывателю все равно. Простой народ не будет лезть в политику. Однако те или иные политические элиты ряда народов, входивших в состав Российской империи (прежде всего

[1] Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1880. Август // Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Т. 11. Ч. 2. СПб., 1895. С. 469 (Глава вторая. Пушкин (очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества Любителей Российской Словесности).

имеются в виду поляки и шведоязычная элита Финляндии), в силу своего происхождения были изначально настроены русофобски и антироссийски. Именно эти элиты, подстрекаемые определенными кругами Запада, и являлись одним из главных источников усиления межнациональной напряженности в последние годы существования Российской империи.

Был и еще один фактор, который способствовал обострению национального вопроса на рубеже веков. На мой взгляд, начиная с периода царствования Александра III, и особенно при Николае II, русское правительство допустило серьезные ошибки в плане национальной политики. Имеется в виду насильственная русификация ряда народов (прежде всего поляков и финнов). Достаточно привести пример печально известного финляндского генерал-губернатора Н. И. Бобрикова, проводившего данную политику в Великом княжестве Финляндском. В итоге Бобриков был убит в 1904 г. шведом-террористом Эйгеном Шауманом. Прошло более ста лет, а на могилу убийцы губернатора в финском городе Порвоо (бывший Борго) финны продолжают возлагать цветы, свидетелем чему я неоднократно был сам, посещая Финляндию. Можно в этой связи также вспомнить негативное упоминание имени Бобрикова в знаменитой финской песне эпохи советско-финской войны 1939–1940 гг. «Njet, Molotoff». Возможно, если бы царское правительство не пошло на поводу у националистически настроенных русификаторов (одним из наиболее известных выразителей этой политики был П. А. Столыпин), то распада империи удалось бы избежать. Хотя, понятное дело, определенно сказать на сей счет по прошествии более ста лет трудно.

Многие представители консервативной элиты Российской империи пытались предостеречь императора от проведения русификаторской политики. Приведу малоизвестный, но характерный пример. В 1914 г. в «газете-журнале» «Гражданин», которая издавалась личным другом Александра III, организатором крупнейшего правомонархического салона Петербурга князем В. П. Мещерским, была опубликована заметка, посвященная «украинскому вопросу»[2]. Автор публикации возмущался, что в одной из школ Киевской губернии власти запретили исполнять колядки на украинском языке. При этом, отмечает автор статьи, «в библиотеках при школах, конечно, нет ни одной “украинской” книги, но зато находятся **все** (Выделено в тексте источника.

[2] С. Г. Тайновед // Гражданин. 1914. Воскресенье, 2 февраля. № 5. С. 2–4.

– *Д. С.*) произведения графа Льва Толстого». Далее автор делал важный и справедливый вывод: «Преследования “колядок” украинских могут довести до совершенно противоположных ожидаемым результатов и составить “вопросы” там, где их никогда даже и не было. Примером служит хотя бы насильственная мадьяризация венгерских русинов. Таким примерам следовать не стоит. […] А народ перестает верить даже в Рождество, но зато читает Толстого и Маркса»[3].

В отличие от Н. И. Бобрикова, куда более правильную политику проводил Якутский, впоследствии Енисейский губернатор Н. Н. Крафт, человек, безусловно, консервативных взглядов, сторонник православной трезвости. Он живо интересовался обычаями и традициями тюркских народов Сибири и Тургайской области (нынешний Казахстан), многое сделал для развития культуры этих народов, в том числе издавал соответствующую литературу.

Другое дело – любые проявления сепаратизма на территории Российской империи, любые попытки покушения на территориальную целостность государства. Эти проявления нужно было всецело пресекать в зародыше, дабы они не разрослись впоследствии буйным цветом. К сожалению, царские спецслужбы не смогли подавить проявления сепаратизма, в том числе украинского.

Вторжение правительства в область национальных традиций и обычаев, а тем паче языка тех или иных народов явилось грубейшей ошибкой, которая способствовала росту межнациональной напряженности в империи. Вместо того чтобы придерживаться принципа единства в многообразии, реализации идеи «цветущей сложности» (по меткому выражению русского консервативного философа К. Н. Леонтьева), правительство Николая II пошло по скользкому пути унификации, упрощения, усреднения, который привел к трагическим последствиям.

Преднамеренно не касаюсь такой сложной и деликатной темы, как еврейский вопрос, который требует особого и глубокого осмысления. Впрочем, замечу, что религиозные иудеи, как правило, оставались лояльными правительству, тогда как многие представители еврейской национальности, которые отошли от своей традиции, от национальных и религиозных корней, избрали скользкий и тернистый революционный путь насильственной борьбы с самодержавием и разрушения исторической России.

---

[3] С. Г. Тайновед // Гражданин. 1914. Воскресенье, 2 февраля. № 5. С. 4.

2. Объясните причины распада Российской империи. Назовите основные этапы этого процесса.

Главная причина – резкое ухудшение социально-экономической ситуации в России, вызванное, прежде всего, затянувшейся Первой мировой войной с небывалым дотоле числом человеческих жертв и разрушений. В условиях социально-экономической нестабильности (достаточно вспомнить пресловутые хлебные «хвосты») неизбежно обостряются национальные проблемы. В условиях слабости центральной власти (свержение самодержавия, низвержение императора, фигура которого, как бы мы к нему ни относились, долгое время носила сакральный характер для большинства народа) на местах активизировались антироссийские, сепаратистские элиты, получавшие, очевидно, к тому же щедрую помощь от западных спонсоров, заинтересованных в ослаблении (а то и в полной ликвидации) России.

И вот уже, как горестно сообщал русский философ и писатель В. В. Розанов, «старик лет 60 “и такой серьезный”, Новгородской губернии, выразился: “Из бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть”»[4]. Старик, который, быть может, еще за какие-нибудь несколько месяцев до этого боготворил царя! Философ в этой связи отмечает: «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три. […] Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Чтó же осталось-то? Странным образом – буквально ничего»[5]. Розанов справедливо видел главную причину такого развития событий в оторванности элиты Российской империи от народа, в нежелании видеть и слышать чаяния народных масс. И это еще одна из причин распада империи. Составляющие этой причины – нерешенные аграрный и рабочий вопросы, другие социально-экономические проблемы, неграмотная русификаторская политика царских властей, о которой уже было сказано. В условиях отсутствия нормальной центральной власти (так называемая «керенщина») простой народ на национальных окраинах, полуграмотный в целом и совершенно безграмотный политически, был готов поддержать любого демагога, обещавшего решить все проблемы легко и сразу и обвинявшего во всех бедах представителей «титульной нации».

[4] Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени // Розанов В. В. Сочинения. Л., 1990. С. 469.
[5] Там же.

Что же касается этапов процесса распада империи, то они, на мой взгляд, следующие:

Первый этап. Обострение национального вопроса в предреволюционные годы в связи с общим обострением социально-экономических проблем и, как следствие, ухудшением положения народных масс, а также в связи с безграмотной русификаторской политикой царского правительства.

Второй этап. Период с февраля по октябрь 1917 г. В отсутствии дееспособной центральной власти и в условиях дальнейшего обострения социальной напряженности усиливаются центробежные тенденции на местах. Страна уже на грани распада.

Третий этап. Октябрь 1917 г. – начало 1918 г. Попытки консолидации общества под большевистскими лозунгами. Приход к власти большевиков, по выражению В. И. Ленина, «триумфальное шествие диктатуры большевиков и советской власти, когда она привлекла на свою сторону безусловно, решительно и бесповоротно гигантские массы трудящихся и эксплуатируемых в России...»[6]. Большевикам на определенное время удалось сплотить значительную часть населения России (за исключением территорий, оккупированных войсками центральных держав и некоторых национальных окраин). Этому способствовали простые для понимания лозунги советской власти, в том числе позиция по национальному вопросу (равноправие наций и народностей).

Четвертый этап. С лета 1918 г. и далее на протяжении всей Гражданской войны. Хронологически совпадает с активной фазой Гражданской войны. Фактически страна распалась на части. Большевики в этот период не смогли удержать власть на большей части территории бывшей Российской империи вследствие ряда причин, таких как дальнейшее ухудшение социально-экономической ситуации в России, раскол общества по ряду вопросов (в том числе по вопросу о мире с Германией и другими центральными державами), продовольственная диктатура большевиков (настроившая против них зажиточное крестьянство), активное сопротивление несогласных с политикой большевиков и т. д.

---

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 95.

3. Почему большевики смогли собрать большую часть территорий распавшейся империи и почему не собрали всю?

Большевики в первые годы советской власти ставили перед собой далеко идущие цели – организацию мировой революции и так называемой «Всемирной республики Советов». По национальному вопросу они выдвигали лозунг, предполагавший право наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Соответственно, реализация данного принципа привела к тому, что буквально в первые месяцы после установления советской власти независимость получила Финляндия. Затем, после подписания Брестского мира, большевики потеряли контроль над территориями Прибалтики, Белоруссии, Украины и ряда других. Тем не менее, разрушение традиционных экономических связей между регионами бывшей империи в условиях Гражданской войны было чревато самыми печальными последствиями. Большевики, для того чтобы сохранить свою власть, а затем (как предполагали они) приумножить ее, распространив «мировую революцию», нуждались в сохранении экономических связей (тем более, в условиях военного времени). Вскоре после аннулирования условий Брестского мира большевики поставили вопрос о координации усилий на подконтрольных им территориях, что в итоге привело к образованию военного союза республик (Россия, Украина, Литва, Латвия, Белоруссия) уже в 1919 г. Впоследствии интеграционные процессы только усиливались – в итоге 30 декабря 1922 г. образовался Союз ССР. Правда, на территории Прибалтики большевики свою власть удержать не смогли (не хватило сил и возможностей). То же самое касается утраченных по Рижскому мирному договору 1921 г. Западной Украины и Западной Белоруссии. Еще раньше, в 1918 г., гражданская война в Финляндии закончилась поражением «красных» финнов и победой «белофиннов». Соответственно, указанные территории (плюс Бессарабия, оккупированная Румынией) были по объективным причинам утрачены.

Поддержка большевиков со стороны рабочего класса и значительной части крестьянства, железная дисциплина, плановые методы хозяйствования (показавшие эффективность в условиях военного времени), идейный кризис белого движения (не способного предложить обществу достойную альтернативу большевикам) способствовали победе красных и сплочению большей части территории бывшей Российской империи под красным знаменем.

4. Согласны ли вы с тезисом о том, что лозунг «Единая и неделимая» был одной из причин поражения белого движения в период Гражданской войны. Поясните свой ответ.

Не согласен. Лозунг «Единая и неделимая» русским населением бывшей Российской империи не мог не восприниматься положительно (уже в силу менталитета русских), а среди значительной части «инородцев» воспринимался скорее индифферентно. Повторяю, что для простых обывателей, не лезших в политику, важно было сохранение социально-экономической стабильности в стране и установление мира. Указанный лозунг вызывал аллергию лишь у политически активных элит ряда народов бывшей империи (например, у политически активного «украинства»). Поражение белых было обусловлено другими причинами: это, в первую очередь, идейные разногласия в рядах белых, отсутствие четко выраженной программы (пресловутое «непредрешенчество»), неспособность решить аграрный и рабочий вопросы в интересах народа, а также иностранная интервенция, которая оказала медвежью услугу белым (во-первых, потому что иностранные державы пытались реализовать свои корыстные интересы руками белых, а во-вторых, потому что активная поддержка со стороны иностранных держав не могла не вызвать негативной реакции в народе). Не случайно в те годы в народе была популярна песенка об А. В. Колчаке: «Мундир английский, Погон французский, Табак японский, Правитель омский». Все понимали, что иностранные державы оказывали помощь «колчакам» не бескорыстно.

5. Какое влияние оказала Гражданская война на процесс создания нового многонационального государства?

Народ был шокирован беспределом и анархией, которые имели место на значительной части территорий бывшей Российской империи в период Гражданской войны. Народ устал от неопределенности, от вседозволенности, от «махновщины», был измучен тяжелыми социально-экономическими условиями, длительной войной. Народ желал стабильности – и экономической, и политической. Эту стабильность народу дали большевики, образовав СССР, просуществовавший около семидесяти лет.

6. Советский Союз, созданный как федерация, быстро стал централизованным государством. Каковы причины и были ли альтернативы такому ходу событий?

Процесс создания централизованного государства на территории СССР был, на мой взгляд, неизбежным. Главные причины именно такого развития событий: традиционная политическая культура России, требовавшая наличие «вождя», авторитарный характер управления страной «из центра», сложная международная обстановка (страна находилась в окружении врагов), необходимость немедленного и быстрого проведения модернизации страны в различных областях ее существования (вспомним в этой связи известное высказывание И. В. Сталина на Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»[7].

Так или иначе, существование СССР в форме централизованного государства было единственной формой выживания огромной многонациональной страны в сложных и напряженных условиях.

Вряд ли были возможны альтернативы такому развитию событий. Децентрализация (ее попытки на экономическом уровне, кстати, были проведены позже Н. С. Хрущевым) привела бы к росту бюрократии, к неразберихе в управлении такой гигантской страной, как СССР. Короткое хрущевское правление показало невозможность децентрализации экономики, которая ввергла ее в системный кризис. И хотя последующие реформы А. Н. Косыгина и смогли в какой-то мере преодолеть негатив хрущевского правления, СССР, к сожалению, так и не смог преодолеть его последствия до конца.

7. Дайте характеристику советскому государству и советскому обществу с точки зрения национального вопроса.

Считаю, что национальная политика Советского государства явилась фактической реализацией на практике принципа «всемирной отзывчивости», о которой в упомянутой уже мною «Пушкинской речи» заявлял в свое время Ф. М. Достоевский. Классик писал: «Способность эта (Выражаясь словами самого Ф. М. Достоевского, «способность всемирной отзывчивости и пол-

[7] Сталин И. В. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 13. С. 38.

нейшего перевоплощения в гении чужих наций, и перевоплощения почти совершенного». – *Д. С.*) есть всецело способность русская, национальная. […] Народ же наш именно заключает в душе своей эту склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению и уже проявил ее во все двухсотлетие с Петровской реформы не раз. Обозначая эту способность народа нашего, я не мог не выставить в то же время, в факте этом, и великого утешения для нас в нашем будущем, великой и, может быть, величайшей надежды нашей, светящей нам впереди»[8]. Конечно, у Достоевского речь шла о христианских ценностях, в СССР они были заменены коммунистическими идеалами. Так или иначе, стоит отметить, что именно идея «всемирной отзывчивости» со всей наглядностью воплотилась в подвиге советского народа в Великой Отечественной войне, когда он избавил весь мир от фашизма. «Это была не только военно-политическая, но и моральная победа. Победил народ, проявивший и защитивший в этой смертельной борьбе свою самобытность и спасший многие народы от физического истребления»[9], – подчеркивает в этой связи русский философ и публицист А. В. Гулыга. Активная поддержка многочисленных народов СССР, развитие их национальных языков, культуры, а главное, подъем экономики (особенно в тех регионах бывшей Российской империи, где, мягко выражаясь, она находилась в плачевном состоянии) – вот основные положительные моменты реализации национальной политики СССР.

Однако, на мой взгляд, изначально в процессе создания СССР в 1922 г. под его тело была заложена мина, которая взорвалась почти через 70 лет, в 1991 году. Имеется в виду идея федерализации в противоположность сталинской идеи автономизации, которая предполагала бы включение всех республик в состав РСФСР. Активное сопротивление местных элит ряда республик (Грузии, Украины) способствовало тому, что на практике была реализована идея федерализации (во многом компромиссная). Впрочем, Сталин, находясь у власти, фактически построил унитарное государство. Но стоит обратить внимание на тот факт, что распад СССР в 1991 г. во многом был предопределен Союзным договором 1922 г. с его правом свободного выхода из единого государства (п. 4, глава II).

---

[8] Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1880. Август // Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Т. 11. Ч. 2. СПб., 1895. С. 447–448 (Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже Речи о Пушкине).

[9] Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. М.: Соратник, 1995. С. 87.

8. По Вашему мнению, Россия выиграла или проиграла от Беловежских соглашений, осуществленных командой Б. Н. Ельцина?

Проиграли все, в том числе и Россия. 25 миллионов этнических русских оказались за пределами исторической России, стали изгоями в новых независимых государствах. Еще в перестроечный период на постсоветском пространстве запылали очаги межнациональных конфликтов. Беловежские соглашения не способствовали их преодолению. Нагорный Карабах, Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Чечня, а теперь еще и Украина – вот те «горячие точки», в которых на протяжении многих лет имело место (а кое-где, как на Украине, только усиливается) гражданское противостояние, от которого страдают все. От Беловежского соглашения выиграли только политические элиты республик бывшего СССР, заполучившие власть, а также олигархи, завладевшие общенародной собственностью. Выиграли, безусловно, и западные недруги. Демагогия либералов девяностых о том, что, мол, россиянам «хватит кормить» другие республики, так и осталась демагогией. На практике, перестав «кормить» республики, Россия оказалась в плачевном состоянии, в котором не пребывала со времен Гражданской войны и из которого медленно выходит на протяжении более чем двадцати последних лет.

9. Оцените шансы на воссоздание в той или иной форме многонационального государства из числа бывших союзных республик СССР. Какие факторы будут способствовать, а какие препятствовать процессам интеграции на постсоветском пространстве?

Интеграция на постсоветском пространстве неизбежна. Иначе (снова цитирую Иосифа Виссарионовича) «нас сомнут». Еще раз повторю – простой народ всегда будет заинтересован в тесной интеграции на постсоветском пространстве. Ему не нужна политическая власть – ему нужна экономическая стабильность и мирное небо над головой. Народу нужна, если хотите, сильная рука, выражаясь церковным языком, «катехон», «удерживающий» страну от сил зла: будь то царь, или генеральный секретарь, или президент – в данном случае не имеет значения. Разделение и дезинтеграция нужны политическим элитам и олигархам, стремящимся заполучить как можно больше власти, а также материальной выгоды для себя. Разделение и дезинтеграция нужны многочисленным врагам России, прежде всего, из числа так называемых «недружественных стран» Европы и Америки. Единая и сильная Россия

им точно не нужна и никогда не будет нужна. Идеи расчленения России культивировали в сознании европейцев с того момента, когда из раздробленной Руси стало вырастать единое Русское централизованное государство. Еще в XVI в. немецкий авантюрист Генрих Штаден, оказавшийся волею судьбы в опричнине Иоанна Грозного, вынашивал идеи «обращения Московии в имперскую провинцию» Священной Римской империи. И подобного рода «штаденов» на протяжении многовековой истории взаимоотношений России и Запада были тысячи. Западным политическим элитам нужны богатые природные ресурсы России и покорное, ограниченное по численности население, готовое обслуживать интересы «золотого миллиарда». Все указанные силы будут сопротивляться, причем жестоко сопротивляться. Сейчас кровавым полем борьбы за единство народов постсоветского пространства стала Украина. Через что еще предстоит пройти нашим народам в дальнейшем – трудно предугадать. Тем не менее, простой народ, вопреки сопротивлению прозападных элит, объективно будет стремиться к интеграции, и ситуация на Украине лишний раз это демонстрирует. Несмотря на многолетнюю жесточайшую националистическую пропаганду, развернутую преступным киевским режимом, простой народ в бывшей советской республике в значительной степени тянется к России, к интеграции.

Конечно, для успешного налаживания процесса интеграции нужна, в первую очередь, политическая воля государственной власти в самой России, ее желание возглавить интеграцию. В годы правления Б. Н. Ельцина с его лозунгом «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить» не только не могло идти речи об интеграции на постсоветском пространстве; речь шла о распаде самой Российской Федерации. В настоящее время мы видим, что Верховная власть в лице, в первую очередь, Президента России В. В. Путина готова возглавить интеграционный процесс. Дай Бог, чтобы и впоследствии эта линия сохранилась.

10. Открытый вопрос: задайте себе и дайте ответ на любой иной важный, по Вашему мнению, вопрос, связанной с общей темой Вопросника.

Будет ли когда-нибудь проведено объективное расследование на государственном уровне всех обстоятельств, связанных с величайшей трагедией XX века – распадом СССР?

В ближайшее время – вряд ли. Еще живы (хотя с каждым годом их становится все меньше и меньше) непосредственные участники событий, которые

могли бы приоткрыть тайны, связанные с процессом распада Союзного государства. Очевидно, что многие из них не заинтересованы в раскрытии всей правды. Так что, видимо, более полная картина трагических событий 1991 года раскроется перед обществом через много лет. Когда – сказать трудно. Учитывая тот факт, что по прошествии более чем ста (!) лет Следственный комитет России продолжает расследовать обстоятельства расстрела Царской семьи, ждать более-менее объективного расследования распада Союза придется еще очень и очень долго.

В. Ж. Цветков (МПГУ, Москва)

1. Дайте характеристику государству и обществу дореволюционной России с точки зрения национального вопроса.

Национальный вопрос как таковой не являлся ведущим в «повестке дня» внутренней политики Российской империи. Как известно, в паспорте отсутствовала графа «национальность», но были указания на сословное происхождение и вероисповедание. Понятие «подданные», «верноподданные» в значительной степени уравнивало имперское население. Это отнюдь не означало отсутствие национальных проблем и национальных конфликтов вообще. Дворянство, проживавшее на территориях (Грузинского царства, например), вошедших в состав империи, могло иметь равные права с «коренным» российским дворянством. Но не стоит забывать про существенное ограничение прав в административной карьере для представителей «инородцев» и «иноверцев», о «черте оседлости», имевшей законодательное закрепление. Хотя, конечно, никакой «тюрьмой народов» империя не была.

Иными словами, Российская империя – это вариант унитарной государственной, бюрократической модели, с очень сильным влиянием «столичных центров» (условно говоря, три столицы – Санкт-Петербург, Москва и Киев), но с растущим общественно-политическим потенциалом и общественно-политическими запросами «окраин» (прежде всего Польши, Финляндии). Это проявилось в 1917 году.

2. Объясните причины распада Российской империи. Назовите основные этапы этого процесса.

Если речь идет о значении в распаде империи национальных проблем, то, на мой взгляд, преувеличивать их значение не стоит. Однако и преуменьшать

неуместно. Главные причины распада заключались в области политических и экономических факторов. Первая мировая война значительно усилила и ускорила течение кризисных процессов, которые, в условиях мира, очевидно, могли разрешиться более последовательно и эффективно. Растущая общественно-политическая протестная активность регионов Российской империи в 1917 году в целом ряде случаев проявлялась путем «национального освобождения» и становления «национальной государственности». Часто в качестве необходимой основы для создания собственной государственности использовались лозунги «борьбы с самодержавием».

Другое дело, что призывы к возрождению «национальной государственности» совершенно не обязательно означали неизбежного отделения от России данных регионов. Напомню в этой связи, что, несмотря на заявления многих украинских политиков о необходимости «самостийной Украины», в период власти Временного правительства дальше «автономии в составе России» официальных заявлений Центральная Рада не делала. И Универсал о независимости был объявлен Радой уже после установления советской власти. Аналогичная ситуация складывалась и в формировании т. н. «областничества», ставшего основой для создания центров антибольшевистского движения, провозглашавших не отдельную от центра территорию, а «область», где отсутствует советская власть и которая станет затем основой для «возрождения» новой России.

В качестве альтернативы можно было бы представить вариант, при котором Всероссийское Учредительное Собрание принимает целый комплекс решений, связанных с новым национально-территориальным устройством Российского государства, где учитывается и наличие местных органов управления и самоуправления с широкими полномочиями (как в казачьих областях), и в то же время, признание общероссийского государственного центра.

3. Почему большевики смогли собрать большую часть территорий распавшейся империи и почему не собрали всю?

Здесь я думаю, необходимо четко представлять себе принципиальную разницу между Российской империей и Советским Союзом. Российская империя не идентична Советскому Союзу, равно как и современная Российская Федерация не идентична Советскому Союзу.

Почему? По причине базовых различий в социально-экономических (например, наличие или отсутствие права частной собственности) и социально-

политических критериях (например, наличие или отсутствие наследственной, династической власти). В советских школьных учебниках приводилось очень верное, на мой взгляд, определение образовавшегося в 1922 г. Советского Союза: «…Многонациональное социалистическое государство – добровольный союз равноправных и суверенных республик, построенный на принципах пролетарского интернационализма, единстве социально-экономической и политической организации общества, на общности идейной и культурной жизни…».

Иными словами, для большевиков принципиальным вопросом было не «собирание земель», то есть не общность территории при образовании государства, а создание союза «советских, социалистических» государств, республик суверенных и самостоятельных в принятии решений о создании объединения. СССР имел перспективы стать в будущем «мировым социалистическим Союзом». Те же территории бывшей Российской империи, которые не имели общности экономической и политической системы, и не могли оказаться в составе СССР в начале 1920-х гг. Это относится к Финляндии, Польше, государствам Прибалтики.

Хотя никоим образом не стоит отрицать намерений Советской России, посредством поддержки (финансовой, военной) местных левых политических сил, добиться усиления своего влияния в ставших независимыми государствах.

4. Согласны ли вы с тезисом о том, что лозунг «Единая и неделимая» был одной из причин поражения Белого движения в период Гражданской войны. Поясните свой ответ.

Не могу согласиться. Дело в том, что лозунг «Единая и неделимая Россия», если обратиться к первоисточникам, документальным материалам белых правительств, белой прессы периода Гражданской войны, трактовался в контексте не национальной, а социальной политики. В противостоянии с советским лозунгом классовой борьбы, основанном на антагонистическом противоречии между эксплуататорами и эксплуатируемыми, Белое движение позиционировало лозунг национального, классового единства.

Генерал Деникин, например, в одном из публичных выступлений в 1919 г., в начале «Похода на Москву», заявлял: «…Пойдем на север спасать Россию, спасать от распада и гибели, ибо не может быть ни счастья, ни мира, ни сколько-нибудь сносного человеческого существования на Дону и Кавказе, если рядом с нами будут гибнуть прочие русские земли. Пойдем мы туда не

для того, чтобы вернуться к старым порядкам, не для защиты сословных и классовых интересов, а чтобы создать новую, светлую жизнь всем: и правым, и левым, и казаку, и крестьянину, и рабочему…».

Если же рассматривать именно национальную политику Белого движения, то можно отметить ее относительную гибкость даже в период максимальных военных успехов белых армий лета – осени 1919 г. Однозначно заявлялось о признании независимой Польши, были сделаны официальные заявления о признании независимости Прибалтийских республик, фактической независимости государств Закавказья и Финляндии. Еще более многообещающие декларативные заявления делались генералом Врангелем, окончательно признавшим необходимость федеративного устройства будущего Российского государства.

Поэтому причины неудач Белого движения те же, по сути, что и причины поражений в любой войне (в том числе и Гражданской). К ним привели военные факторы. Отсутствие резервов, слабость боевого снабжения, стратегические и тактические ошибки планирования и ведения боевых действий – все это играло существенную роль в исходе войны.

5. Какое влияние оказала Гражданская война на процесс создания нового многонационального государства.

Гражданская война оказала сильное влияние на создание СССР. В годы войны сложился военно-политический союз советских республик. Нужно помнить, что со стороны, условно говоря, «красных» участвовали воинские части, укомплектованные добровольцами и мобилизованными в республиках Советской Прибалтики (в конце 1918 – начале 1919 гг.), в Советской Украине, в Советской Белоруссии. Устанавливалось взаимодействие в транспортной системе, в системе продовольственного и боевого снабжения. С полным основанием можно было говорить про «единый военный лагерь» не только применительно к Советской России, но и ко всем советским государственным образованиям.

Помимо этого, нужно помнить, что поскольку СССР сформировался на основе глубокого внутреннего раскола, на основе победы одной стороны Гражданской войны, а не на основе «согласия и примирения» между «красными» и «белыми», то сущность гражданского противостояния сохранялась и в последующие годы. Модель мобилизационной экономики и мобилизаци-

онной политической системы становилась доминирующей. Это влияло и на формирование национальной политики.

6. Советский Союз, созданный как федерация, быстро стал централизованным государством. Каковы причины и были ли альтернативы такому ходу событий.

Как я уже отмечал выше, во многом причиной подобной централизации стала Гражданская война. Причем мобилизационный формат экономики и политики оставался таковым, несмотря на уменьшение эскалации внутреннего конфликта. На смену ему шел конфликт с внешним миром под лозунгами «противостояния мировому капитализму» и «борьбы за мировую революцию».

Но степень централизации не стоит преувеличивать. Возврата к унитарной модели Российской империи не произошло и не могло произойти. Состав и полномочия высших советских органов власти СССР – Совета Союза и Совета Национальностей были построены на основе представительства национальных республик, фактически и формально уравненных в правах с РСФСР. Это было существенным достижением в истории государственного строительства.

Однако следовало разделять формально провозглашенные и конституционно утвержденные полномочия властных органов в Советском Союзе и ту политическую практику, которая сопровождала деятельность высших и региональных органов власти СССР.

Альтернатива была. Она, на мой взгляд, могла быть выражена в известном диссидентском лозунге рубежа 1960-х – 1970-х гг.: «Соблюдайте собственную Конституцию». Четкое следование провозглашенным и закрепленным принципам национального самоопределения, подкрепленное законодательством (в том числе и разработка правового порядка, провозглашенной в Конституции нормы «выхода из состава» СССР) могло бы обеспечить гораздо более действенное функционирование властного аппарата. Следовало проводить экономическую политику более пропорционального и соответствующего реальным запросам распределения бюджетных доходов и расходов между столичными центрами и регионами, между центром и республиками, и ни в коем случае не занижать потенциал роста российских регионов, в частности, российского Нечерноземья. Ошибочно было полагать, например, что наличие обширных плодородных земель Украины и Казахстана гарантирует стабильно высокий уровень советского агропрома в целом.

7. Дайте характеристику советскому государству и советскому обществу с точки зрения национального вопроса.

Я не хочу говорить лозунгами о «всеобщем братстве советских народов», однако могу по собственному жизненному опыту и собственным впечатлениям сказать, что ярко выраженного неприятия русских людей в Прибалтике, в Средней Азии, не говоря уже об Украине, не было. Сказывалось, безусловно, не столько некое общее «имперское прошлое» времен 1913 года, о котором практически забыли к концу второй половины XX столетия, а общая история, объединявшая уже несколько выросших после революции и Гражданской войны поколений. Русский язык стал действительным «средством межнационального общения» не потому, что это провозглашалось как конституционный принцип, а потому, что это реально объединяло людей в повседневной жизни, в решении самых разнообразных проблем. И это, безусловно, уникальное достижение Советского Союза и советского общества.

Но. Принципиальная ошибка заключалась в том, что республики «не выживут» друг без друга. Что СССР – это на века и тысячелетия. Исторический опыт свидетельствует, что небольшие государства обладают не меньшим, а подчас гораздо большим потенциалом эффективного роста, по сравнению с гигантскими империями. И расчет на то, что «без центра регионы пропадут», как показали события «перестройки» 1980-х гг., не оправдался.

Историческая заслуга Михаила Сергеевича Горбачева заключалась в том, что он всерьез занялся созданием нового формата СССР. Эта практически не изученная тема, я уверен, еще ждет своего беспристрастного исследователя.

8. По Вашему мнению, Россия выиграла или проиграла от Беловежских соглашений, осуществленных командой Б. Н. Ельцина?

Думаю, что в чем-то выиграла, в чем-то проиграла – смотря из каких критериев исходить.

Дело в том, что РСФСР по масштабу своих потенциальных возможностей представляла собой государство, обладающее очень существенными перспективами роста и экономического доминирования. Если не в масштабах всей Европы, то уж Восточной Европы – очевидно. Потенциал роста заключался отнюдь не только в сырьевых ресурсах. А в наличии конкурентоспособных интеллектуальных центров (что для постиндустриальной экономики является важнейшим условием развития). Потенциал роста был и в том вы-

соком доверии, которое, несмотря ни на что, сохраняло тогдашнее российское руководство в мире и среди республик бывшего СССР. Был вполне реальный шанс углублять и развивать сотрудничество по линии Содружества независимых государств, которое, в те годы, очень многим представлялось неким аналогом СССР.

Выигрыш России заключался в том, что перед ней уже не стояла необходимость быть постоянным ведущим «центром». Возникла возможность расширения сотрудничества с зарубежными партнерами, исчезла необходимость крупных бюджетных расходов на противостояние в режиме «холодной войны», возникла перспектива направления доходов на поддержку собственной «глубинки», а не ближних и дальних «союзников». Появилась возможность сосредоточиться на решении многочисленных внутренних проблем, о чем неоднократно тогда говорилось и писалось (например, А. И. Солженицыным).

Ну а то, что взамен стремительного экономического роста, при условии стимулирования личной деловой инициативы, продолжала существовать явно гипертрофированная сырьевая составляющая бюджетных поступлений, то, что началась «утечка мозгов» и не было достигнуто подлинного обоюдного доверия с бывшими союзными республиками – это последствия уже не «беловежских соглашений», а тех ошибок и просчетов, которые были сделаны в 1990-е.

9. Оцените шансы на воссоздание в той или иной форме многонационального государства из числа бывших союзных республик СССР. Какие факторы будут способствовать, а какие препятствовать процессам интеграции на постсоветском пространстве?

Однозначно неприемлемо какое бы то ни было насилие и подавление, неравноправие при попытках создания нового Союза. Абсолютно неприемлем диктат, язык ультиматумов и угроз в отношении соседей. Это не было приемлемо ранее, во время образования СССР в начале 1920-х гг. (о чем неоднократно писал В. И. Ленин) и это тем более неприемлемо в XXI столетии.

Мир стал глобальным, это данность, которую невозможно отрицать. Но никакая «общая история» не заменит актуальных экономических и политических факторов сближения. Если интерес к сближению есть, оно произойдет. Для этого необходима общая «основа» сближения. В СССР это была общность социально-экономического и социально-политического устройства.

А на чем может произойти объединение теперь? Чем заинтересуют друг друга бывшие союзные партнеры? Может быть, это экологическая тематика, переработка углеводородов, «чистая энергетика», может быть, решение продовольственных, аграрных проблем, может быть, освоение Нечерноземья, Северного морского пути… А может быть общечеловеческие, духовные ценности гуманизма и мира. Трудно сказать. Это потребует филигранной интеллектуальной работы, глубочайшего взаимного уважения. Но это, очевидно, пока остается невостребованным. Пока язык «межнационального общения» строится нередко на основе миропонимания и лексики, условно говоря, «бандитского Петербурга», а не Петербурга академика Д. С. Лихачева с его «заповедями человечности».

Но, все-таки, в будущее (даже очень, очень далекое) хотелось бы смотреть с оптимизмом.

10. Открытый вопрос: задайте себе и дайте ответ на любой иной важный, по Вашему мнению, вопрос, связанной с общей темой Вопросника

Что такое в Вашем представлении «СССР № 2»?

Сейчас это очень популярный формат нашей политологии и публицистики. Но отмечу сразу – это фантастика, 100 % утопия. Во-первых, потому, что история никогда не повторяется дважды (если только не в виде «фарса», как отмечал Карл Маркс). Во-вторых, потому, что форма нередко полностью заменяет собой содержание. Иными словами, можно по сто раз «крутить» на телеканалах «Кавказскую пленницу» или «Офицеров», можно умиляться от просмотра мультфильма «Мама для мамонтенка», но при этом ни на йоту не приблизиться к созданию условий для реального, фундаментального объединения. Можно обижаться на то, что в школьных учебниках бывших союзных республик не изучается, например, творчество А. П. Чехова, но при этом самому не знать о том, кто такие Шота Руставели, Назым Хикмет, Эдуардас Межелайтис или Тарас Шевченко. И тут есть над чем подумать…

Д. О. Чураков (МПГУ, Москва)

1. Дайте характеристику государству и обществу дореволюционной России с точки зрения национального вопроса.

Российскую империю до февраля 1917 г. можно считать особым типом империи добуржуазной и доглобалистической (империалистической) эпохи. Ее структуры хранили в себе специфический объединительный уклад, который мог напомнить позднюю Римскую империю или раннюю империю Рюриковичей. Для власти национальный вопрос не являлся краеугольным. Подданным империи был любой человек, соглашавшийся с комплексом определенных условий, предъявляемых властью. Как в государствах феодальной формации, в Российской империи строились особые отношения с национальными регионами. В их основе тоже лежало согласие жить по заведенным в едином пространстве правилам. Поэтому в России многие окраинные земли существовали по нормам, отличающимся от «общеимперских». Входили территории в империю тоже на разных основаниях. Кавказ, Польша, Финляндия, Чукотка, Малороссия, Бухара, Туркестан, Аляска, Новороссия, Крым и многие другие регионы в разные годы проходили процесс включения в имперское пространство по особым, установленным только для них правилам. Такое положение вещей приводило к тому, что территории и народы были объединены не Российским государством, а российским государем – часто на условиях личной зависимости или унии. Попытки создания общеимперских норм и условий управления предпринимались редко, носили непоследовательный и эпизодический характер.

Можно сказать, что национальный вопрос вообще не осознавался в Российской империи. Вместо него на повестке дня стояли религиозные отличия и степень лояльности монарху. В этом была сила и одновременно слабость империи. Сила заключалась в том, что империя не делила подданных по национальностям. Слабость же заключалась в том, что подданные сами делили себя по национальностям и с трудом отказывались от межнациональных предрассудков. Например, в польских землях постепенно разрастался национализм местного образованного сословия, паразитировавший на базе русофобии, а на Кавказе не утихал конфликт между армянами и кавказскими татарами на почве исторических и религиозных взаимных обид, уходящих в такую глубину веков, что имперская верхушка не могла себе и представить.

Свой негативный вклад в ситуацию вносила многонациональная до космополитизма имперская бюрократия. Ее высокомерное отношение ко всем населявшим империю подданным на местах могло ошибочно восприниматься как высокомерие со стороны русского народа. Во второй половине XIX в. к разжиганию межнациональной розни в империи подключилась «прогрессивная» интеллигенция, азартно бросившаяся создавать искусственные этносы, неизвестные истории, но полезные с точки зрения подрыва самодержавия. Так, средствами социально-культурной инженерии из части русского народа была «создана» искусственная «украинская нация». Днем ее рождения должно считаться 20 февраля 1906 г. В этот день решением специальной комиссии Академии наук «украинский язык» был объявлен самостоятельным языком, а не областным диалектом русского языка, как справедливо считалось прежде. Излишне подчеркивать, что состав комиссии был преимущественно либеральным и очень прогрессивным. Такие же попытки предпринимались тогда в отношении сибиряков, казаков, поморов и других самобытных групп русского народа.

2. Объясните причины распада Российской империи. Назовите основные этапы этого процесса.

В основе распада Российской империи лежали общемировые процессы этно-политического развития, имеющие свои корни и на пространстве Исторической России. Россия как империя была слишком сильна и самодостаточна, чтобы не стать препятствием процессов глобализации и гиперглобализации. Ей была уготована общая участь – все национальные империи в XX веке были упразднены. Какие раньше, а какие – позже.

Первым этапом распада Российской империи можно назвать крушение Романовской монархии в феврале 1917 г. Тогда этот процесс удалось предотвратить и 30 декабря 1922 г. – с образованием СССР – имперское пространство юридически было воссоздано. Но юридическое воссоздание империи на новых принципах не означало, что новый правящий слой понимал суть проблемы, что он осознавал, кому и чему на самом деле должно противостоять. Соответственно создание СССР не означало, что новые вожди спасенной страны отныне правильно подходили к укреплению государственного единства.

Результатом нерешаемых проблем стал второй этап распада российского исторического пространства, который начался в 1982–1991 гг.

Могут быть названы и другие, связанные с первой, причины распада Российской империи. Так, процессы дезинтеграции всегда являлись прямым следствием ослабления взаимосвязей между обществом и властью, ослаблением государства как такового.

3. Почему большевики смогли собрать большую часть территорий распавшейся империи и почему не собрали всю?

Исходя из сказанного выше, на вопрос о том, почему большевики смогли собрать территории Российской империи, можно дать однозначный ответ. Сила большевиков как собирателей русского исторического пространства заключалась в том, что большевики смогли построить сильное государство. Это государство было способно успешно решать любые проблемы сепаратизма и еще больше расширить русское историческое пространство, распространив его на территории, которые никогда прежде не входили в зону влияния России.

В свою очередь сильное государство большевики смогли создать потому, что у них имелись эффективные методы восстановления базового условия существования русского государства – а именно единства власти и общества. Встав во главе идущих снизу объединительных процессов, большевики не только восстановили государство, но и в целом решили взорвавшие его проблемы: международные, социальные, экономические, культурные, национальные, региональные и другие. На каком-то этапе (с Хрущева и Брежнева) единство власти и общества начало нарушаться за счет быстрого роста бюрократии и других негативных явлений. Отсюда вырастала вероятность – но не неизбежность – нового этапа распада Российского «имперского» единства, который стартовал в 1982–1991 гг. и усугублялся сознательными провокациями со стороны центральной власти при Андропове и его наследниках.

Восстановив связь общества и власти, при Ленине и Сталине смогли собрать ВСЮ территорию исторической России. Основная сборка формально завершилась 30 декабря 1922 г., когда было объявлено о создании СССР. Но империи не создаются и не восстанавливаются одним махом. Собирание земель растягивается иногда на века. Прибалтика вернулась в историческую «родную гавань» в 1940 г.; западные русские (Львов и др.) земли еще раньше – в 1939 г.; Польша – в 1944 г., Восточная Пруссия (утерянная еще в XVIII веке) – в 1945 г., Курилы, Ляодунский полуостров, Корея – тоже в 1945 г. Список можно продолжить.

Не удалось вернуть только те территории, которые были отрезаны от основной части страны морем, но в СССР постепенно складывались условия решения и этой проблемы – хотя бы частичного решения. Преодолев наследие Хрущева (изрядно преуспевшего в деле разрушения созданного при Сталине флота), Советский Союз постепенно начал возвращать себе океанический статус. Нынешний флот РФ (так же как и все остальное) – это лишь не побитые временем и вредными насекомыми фрагменты былого советского наследия. Но и они до совсем недавних дней позволяли нам отстаивать национальные интересы и в наших прибрежных морях, и в акватории Мирового Океана. Примером того, как СССР решал имеющиеся проблемы с русскими заморскими территориями, упущенными прогнившим романовским режимом, может служить судьба острова Врангеля. Романовский режим так и не обратил должного внимания на этот стратегически важный остров. Это спровоцировало канадцев и американцев попытаться его захватить. Только в 1924 г. СССР направил на остров канонерскую лодку «Красный Октябрь» под командованием гидрографа Б. В. Давыдова. С этого времени и до 1991 г. над островом развивался красный советский флаг, а теперь развивается нынешний российский триколор, но в Штатах периодически звучат требования вернуть им этот остров (которым американцы, впрочем, никогда не владели, но разве такие «мелочи» их когда-нибудь останавливали?).

4. Согласны ли вы с тезисом о том, что лозунг «Единая и неделимая» был одной из причин поражения белого движения в период Гражданской войны. Поясните свой ответ.

Если лозунг «Единая и неделимая» и можно назвать одной из причин поражения белого движения в период Гражданской войны, то только в десятую очередь. Белые были разбиты в силу отторжения их русским народом, глубинной Россией, самой логикой становления русской Цивилизации. Белые стремились восстановить дооктябрьское государство, то есть то, что умерло. Тем самым они несли на своих знаменах и шевронах не просто нарисованные черепа с перекрещенными костями. Они несли реальную неизбежную смерть исторической России. Россия имела право бороться со смертью и с теми, кто ничего другого ей предложить не мог. Из этой же серии вирусные идеи некоторых сегодняшних интеллектуалов о возвращении в прежнюю, дореволюционную Россию, в почившую Романовскую импе-

рию. То есть нас призывают вернуться в ту эпоху, которая была больна неизбежностью революционных катаклизмов, распада и страшных своей кровавостью гражданских войн. Собственно говоря, реинкарнацию Гражданской войны 1918–1922 гг. мы уже видели и видим в серии нескончаемых локальных (часто гибридных) войн на т. н. «постсоветском пространстве» в 1986–2022 гг. Призывов к «единой» и даже «неделимой» России сегодня звучит сколько угодно. Но большевиков, способных перенаправить энергию разрушения в созидательное русло, сегодня пока на поверхности нашей политической повседневности не наблюдается.

5. Какое влияние оказала Гражданская война на процесс создания нового многонационального государства.

Гражданская война, как и любая война, оказала преимущественно разрушительное, негативное влияние на процесс восстановления единого многонационального государства. Вот только вопрос: действительно нового? Не станем забывать мудрость: все новое – это ни к месту забытое старое. Раны, нанесенные гражданской войной строительству русской революционной государственности (в том числе в сфере межнациональных отношений), после завершения основных братоубийственных боев врачевались очень трудно и долго.

6. Советский Союз, созданный как федерация, быстро стал централизованным государством. Каковы причины и были ли альтернативы такому ходу событий.

Вопреки широко внедренному в общественное сознание утверждению, СССР так до конца не стал достаточно централизованным государством. Это произошло не из-за природы господствующей идеологии, а из-за низкой компетентности постсталинского руководства страны. Одним из проявлений этой некомпетентности являлся потрясающий своим примитивизмом догматизм. Ну и продажность определенной части советского правящего класса, включая часть верхушки КПСС, тоже следует учитывать. Все это тормозило центробежные тенденции в Советском Союзе и стимулировало центробежные.

Тем самым в жизнь воплотился именно сценарий, альтернативный централизации СССР. Он был единственной альтернативой централизации. Имя этой альтернативе – распад.

7. Дайте характеристику советскому государству и советскому обществу с точки зрения национального вопроса.

Классическая характеристика СССР с точки зрения решения в нем национального вопроса дана в сталинском гимне:

Союз нерушимый республик свободных

Сплотила навеки Великая Русь.

Да здравствует созданный волей народов

Единый, могучий Советский Союз!

Лучше и точнее сказать нельзя. Вот уже как четыре десятилетия со времен начала принудительного демонтажа Большой Исторической России память об СССР пытаются очернить и опошлить, но рожденное в эпоху социализма единство людей разных национальностей живет и периодически дает о себе знать то ирредентистскими восстаниями в Средней Азии, на берегах Днестра и Южном Кавказе, то Крымской весной, то массовыми протестами против разрушения советских памятников в Прибалтике, то добровольцами-интернационалистами в боях под Херсоном и Донецком.

8. По Вашему мнению, Россия выиграла или проиграла от Беловежских соглашений, осуществленных командой Б. Н. Ельцина?

В результате своего рода аналога «Беловежских соглашений» той поры (Любечских «соглашений» 1097 года) и феодальной раздробленности эпохи средневековья Русь как самостоятельная геологическая реальность вскоре исчезла на два столетия. В результате Беловежских «соглашений» Россия в очередной раз распалась на более чем два десятка самостийных удельных государственных либо квазигосударственных образований. От исчезновения своего единства еще не выигрывало ни одно государство в истории. Еще ни один народ в истории не выигрывал от исчезновения своего государства. Попытки отождествить РФ со всей Россией вызывают в лучшем случае удивление и сожаление. Попытки заложить данную мифологему в основу исторического образования в РФ вызывают тревогу и научный скепсис.

9. Оцените шансы на воссоздание в той или иной форме многонационального государства из числа бывших союзных республик СССР. Какие факторы будут способствовать, а какие препятствовать процессам интеграции на постсоветском пространстве?

Прежде всего, подчеркнем – речь должна идти не об «интеграции». Требуется работать на восстановление именно государственного единства Русского исторического пространства.

Интеграция – это термин-симулякр. Он может означать, что угодно или вообще ничего не означать. Нам требуется поднять из пепла и восстановить свой дом – свой собственный, родной, отчий дом.

В силу исторической природы русского народа вероятность очередного воссоздания государственного единства в пределах всего Русского исторического пространства чрезвычайно велика.

К сожалению события 2022 года затруднили усилия тех, кто прилагал реальные усилия к возрождению России, но сомнений в конечной победе не возникает даже сегодня.

Вместе с тем следует согласиться с пессимистическими оценками некоторых специалистов в области геополитики и военной стратегии. Согласно им, воссоздание России как сверхдержавы возможно не ранее 2030–2040 гг. Для этого требуется мощный внутренний подъем, в том числе экономический. Так же требуется уважительное, бережное отношение к истории и особенностям населяющих Северную Евразию (Малую Евразию) народов…

От себя добавлю пару слов о том, о чем другие эксперты вслух высказываться не спешат, но что явно читается в их работах между строк. Имеется в виду, что к 2030–2040 гг. неизбежно, в силу естественных законов развития, произойдет либо смена, либо трансформация нынешнего правящего отбора.

Но и затягивать с запуском реальных объединительных процессов не следует – можно и опоздать. Сегодня самым важным стратегическим ресурсом становится время. Тем более «наши» друзья и партнеры как на Востоке, так и на Западе заинтересованы решить за счет русского исторического пространства хотя бы часть своих действительно очень масштабных проблем. Слабая Российская Федерация помехой им стать не способна. Защитить свои национальные интересы сможет только сильная Россия, залогом силы и единства которой станет реальное единство власти и общества. Единство власти и общества – это так же единственная гарантия, что трагедия Гражданской войны столетней давности больше никогда не повториться, а идущие сегодня малые гражданские войны будут быстро преодолены по всему большому постсоветскому периметру.

II. ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

В. И. Голдин

Гражданская война в России: осмысление спустя сто лет[1]

Столетие Гражданской войны в России характеризовалось возросшим общественным и исследовательским интересом к этой теме, реализацией целого ряда крупных научных проектов, проведением серии научных конференций и изданием нескольких сотен книг. Был опубликован и ряд работ историографического характера[2]. Целью этой статьи является стремление подвести итоги сделанного историками в изучении Гражданской войны и интервенции в России, охарактеризовать наиболее значимые реализованные или реализуемые сегодня научные проекты, раскрыть степень изученности ключевых проблем, дискутируемые вопросы.

Начнем с наиболее крупных российских и международных научных проектов. В 2021 г. вышла в свет трехтомная энциклопедия «Россия в Гражданской войне. 1918–1922», выполненная коллективом в составе более 150 исследователей и включающая более 2 900 статей. Отметим, что авторский коллектив ставил главной задачей не решение спорных историографических вопросов, а прежде всего, систематизацию и обобщение выявленных фактов, анализ выводов и оценок ученых по широкому комплексу проблем[3]. Это издание уже получило первые оценки в опубликованных рецензиях или в ходе проводимых научных конференций[4]. Среди главных недостатков этого изда-

---

[1] Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времен до наших дней». Публикуется в целях апробации.

[2] Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии М., 2018; Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. СПб., 2018; Революция и Гражданская война в России: Современная историография. Сборник статей, обзоров и рефератов. М., 2018; Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии. СПб., 2019; Голдин В. И. Гражданская война в России: проблемы современной историографии // Российская история. 2022. № 3. С. 109–121 и др.

[3] Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия. В 3 т. М., 2021. Т.1. С.20.

[4] Кондрашин В. В. Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия. В 3 т. / отв. ред. А. К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2021. Т.1–3 // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 3. С.154–159; доклад А. А. Чернобаева на Всероссийской научной конференции во

ния – отсутствие в нем специальных статей об интервенции стран Антанты и Четверного союза в России и ее роли в развязывании и затягивании Гражданской войны.

С 2014 г. началась публикация материалов международного проекта «Великая война и Революция в России», призванного, по замыслу его инициаторов, фундаментально трансформировать понимание «континуума кризиса» в России 1914–1922 гг.[5] В реализации этого проекта планировалось участие более 250 авторов со всего мира. Сегодня издано 10 томов с 19 отдельными книгами и предстоит издать 11 том и 4 книгу (возможно и 5-ю) 5 тома. Этот проект планируется завершить в 2023 г. публикацией в общей сложности 11 томов, а в их составе 21–22 книг.

Главное внимание в проекте уделено Первой мировой войне и революционному процессу, а Гражданская война оказалась, объективно говоря, на втором плане, и разбита частями по томам и книгам. Впрочем, в 5-м томе этого проекта 2-я и 3-я книга посвящены, соответственно, военным компаниям и операциям и взаимоотношениям армии и общества[6]. Причем большинство авторского коллектива этих книг – российские историки. Подводя итоги этого проекта в части осмысления Гражданской войны, в России следует признать, что, несмотря на отдельные интересные опубликованные материалы, он не дает качественно нового понимания этого феномена отечественной, а во многом и мировой, истории.

В настоящее время завершается работа над 12-м томом «Гражданская война в России. 1917–1922» 20-томной академической «Истории России». Это издание осуществляется под эгидой Института российской истории (ИРИ) РАН в соответствии с решениями Президента и Правительства России. Том состоит из двух книг общим объемом примерно 140 п.л. Первая книга – «Военное строительство и политико-дипломатическое противоборство» – раскрывает процессы вооруженной борьбы на фронтах (внешних и

Владивостоке (октябрь 2022 г.) «Гражданская война в России. 1918–1922 гг. Энциклопедия. В 3-х т.: дальневосточный аспект».

[5] Russia’s Great War & Revolution Series URL: https://slavica.indiana.edu/series/Russia_Great_War_Seriesabout.shtml

[6] Russia’s Great War and Revolution. Volume 5: Military Affairs in Russia’s Great War and Revolution, 1914–22. Book 2. Bloomington, 2021; Volume 5: The Russian Civil War: Campaigns and Operations. Book 3: The Russian Civil War: Military and Society. Bloomington, 2021.

внутренних), военное строительство, а также международные отношения участников конфликта. Вторая книга – «Россия в Гражданской войне» – состоит из 9 разделов, раскрывающих ключевые проблемы жизни страны: государственность, спецслужбы и репрессивно-карательные системы, политические партии, экономика, общественная жизнь, социально-демографические и национальные процессы, культура, церковно-религиозная жизнь.

В авторский коллектив тома, возглавляемый автором этих строк (совместно с В. В. Кондрашиным из ИРИ РАН), входит около 40 человек из 10 регионов России, а также Украины. Во Введении первой книги тома представлена подробная отечественная и зарубежная историография истории Гражданской войны в России за минувшее столетие. В ходе работы над томом специально изучены и подробно охарактеризованы в опубликованных материалах наиболее крупные предшествующие проекты, выполнявшиеся как в нашей стране, так и за рубежом, объемом, как правило, от 2 до 5 томов. Для апробации издания были опубликованы его концепция, введение и заключения первой книги и тома в целом[7]. Основные концептуальные идеи тома, его методология, структура, содержание и выводы получили апробацию в ходе ряда крупных международных и всероссийских конференциях, проведенных в нашей стране 2018–2022 гг. с публикацией их материалов.

Добавим, что в указанный период в России состоялось порядка двадцати научных конференций, в большинстве своем международных или всероссийских, где происходил обмен мнениями по ключевым проблемам ее истории, а также ее протекания в регионах страны.

---

[7] Голдин В.И. Гражданская война в истории России: историография, современные подходы, подготовка нового академического издания // Новейшая история России. 2019. Т. 9. Вып. 3. С. 758–774; Голдин В. И. Попытки написания обобщающей истории Гражданской войны в России: анализ проектов и изданий XX – начала XXI в. и уроки для современности // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г). Новосибирск, 2019. С. 6–15; Голдин В. И. Гражданская война в России: итоги изучения, современное состояние исследования, проблемы // Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере. М., 2020. С. 11–25; О работе над XII томом «Гражданская война в России.1917–1922» 20-томной академической «Истории России» // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 4–5: Гражданская война в России: история и современность, память и уроки. Архангельск, 2021. С. 138–226 (URL: https://elibrary.ru/download_46153847_98289925.pdf); Голдин В.И. Гражданская война в истории России. 1917–1922. Итоги работы над XII томом 20-томной академической «Истории России» // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности. Новосибирск, 2022. С. 8–22 и др.

Содержательные индивидуальные авторские исследования о российской Гражданской войне, опубликованные в нашей стране и за рубежом на протяжении последнего пятилетия или чуть большего периода, к сожалению, единичны[8], хотя и вызывали активное обсуждение, дискуссии. Иностранные исследователи обычно освещают в своих монографиях более крупный период, ставя во главу угла тему Российской революции и рассматривая ее в большом историческом времени, характеризуя ее истоки, предпосылки, роль Первой мировой войны, развитие революционной эпохи, включая и Гражданскую войну, и ее последствия[9]. В отечественной историографии получил популярность концепт Великой Российской революции, охватывающей период с 1917 по начало 1920-х гг., но целостных фундаментальных исследований этой эпохи пока не появилось.

В последние годы продолжались дискуссии о концептуальном понимании гражданских войн и их типологии с тем, чтобы, в конечном итоге, глубже осмыслить и Гражданскую войну в России[10]. Учитывая отсутствие в мировой научной литературе общепринятого понимания феномена гражданской войны и разноголосицу суждений, целесообразно отметить ряд ее основополагающих характеристик и критериев.

Гражданская война является наиболее острой формой разрешения накопившихся социальных и иных конфликтов, противоречий и раскола внутри страны (государства, общества) посредством крупномасштабного и продолжительного вооруженного противостояния между различными организованными группами, входящими в состав одной страны, с целью захвата власти в ней или в ее отдельном регионе.

---

[8] Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018; Smele J. The «Russian» Civil Wars, 1916–1926. Ten Years That Shook the World. L., 2015.

[9] Steinberg M. Russian Revolution, 1905–1921. Oxford, 2017; Smith S. Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928. Oxford, 2017; Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924. L., 2017; Engelstein L. Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914–1921. N.Y., 2018, etc.

[10] Разиньков М. Е. О необходимости создания типологии гражданских войн для исторической науки // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 1. Архангельск, 2014. С.40–47; Разиньков М. Е. Типология гражданских войн – Евразия (1900–1950 гг.): из дневника исследователя // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 2. Архангельск, 2015. С. 112–123; Armitage D. Civil Wars: A History in Ideas. N.Y., 2017.

Она происходит внутри страны и характеризуется вооруженным противостоянием (и иными видами противоборства) значительной продолжительности, наличием устойчивых вооруженных формирований, обладающих политической программой, целью которых является установление или сохранение власти над страной или отдельными ее частями и ведущими вооруженные действия на значительных территориях. Гражданские войны характеризуются массовым насилием, широкой втянутостью гражданского населения в это противоборство и значительными безвозвратными потерями как в вооруженных формированиях, так и среди мирных жителей.

Важным для осмысления и понимания гражданской войны является определение характера и принципов раскола общества (социальный, политический, политико-идеологический, национальный, религиозный) и его глубины, а также наличие взаимосвязи с предшествующими революциями, другими войнами, внешним вмешательством, интервенцией в различных ее формах (военной, политической, экономической и др.).

Осмысление гражданской войны усложняется, если она происходит в многонациональных государствах и/или империях, где разворачиваются национальные и межнациональные столкновения и войны, а также национально-освободительные войны с целью получить независимость от прежнего государственного центра.

Идущая в научной литературе дискуссия направлена на то, чтобы с различных методологических позиций и с использованием, в частности, подходов и теорий политической конфликтологии, синергетики, компаративистики и других концепций раскрыть уникальность феномена Гражданской войны в России[11]. В специальных главах историографических монографий автора о Гражданской войне в России, а также в статьях раскрывались процессы ее концептуализации, обновления теоретических подходов, развития взглядов на ее содержание и феномен в последние годы и десятилетия[12].

---

[11] Булгаков А. О., Виноградский В. Г., Посадский А. В., Романовская О. А. Гражданская война в России. Историческая семантика и борьба дискурсов. Саратов, 2018; Колоницкий Б. И. От мировой войны к гражданским войнам (1917?–1922?) // Российская история. 2019. № 1. С. 3–23; Леонов С. В. Гражданская война в России: сущность, периодизация, особенности // Российская история. 2019. № 1. С. 24–36; Smith S. Revolution and the People in Russia and China: A comparative history. Cambridge, 2008.

[12] Голдин В. И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000. С. 57–74; Голдин В. И. Гражданская

Гражданская война в России рассматривается сегодня как сложный и уникальный исторический феномен в многообразии военных, политических, экономических, социально-классовых, социокультурных, духовно-нравственных, национальных и межнациональных процессов, конфликтов и расколов, разнообразных внутренних и международных столкновений и противоборств. Она носила глобальный и тотальный характер, ибо была не только внутрироссийским явлением, протекавшим на постимперском пространстве, но втянула в себя десятки стран, как через международную интервенцию в Россию в разнообразии ее форм (имея в виду не только военную) и другие формы вмешательства, так и посредством идей и практики мировой революции, оказала огромное влияние на мир, а также охватила все пространство страны, внесла раскол в различные слои, группы населения, семьи.

Противоборство в российской Гражданской войне велось на военном, политическом, идеологическом, дипломатическом, социальном, культурном и национальном фронтах, но главным из них была вооруженная борьба (в многообразии ее форм).

Распространенным в современной российской и мировой историографии Гражданской войны в России является осмысление ее как серии или комплекса войн, разнообразия видов и форм вооруженных и иных противоборств: 1) советского и антибольшевистского лагерей («красных» и белых»), фронтовое противостояние их армий и борьба с противниками на внутренних фронтах; 2) борьба общества и государства / государственных образований в различных проявлениях; 3) столкновение и противоборство центробежных и центростремительных сил, национальные, межнациональные и региональные войны и вооруженные конфликты; 4) военная (и другие формы) интервенция стран Четверного союза, Антанты и отдельных государств; 5) советские попытки «экспорта революции» в страны Европы и Азии, военные и политические действия за пределами страны; 6) восстания, заговоры, деятельность антиправительственных группировок в тылу противника, подпольная, партизанская, террористическая деятельность и др.

Особая и по-прежнему активно дискутируемая научная проблема – это периодизация Гражданской войны в России, ее хронологические рамки и, в

война в России сквозь призму: историографические процессы. Мурманск, 2012. С. 90–97; Голдин В. И. Гражданская война в России в современном научном понимании: концепция, содержание, последствия // Человек, общество и власть в эпоху «Русской смуты» 1917–1920. Симферополь, 2020. С. 7–20.

частности, ее истоки и начало. В научной литературе сложилось представление о необходимости рассматривать эту проблему, с одной стороны, с позиций так называемой «длинной» истории, в контексте предшествующих лет и десятилетий (сквозь призму осмысления процессов модернизации конца XIX – начала XX в. со всеми присущими ей противоречиями; Крестьянской революции; Первой русской революции) и даже веков, выявляя в ней конфронтационный и конфликтогенный потенциал (опыт и уроки крестьянских войн, восстаний, традиции раскола в российской истории, Россия как расколотая цивилизация), а с другой стороны, «короткой истории», посредством анализа событий и процессов 1917–1918 гг. или же, как актуально сегодня, начиная с Первой мировой войны, которая считается сегодня непосредственным прологом российской Гражданской войны.

В ходе современных дискуссий начало Гражданской войны в России связывается, как правило, с пониманием ее в широком смысле, т. е. соответственно, с Февралем, летом или Октябрем и концом 1917 г., и в узком смысле – с конца весны – начала лета 1918 г., когда в стране развернулась широкомасштабная и фронтовая Гражданская война.

Вместе с тем, возможно говорить о процессе постепенного втягивания России в Гражданскую войну, который растянулся на период продолжительностью более года и начинался в различных регионах и местностях в разное время, прежде чем охватить всю страну. Не нашло сколько-нибудь значительной поддержки в научном сообществе предложение английского историка Дж. Смила датировать начало Гражданской войны в России восстанием в Туркестане в 1916 г.

Военное и военно-политическое противоборство в Гражданской войне в России в разнообразии его форм всегда вызывало особый интерес историков, что было характерно и для последних лет. Главное внимание в постсоветский период и в последние годы уделялось изучению антибольшевистского и Белого движения, что характеризовалось и появлением множества работ книжного формата как в общероссийском, так и в региональном контексте, хотя и разной ценности, и нередко подверженных политической конъюнктуре, и идеализирующих противников советской власти.

Наиболее целостный анализ Белого дела представлен в монографиях московского историка В. Ж. Цветкова[13]. В целом же, в большей степени изучены военные и политические проблемы Белого движения, история спецслужб, в меньшей – внешняя политика и социально-экономические процессы. Отметим содержательные исследования новосибирского историка В. М. Рынкова по социальной политике антибольшевистских режимов[14].

Активно исследовались в последние годы крестьянское повстанческое движение в годы войны, «атаманщина» и «партизанщина», чему была посвящена серия работ книжного формата и историографических статей[15].

По-прежнему вызывают большой исследовательский интерес и обсуждение события и процессы Гражданской войны на национальных окраинах постимперского пространства[16]. При этом следует отметить, что для республик бывшего СССР в целом характерна тенденция квалификации тех событий как национально-освободительной и антиколониальной борьбы, направленной на образование, возрождение и защиту собственной национальной государственности. В силу этого деятельность национальных государственных образований той поры нередко идеализируется в литературе, выходящей в свет на постсоветском пространстве.

Наиболее острой и дискуссионной темой являются события той эпохи на Украине. Новейшая украинская историография не использует понятия «гражданская война» применительно к Украине, утверждая, что на Украине имели место три украино-большевистские или украино-советские войны с конца 1917

---

[13] Цветков В. Ж. Основные тенденции и перспективы изучения Белого дела // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М., 2018. 239–260; Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1917–1919 гг. М., 2019; Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1920–1922 гг. М., 2019.

[14] Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России: идеология, законодательство, практика (июнь 1918 – октябрь 1922). М., 2022.

[15] «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. М., 2015; Посадский А. В. Зеленое движение в Гражданской войне. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922. М., 2018; Посадский А. В. Изучение крестьянского повстанчества: контексты и задачи // Крестьянский фронт 1918–1922 гг. М., 2013. С.13–23; Кондрашин В. В. Крестьянское повстанческое движение 1918–1922 гг.: итоги и направления исследования // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 437–484.

[16] Буттино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007; Круглый стол «Гражданские войны на постимперском пространстве» // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3. С. 168–252.

по 1920 гг. Впрочем, подобные явно политизированные суждения встречают неприятие даже среди ряда авторитетных украинских историков, к числу которых относится в первую очередь В. Ф. Солдатенко, работающий весьма плодотворно, что выражается в серии опубликованных им в последние годы книг[17].

Кардинальное изменение ситуации на современной мировой арене, рост конфронтации в международных отношениях вернули в орбиту изучения в российской научной литературе историю иностранной интервенции в России во всех ее составляющих: стран Антанты и ее союзников, Четверного союза и ряда других стран[18]. Ранее, особенно в 90-е гг., писать об этих страницах истории взаимоотношений с зарубежными государствами было не принято. Это было обусловлено политическим лейтмотивом тех лет и надеждой, что Запад поможет России в ее постсоветской трансформации. Сегодня происходит исследование не только вооруженных действий стран Антанты и Четверного союза в России, но и политической, экономической, финансовой, идеологической форм интервенции и других аспектов вмешательства в Россию, включая и торговую блокаду.

Заметим, что интервенция играла ключевую роль в развязывании и продолжительности Гражданской войны в России в двух ее макрорегионах – на Европейском Севере и Дальнем Востоке. Добавим, что история интервенции в России всегда интересовала иностранных историков, что воплощалось и в новые издания книжного формата последнего десятилетия[19]. Обратим внимание

---

[17] Солдатенко В. Ф. Гражданская война в Украине в современном историографическом дискурсе // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта. М., 2018. С. 32–42; Солдатенко В. Ф. В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг. М., 2018. Солдатенко В. Ф. Россия – Крым – Украина: опыт взаимоотношений в годы революции и Гражданской войны. М., 2018; Солдатенко В. Ф. Украинско-российские взаимоотношения в 1917–1924 гг.: обрушение старого и обретение нового. Краткий историко-историографический очерк. В 2 томах. М.: Берлин, 2021.

[18] Галин В. Ю. Интервенция. Как Запад хотел поделить и ограбить Россию. М., 2018; Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг. От интервенции к признанию. СПб., 2019; Ланник Л. В. После Российской империи: германская интервенция 1918 г. СПб., 2020; Голдин В. И. Север России в огне Гражданской войны. Иностранная интервенция и ее последствия. Август – декабрь 1918 г. Архангельск, 2021; Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. В 2 т. СПб., 2021 и др.

[19] Moffat I. The Allied Intervention in Russia, 1918–1920: The Diplomacy of Chaos. Basingstoke, 2015; House J. M. Wolfhounds and the Polar Bears: the American Expeditionary Force in Siberia, 1918–1920. Tuscaloosa, AL, 2016; Wright D. Churchill's Secret War with Lenin: British Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War. Solihull, 2017;

и на «юбилейное», в связи со столетием интервенции стран Антанты в России, обсуждение этой темы на страницах одного из ведущих западных журналов[20].

В последние годы в орбиту изучения вошел так называемый «международный фронт» российской Гражданской войны, имея в виду не только иностранную интервенцию в Россию во всех ее составляющих, но и обсуждение так называемого «русского вопроса» на Парижской и Вашингтонской конференциях, стремление превратить Россию в изгоя складывавшейся Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, а также исследование идей и практики «мировой революции», попыток превращения большевиками мировой войны в международную гражданскую войну[21].

Но, наряду с военными, военно-политическими и политическими процессами, в последние годы продолжалось и изучение иных проблем жизни страны в эпоху Гражданской войны: экономических, социальных, культурных, хотя и с разной степенью результативности. Это воплощалось как в монографиях общеисторического характера, так и в некоторых историографических работах, направленных на подведение итогов изучения тех или иных проблем.

При формально значительном числе работ по истории советской государственности[22], крупных обобщающих исследований по этой теме в течение последних двух с лишним десятилетий не появилось. Последняя монография, посвященная созданию и деятельности Красной армии в годы Гражданской войны, была издана четверть века назад[23]. Отсутствуют современные исследования партии большевиков и ее трансформации после прихода к власти и в во-

---

Nelson J. The Polar Bear Expedition: The Heroes of America's Forgotten Invasion of Russia, 1918–1919. N.-Y., 2019, etc.

[20] Flake L. «Nonsense from the Beginning» – Allied Intervention in Russia's Civil War at 100: Historical Perspectives from Combatant Countries // The Journal of Slavic Military Studies. 2019. Vol. 32. № 4. P. 549–552.

[21] Быстрова Н. Е. «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М., 2016; Персидский фронт мировой революции. Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921). Изд. 2. М., 2017; Ватлин А. Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. М., 2018; Война, революция, мир. Россия в международных отношениях, 1915–1925. М., 2019; Айрапетов О. Р. Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 гг. и истоки Второй мировой войны. М., 2020; Аптекарь П. Красное солнце. Секретные восточные походы РККА. М., 2021 и др.

[22] Леонов С. В. Историография создания советской государственности (1917–1922 гг.) // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 23–58.

[23] Молодцыгин М. А. Красная Армия. Рождение и становление. 1917–1920 гг. М., 1997.

енные годы. Вместе с тем активно изучается деятельность советских спецслужб, в первую очередь ВЧК[24], их роль в системе советской государственности и в жизни общества, а также террор в российской Гражданской войне[25].

В последние годы и десятилетия ослабло изучение проблем экономики и экономических процессов в эпоху Гражданской войны[26], что сказалось и на количестве издаваемых работ, особенно монографий[27]. Важным является современное объективное осмысление политики «военного коммунизма» с уходом от крайностей ее предшествующих оценок. Целесообразно сравнительное изучение экономической политики большевиков и их противников.

Продолжалось исследование социальных процессов военного времени, хотя и с разной результативностью по отдельным проблемам. По-прежнему активно изучается поведение крестьянства и казачества в войне[28], появились некоторые новые монографии по истории рабочего класса (при этом центр

---

[24] Скоркин К. В. На страже завоеваний революции. История НКВД – ВЧК – ОГПУ РСФСР. 1917–1923. М., 2011; Кирмель Н. С., Шинин О. В. Красные против белых. Спецслужбы в Гражданской войны 1917–1922. М., 2016; Войтиков С. С. Советские спецслужбы и Красная армия. М., 2017; Плеханов А. А., Плеханов А. М. ВЧК. 1917–1922. Энциклопедия. М., 2017; ВЧК (1917–1922 гг.): к столетию создания. М., 2017; Тепляков А. Г. Деятельность органов ВЧК–ОГПУ–НКВД: историографические и источниковедческие аспекты. Новосибирск, 2018; Леонов С.В. Историография ВЧК // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 59–88; Шекшеев А. П. Органы ВЧК/ОГПУ и большевистская трансформация общества. Неизвестная история Енисейской Сибири. Минусинск, 2021 и др.

[25] Ратьковский И. С. Хроника красного террора. ВЧК: Карающий меч революции. М., 2017; Ратьковский И. С. Хроника белого террора в России: репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М., 2017; Литвин А. Л. Российская историография государственного террора в стране 1917–1953. Изд. 2, доп. и испр. М., 2019.

[26] Кондрашин В. В. К вопросу об итогах и перспективах изучения экономики России в годы Гражданской войны в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 2. С. 49–54.

[27] Мау В. А. Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861–1929). М., 2013; Сенин А. С. Железнодорожная администрация Советской России в годы Гражданской войны. М., 2015; Ходяков М. В. Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2019; Галин В. Ю. Политэкономия Гражданской войны в России. М., 2020; Хазиев Р. А. Зигзаги «альтернативной экономики» на Урале в годы командного администрирования и нэпа: черный рынок – легальная коммерция «красных нуворишей». Уфа, 2021.

[28] Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект. М.; Саранск, 2017; Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне. М.; Берлин, 2019 и др.

изучения сместился на протестную деятельность рабочих)[29], интеллигенции и особенно офицерства[30].

Отметим возросший исследовательский интерес к так называемому «человеческому измерению» этой эпохи, к разным категориям людей – воевавших, стремившихся остаться в стороне от войны, выживавших в чрезвычайных ситуациях, и к истории ее повседневности, проблемам быта, поведения, выживания людей, изменения их мировоззрения и мировосприятия. Эта тематика разрабатывается как на общероссийском, так и особенно на региональном и локальном уровнях[31].

Это направление исследований переплетается с социокультурной проблематикой. Предприняты попытки дать новое осмысление Гражданской войны, обратившись к проблемам языка, символов, образов[32]. Важным направлением исследований представляется изучение так называемого «культурного измерения» Гражданской войны, а зарубежные историки используют для ее характеристики понятия и образы «культурного фронта» и «культурной войны»[33]. Результаты исследований в этом направлении стали предметом историографического анализа[34]. Вместе с тем, переосмысление культурной поли-

---

[29] Поршнева О. С., Фельдман М. А. Власть и рабочие России и Урала в условиях Гражданской войны: проблемы взаимоотношений. Екатеринбург, 2013; Ижевско-Воткинское восстание: сто лет истории. Ижевск, 2019; Чураков Д. О. Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). М.; Берлин, 2019.

[30] Квакин А. В. Русская интеллигенция и большевистская власть в годы Гражданской войны в России. Саарбрюккен, 2013; Ганин А. В. Офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М., 2019; Ганин А. В. 50 офицеров. Герои, антигерои и жертвы на историческом переломе 1917–1922 гг. М., 1922; Ганин А. В. Военспецы. Очерки о бывших офицерах, стоявших у истоков Красной армии. М., 2022 и др.

[31] Морозова О. М. Антропология гражданской войны. Ростов-на-Дону, 2012; Яров С. и др. Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны. М., 2013; Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июля 1914 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013; Яров С. В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М., 2014; Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: в 1917–1922 гг.: проблемы историографии, источников и методов исследования // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 263–291; Позняк Т. З. Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до гражданской войны (1914–1922): очерки истории. Владивосток, 2018 и др.

[32] Слова и конфликты: Язык противостояния и эскалация гражданской войны в России. СПб., 2022.

[33] Wade R. The Bolshevik Revolution and Russian Civil War. Westport; Connecticut; L., 2001. P. 63; Даниелс Р. Взлет и падение коммунизма в России. М., 2011. С.149.

[34] Голдин В. И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск, 2012. С. 104–107, 151–156; Купцова И. В., Филиппова Т. А.

тики и преобразований в сфере культуры в военные годы в Советской России не привело пока к созданию обобщающих исторических исследований монографического характера. Предстоит и целостное рассмотрение культурных процессов в стране в период Гражданской войны, сопоставление политики в этой сфере противоборствующих сторон.

Несомненен достигнутый прогресс в изучении истории и историографии Русской Православной Церкви в годы Гражданской войны[35].

В последние годы и десятилетия интенсивно развивалась регионология Гражданской войны с широким спектром изучаемых проблем. Это объясняется, с одной стороны, формированием научных направлений и научных школ по этой проблематике в регионах, а, с другой, – отражает важную перемену во взаимоотношениях историков, работающих в центре и в регионах страны. Если в советский период последние, как правило, ориентировались на политические и методологические ориентиры, «спускаемые» из центра, то в последние десятилетия налицо весьма критическое отношение исследователей, работающих в регионах, к изданиям, публикуемым в столицах и нередко не учитывающим и не понимающим процессы протекания Гражданской войны на местах, но представляющим взгляд «из пределов Садового кольца».

Так или иначе, в региональных центрах страны издается много литературы, в том числе монографического характера, исследующей проблемы, процессы и события Гражданской войны в отдельных регионах и макрорегионах. Большинство научных конференций, состоявшихся в связи со столетием событий Гражданской войны, прошли именно в региональных центрах. Укажем опубликованные сборники материалов ряда подобных конференций[36].

Гражданская война в «культурном измерении»: история осмысления // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 544–585.

[35] Кашеваров А. Н. Православная Российская церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005; Павлов Д. Б. Отечественная и зарубежная историография государственно-церковных отношений 1917–1922 гг. М., 2011; Рогозный П. Г. Православная церковь и Русская революция. Очерки истории. 1917–1920. М., 2018; Леонтьева Т. Г. Власть, православная церковь, общество в годы Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 183–211.

[36] Гражданская война и российская провинция: современное восприятие, подходы и оценка. Уфа, 2018; Гражданская война в регионах России: социально-экономические, военно-политические и гуманитарные аспекты. Ижевск, 2018; Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.). Новосибирск, 2019; Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы,

Столетие событий Гражданской войны в России актуализировало и дискуссию по проблемам ее окончания в стране, что стало и предметом дискуссий на ряде научных форумов и воплотилось в опубликованных материалах[37]. При этом можно выделить ряд основополагающих подходов. Это, во-первых, касается окончания Гражданской войны в узком смысле как широкомасштабной и фронтовой войны, подчинявшей себе всю жизнь общества. Большинство историков относят это к осени или к концу 1920 г. – окончанию войны с Польшей, ликвидации Южного фронта и эвакуации войск Врангеля, что ликвидировало основные военные угрозы советской власти в стране.

Завершение Гражданской войны в широком смысле, как правило, связывается с концом 1921 или 1922 г. Являясь сторонником конца 1922 г., изложу основные аргументы в пользу этого: 1) окончание японской интервенции (и, таким образом, иностранной интервенции в России в целом, которая сыграла важную роль в ее развязывании, ожесточенности и длительности) и Гражданской войны на Дальнем Востоке, освобождение Владивостока, вхождение Дальневосточной республики в состав РСФСР; 2) не только провозглашение, но и осуществление НЭПа, в т. ч. новой крестьянской политики; 3) прекращение массового повстанческого, прежде всего, крестьянского движения и ликвидация его последних крупных очагов – Карельское восстание, антоновщина и др. 16 июля 1922 г. датируется, например, доклад М. Н. Тухачевского ЦК РКП(б) о ликвидации антоновского мятежа и повсеместном восстановлении советской власти[38]*;* 4) образование СССР 30 декабря 1922 г. олицетворяло собой окончательную победу центростремительных тенденций над центробежными, финал собирания страны, важнейший итог государственного и национально-государственного строительства в военную эпоху, создание государства нового типа; 5) полный и окончательный разгром остатков белогвардейских формирований на приграничных территориях Китая и Монголии, которые перестали представлять собой серьезную угрозу для советской

историческая память и уроки истории. М., 2020; ДВР и завершающий этап Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Чита, 2020; Человек, общество, власть в эпоху «Русской смуты» 1917–1920: память, осмысление, примирение. Симферополь, 2020; История Гражданской войны на Дальнем Востоке и история русской эмиграции. Благовещенск, 2021.

[37] Гражданская война в России: взгляд через сто лет. Проблемы истории и историографии. СПб., 2018. С. 187–199; Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности. Новосибирск, 2022. С. 18, 371–390.

[38] Советские полководцы и военачальники. М., 1988. С. 108.

страны, а укрепление советско-монгольских отношений способствовало созданию в 1924 г. Монгольской Народной Республики, избравшей некапиталистический путь развития; 6) окончание Гражданской войны на российском Дальнем Востоке стало и важной составной частью геополитических сдвигов, происходивших в азиатско-тихоокеанской части планеты, где предпринимались попытки создания в ходе Вашингтонской конференция (1921–1922 гг.) новой, формировавшейся по итогам Первой мировой войны (Версальско-Вашингтонской) системы международных отношений.

Вместе с тем, завершение Гражданской войны в России (как и ее начало) можно рассматривать и как процесс, растянувшийся по времени на длительный период с 1920 по 1922 г., от ликвидации главных ее фронтов в 1920 г. до полного ее окончания в 1922 г. Такой подход имеет право на существование и в контексте конкретных регионов и местностей страны, где военное противоборство в разных его проявлениях прекращалась в разное время.

Заметим, что некоторые изолированные локальные очаги войны (Камчатка, Якутия**,** Северный Кавказ, Средняя Азия и др.) ликвидировались позднее 1922 г., что, впрочем, не имело принципиального значения для страны в целом. Научное сообщество не приняло предложение английского историка Дж. Смила о расширении хронологических рамок Гражданской войны до 1926 г., связывая это с ликвидацией Туркестанского фронта.

Окончание Гражданской войны означало и завершение Великой Российской революции, создание модели альтернативного развития мировой цивилизации в XX веке.

Исторические уроки российской Гражданской войны для современности, историческая и культурная память о ней, мемориализация ее событий и персоналий – это еще одна важная тема для осмысления. Она стала предметом обсуждения на целом ряде научных конференций, связанных со столетием этой войны, о чем свидетельствуют их названия[39].

Дискуссии по этим проблемам нередко носили острый характер, что воплощалось и в бытовавших терминах – «войны памяти» или «войны за па-

[39] Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения. М., 2016; Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки. М., 2020; Человек, общество и власть в эпоху «Русской Смуты» 1917–1920: память, осмысление, примирение. Симферополь, 2020; Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности. Новосибирск, 2022.

мять». Значительный интерес к этой теме проявляется и западными политологами[40], ибо зарубежные специальные центры давно и целенаправленно ведут борьбу за воздействие на историческую память россиян, особенно молодого поколения, пытаясь, в частности, воздействовать на их сознание в выгодном для себя духе. Это касается, например, попыток оправдать интервенцию в Россию с публикацией книг в нашей стране, стремящихся доказать, что интервенты несли идеи демократии и освобождение россиян.

Важная миссия российских историков – это, прежде всего, осмысление и доведение до широкой общественности исторических уроков и последствий Гражданской войны и интервенции в России. Важно объяснить на ее опыте, как начинаются гражданские войны, какова логика их развития, нарастания и углубления драмы и трагедии общества, раскрыть ее тяжелые последствия. Важным историческим уроком является то, что во внутриполитической борьбе не следует прибегать к помощи других государств, которые, вмешиваясь, стремятся к достижению главным образом своих целей.

Необходимо привлечение историков на теле- и радиопередачи к диалогу с властью и СМИ, к экспертизе фильмов и мемориальных проектов с тем, чтобы все это работало не на разобщение общества, а на консолидацию его на основе корректного и адекватного восприятия истории и уяснение ее уроков, тем более в условиях современной международной конфронтации, так называемой «ледяной» войны с ее «горячими» проявлениями, и гибридной войны, ведущейся против современной России.

Автору статьи неоднократно приходилось акцентировать мысль, представляющуюся исключительно важной, и поэтому повторю и еще раз: историки вряд ли смогут примирить людей, придерживающихся разных идейно-политических взглядов (в данном случае на Гражданскую войну в России), а вот объяснить историческое прошлое и предостеречь от повторения былых драм и трагедий – их задача.

---

[40] Laruelle M., Karnysheva M. Memory Politics and the Russian Civil War: Reds versus Whites. L.; N.Y., 2021; Laruelle M., Karnysheva M. Rediscovering Russia's White Movement: Politics, Culture and Memory Today. L.; N.Y., 2021.

В. В. Калашников

О некоторых трактовках истории Гражданской войны в новейшей историографии

Столетняя годовщина окончания Гражданской войны в России является весомым поводом для подведения определенных итогов ее изучения в постсоветский период. Целый ряд известных специалистов уже проделали эту работу, опубликовав статьи и представив доклады на конференциях. Отметим статьи и выступления архангельского историка В. И. Голдина, ведущего российского историографа истории Гражданской войны[1]. Выделим и публикации Ю. А. Петрова, крупного специалиста по экономической истории России начала XX века, который в качестве директора Института российской истории РАН подвел общие итоги изучения истории Великой Российской революции, проведенного под эгидой этого института[2]. Сотрудники ИРИ РАН задали многие векторы постсоветских исследований, которые нашли отражение в ряде крупных работ, изданных к столетним годовщинам революции 1917 г. и Гражданской войны в России[3].

I. Историографическая ситуация

С тем, чтобы выявить доминирующие тенденции в новейшей историографии Гражданской войны, обратим внимание на новейшую фундаментальную работу энциклопедического характера «Россия в Гражданской войне», изданную в трех томах в 2021 г. под авторитетными грифами. Энциклопедия создана большим коллективом авторов и содержит много удачных статей, при написании которых привлечен богатый фактический материал. В то же время в ней присутствует ряд трактовок ключевых вопросов истории Гражданской войны, с которыми нельзя согласиться. В концентрированном виде они изложены в редакционном «Введении». Понятно, что обобщающий

---

[1] Голдин В. И.: 1) Гражданская война в России: проблемы современной историографии // Российская история. 2022. № 3. С. 109–121; 2) Гражданская война в истории России: историография, современные подходы, подготовка нового академического издания // Новейшая история России. 2019. Т. 9. Вып. 3. С. 758–774 и др.

[2] Петров Ю. А. К читателю // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922: очерк и истории и историографии. М.– СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 7–16.

[3] Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. В 2 т. М.: РОССПЭН, 2017; Россия в Гражданской войне 1918-1922. Энциклопедия в трех томах. М.: РОССПЭН, 2021.

вводный очерк отразил мнение редакции, а не мнение каждого из более чем сотни авторов конкретных статей. Тем не менее, вводный очерк всегда занимает особое место в коллективных работах, в том числе и энциклопедического характера, поскольку именно он задает общий тон и концептуальную основу. Анализ очерка говорит о том, что он представляет главным образом позиции тех историков, которые:

- отрицают или, как минимум, умалчивают о *решающей* роли иностранной военной интервенции в возникновении крупномасштабной гражданской войны в России[4];
- возлагают основную ответственность за ее начало и жесткие методы ведения (и в этом контексте за большие жертвы) на большевиков;
- отрицают факт поддержки крестьянством Советской власти в ходе Гражданской войны.

Все эти взаимосвязанные позиции подводят читателя к общей негативной оценке стратегического курса партии большевиков на социалистическую революцию в отсталой России. Отметим, что эта негативная оценка прямо не формулируется. Авторы стремятся представить себя в качестве историков, стоящих «над схваткой», но альтернативных точек зрений они не приводят, и суть их позиции читается вполне определенно.

Такие интерпретации ключевых вопросов истории Гражданской войны, по нашему мнению, являются, как минимум, очень спорными и не доказанными убедительными аргументами. Более того, они не позволяют извлечь правильные уроки из событий той эпохи, весьма актуальные для сегодняшнего дня. Сегодня на территории исторической России и бывшего СССР вновь идет гражданская война, спровоцированная внешними силами и в условиях прямой и косвенной иностранной военной интервенции. Именно так была развязана и проходила гражданская война в России в 1918–1922 гг. Иными словами, самый важный и актуальный урок той войны отодвинут как минимум на второй план. Нельзя забывать и о том, что обвинения большевиков в принятии якобы ошибочного стратегического курса на переход к социализму всегда воспринимались миллионами граждан нашей страны как зловредная пропаганда, а сейчас эти обвинения смотрятся особенно нетерпимыми и необоснованными. Сегодня как никогда очевидно, что постсоветская Россия

[4] Все выделения, кроме особо оговоренных, сделаны автором статьи.

существует как независимое государство только потому, что опирается на научный, экономический и оборонный потенциал, созданный в советский период. На этом фоне критика политики большевиков в эпоху революции и гражданской войны может быть плодотворной только в том случае, если историки способны показать реальную позитивную альтернативу этой политике в сложившихся исторических условиях. Однако таких убедительных альтернатив постсоветские историки не выявили. Напротив, привлеченный в последние годы новый фактический материал, по нашему мнению, лишь подтверждает *необходимость* стратегического курса, избранного большевиками, для выхода из системного кризиса, в котором оказалась царская Россия в начале XX в. Речь идет об оценке именно стратегического курса, а не об оправдании всех тактических решений, среди которых было немало и ошибочных.

Отметим, что этот вывод, изначально доминировавший в советской историографии, постепенно приобрел серьезные позиции и в западной послевоенной историографии, поскольку вторая мировая война была самым суровым экзаменом для советского государства. В начале 1950-х гг. позицию поддержал самый авторитетный британский историк того времени Эдвард Карр, который выпустил трехтомную фундаментальную работу «Большевистская революция», обозначив, кстати, рамки этой революции как 1917–1923 гг., т. е. включив в нее и Гражданскую войну, и даже послевоенное урегулирование отношений между Советской Россией и западными странами. Основной вывод Карра состоял в том, что «буржуазная демократия и буржуазный капитализм западного образца не могли укорениться на русской почве, и поэтому политика Ленина была *единственно практически возможной* в конкретных условиях России того времени»[5]. Американский историк Т. фон Лауэ в 1963 г. издал принципиальную книгу «Почему Ленин? Почему Сталин? Переоценка русской революции», в которой подробно обосновал тезис об Октябре как единственно возможном способе обеспечить коренные национальные интересы России в геополитической ситуации XX века[6]. В 1960-е – 1980-е гг. эти выводы в той или иной форме поддержала группа молодых западных историков, которые получили название «ревизионисты» за свое

[5] Carr E. H. The Bolshevik Revolution, 1917–1923. London and New York: Macmillan, 1950. Vol. I. P. 100.

[6] Laue T. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian revolution. 1900–1950. New York, 1964.

стремление пересмотреть антисоветские штампы, насаждавшиеся в период «холодной войны» консервативной частью западной исторической науки. В начале 1990-х гг. американский историк правого толка Р. Пайпс, оценивая сложившуюся историографическую ситуацию, с негодованием писал, что «за последние три десятилетия произошла конвергенция подходов со стороны советской и западной историографии применительно к теме революции и первых послереволюционных лет»[7]. «Западные историки – продолжал Пайпс, – особенно представители младшего поколения – все сильнее и сильнее склоняются к советскому взгляду на вещи, согласно которому в октябре 1917 и впрямь произошла *народная* революция, в ходе которой действия большевиков определялись *давлением широких масс*. Мой тезис полностью противоположен тому, который выдвинули и пропагандируют ревизионисты, и который к настоящему времени стал в университетах западного мира в буквальном смысле слова обязательным»[8]. Пайпс преувеличивал влияние ревизионистов, но оно действительно было серьезным.

Усилиями Пайпса и ему подобных уже к середине 1990-х гг. «крамола» ревизионистов была «вычищена» из университетов США и Британии и ослаблена в университетах других западных стран, хотя, скажем, в университетах Франции часть профессуры левого толка атаку консерваторов проигнорировала. В России в «эпоху Ельцина» позиции Пайпса стали историографическим «мэйнстримом» и остались таковыми в новейшей отечественной историографии, о чем свидетельствует энциклопедический трехтомник по истории Гражданской войны. Его авторы также не пишут об Октябре как революции, отвечавшей интересам широких народных масс.

С учетом этих предварительных замечаний рассмотрим позиции постсоветских историков по указанным выше ключевым трактовкам истории гражданской войны в России и сравним их с позициями, которые доминировали в советской историографии. Предлагая свою точку зрения на эти вопросы, автор не претендует на знание истины в последней инстанции и готов принять все обоснованные замечания.

Советская историография. Одной из первых крупных работ по истории Гражданской войны, написанной советскими историками, стала пятитомная

---

[7] Пайпс Р. Три «почему» русской революции. СПб.: Феникс, 1996. С. 10.
[8] Там же. С. 11–12.

«История Гражданской войны в СССР. 1917–1922». Первый том вышел в 1935 г. при участии Сталина, что придало ему особый авторитет. В основе пятитомника лежала концепция, в рамках которой Февральская и Октябрьская революции, а также Гражданская война рассматривались как единое целое. Более того, первый том начинался с изложения событий, предшествовавших Февральской революции – истории первой мировой войны. Авторы показали, что именно она создала непосредственную революционную ситуацию в России к началу 1917 г.[9] Этот момент важно подчеркнуть, потому что в постсоветской историографии последних лет появилось неожиданное стремление представить как некую важную новацию тезис о необходимости рассматривать Русскую революцию на фоне и в контексте первой мировой войны, а также включать в ее рамки Гражданскую войну. Отметим, что такой подход вполне правомерен, но нельзя забывать, что он отнюдь не нов. Если говорить о роли первой мировой войны, то все историки, отечественные и зарубежные, всегда были согласны с тем, что *непосредственные* причины Февраля и Октября были порождены именно этой войной, и она наложила самый серьезный отпечаток на ход всех событий. Различие в позициях традиционно заключалось в другом. Одни историки полагали, что война лишь критически *обострила* те социальные конфликты, которые существовали и даже обострялись в предвоенной России, а другие настаивали на том, что в условиях «третьеиюньской монархии» прежние конфликты находили *успешное разрешение*, но *война породила кризис*, который изменил успешный процесс мирной модернизации страны. Иными словами, речь идет о традиционном споре, который в историографии получил название спора между «оптимистами» и «пессимистами», имея в виду различия в оценке перспектив развития предвоенной России с точки зрения ее социальной стабильности. К 1991 г. «пессимисты» доминировали в отечественной и зарубежной историографии, но затем «оптимисты», нарисовав радужные картины предвоенного экономического развития, резко усилили свои позиции, хотя и не смогли занять доминирующего положения.[10]

Возвращаясь к «сталинскому» пятитомнику, отметим, что авторы первого тома рассматривали Февральскую революцию как первый этап гражданской

[9] История Гражданской войны в СССР Т.1. М.: Огиз, 1935.
[10] См.: Калашников В. В. Русская революция: ключевые решения. История и историография. СПб.: СПБГЭТУ, 2021. С. 109–121.

войны, направленной против самодержавия. В свою очередь Октябрьская революция рассматривалась в генетической связи с Февральской революцией как новый этап революции и гражданской войны. Такой подход был заложен тезисом Ленина о том, что Февраль есть только «первый этап … нашей революции»[11]. В апреле 1917 г. он также называл Февральскую революцию первым и закончившимся этапом гражданской войны и говорил о начале нового мирного пропагандистского этапа: «пока Милюков и Гучков еще не применили насилия, эта *гражданская война* превращается для нас в мирную, длительную и терпеливую классовую *пропаганду*»[12]. Эти слова ясно показывают, что Ленин рассматривал понятие «гражданская война» как в широком смысле слова, трактуя ее как борьбу за власть всеми способами, так и в узком – собственно войну с оружием в руках. О гражданской войне в узком смысле слова Ленин заговорил летом 1918 г. и связывал ее начало с ярославским восстанием и мятежом чехословацкого корпуса, видя в этих событиях примеры объединения сил внутренней и внешней контрреволюции. Суть нового этапа борьбы за социализм состояла в том, что «на сцену … выдвинулся вопрос военный, военных событий, как главный, коренной вопрос революции»[13].

Эта трактовка стала общепринятой в советской историографии, что и отразила концепция пятитомника 1935 г. Однако постепенно стала доминировать идея более четкого разделения периодов революции и гражданской войны в *узком* смысле слова. Тем не менее, такая война всегда рассматривалась как продолжение революции в особых условиях, когда внешний фактор в виде иностранной военной интервенции позволил внутренней контрреволюции выступить с оружием в руках. Такой подход был положен в основу авторитетного двухтомника «Гражданская война в СССР», изданного военными историками в 1980 г. Его авторы подчеркивали, что Октябрьская революция и гражданская война «неразрывно связаны между собой», что «война продолжила революцию», сделав ее более «ожесточенной по способам борьбы». При этом они отмечали, что такая война стала возможной только в результате иностранной интервенции[14]. Указанная позиция отражена и в последней

[11] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 11.
[12] Там же. Т. 31. С. 351.
[13] Там же. Т. 37. С. 14.
[14] Гражданская война в СССР. В 2-х томах. Т. 1. М.: Воениздат, 1980. С. 4.

фундаментальной работе советских историков «Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия», которая вышла вторым изданием в 1987 г. Суть позиции закреплена в следующей фразе редакционного «Введения»: «Согласно учению В. И. Ленина, Гражд. война как явление, как *форма классовой борьбы* имела место с окт. 1917 по окт. 1922, но время с лета 1918 до кон. 1920, когда *интервенция и Гражд. война слились в единое целое* и военный вопрос выступал “как *главный, коренной вопрос* революции” (ПСС, т. 37, с. 14), Ленин определял как период Гражд. войны в истории Сов. гос-ва. <…> Без прямого участия стран Антанты в Гражд. войне и без той политич., воен. и материальной помощи, к-рую они оказывали российской белогвардейщине, Гражд. война никогда не приняла бы таких масштабов, не была бы столь длительной и кровопролитной»[15]. Этот тезис и стал предметом нападок в постсоветский период.

Своего рода итогом развития советской историографии в вопросе о периодизации Гражданской войны можно считать статью члена-корреспондента АН СССР Ю. А. Полякова «Гражданская война в России (поиски нового видения)», опубликованную во втором номере журнала «История СССР» за 1990 г. Автор подчеркивал необходимость «видеть разницу между временем, когда вооруженная борьба носила сравнительно ограниченный характер, и временем, когда она составляла основное содержание жизни страны». Отметив, что попытки *устранить большевиков от власти вооруженным путем* начались сразу после Октября, Поляков так определяет начало и конец масштабной гражданской войны: «Лишь с лета 1918 г. вооруженная борьба *внутренней и внешней* контрреволюции против Советского государства приняла такой масштаб, что Республике пришлось сосредоточить главное внимание на своей военной защите. Период, когда отпор вражескому нашествию составлял основное содержание нашей жизни, длился до конца 1920 г. Хотя военные действия в ряде районов продолжались, они носили уже ограниченный, локальный характер»[16]. К статье был приложен план-проспект пятитомного издания «Гражданская война в России», которое не было реализовано в советский период.

---

[15] Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 7, 9.
[16] Поляков Ю. А. Гражданская война в России (поиски нового видения) // История СССР. 1990. № 2. С. 101.

В 1992 г. Поляков вернулся к идее создания многотомника и опубликовал новую статью, в которой более четко изложил свою периодизацию Гражданской войны в России в *широком смысле* слова, уточняя периодизацию, данную в пятитомнике 1935 г.

«Итак, гражданская война в России, длившаяся с 1917 г. по 1922 г. была сложным, многоэтапным, многофазовым явлением. Развязывание, ход войны включают следующие фазы:

– насильственное *свержение самодержавия*, когда возник открытый раскол общества, главным образом, по *социальному* принципу, когда выковывалось первое звено в цепи насилия, выковывалось из материала, накопленного в старой России (февраль – март 1917 г.);

– усиление социально-политического противостояния в обществе, неудача российской демократии в ее попытке установить гражданский мир, эскалация насилия (март – октябрь 1917 г.);

– насильственное *свержение Временного правительства*, установление советской власти, новый раскол общества, распространение вооруженной борьбы (октябрь 1917 – март 1918 г.);

– дальнейшая эскалация насилия, террор с обеих сторон, *локальные военные действия*, формирование белых и красных вооруженных сил (март – июнь 1918 г.);

– время *ожесточенных сражений между массовыми регулярными войсками*, в том числе иностранными, партизанской борьбы в тылах, милитаризации экономики – время *войны в полном смысле* этого слова (лето 1918 г. – конец 1920 г.);

– постепенное, после завершения крупномасштабных военных операций, затухание гражданской войны, ее локализация и полное окончание (1921–1922 гг.)»[17].

В свете вышеизложенного становится очевидным, что нет никакой принципиальной новизны в концепции «Великая Российская революция» с точки зрения трактовки Февраля, Октября и Гражданской войны как *единого целого*. Однако очевидно и то, что советская и постсоветская историография поразному трактуют основные этапы единого процесса.

---

[17] Поляков Ю. А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6. С. 41.

Постсоветская историография. Уже весной 1992 г. ряд бывших советских историков пересмотрели свои прежние позиции и возложили на большевиков ответственность за гражданскую войну. Так, известный историк Е. Г. Гимпельсон, выступая на «круглом столе» в ИРИ РАН, увидел ее причины в политике большевиков: в том, что они решили «установить диктатуру пролетариата и с ее помощью вести страну по пути социализма. Это была *основная* причина гражданской войны, поскольку реализация идеи диктатуры пролетариата и строительства социализма в крестьянской стране неизбежно вызывала ответную негативную реакцию не только со стороны свергнутых правящих классов, но и значительной части крестьянства»[18]. Это была первая попытка представить крестьянство силой, противостоявшей большевикам в годы Гражданской войны. Однако Гимпельсон не решился говорить о *большинстве* крестьянства. Не все участники «круглого стола» согласились с Гимпельсоном, но процесс отказа от основных положений советской историографии был запущен, и довольно скоро доминирующими стали положения, которые выделены нами при анализе упомянутого редакционного «Введения» трехтомника.

Следует отметить, что целый ряд историков эти положения не разделяют, хотя многие предпочитают об этом не говорить. Другие, напротив, формулируют их в гораздо более жесткой форме, чем авторы упомянутого редакционного очерка, который написан в сдержанной академической манере. В начале нулевых годов с жесткой критикой позиций советских историков выступили московские историки А. Б. Данилин, С. В. Карпенко и Е. Н. Евсеева, которые решительно, *но бездоказательно,* отвергали ключевую роль иностранной интервенции в развязывании полномасштабной гражданской войны в России. Они утверждали, что с 1930-х гг. советские историки, связав начало гражданской войны с интервенцией, стремились таким образом *скрыть* «главные, внутренние, причины резкого обострения уже идущей войны». Эти причины авторы видели в «разгоне большевиками Учредительного собрания и установлении однопартийной диктатуры, заключении ими Брестского мира с Германией, национализации банков и промышленных предприятий, введении прод-

[18] Гражданская война в России. Круглый стол // Отечественная история. 1993. №3. С. 103–104.

диктатуры»[19]. На самом деле ни один из этих факторов не стал реальной причиной *начала* масштабной Гражданской войны, хотя все они играли свою роль в формировании негативного отношения к большевикам со стороны различных социальных слоев российского общества – главным образом, со стороны буржуазии и буржуазной интеллигенции, которые сами по себе не были в состоянии начать и вести полномасштабную гражданскую войну. Нельзя опровергнуть тот факт, что крестьянское большинство населения страны в 1918 г. не выступило против роспуска Учредительного собрания, национализации земли и промышленности, Брестского мира и однопартийного большевистского правительства. И продовольственная диктатура также не стала причиной *начала* Гражданской войны, поскольку свои жесткие формы она обрела только после и в результате иностранной интервенции.

Московский историк А. А. Искендеров также выступил с упреками в адрес советских историков. Он утверждал, что под воздействием «Краткого курса» истории ВКП(б) «акценты стали смещаться в сторону внешнего фактора: иностранная военная интервенция изображалась как начало и первый период Гражданской войны». По мнению Искендерова, советские историки преследовали «совершенно определенную цель: как можно дальше по времени *развести* два события – Октябрьскую революцию и Гражданскую войну и тем самым затушевать, а то и полностью *скрыть* их связь и взаимообусловленность, а *истоки* Гражданской войны искать не во внутренних, а во *внешних* факторах». С удивительной безаппеляционностью Искендеров писал: «Центральным и в то же время наиболее уязвимым местом в марксистско-ленинской концепции истории Гражданской войны в России являлось настойчивое стремление доказать, что между этой войной и Октябрьской революцией не было никакой причинно-следственной связи»[20].

Несостоятельность таких упреков показывает простое обращение к тексту «Краткого курса». Там по этому поводу сказано следующее: «…уже в первой половине 1918 года сложились *две определенные силы*, готовые пойти на свержение Советской власти: *иностранные* империалисты Антанты и *контрреволюция внутри* России. *Ни одна* из этих сил не обладала достаточными

---

[19] Данилин А. Б., Евсеева Е. Н., Карпенко С. В. Гражданская война в России 1917–1922 // Новый исторический вестник. 2000. № 1. URL: http://www.nivestnik.ru/2000_1/6.shtml.

[20] Искендеров А. А. Гражданская война в России: причины, сущность, последствия // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 77, 78, 80.

данными для того, *чтобы самостоятельно пойти на свержение* Советской власти. …Условия борьбы с Советской властью диктовали объединение обеих антисоветских сил, *иностранной и внутренней*. И это объединение сложилось в первой половине 1918 года»[21].

По нашему убеждению, данная трактовка представляет собой точный анализ ситуации и далека от того, чтобы выводить *истоки и причины* гражданской войны из иностранной интервенции. Ни один из советских историков этого не делал, разделяя известную позицию Ленина: «Гражданская война есть самая острая форма *классовой* борьбы»[22]. В этой связи напомним приведенный выше тезис из двухтомника 1980-го года: Октябрьская революция и Гражданская война «*неразрывно* связаны между собой». Приведем еще одну оценку, данную авторитетным советским историком В. Д. Поликарповым: «Гражданская война со стороны пролетариата означала *продолжение политики революции*, борьбу в защиту ее завоеваний; со стороны же буржуазии она была продолжением корниловщины – и по политической программе и по фактическому развитию контрреволюции»[23]. В иностранной интервенции советские историки видели лишь фактор, который изменил внутреннее соотношение сил: создал для противников большевиков возможность развязать масштабную войну.

Указанная позиция А. А. Искендерова не является случайной. Она отражает существующий в постсоветской историографии тренд примитивной критики позиций советских историков по разным вопросам. Это относится и к положениям «Краткого курса», который содержит не только ошибки и искажения реальных событий, но и правильные положения.

Отметим, что в редакционном «Введении» к первому тому новейшей энциклопедии «Россия в гражданской войне» нет заявлений о том, что советские историки выводили истоки и причины Гражданской войны из иностранной интервенции. Однако нет и четкого определения роли последней в развязывании полномасштабной Гражданской войны, и, как следствие, не указаны сроки начала этой войны. Впрочем, авторы явно не относят это начало ни к октябрю 1917 г., ни к январю 1918-го. Говоря о январском роспуске большевиками Учредительного собрания, авторы считают его лишь «одной из *пред-*

[21] Цит. по изданию: История ВКП(б). Краткий курс. ОГИЗ. 1946. С. 216.
[22] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 7.
[23] Поликарпов В. Д. Пролог Гражданской войны в России. М.: Наука, 1976. С. 10.

посылок развертывания в 1918 г. на территории бывшей Российской империи полномасштабной гражданской войны»[24]. В принципе с такой оценкой можно согласиться: *одна* из *предпосылок,* и не более того. Более ясную позицию занял председатель Российского исторического общества С. Е. Нарышкин, который в своем обращении к читателю первого тома так определяет рамки Гражданской войны: «от мятежа Чехословацкого корпуса до установления советской власти на всей территории России»[25]. Это определение совпадает с периодизацией, принятой в советской историографии. О том же говорит и упоминание о мятеже чехословацкого корпуса как о событии, положившем начало крупномасштабной Гражданской войны. Однако позиция С. Е. Нарышкина не нашла своего четкого закрепления в статьях трехтомника. И это не случайно, ибо эта позиция, несмотря на ее очевидную весомость, противоречит постсоветскому историографическому «мэйнстриму», который отрицает тезис о ключевой роли интервенции в развязывании Гражданской войны в России.

В редакционном «Введении» интервенции посвящены три строчки: «Гражданская война в России была *сопряжена* с военной интервенцией…», а далее говорится, что «*угроза* иностранного вторжения» надолго стала для большевиков «одной из доминант», определявших их поведение[26]. Таким образом, речь идет лишь о «*сопряжении*» и лишь об «*угрозе*», а не о важнейшем факторе, коренным образом изменившем прежнее соотношение сил внутри страны. Специальных статей по иностранной интервенции в энциклопедии нет. Есть толковая и объективная статья «Интернационалисты», написанная московским историком Р. Г. Гагкуевым, в которой показана важная роль иностранных граждан, воевавших на стороне большевиков, но нет статьи об иностранных гражданах, воевавших на стороне противников большевиков. Нет статьи «Интервенция», которая должна была бы показать роль этого фактора в истории Гражданской войны. И в ключевых статьях, посвященных главным этапам Гражданской войны, также не говорится ничего или почти ничего о роли иностранной помощи в создании Комуча, превращении армий Колчака или Деникина в реальную силу и т. п. На наш взгляд, такая позиция закрывает возможность адекватно трактовать историю Гражданской войны в России.

---

[24] Россия в Гражданской войне 1918–1922. Энциклопедия в трех томах. Т. 1. С. 7.
[25] Там же. С. 5.
[26] Там же. С. 11.

Нежелание авторов «Введения» говорить о роли иностранной интервенции в развязывании и затягивании Гражданской войны сочетается с явным стремлением провести тезис об ответственности большевиков за ее начало. Этот тезис авторы «Введения» аргументировали сюжетом об отказе Ленина принять ультиматум Викжеля (Исполкома профсоюза железнодорожников, объединявшего рабочих и служащих), предъявленный сразу после создания однопартийного советского правительства (СНК) в октябре 1917 г. Авторы назвали этот эпизод «*важнейшей развилкой* развития страны»[27]. Суть ультиматума: заставить большевиков согласиться на формирование уже за пределами закончившегося II Всероссийского съезда Советов нового коалиционного правительства из всех советских партий. Однако этот бесспорный факт подается вне его исторического контекста: без упоминания о том, что весь 1917 год большевики предлагали эсерам и меньшевикам взять власть в свои руки и выполнить основные требования масс. При этом большевики вплоть до конца сентября не претендовали на то, чтобы войти в состав такого коалиционного советского правительства, и гарантировали свою готовность бороться с политикой правых социалистов только методами агитации и пропаганды. Общеизвестно, что лидеры правых эсеров и меньшевиков эти предложения отвергли. Общеизвестно и то, что они отказались собрать II Всероссийский съезд Советов в сентябре и подменили его Демократическим совещанием, с целью освободить Временное правительство от контроля со стороны Советов и прикрыть это правительство неким Предпарламентом, в состав которого были включены и кадеты. Теперь же, после того как II Всероссийский съезд Советов дал большевикам власть и поставил их лидеров во главе СНК, лидеры эсеров и меньшевиков не просто требовали расширить состав ВЦИК и СНК, а претендовали на руководящее положение в этих органах власти и настаивали на исключении из состава СНК Ленина и Троцкого. В таком контексте вопрос о виновниках срыва плана создания однородного социалистического правительства выглядит явно по-иному, чем представлено во «Введении».

Как это ни удивительно, все эти сюжеты, связанные с историей прихода большевиков к власти, не нашли своего отражения и в статьях трехтомной энциклопедии. Однако без аргументированной трактовки этих вопросов

[27] Россия в Гражданской войне 1918–1922. Энциклопедия в трех томах. Т. 1. С. 7.

нельзя претендовать на то или иное решение вопроса о причинах Гражданской войны и виновниках ее начала. В энциклопедии нет статьи «Октябрьская революция», что нельзя объяснить никакими соображениями. Особенно если учесть принятую в ИРИ РАН парадигму «Великая Российская революция», которая делает акцент на неразрывной концептуальной связи революции и Гражданской войны.

Сюжет о роспуске большевиками Учредительного собрания также трактуется односторонне и с обвинительным акцентом. Авторы не говорят прямо о том, что эсеровское большинство депутатов отказалось признать Советы органами государственной власти, а именно этого требовали большинство рабочих и крестьян. Не было сказано и о том, что лидеры эсеровского большинства в Собрании фактически выступали за продолжения участия России в ненужной ей мировой войне и против сепаратных переговоров с Германией. Авторы не сказали и о потере Учредительным собранием необходимого кворума после ухода большевиков и левых эсеров: оставшиеся депутаты не имели права решать ключевые вопросы жизни страны. Эти важнейшие моменты были опущены и в статье «Учредительное собрание», помещенной в третьем томе энциклопедии[28].

После слов о роспуске Собрания во «Введении» сразу пошел текст о том, что Ленин «не избегал ответственности за развязывание гражданской войны» и признал, что большевики вели ее «самыми крайними приемами»[29]. Иными словами, очень простенько проводилась мысль: большевики сами признали свою ответственность за Гражданскую войну. Однако это только часть правды. И не главная часть, что будет показано ниже. Можно привести много других цитат Ленина, в которых он прямо возлагал ответственность за эту войну на внешнюю и внутреннюю контрреволюцию. Цитаты, вырванные из контекста – слабый аргумент.

Сложный и весьма тонкий вопрос о позиции крестьян по отношению к Советской власти авторы «Введения» формулируют таким образом: «В ходе Гражданской войны большевистское руководство столкнулось с нежеланием *основной массы* населения страны – *крестьянства* – воевать *за советскую власть*»[30]. Тезис аргументируется ссылками на Кронштадтское восстание,

[28] Россия в Гражданской войне 1918–1922. Энциклопедия в трех томах. Т. 3. С. 523.
[29] Там же. Т. 1. С. 7.
[30] Там же. Т. 1. С. 9.

«Антоновщину», махновское движение, что придает тезису еще более жесткий смысл: крестьяне воевали *против* Советской власти. Однако простое обращение даже к соответствующим статьям энциклопедии показывает, что крестьяне выступали против продразверстки и других чрезвычайных форм политики «военного коммунизма», а не против Советской власти, и чаще всего делали это под лозунгом «Советы без коммунистов». Идея Советской власти отвечала менталитету крестьян и поддерживалась большинством крестьян активно или пассивно, а против политики «военного коммунизма» выступала и часть коммунистов.

Неубедительным аргументом смотрится и ссылка на слова Сталина, который как будто бы подтверждал правоту авторов «Введения»: «крестьяне не будут добровольно драться за социализм», их надо «заставить»[31]. Зададим вопрос: как можно было «заставить» драться за социализм многомиллионное российское крестьянство, позиция которого была решающей на всех этапах революции и Гражданской войны? Хорошо известно, что большевикам, в отличие от белых, удалось создать, вооружить и снабжать пятимиллионную армию, которая на 77 % состояла из крестьян. Командный состав этой армии на две трети составляли выходцы из крестьян. Авторы редакционного «Введения» приводят эти цифры, взятые из добротного очерка В. В. Кондрашина о крестьянстве, заставляя читателя гадать, как они соотносятся с тезисом об отказе крестьянства «воевать за *советскую* власть»[32]. Ведь известно, что все белые формирования, *вместе взятые*, никогда не имели в своем составе даже одного миллиона крестьян. Почему же белые не смогли заставить крестьян воевать против красных, а красные смогли? Ответ всем известен, но не все готовы его сформулировать.

В советской историографии и в работах зарубежных историков из числа «ревизионистов» до 1991 г. доминировал тезис о том, что крестьяне в своем большинстве поддержали красных в борьбе против белых, хотя и выступали против политики «военного коммунизма». И этот тезис был хорошо обоснован. Поддержку красным обусловила ключевая позиция крестьян в вопросе о земле: русский крестьянин отрицал принцип частной собственности на землю. Эта позиция, сформированная процессами закрепощения и раскрепощения крестьянства, объективно отделяла крестьян от белых и связывала с

[31] Россия в Гражданской войне 1918–1922. Энциклопедия в трех томах. Т. 1. С. 16.
[32] Там же. С. 9, 16.

красными. Она была главной причиной, которая сделала возможной социалистическую революцию в России и обеспечила победу красных в Гражданской войне. Без активной или пассивной поддержки большинства крестьян большевики не устояли бы перед лицом внутренней и внешней контрреволюции. Тот же Сталин, опираясь на опыт уже выигранной войны, в октябре 1920 г. говорил именно об этом и к тому же подчеркивал подлинный патриотизм борьбы красных против белых: «Красная Армия, армия, состоящая из рабочих и крестьян. От армий, нанятых и подкупленных Антантой, Красная Армия отличается тем, что она воюет за свободу и независимость своей собственной страны, что ее интересы сливаются с интересами той страны, за которую она проливает кровь, и с интересами того правительства, по директивам которого она воюет»[33].

Эта цитата Сталина приведена неслучайно. Дело в том, что авторы «Введения» не уделили должного внимания и еще одному важному уроку Гражданской войны: довольно много говоря о распаде Российской империи и при этом прямо или косвенно возлагая вину на большевиков, они умолчали о том, что только красные, исповедовавшие идеологию интернационализма, в ходе Гражданской войны смогли собрать в добровольный союз советских республик большую часть территории Российской империи. Большевики сделали это потому, что идеология интернационализма была в своей основе идеологией классовой солидарности всех угнетенных против всех угнетателей. И только такая идеология могла противостоять идеологии буржуазного национализма, которая разрушала бывшую империю. Белые решить эту задачу не смогли.

С тем, чтобы сделать критику концепции, изложенной в редакционном «Введении», более предметной, рассмотрим некоторые особенности ключевых событий истории Октябрьской революции и Гражданской войны: 1) октябрьского вооруженного восстания; 2) роспуска Учредительного собрания; 3) истории формирования и поражения Комуча; 4) истории формирования и поражения белых армий Колчака и Деникина; 5) крестьянского повстанческого движения. Понятно, что в рамках небольшой статьи эти сюжеты будут рассмотрены весьма кратко, с целью лишь обозначить позиции и наметить основные линии аргументации.

---

[33] Сталин И. В. О политическом положении республики // Сочинения. Т. 4. М.: Политиздат, 1947. С. 378.

II. Pro et contra

Октябрьское вооруженное восстание. Хорошо известно, что советские историки считали это восстание ключевым событием Октябрьской революции. Выстрел «Авроры» и штурм Зимнего – символы Октября. И они как бы говорят о том, что большевики взяли власть вооруженным путем. Советские историки охотно героизировали эти события и подчеркивали роль Ленина, который с середины сентября требовал от ЦК взять власть, не ожидая II съезда Советов, и добился соответствующих решений на заседаниях ЦК от 10 и 16 октября. Понятно, что при желании от этой трактовки довольно просто перебросить мостик к выводу об Октябре как военном перевороте, который и положил начало гражданской войны, а также объявить большевиков ее виновниками. Однако детальный анализ октябрьских событий дает другую картину, которая показывает и определенную условность героизированных символов, и несостоятельность тезиса о военном перевороте. Фактически октябрьское восстание было лишь демонстрацией политической силы и акцией в защиту съезда от удара контрреволюции. Само по себе оно не дало власть в руки большевиков. Эту власть большевики получили только по решению II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов строго в рамках советского парламентаризма. Переход власти произошел мирно по той простой причине, что решающий перевес сил был на стороне Советов.

В этой связи обратим внимание на некоторые ключевые моменты.

Первое. Анализ тех споров, которые проходили на заседаниях в ЦК РСДРП (б) 10 и 16 октября, ясно говорит о том, что, не только Каменев и Зиновьев, но и большинство других членов ЦК считали невозможным начать выступление до съезда Советов без весомого повода. Принятая 16 октября резолюция не содержала прямого решения о необходимости провести восстание до начала работы съезда Советов[34]. Такую трактовку решения отстаивал Ленин, но многие партийные руководители склонялись к позиции Троцкого, который не спорил с Лениным, но считал, что власть надо брать в ходе работы II съезда, получив его санкцию. Выступление до съезда мыслилось только как ответ на выступление контрреволюции. Сталин в газете «Рабочий путь» (под этим именем тогда выходила «Правда») 20 октября писал: «Большевики дали клич: *быть готовым*! Вызван он обострением положения и *мо-*

[34] Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). С. 93–104.

билизацией сил контрреволюции, которая хочет напасть на революцию, которая пытается обезглавить революцию, сдав столицу Вильгельму, которая намерена обескровить столицу, выводя из нее революционную армию». Иными словами, Сталин говорил о том, что большевики выступят *только в ответ* на выступление контрреволюции. Об этом же говорил и Троцкий.

Второе. 24 октября Керенский дал большевикам веский повод действовать в свою защиту и в защиту съезда. В ночь на 24 октября премьер отдал приказ об аресте комиссаров ВРК, созданного Петросоветом для защиты города, а также о закрытии типографии, где большевики печатали свои газеты. Телефоны Смольного были отключены. Подтвержден приказ об аресте Ленина. Утром караулы юнкеров взяли под охрану все ключевые объекты столицы. Днем Керенский выступил в Предпарламенте и заявил, что без колебаний прибегнет к военной силе против большевиков. Это означало, что Керенский съезду Советов власти не отдаст. Премьер потребовал поддержки своим действиям, но вечером Предпарламент принял резолюцию Мартова, в которой Керенскому в безусловной поддержке было отказано, что в принципе лишало Временное правительство легитимности даже со стороны Предпарламента. Тем не менее, Керенский направил в Ставку требование прислать надежные части с фронта. Днем юнкера захватили ряд мостов, ведущих в центр города, и попытались их развести.

Третье. Шаги Керенского объективно превращали все действия большевиков в меры по защите съезда Советов и права последнего решить вопрос о власти. Утром Петросовет распорядился освободить типографию и продолжить печатать газеты. Это было сделано, и ни один человек не погиб. Днем Петросовет, боясь подхода проправительственных войск с фронта, запросил помощь из Кронштадта и Гельсингфорса. Отряды ВРК стали блокировать мосты со стороны рабочих кварталов и вытеснять юнкеров. ВРК выпустил заявление о том, что «корниловцы мобилизуют силы, чтобы раздавить Всероссийский Съезд Советов», и опроверг слухи о том, что сам ВРК готовит «захват власти»[35]. Вечером 24 октября состоялось экстренное заседание Петросовета, на котором Троцкий так обрисовал ситуацию: «… вооруженный конфликт сегодня или завтра не входит в наши планы – у порога Всероссийского Съезда Советов. Мы считаем, что Всероссийский Съезд Советов про-

[35] См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М.: Прогресс, 1989. С. 278, 280.

ведет наш лозунг с большей силой и авторитетом. Но если правительство захочет использовать тот срок, который остается ему жить – 24, 48, 72 часа, и выступить против нас, то мы ответим контрнаступлением, ударом на удар, сталью на железо»[36]. Слова Троцкого, связавшего вопрос о власти с решением съезда Советов, не были просто дипломатическим маневром. Весь день ЦК большевиков придерживался оборонительной тактики, несмотря на письма Ленина с требованием немедленно взять власть.

Четвертое. Приход Ленина в Смольный около полуночи действительно придал наступательный характер действиям большевиков. К утру отряды ВРК взяли под контроль вокзалы, Главный почтамт и Центральную телефонную станцию. Юнкера сдавали объекты без сопротивления, и их отпускали. Утром Ленин написал обращение, в котором объявлял о том, что власть в городе перешла в руки ВРК. Однако Правительство и все учреждения продолжали работать как обычно. Вопрос о власти оставался нерешенным, и Ленин требовал арестовать правительство, находившееся в Зимнем дворце. Дворец был захвачен в ночь на 26 октября после серии вялых перестрелок и многочасовых переговоров, которые лидеры ВРК вели с его защитниками (казаками, юнкерами, ударницами). И только после того, как большинство защитников ушли или заявили о нейтралитете, В. А. Антонов-Овсеенко с группой матросов и красногвардейцев пересек площадь, вошел во дворец и произвел бескровный арест министров Временного правительства. Ни один из защитников Временного правительства не был убит[37]. Защищавших дворец юнкеров отпустили под честное слово больше не выступать против советской власти.

Штурм был акцией, которая обеспечивала переход власти в руки съезда. *Многопартийный* ВРК как орган многопартийного Петросовета не претендовал на власть и брал ее для передачи II Всероссийскому съезду Советов рабочих и солдатских депутатов. Иных вариантов действий ни ВРК, ни Петросовет, ни ЦК большевиков не рассматривали.

Пятое. Важно отметить: сам по себе арест Временного правительства не предрешал итогов работы съезда, хотя бескровный арест имел большое психологическое значение: показал делегатам съезда, что многотысячный гарнизон

[36] Известия. 1917. 25 октября.
[37] Старцев В. И. Штурм Зимнего. Л.: Лениздат, 1987.

столицы на их стороне, а не на стороне правительства. Тем не менее, судьба выступления большевиков целиком и полностью зависела от решения съезда[38]. Если бы лидеры эсеров и меньшевиков, оказавшиеся в меньшинстве при избрании президиума съезда, не приняли решения об уходе, наиболее вероятным итогом стало бы создание коалиционного правительства из всех советских партий. И не факт, что именно Ленин стал бы его главой. Но лидеры правых социалистов ушли и тем дали большевикам возможность безраздельно доминировать на съезде. Поведение лидеров эсеров и меньшевиков не носило случайного характера. Оно было обусловлено принципиальным отказом признать *Советы органами государственной власти*. Итак, Октябрьская революция, как это ни странно звучит, победила в рамках советского парламентаризма: в результате работы съезда, а не в результате вооруженного восстания.

Шестое. Керенский, прекрасно зная о том, что съезд Советов не поддержит его правительства, а также о том, что Предпарламент принял резолюцию Мартова, выехал на фронт с целью организовать поход казаков Краснова на Петроград. На фоне этого похода и в надежде на его успех произошли восстания юнкеров в Петрограде и Москве. Таким образом, именно проигравшие партии попытались ответить вооруженным путем на бескровный переход власти в руки Советов и формирование СНК. Поэтому историкам, желающим считать Октябрь датой начала гражданской войны, следует признать, что виновниками вооруженной борьбы и кровопролития в октябрьские дни были именно оппоненты большевиков. Большевики не хотели крови. Напомним об истории похода Керенского–Краснова: ситуация разрешилась, как при штурме Зимнего, переговорами с казаками и даже отказом от ареста Краснова, которого отпустили из Смольного под честное слово не воевать против Советской власти.

Вернемся к ультиматуму Викжеля. Большевики, сформировав правительство, заявляли о готовности пополнить состав СНК и ВЦИК представителями других советских партий, но на условиях согласия с ключевыми решениями съезда (декреты о земле, мире и создании советского правительства, ответственного перед ВЦИК Советов). В принципе эта позиция открывала путь к созданию «однородного социалистического правительства». Но правые социалисты не согласились быть младшими партнерами и выдвину-

[38] См.: Калашников В. В. Русская революция: ключевые решения. С. 263–272.

ли от имени Викжеля ультиматум, который противоречил этим условиям. Отметим, что в статье, посвященной Викжелю (автор А. С. Сенин), объективно показано, что позиция эсеро-меньшевистских лидеров Исполкома встретила неодобрение со стороны рядовых железнодорожников, особенно петроградских, которые уже 1 ноября приветствовали Совнарком[39]. Ультиматум Викжеля был попыткой лидеров эсеров и меньшевиков, проигравших съезд, вернуть власть угрозой общенациональной забастовки железнодорожников. Этот блеф быстро обнаружился.

Седьмое. Решения II съезда рабочих и солдатских депутатов были поддержаны в ноябре делегатами II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, на котором доминировали левые эсеры – союзники большевиков. После этого легитимность СНК была никак не меньше, чем свергнутого правительства Керенского, сформированного с согласия ВЦИК и Исполкома, избранных первыми всероссийскими съездами Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В октябре-ноябре 1917 г. правительство большевиков легко отбило все попытки свергнуть его военными и политическими средствами, что говорило о реальном соотношении сил в стране.

Роспуск Учредительного собрания. Это соотношение показали и выборы в Учредительное собрание: большевики проиграли в крестьянской глубинке и в большинстве национальных районов, но выиграли (опередив другие партии) в обеих столицах, в промышленных центрах, в целом по городскому населению и по армии, а также в губерниях, расположенных вблизи столиц, включая 9 губерний вокруг Москвы[40]. Там, где простой народ получал информацию о том, что происходит в столицах, он голосовал за большевиков. Отметим и то, что уровень грамотности в городах и в армии был выше, чем в стране в целом, что отражает уровень осознанности выбора при голосовании. Иными словами, большевиков поддержали самые организованные и грамотные слои трудового народа. Их политический вес был больше, чем удельный вес в составе населения. А это и решало в тех условиях исход борьбы за власть. Отметим, что ни один из этих принципиальных моментов не был

[39] Россия в Гражданской войне 1918–1922. Энциклопедия в трех томах. Т.1. С. 352.
[40] Протасов Л. Г. Всероссийское учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997. С. 174–175, 208, 212–213, 216, 228, 242, 243, 249.

упомянут в редакционном «Введении» и в статье, посвященной роспуску Учредительного собрания[41].

Роспуск Учредительного собрания не вызвал массового протеста в стране. Причины достаточно очевидны. Декретами II съезда о земле и мире большевики удовлетворили главные требования масс. В деревне развернулся «черный передел», а с ноября 1917 г. на германском фронте было установлено перемирие. Острота созыва Учредительного собрания для широких народных масс спала. Тем не менее, созыв оставался важным фактором политической жизни как многолетняя цель всех оппозиционных партий с 1905 г. С весны 1917 г. большевики сами постоянно призывали к созыву Собрания и критиковали кадетов и правых социалистов за его оттягивание. И они не могли его не созвать, несмотря на то, что не получили большинства мандатов. После острых споров ЦК большевиков нашел грамотное решение проблемы. Глава ВЦИК Я. М. Свердлов открыл Собрание и предъявил эсеровскому большинству ультиматум: признать Советы органами государственной власти во всей стране. Последовал отказ. Однако идея власти Советов к тому времени завоевала твердую поддержку не только со стороны рабочих, но и крестьян. К концу декабря 1917 г. более половины волостных крестьянских Советов (53,5 %) высказались за власть Советов, 30 % настаивали на передаче власти Учредительному собранию, в 16,5 % волостей население колебалось (данные по 415 волостям)[42]. Роспуск Собрания, не признавшего Советы государственной властью, сразу встретил понимание не только городского пролетариата, но и 11 губернских съездов крестьян (Вятский, Московский, Олонецкий, Орловский, Пензенский, Пермский, Тамбовский, Тверской, Самарский, Саратовский и Симбирский), которые прошли в январе и одобрили акцию большевиков[43]. Во второй половине января III съезд рабочих и солдатских депутатов слился с III съездом крестьянских депутатов, и объединенный III Всероссийский съезд Советов превратил декрет о земле в закон и дал правительству санкцию на заключение мира. У крестьян не было причин выступать против решений съезда в защиту прав Собрания, отказавшегося признать власть Советов. Известный специалист по истории крестьянского дви-

[41] См.: Россия в Гражданской войне 1918–1922. Т.1. С. 7; Т. 3. С. 523.
[42] Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: Стрелец. 2001. С. 65.
[43] Там же.

жения В. В. Кондрашин отметил: «Идея Учредительного Собрания была популярна среди крестьян до тех пор, пока на него возлагалась надежда в решении земельного вопроса»[44]. Приведем и оценку, данную В. И. Голдиным: «Идея Учредительного собрания осенью 1917 года и особенно зимой во многом изжила себя, как и связанные с ним надежды»[45]. Однако таких оценок нет в статье об Учредительном собрании в энциклопедическом трехтомнике. Напротив, там роспуск назван «точкой невозврата», положившей «начало Гражданской войны»[46]. Не приведена в статье и позиция ЦК кадетов, который после роспуска заявил, что Учредительное собрание «не было в состоянии осуществить предлежащих ему функций и тем выполнить задачу восстановления в России порядка, и потому *возобновление* его деятельности должно быть сочтено *нецелесообразным и ненужным*»[47].

Что касается *юридической правомерности* роспуска Собрания, то она также не вызывает сомнений и обусловлена отсутствием кворума. В Учредительное собрание из запланированных 820 *были избраны* не более 767 депутатов. В начале заседания 5 января в зале Таврического дворца, по самым оптимистическим оценкам, присутствовало 410 депутатов[48]. В голосовании всегда участвовало менее 400, т. е. заведомо менее половины тех, кто по закону о выборах должен был там находится. В первом ключевом голосовании по выборам председателя Конституанты участвовало только 397 депутатов (за Виктора Чернова подано 244 голоса, а за Марию Спиридонову – 153)[49]. Поздно ночью в ключевом голосовании, решавшем судьбу декларации ВЦИК, участвовало 383 депутата: большинством в 237 голосов против 146 было решено не рассматривать декларацию, т. е. не признавать Советы органами государственной власти[50]. После этого более сотни большевиков покинули Таврический дворец. Под утро за большевиками ушли три десятка левых эсеров, которые также требовали одобрить декларацию ВЦИК. С учетом заявленного украинской делегацией решения не голосовать и не считать себя

---

[44] Кондрашин В. В. Самарский Комуч и крестьянство // Куда идет Россия? М., 2000. С. 122.
[45] Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. СПб.: СПБГЭТУ, 2018. С. 31.
[46] Россия в Гражданской войне 1918–1922. Энциклопедия в трех томах. Т. 3. С. 523.
[47] Цит. по: Поликарпов В. Д. Пролог гражданской войны в России. С. 383.
[48] Протасов Л. Г. Всероссийское учредительное собрание. С. 309.
[49] Всероссийское Учредительное собрание. М.; Л., 1930. С. 9.
[50] Там же. С. 64.

связанными решениями всероссийского Учредительного собрания, в зале оставалось немногим более двух сотен голосующих депутатов, которые не имели права решать вопросы будущего страны. Опыт первого дня говорил, что собрать новое заседание, которое обладало бы даже простым большинством избранных депутатов, было *нереальным*. И эту ситуацию обусловили не только уход большевиков и левых эсеров, но и позиция депутатов многих национальных регионов Российской империи, которые стремились к самостоятельности и не хотели быть связанными решениями январской всероссийской Конституанты. Действия украинских депутатов были показательны: из почти сотни избранных украинских социалистов в Петроград приехали 11 депутатов с наказом не голосовать, а заявить о необходимости созвать Конгресс народов России, на котором будут представлены равноправные национальные делегации. Напомним и о том, что в Тифлисе уже 11 ноября 1917 г. было принято решение о создании «Независимого правительства Закавказья». В декабре свою независимость от России провозгласила буржуазная Литва, заключившая союз с Германией. Латышский и эстонский депутаты, выступая в Таврическом дворце 5 января, ясно дали понять, что Латвия и Эстония ждут от России признания их прав на полное самоопределение[51]. В январе Латвия, а в феврале Эстония провозгласили независимость. Сепаратистские силы не собирались защищать права Всероссийского Учредительного собрания. Впрочем, и те, кто на словах признавал эти права, по-своему трактовал понятие «федеративная республика», которую предлагали эсеры. Так, фракция мусульманских социалистов на заседании 5 января потребовала «санкционирования Учредительным собранием как образовавшихся штатов, так и находящихся в процессе образования, в частности штата “Поволжье”, “Южный Урал”, “Туркестанского” штата и др.». Штаты должны были немедленно получить права на «формирование и выделение (из общероссийской армии – *В. К.*) национальных частей»[52].

Все сказанное выше позволяет говорить о второстепенной роли, которую сыграл роспуск Учредительного собрания даже в качестве *предпосылки* для начала полномасштабной гражданской войны. Он стал ее предпосылкой в том плане, что побудил правых социалистов готовиться к вооруженному вы-

[51] Всероссийское Учредительное собрание. М.; Л., 1930. С. 102–104.
[52] Там же. С. 58.

ступлению против большевиков в подходящий момент. Такой момент создала только иностранная военная интервенция.

Этому выводу не противоречит тот факт, что в январе 1918 г. развернулась гражданская война на Дону и Кубани. Отметим локальный и периферийный характер этой войны и – главное – ее особые причины и цели: казаки Каледина и офицерское ядро созданной там Добровольческой армии вели войну с большевиками отнюдь не в защиту прав Учредительного Собрания. Известно и то, что Каледин и Корнилов не получили поддержки со стороны основной массы казачества. После роспуска Учредительного собрания на объединенный III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов прибыла делегация от 46 донских казачьих полков, которая признала власть Советов «настоящей верховной властью»[53]. Позиция фронтового казачества привела к быстрому разгрому войск Каледина и Корнилова, что позволило Ленину уже весной 1918 г. говорить об окончании гражданской войны и переходе к мирному строительству нового общества: «…в главном, задача подавления сопротивления эксплуататоров уже решена в период с 25 октября 1917 г. до (приблизительно) февраля 1918 г. или до сдачи Богаевского (один из лидеров донского казачества – *В. К.*). На очередь выдвигается теперь, как очередная … задача – организовать *управление* Россией»[54]. Эта фраза еще раз показывает, что Ленин трактовал гражданскую войну как способ подавления сопротивления эксплуататорских классов, рассчитывая при этом на заведомую поддержку со стороны большинства населения, в том числе и крестьян. И история подтвердила правильность такого расчета. Положение осложнила только иностранная интервенция, изменившая расстановку сил.

«Демократическая контрреволюция». Комуч. Сформулированный выше вывод хорошо подтверждает история появления и поражения Комитета членов Учредительного собрания (Комуча), созданного в июне 1918 г. в Самаре. Комуч был наиболее ярким носителем лозунга защиты прав Учредительного собрания. И его история выявляет два ключевых обстоятельства: 1) он был создан на штыках чехословацких легионеров; 2) не смог получить поддержки поволжского крестьянства. Судьбу Комуча разделили и другие

[53] Третий Всеросс. съезд Советов рабочих, солдатских и крест. депутатов. Пб., 1918. С. 82–83.
[54] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 172.

образования такого рода, которые в советской историографии получили название «демократическая контрреволюция».

О значении иностранной интервенции как фактора создания Комуча ясно рассказал один из лидеров самарских эсеров Прокопий Климушкин: «Никто не верил в возможность свержения большевистской власти, все были убеждены, что она будет царствовать долго. <…> Мы видели, что если в ближайшее время *не будет толчка извне, то на переворот надеяться нельзя*». Необходимый толчок дали легионеры. И это был не просто толчок. Климушкин честно признал, что после прихода чехов в Самару созданный там Комуч не получил поддержки со стороны населения: «реальная поддержка была ничтожна. … Рабочие нас совершенно не поддержали. И когда мы ехали в Городскую думу для открытия комитета под охраной, к сожалению, не своих штыков, а штыков чехословаков, граждане считали нас чуть ли не безумцами», – говорил Климушкин[55].

История создания Комуча на штыках чехословаков имеет принципиальное значение как свидетельство начала полномасштабной фронтовой войны в результате иностранной интервенции: опираясь на легионеров, Комуч провел мобилизацию в свою «Народную армию». В этих условиях большевики 11 июня объявили *первую* советскую *мобилизацию* рабочих и крестьян именно в *зоне действия* мятежного корпуса и *против* него: 13 июня СНК создал Реввоенсовет «для руководства всеми операциями против чехословацкого мятежа»[56]. Так был создан первый фронт, вскоре получивший название «Восточный». Дата и обстоятельства создания первого фронта однозначно свидетельствуют о времени начала полномасштабной гражданской войны и ее связи с иностранной военной интервенцией.

Решающая роль мятежа чехословаков в начале полномасштабной гражданской войны не нашла признания в редакционном «Введении». В статье, специально посвященной чехословацкому корпусу, также нет такого вывода, хотя в целом события описаны правильно, и такой вывод из текста напрашивается. Тем не менее, автор статьи роль легионеров определил очень скромно: «сыграли роль детонатора для активизации антибольшевистских групп»[57]. О том, была ли эта роль вспомогательной или ключевой, в тексте не

[55] См.: Пионтковский С. Гражданская война в России, 1918–1921. М., 1925. С. 214–215.
[56] Декреты Советской власти. М. 1959. Т. 2. С. 428–429.
[57] Россия в Гражданской войне 1918–1922. Энциклопедия в трех томах. Т. 3. С. 671.

говорится. Достаточно сопоставить эти оценки с приведенным свидетельством Климушкина, чтобы увидеть разницу в акцентах. По-особому подается и роль Антанты. Автор не объясняет, почему легионеры, приняв 20 мая решение двигаться во Владивосток, остановились, развернулись и стали занимать волжский рубеж. Фактор Антанты появляется у автора только в июле. Получается, что в мае-июне легионеры по своей инициативе принимали участие в гражданской войне в России. Однако давно известны иные факты. Так, еще 11 мая 1918 г. первый лорд адмиралтейства, Я. Смэтс и начальник имперского генерального штаба Г. Вильсон представили военному кабинету записку, в которой предлагали не выводить, а использовать легионеров в интересах Антанты в самой России[58]. Лондон обратился с этим предложением к Парижу, и 28 мая вопрос обсуждался на специальной англо-французской конференции. Там было сказано об уже полученном согласии Э. Бенеша (будущий министр иностранных дел, а затем и президент Чехословакии) «принести крупную жертву и *остаться в Сибири*» в том случае, «если к чехословакам обратятся как к союзникам, если их признают как самостоятельную силу». В ходе обсуждения вопроса британский премьер Д. Ллойд Джордж отметил, что «интервенция необходима» и в сложившихся условиях «чешские части могли бы быть нам очень полезны». Премьер особо говорил о способности чехов контролировать транссибирскую магистраль с тем, чтобы обеспечить продвижение в Сибири американцам и японцам. Он «просит заметить, что, если верить некоторым донесениям, 5 000 отважных солдат могли бы пересечь Сибирь». Французы не соглашались и требовали отправить чехословаков на Западный фронт через Мурманск и Архангельск. В итоге на конференции был достигнут компромисс: «все чешские части, находящиеся к *западу* от Омска», будут направлены в Мурманск и Архангельск, и там часть легионеров останется и будут «использованы по усмотрению союзников, остальные же будут отправлены во Францию»[59]. Судьба частей к востоку от Омска будет решена позже. Однако уже 21 июня в Сибирь прибыл представитель французской военной миссии майор Гюнне, который сообщил о решении Антанты образовать новый «противонемецкий фронт» по линии реки Волги.

---

[58] Волков Ф. Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 42.

[59] Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918–1920 гг. М.: Кучково поле, 2018. С. 163, 165, 171.

Легионерам вменялось в обязанность стараться «удержать добытые позиции, очистить от большевиков всю сибирскую магистраль и ожидать прибытия союзных войск»[60]. Задача переброски легионеров в Мурманск уже не стояла. Как написал впоследствии Э. Бенеш: «Мы зависели от других. … Мы сами не могли решать, осуществлять интервенцию или не осуществлять ее». Это свидетельство подтвердил Т. Массарик, вскоре ставший первым президентом Чехословакии: «Лондон предпочел видеть нас в Европейской России и в Сибири»[61]. Понятно, что в краткой энциклопедической статье нет места для изложения всех этих тонкостей, но надо было так или иначе признать, что мятеж не являлся чисто стихийной акцией: за спиной легионеров стояла Антанта, которая заранее решила использовать их в ходе интервенции в Россию.

Статьи «Демократическая контрреволюция» и «Комитет членов Учредительного собрания», написанные соответственно авторитетными историками В. И. Шишкиным и В. В. Кондрашиным, также не подчеркивают роль чехословаков. В то же время с удовлетворением отметим, что статьи раскрывают причины поражения «демократической контрреволюции». Реальной силой Комуча являлись не только чехословацкие легионеры, но и офицерские дружины, которые рассматривали эсеров как временных союзников и сразу стали оказывать поддержку помещикам Поволжья. В. В. Кондрашин в одной из своих работ справедливо писал: «За демократическим фасадом Комуча, красивыми словами о свободе крестьяне увидели помещика, жаждавшего вернуть свою землю и жестоко покарать их за самоуправство в 1917 г.»[62].

Понятно, что в этой ситуации крестьянин выбрал красных: большевики, несмотря на нежелание крестьян воевать, провели в целом успешную мобилизацию в Красную армию: в 1918 г. только 16,3 % призванных крестьян уклонилось от призыва[63]. Уже в сентябре 1918 г. красные отбросили войска Комуча, освободив Казань и Симбирск. В освобожденных районах Поволжья тысячи крестьян вступали в Красную армию *добровольцами*. Только Самарская губерния в сентябре-октябре дала 10 тыс. добровольцев[64]. В свете этих фактов тезис о том, что крестьяне не хотели «воевать за советскую власть», смотрится

---

[60] Драгомирецкий В. С. Чехословаки в России. 1914–1920. Париж–Прага,1928. С. 59-60.
[61] Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию. М., 1979. С. 70, 77-78.
[62] Кондрашин В. В. Самарский Комуч и крестьянство. С. 127.
[63] Осипова Т. В. Указ. соч. С. 282.
[64] Там же. С. 258.

откровенно слабым. Приведем и еще одну оценку В. В. Кондрашина, которая является справедливым приговором всей «демократической контрреволюции»: «Именно крестьянство своим *нежеланием* защищать Комуч подписало смертный приговор демократической альтернативе большевизму со всеми вытекающими отсюда последствиями»[65]. К этой оценке мы бы добавили, что у крестьян были все основания для того, чтобы сделать такой выбор.

В условиях гражданской войны правые социалисты не могли стать самостоятельной силой, что показывает судьба их правительств в Поволжье, на Урале и в Сибири. Первый этап гражданской войны был очень коротким: уже в ноябре 1918 г. адмирал А. В. Колчак, опираясь на помощь англичан, совершил переворот и открыл новый и самый кровавый этап Гражданской войны. С «демократической контрреволюцией» было покончено. Ряд ее лидеров были высланы колчаковцами в Китай, ряд убиты, другие бежали. Часть правых эсеров отказалась от вооруженной борьбы против красных, а часть прямо встала на путь борьбы с белыми.

Нет сомнений в том, что Антанта поддержала переворот Колчака, но ведь реальной силой у Антанты в Сибири были только чехословацкие легионеры, которым Колчак не нравился. Если бы они выступили против Колчака, переворот бы провалился, но они не выступили, подчиняясь решениям Антанты, и тем обеспечили его успех. А далее легионеры охраняли тылы Колчака и боролись с красными партизанами. Эти события еще раз показывают решающую роль внешнего фактора в развертывании полномасштабной гражданской войны: в той конкретной ситуации Колчак не мог даже прийти к власти без решающей поддержки Антанты, нейтрализовавшей легионеров.

Белое дело. Одна из основных черт идеологии белогвардейцев – нежелание сражаться за восстановление прав Учредительного собрания. В этой связи удивление вызывает статья «Белое движение», помещенная в энциклопедии, в которой говорилось о признании белыми Учредительного собрания «как высшего воплощения принципа народного суверенитета»[66]. На самом деле всегда туманные фразы белых по поводу Учредительного собрания были лишь дипломатическим прикрытием курса на военную диктатуру, принятого Корниловым еще в августе 1917 г. Колчак, как и Деникин, отнюдь не

[65] Кондрашин В. В. Самарский Комуч и крестьянство. С. 122.
[66] Россия в Гражданской войне 1918–1922. Энциклопедия в трех томах. Т. 1. С. 206.

собирались сражаться за восстановление прав созванного и распущенного Учредительного Собрания с социалистическим большинством. А иного демократически избранного парламента в России того времени просто не могло быть. Отметим и принципиальное неприятие белыми принципа ликвидации частной собственности на землю. Эта позиция, спрятанная за ширму «непредрешения», отделяла белых от крестьян. Помимо прочего она лишала их шансов создать действительно лояльную армию, особенно в великорусских европейских губерниях. По сути, после того как Колчак устранил «демократическую контрреволюцию», большевики идеологически гражданскую войну уже выиграли.

Однако помощь Антанты позволила Колчаку создать и вооружить многочисленную армию (более 300 тыс.) в Сибири, где аграрный вопрос стоял несколько по-иному, чем на Волге и в Европейской России в целом: опасности возврата помещиков не было, поскольку в Сибири не было помещиков. В то же время в своей программе Колчак не предложил ничего, что могло бы побудить мобилизованных сибирских крестьян стойко сражаться в его армии. Внутренней широкой опоры его власть не имела. Авторитет Колчаку создавал внешний фактор – Антанта, которая привела его к власти, передала золотой запас, захваченный легионерами в Казани, и *вооружила* его армию, поставив более 500 тыс. винтовок и миллионы патронов. Советские историки всегда подчеркивали тот факт, что Колчак, находясь за Уралом, на периферии страны, без иностранной помощи не мог создать и вооружить армию, способную составить угрозу власти большевикам. То же самое можно сказать и в отношении армии Деникина, которому Антанта поставила 450 тыс. винтовок и миллионы патроны к ним, 500 орудий, 200 самолетов, 102 танка и др.[67] На юге России, так же как и в Сибири, создать такие ресурсы было невозможно. Решающую роль внешнего фактора убедительно показывают и некоторые современные исследователи. Так, в своей докторской диссертации В. П. Федюк делает следующий вывод: «…с приходом союзников Добровольческая армия из локального явления превратилась в важнейший фактор жизни юга. *…Без союзнической поддержки это было бы невозможно*»[68].

---

[67] Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М. 1987. С. 234–235.
[68] Федюк В. П. Белое движение на юге России 1917–1920 гг.: Дис. … д-ра ист. наук. Ярославль, 1995. С. 511.

Однако этого тезиса нет в энциклопедии 2021 г. В статье, посвященной Антанте, об иностранной помощи Белому движению говорится лишь следующее: «Материально-экономическая помощь держав Антанты в серьезных масштабах Белому движению продолжалось лишь до заключения Версальского мирного договора (1919) … Затем помощь постепенно сошла на нет»[69]. Реальные масштабы военной помощи не приводятся ни в этой статье, ни в других статьях, посвященных белым армиям. Прочитав эти статьи, неподготовленный читатель придет к выводу, что помощь Антанты вообще ни играла какой-либо серьезной роли в Гражданской войне.

Чем можно объяснить стремление авторов Энциклопедии принизить роль иностранной интервенции во всех ее формах? Только желанием возложить вину за Гражданскую войну на большевиков, а также устранить мысль о том, о чем в 1920 г. говорил Сталин: «От армий, нанятых и подкупленных Антантой, Красная Армия отличается тем, что она воюет за свободу и независимость своей собственной страны». Объективно Сталин был прав, хотя субъективно многие белогвардейцы были патриотами своей Родины и думали, что именно они воюют за ее независимость против «немецких агентов», подписавших «предательский» Брестский мир. Тем не менее У. Черчилль, военный министр Британии того времени, имел все основания заявить: «…русские белогвардейцы сражались за наше дело»[70]. Ключевой вопрос о том, какие силы (белые или красные) защищали национальные интересы русского народа и народов России, не нашел ни постановки, ни рассмотрения в энциклопедическом трехтомнике. И это не случайность: опровергнуть совпадающие в этом вопросе позиции Сталина и Черчилля очень трудно.

Крестьянские мятежи. Антоновщина. Недовольство крестьян политикой «военного коммунизма», прежде всего продразверсткой и запретом на свободную торговлю хлебом, не вызывает никаких сомнений. Однако это недовольство не стало причиной *начала* крупномасштабной войны: она не началась как восстания крестьян против Советской власти. Дело в том, что «продовольственная диктатура», которая была установлена большевиками майскими декретами 1918 г., реально не выполнялась. И часто это происходило при попустительстве и даже при согласии местных Советов, где доминировали крестьяне.

---

[69] Антанта // Россия в Гражданской войне. Энциклопедия. Т. 1. С. 106.
[70] Черчилль У. Мировой кризис. М.; Л.: Госвоениздат, 1932. С. 174.

Прежде чем пояснить эту ситуацию, отметим, что уже царское правительство с конца 1916 г. не видело других способов прокормить города и армию, кроме как при помощи продразверстки. Временное правительство пошло дальше и объявило хлебную монополию, но тоже не смогло решить проблему продовольственного снабжения городов и армии, находясь в куда более благоприятных условиях, чем большевики. Оценку ситуации, в которой оказалось Временное правительство после Февральской революции, дал министр А. И. Шингарев, отвечавший за продовольствие: «никаких хлебных запасов в распоряжении государства не осталось. Жутко сказать и страшно вспомнить, что в начале марта были минуты, когда оставалось хлеба на несколько дней в Петрограде и Москве, и были участки фронта с сотнями тысяч солдат, где запасы хлеба оставались лишь на полдня»[71]. И эта ситуация сложилась в условиях, когда в стране были крупные излишки хлеба: в 1916/17 сельскохозяйственном году (с 1 августа 1916 г. по 1 августа 1917 г.) по всей империи государство заготовило 8,3 млн тонн хлеба (в великорусских губерниях – около 5,2 млн тонн)[72]. Главными проблемами были транспорт, а также нежелание держателей продавать хлеб по низким ценам. С 1 августа 1917 г. Временное правительство, подняв в 2 раза закупочные цены, смогло заготовить часть хлеба нового урожая (около 0,4 млн тонн). Тем не менее, после штурма Зимнего на столе Керенского была обнаружена записка, которая касалась ситуации в Петрограде: «Хлеба на 1/2 суток!?»[73]. В такой ситуации большевики пришли к власти.

К концу года галопирующая инфляция устранила эффект повышения закупочных цен, и крестьянин перестал продавать хлеб. С января 1918 г. государственные хлебозаготовки стремительно падали. С 1 августа 1917 г. по 1 августа 1918 г. государство сумело заготовить только около 50 млн пудов (0,8 млн тонн) зерна, т. е. почти в 7 раз меньше, чем было заготовлено в 1916/1917 г. в великорусских губерниях[74].

В первую половину 1918 г. почти весь товарный хлеб был реализован через «черный рынок», обогатив держателей излишков хлеба и перекупщиков.

---

[71] Цит. по: Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 205.
[72] Статистический справочник за 1928 год. М., 1928. С. 702.
[73] Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. М., 1963. Т. 3. С. 184.
[74] Четыре года продовольственной работы. М., 1922. С. 18.

Большевики не смогли провести продовольственную диктатуру на деле. Во-первых, они психологически не были готовы давить на крестьян, а во-вторых, просто не имели инструментов давления. Именно поэтому первую половину года конфликты в деревне не создавали реальной угрозы для Советской власти. Упоминавшийся нами историк В. В. Кондрашин отмечает, что в «докомбедовский» период (январь–июнь 1918 г.) преобладали «противоречия между крестьянами в рамках одной общины, нежели между всей общиной и государством. <…> Высшие формы движения (*восстание, война*) не наблюдаются. Масштабы насилия ограничены небольшим числом жертв противоборствующих сторон»[75].

Несмотря на грозные декреты СНК, и в городах Советы смотрели сквозь пальцы на «черный рынок», который позволял кормить население. Была реальная перспектива дожить до июля-августа, а новый урожай должен был облегчить продовольственное положение, что открывало возможности найти компромисс с крестьянством, как это и предусматривалось политикой «переходных шагов к социализму», утвержденной большевиками весной 1918 г. Напомним о том, что весной 1918 г. политика «военного коммунизма» Лениным не планировалась, он выступал за использование всех форм госкапитализма в полном соответствии с концепцией «переходных шагов», принятой большевиками в апреле 1917 г. и подтвержденной VI съездом РСДРП (б) в августе 1917 г. В этой связи большие вопросы вызывает сформулированный во «Введении» трехтомника тезис о том, что Ленин уже весной 1918 г. «целенаправленно формировал политику “военного коммунизма”, которая мыслилась им непосредственное вхождение в социалистическое общество»[76]. При этом авторы упоминают «красногвардейскую атаку на капитал», которая проводилась рабочими весной 1918 г., и против которой Ленин как раз и выступал, считая ее преждевременной.

Однако благоприятная перспектива дожить до нового урожая и осуществлять концепцию «переходных шагов» была закрыта для большевиков внешней интервенцией во всех ее формах. Германцы лишили большевиков хлеба Украины, белочехи – хлеба Поволжья, Урала и Сибири, а белоказаки – хлеба Дона и Кубани. Иными словами, продовольственная проблема резко обострилась именно в результате военной интервенцией, обусловившей начало полномас-

[75] Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне. М., 2009. С. 97–98.
[76] Россия в Гражданской войне 1918–1922. Энциклопедия в трех томах. Т. 1. С. 12.

штабной гражданской войны. В этой войне, как уже было показано выше, крестьянин, несмотря на продразверстку и комбеды, был обязан выбрать и действительно выбрал красных. Именно поэтому ни 1918 г., ни 1919 г. не знали крупных крестьянских восстаний. Логика этого этапа гражданской войны была такова: чем больше были успехи белых, тем больше крестьян поддерживали красных. В первой половине 1919 г. крестьянин не хотел давать большевикам хлеб и срывал мобилизации, а когда Деникин осенью стал приближаться к Москве, в Красную армию вернулось 975 тысяч дезертиров[77].

Важно отметить, что масштабы госзаготовок в первые два года Гражданской войны оставались ограниченными: в 1918/19 г. государство с подконтрольной территории заготовило лишь 1,8 млн т хлеба, в 1919/20 г. – 3,5 млн т хлеба[78]. Собрав необходимый минимум для снабжения армии и промышленных рабочих, СНК предоставил населению фактическую свободу для закупок на свободном рынке. Планы продразверстки никогда не выполнялись (в 1919 г. план был выполнен на 41,5 %). Как следствие, в 1918 и 1919 гг. крестьяне производящих губерний не только не снизили, но даже увеличили личное потребление: они потребляли 17 пудов в год, а в довоенный период – 16 пудов[79]. Конечно, даже небольшие по объему хлебозаготовки при помощи насилия порождали эксцессы, но при угрозе победы белых большинство крестьян поддержало красных.

Крестьянские восстания стали нарастать в 1920 г., когда основные силы белых были разбиты, и угроза потерять землю отступила. В этой ситуации крестьяне не хотели мириться с продразверсткой. Л. Д. Троцкий, видя эту ситуацию, уже в начале 1920 г. предложил хотя бы частично вернуть свободу торговли хлебом[80]. Однако в преддверье войны с Польшей Ленин и большинство членов ЦК побоялись оставить армию без гарантированного запаса хлеба. В 1920/21 г. государство заготовило 5,68 млн т [81]. Прибавка была обеспечена за счет распространения продразверстки на Сибирь, Украину и Северный Кавказ, очищенных от белых. В условиях плохого урожая и сокращения

---

[77] Осипова Т. В. Указ. соч. С. 319.
[78] Статистический справочник за 1928 год. М., 1928. С. 702.
[79] Бюллетень Центрального статистического управления. М., 1920. № 19–20. 1 марта.
[80] Одиннадцатый съезд РКП (б). Март–апрель 1922 г. Стеногр. отчет. М., 1961. С. 270.
[81] Струмилин С. Г. На плановом фронте. М., 1958 С. 31, 33. По другим данным: 4,6 млн т на территории РСФСР, или более 6 млн т на территории будущего СССР в целом (Статистический справочник за 1928 год. С. 702).

площади посевов это было слишком много. Ответом стали восстания, которые, по мнению В. В. Кондрашина, можно считать «крестьянской войной». На наш взгляд, термин можно принять лишь как условный. Анализ всех восстаний подтверждает, что они всегда были связаны с просчетами местной власти, которые резко обостряли общую трудную, но терпимую ситуацию. Это делало восстания локальными: вспыхнув в одних уездах, они не получали поддержки в других и т. п. История «Антоновщины» – яркое свидетельство. Белые офицеры и местные эсеры летом 1920 г. на так называемом «Совещании ста» заключили союз и подняли на восстание крестьян 3-х из 12 уездов Тамбовской губернии. Эти три лесных уезда в условиях *плохого* урожая были обложены наиболее тяжелой продразверсткой за то, что укрывали дезертиров. Дезертиры и составили основную ударную силу антоновских отрядов. Затем к ним на помощь подошли большие группы казаков, офицеров и солдат разбитых белых армий (более 10 тыс.). Состав Конноподвижной армии повстанцев, созданной осенью 1920 г., уже самими названиями полков показывает их «пришлый» характер: 1-й Богучарский, 2-й Богучарский, Казачий, Хоперский. Попытка распространить восстание еще на два уезда дала частичные результаты. Большинство крестьянских обществ Тамбовской губернии *не пустили* повстанцев на свою территорию. И это принципиальный факт. По максимальным оценкам на пике восстания в феврале 1921 г. в нем вместе с «пришлыми» участвовало около 40 тыс. повстанцев, что без «пришлых» составляло менее 4 % взрослого мужского населения губернии[82]. Большое число крестьян было втянуто в восстание насильно[83].

Крестьянские восстания не создавали реальной угрозы свержения Советской власти, но не позволяли завершить Гражданскую войну. Восстания были подавлены крестьянской армией и лишь подтолкнули большевиков к тому, чтобы вернуться к стратегии «переходных шагов», принятой весной 1918 г.

Известный историк крестьянства В. П. Данилов сформулировал принципиальный тезис, который В. В. Кондрашин взял в качестве эпиграфа к своей книге, изданной в 2008 г.: «Советское общество было создано великой *соци-*

---

[82] «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 13, 494. В 1920 г. в губернии среди сельского населения было 1 млн. 678 тыс. мужчин. Если отбросить половину (дети и старики), то получится около 840 тыс. взрослых мужчин.

[83] Там же. С. 11, 653.

альной революцией в России начала XX века, в основе своей являющейся *крестьянской* революцией»[84]. В аннотации к книге Кондрашина содержатся слова о том, что в книге «подтверждается *закономерность* победы большевиков в Гражданской войне, несмотря на огромный размах антибольшевистского крестьянского движения». Приведем и еще одну принципиальную оценку Данилова, с которой мы согласны: «… как бы сложно ни складывались отношения большевиков и крестьянства, они выдержали удары контрреволюции. Крестьянская революция … явилась одним *из главнейших факторов победы красных* над белыми, желто-голубыми и всеми другими» [85].

Эти слова были написаны Даниловым совместно с известным британским историком Т. Шаниным в предисловии к фундаментальному сборнику документов, которые в своей совокупности подтверждают именно такие выводы. К сожалению, последние не нашли своего отражения в новейшей трехтомной энциклопедии. Их заменили тезисом о том, что в ходе Гражданской войны большевистское руководство «столкнулось с нежеланием *основной массы* населения страны – *крестьянства* – воевать *за советскую власть*»[86].

Сложившаяся историографическая ситуация, отраженная в новейшем трехтомнике, не просто вызывает сожаление, но и порождает обеспокоенность за содержание томов по истории революции и Гражданской войны, которые сейчас готовятся под эгидой ИРИ РАН и должны выйти в рамках проекта по изданию 20-ти томной «Истории России», рассчитанной на то, чтобы долгое время формировать историческое сознание нашего народа. Строго говоря, настоящая статья и была написана для того, чтобы создать повод для открытого обсуждения в историческом сообществе подготовленных макетов 11 и 12 томов с тем, чтобы избежать опасных промахов, которые способны усилить раскол не только среди историков, но и в обществе. Такой раскол существует, и единственный способ его преодолеть: не писать неправды. Нельзя писать и полуправду, которая опаснее всего. Как говорил в свое время поэт Александр Твардовский:

«*Одна неправда нам в убыток,*
И только правда ко двору!»

---

[84] Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне. М.: Росспен, 2009. С. 5.
[85] Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2002. С. 7.
[86] Там же. С. 9.

Л. И. Галлямова

Дальневосточная республика: создание, эволюция, финал

Уникальное государственное образование – Дальневосточная Республика (ДВР) – создавалось и действовало в особых исторических условиях Гражданской войны, вспыхнувшей в России в 1918 г. после установления Советской власти. В августе 1918 г. началась объединенная интервенция США, Англии, Франции Японии и других стран, войска которых выступали на стороне антисоветского белогвардейского лагеря. Во второй половине сентября сформировалась единая антибольшевистская власть для всей Сибири от Урала до Тихого океана. В результате военного переворота, произошедшего в Омске в ноябре 1918 г., Верховным правителем России был провозглашен А. В. Колчак, ему оказывали военно-техническую помощь США и страны Антанты, его власть признало все белое движение России, включая А. И. Деникина.

В ходе гражданской войны военно-политическая обстановка для правительства Колчака стала все более ухудшаться: осенью 1919 г. в результате поражений белые войска оставили Тобольск, Петропавловск и Ишим, 14 ноября покинут Омск, и началось отступление на восток. Часть правительства Колчака уехала в Иркутск. Умеренные социалистические партии активизировали деятельность и стали планировать организацию антиколчаковского восстания. 12 ноября в Иркутске состоялось нелегальное всесибирское совещание представителей земств и городов, на нем избран Политический центр во главе с бывшим членом Всероссийского Учредительного собрания эсером Ф. Ф. Федоровичем. Был принят план восстания, причем эсеро-меньшевистские лидеры предполагали, что после успешного выступления в Восточной Сибири (включая Дальний Восток) можно будет создать автономное демократическое буферное государственное образование, находящееся с РСФСР в договорных отношениях. Политцентр вступил в переговоры с коммунистами, утверждая, что таким образом можно мирным путем добиться прекращения интервенции. В программе Политцентра намечался созыв Всесибирского Учредительного собрания, которое должно было определить свое отношение к автономии региона и характеру власти[1].

[1] Мухачев Б. И. Александр Краснощеков: Историко-биографический очерк. Владивосток: ДВО РАН, 1999. С. 99–100.

Конец колчаковского режима приближался: 14 декабря пал Новониколаевск, 20 декабря красные войска вошли в Томск. 24 декабря всю полноту гражданской и военной власти Колчак передал атаману, генерал-майору Г. М. Семенову, назначив его главкомом всех белогвардейских войск на Востоке. С 4 на 5 января 1920 г. Иркутск был взят объединенными усилиями Политцентра и большевиков. Власть сосредоточилась в руках Политцентра, Колчак сложил с себя полномочия Верховного правителя в пользу генерала А. И. Деникина. 15 января чехи передали Колчака Политцентру, адмирала заключили в Иркутскую тюрьму. 7 февраля 1920 г. А. В. Колчак был расстрелян вместе со своим соратником министром В. Н. Пепеляевым.

Установление советской власти в Иркутске было использовано Сибревкомом как весомый довод в пользу строительства буферного государственного образования с центром «буфера» в Верхнеудинске. В Москве идея создания «буфера» была поддержана с учетом того, что в начале 1920 г. военно-политическая обстановка в стране сложилась весьма напряженная: на западе войну с нею развязала Польша, на Юге воевали белые армии Деникина и Врангеля, на Востоке продолжалась интервенция. В. И. Ленин одобрительно отнесся к проекту создания Восточно-Сибирской государственности с эсеровским участием, ибо в сложившихся условиях существовала реальная опасность военного столкновения Советской России с Японией[2]. 8 февраля 1920 г. по поручению В. И. Ленина Председатель Реввоенсовета РСФСР Л. Д. Троцкий в телеграмме Председателю Сибревкома И. Н. Смирнову предложил ускорить создание буфера, чтобы не дать козырь в руки сторонникам дальнейшего продолжения японской интервенции[3].

В начале 1920 г. в Приморской области колчаковская диктатура уже рушилась, но было ясно, что интервенты не допустят восстановления советской власти в Приморье. Большевики приняли решение выступать под флагом коалиции с меньшевиками и эсерами – фактически создать однородную социалистическую власть. Поэтому 31 января 1920 г. власть во Владивостоке была передана Приморской областной земской управе во главе с эсером Медведе-

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 137.

[3] Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 – ноябрь 1922 г.): Документы и материалы. В 2-х частях. Ч. I. Февраль – ноябрь 1920 г. Владивосток: Дальнаука, 1993. С. 157.

вым, в правительство вошли также и большевики. Консульский корпус против такой постановки вопроса не возражал[4].

В Амурской области развивалось партизанское движение, в местах действия партизанских отрядов восстанавливалась власть Советов. В январе 1920 г. действовало уже 30 отрядов (более 9 тыс. бойцов), которые стали стягиваться к Благовещенску[5]. 3 февраля 1920 г. японское командование объявило нейтралитет. Под руководством подпольного парткома большевиков в ночь на 6 февраля сформирован Временный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Утром 6 февраля 1920 г. в Благовещенске провозглашена советская власть. Земство и городская дума вынуждены были с этим согласиться. 16 февраля создан единый областной исполнительный комитет (председатель – С. С. Шилов). 15 февраля создан Благовещенский комитет РКП(б) (председатель – М. А. Трилиссер), 5 марта он преобразован во временный областной комитет РКП(б).

С 23 февраля началась эвакуация японских войск, закончившаяся в марте. Из партизанских отрядов стали формироваться регулярные войска. Подготовка к свержению колчаковской власти проводилась и в Камчатской области, и на Чукотке, и на Северном Сахалине. Благодаря перевороту в Охотске революционные власти Дальнего Востока после свержения белых получили возможность через Охотскую радиостанцию и телеграф поддерживать связь с Иркутском и Москвой. Крушение власти Колчака означало полный провал союзной интервенции в Сибири.

Несправедливый характер войны, которую вели в России страны Антанты и США, вызвал деморализацию их войск, способствовал подъему антиинтервенционистского движения в этих странах. Среди иностранных солдат распространялись революционные настроения, нередки были их переходы на сторону партизан. 13 декабря 1919 г. Лондонская конференция Антанты приняла решение о выводе войск западных держав из Сибири[6]. 10 января 1920 г. правительство США официально объявило об эвакуации американских войск

---

[4] Мухачев Б. И. Александр Краснощеков… С. 100.

[5] Хитрый В. Г. Партизанское движение в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке России (1918–1920): современный взгляд. Владивосток, 2015: Дис. … канд. ист. наук. С. 105.

[6] Светачев М. И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск, 1983. С. 202.

из Сибири и Дальнего Востока[7]. Япония получила право решать самостоятельно вопрос о продолжении вооруженной интервенции. Последний эшелон интервентов отбыл из Иркутска 8 марта 1920 г. Гражданская война и интервенция в Сибири к западу от Байкала завершились, фактически победу одержали просоветские силы. Однако в Забайкалье сохранялись еще остатки колчаковской армии (каппелевцы) и казачьи формирования Г. М. Семенова, а на Дальнем Востоке – значительные войска интервентов.

После свержения колчаковского режима на Дальнем Востоке установились власти, различные по своему характеру: в Приморской и Сахалинской областях – революционно-демократическая, земская, в других – власть Советов. Земская власть рассматривалась как переходная к Советам. Необходимо было эти власти привести к общему знаменателю, которым стал курс на создание буферного государственного образования без восстановления советской власти. Для политического руководства буферным строительством по директиве ЦК РКП (б) Сиббюро ЦК в начале марта образовал Дальбюро РКП (б) из двух групп: западной (А. М. Краснощеков, А. А. Ширямов, Н. К. Гончаров) с центром в Верхнеудинске и восточной (И. Г. Кушнарев, С. Г. Лазо, П. М. Никифоров) с центром во Владивостоке. А. М. Краснощеков являлся уполномоченным Сибревкома и Сиббюро ЦК, практически ответственным за всю эту работу, 15 марта 1920 г. он прибыл в Верхнеудинск[8]. Строительство нового, революционно-демократического «буфера» в Верхнеудинске и Владивостоке началось под руководством коммунистов.

В феврале 1920 г. конференция союзников в Лондоне высказалась в целом за сохранение враждебного курса в отношении РСФСР, за использование против нее войск Польши и белогвардейской армии Врангеля – в Европе, войск Японии, остатков армии Колчака и войск Семенова и др. атаманов – на Дальнем Востоке. Антисоветски настроенные правящие круги западных держав стремились с помощью японских войск преградить путь Красной армии, сохранить Забайкалье и Дальний Восток как один из плацдармов борьбы за «освобождение» России от большевизма. Державы Антанты стали под-

---

[7] Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922 гг.). Сборник док. Владивосток: Примор. книж. изд-во, 1955. С. 292–294.

[8] Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 – ноябрь 1922 г.): Документы и материалы. В 2-х частях. Ч. I. Февраль – ноябрь 1920 г. Владивосток: Дальнаука, 1993. С. 6.

держивать попытки контрреволюционных деятелей организовать в Забайкалье и на Дальнем Востоке антисоветское буферное государство. Атаман Г. М. Семенов рассчитывал сформировать правительство для всего региона к востоку от Байкала, однако свержение колчаковской власти в Прибайкалье и на Дальнем Востоке нанесло удар по «буферным» планам Семенова[9]. Японское правительство, поддерживавшее атамана Семенова, в феврале-марте стало наращивать численность войск, чтобы силой устранить земское правительство Приморья, разгромить большевистские организации и подчинить область читинскому режиму.

28 марта – 8 апреля 1920 г. состоялся учредительный съезд трудящихся Прибайкалья, на нем было провозглашено создание Дальневосточной Республики – ДВР, избрано правительство – Президиум народно-революционной власти во главе с А. М. Краснощековым, столицей определен Верхнеудинск (с октября 1920 г. – Чита). На съезде была озвучена Декларация, в ней вся территория от реки Селенги до Тихого океана (за исключением Якутии) объявлялась территорией Дальневосточной республики, отмечалось, что в республике устанавливается «демократическая власть, олицетворяющая волю всего народа..» и что после объединения всех областей Дальнего Востока будет созвано Учредительное собрание ДВР, которое утвердит Конституцию[10]. Советская Россия официально признала ДВР уже 14 мая 1920 г., предоставив ей с самого начала финансовую, дипломатическую, кадровую, хозяйственную и военную помощь[11]. Это позволило Москве контролировать внутреннюю и внешнюю политику ДВР и создать Народно-революционную армию (НРА) на базе красных дивизий. Таким образом, ДВР была создана первоначально в составе только одной области.

15 марта 1920 г. во Владивосток приехал уполномоченный Сибревкома В. Д. Виленский, он привез и передал консулам Японии и США обращения Советского правительства о прекращении политики конфронтации и развитии добрососедских отношений. 29 марта на заседании Дальневосточного комитета РКП(б) Виленский от имени Сиббюро ЦК заявил, что Владивосток

---

[9] Ципкин Ю. Н., Орнацкая Т. А. Внешняя политика Дальневосточной Республики (1920–1922 гг.). Хабаровск, 2008. С. 77.

[10] Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922 гг.). Сборник док. Владивосток: Примор. книж. Изд-во, 1955. С. 442–444.

[11] Мухачев Б. И. Александр Краснощеков… С. 118–119; Борьба за власть Советов в Приморье. С. 476.

должен стать центром большевистского буфера на Дальнем Востоке, и предложил объединить все области края вокруг правительства – Приморской областной земской управы. Дальневосточный комитет РКП(б) поддержал его, и 30 марта земская управа утвердила это предложение. Приморское правительство стало называться «Временное правительство Дальнего Востока». Однако японские интервенты приняли решение помешать созданию ДВР. 2 апреля, через 4 часа после отбытия из Владивостока последнего американского транспорта с войсками, генерал Такаянаги направил Приморскому правительству ультиматум с рядом требований о предоставлении льгот для японских войск. Стремясь избежать конфликта, Приморское правительство предложило провести переговоры. Но 4 апреля в 22 ч. во Владивостоке японские войска внезапно открыли артиллерийский и пулеметный огонь по важнейшим пунктам города, пехота стала занимать правительственные здания и воинские склады, разоружать отряды милиции, арестовывать и расстреливать коммунистов, убиты члены военного совета С. Г. Лазо, А. Н. Луцкий, В. М. Сибирцев, видные деятели П. В. Уткин, А. Ф. Андреев и др. Военный совет Приморского правительства был деморализован. Российские флаги стали заменяться японскими, захвачены суда Сибирской военной флотилии. От Владивостока до Хабаровска развернулись бои с японскими интервентами. Революционные войска отступили на север, затем вместе с хабаровчанами отошли в сторону Амурской области, погибло до 7 тыс. бойцов и мирных жителей, много арестовано[12].

Жестокость японских интервентов вызвала сопротивление: забастовали железнодорожники, рабочие электростанций, телеграфа, не выходили в море суда, росло возмущение во всех слоях общества. 5 апреля Приморская земская управа заявила решительный протест иностранным консулам, указав на их ответственность. Под давлением союзников и роста сопротивления жителей идея с созданием нового правительства у японцев провалилась. 9 апреля они освободили все учреждения, сняли посты с улиц, возвратили милиции оружие. В соответствии с решением согласительной комиссии вдоль Уссурийской железной дороги и Сучанской железнодорожной ветки устанавливалась 30-километровая нейтральная полоса, куда земское правительство не

[12] Мухачев Б. И. Документы рассказывают. Правда истории: Дальневосточная Республика и борьба с интервенцией на Дальнем Востоке России // Россия и АТР. Владивосток, 1993, № 1. С. 13.

могло вводить свои войска, которые следовало отвести за Хабаровск и Амур (Хабаровск оставался у японцев); запрещалось вводить войска Приморского правительства в Забайкалье и Сахалинскую область, была ограничена численность русской милиции и т. д. В целом японский контроль над железными дорогами и важными стратегическими пунктами усилился. В Хабаровске создана «русская администрация» во главе с бывшим городским головой К. Т. Лихойдовым.

22 апреля 1920 г. началась высадка японских войск на Северном Сахалине, а в конце мая целая эскадра подошла Николаевску-на-Амуре, он был оккупирован, захвачены Де-Кастри, Мариинское и др. Японцы наступали по Амуру и со стороны Хабаровска. Не в состоянии помешать движению превосходящих сил противника, Ревштаб партизанского объединения под командованием Я. И. Тряпицына согласовал с Благовещенском вопрос об эвакуации 5-тысячной революционной армии и мирного населения (около 15 тыс. чел., в том числе до 8 тыс. женщин и детей), город решено сжечь, находившихся в тюрьме японских солдат уничтожить. Были убиты члены японской колонии (более 700 чел.). Позднее, в июле 1920 г., партизанский суд объявил Тряпицына виновным в беззакониях, в разложении армии и отступлении от «линии советской власти» и приговорил его к расстрелу[13]. Япония стала оценивать «николаевский инцидент» как причину оккупации Северного Сахалина и низовьев Амура, хотя началась оккупация раньше, чем «николаевский инцидент».

Провозглашение ДВР способствовало предотвращению прямого военного конфликта между Советской Россией и Японией и выводу иностранных войск с территории Дальнего Востока. Важнейшей задачей правительства ДВР стала ликвидация «читинской пробки», т. е. группировки каппелевцев и семеновцев в Восточном Забайкалье, занимавшей прочные позиции при поддержке японских интервентов. Эта группировка была разбита партизанами в ноябре 1920 г., ее остатки скрылись в Китае[14].

28 октября 1920 г. в Чите началась объединительная конференция представителей областей Дальнего Востока, она приняла новую Декларацию не-

[13] Ципкин Ю. Н., Орнацкая Т. А. Внешняя политика Дальневосточной Республики… С. 76.
[14] Дальневосточная республика: Становление… Ч.II. Владивосток: Дальнаука, 1993. С. 31–32.

зависимости, которая повторяла основные положения апрельской Декларации о власти ДВР, конкретизировала положения о границах, о Полосе отчуждения КВЖД и пр. Объявлена амнистия бывшим белогвардейцам, подтвержден институт частной собственности, декларировались добрососедские отношения со всеми странами. Все областные правительства ДВР теряли свои государственные прерогативы и превращались в органы местного самоуправления. 10 ноября 1920 г. избрано Правительство ДВР из 7 чел. (5 коммунистов и 2 беспартийных): А. М. Краснощеков (председатель), К. И. Бреус, Г. К. Румянцев, Н. М. Матвеев, П. М. Никифоров, О. Кузнецов и Ф. А. Иванов; выбрана комиссия по выборам Учредительного собрания ДВР (председатель – народный социалист [энэс] К. С. Шрейбер). 11 ноября утвержден государственный герб республики. В декабре в состав ДВР вошла Приморская область, и объединение областей Дальнего Востока в единую республику завершилось. 12 февраля 1921 г. открылось Учредительное собрание ДВР. Среди делегатов коммунистов было 86 % (169 чел.), меньшевиков – 13,7 %, сибирских эсеров – 3 %, энэсов – 1,5 %, от партии народной свободы – 1,0 %; из 187 беспартийных 143 (77 %) поддерживали коммунистов. Всего из 383 депутатов левый блок во главе с коммунистами получил 275 мест[15].

В избранный новый состав Правительства ДВР вошли А. М. Краснощеков (председатель), И. В. Слинкин, Н. М. Матвеев, М. И. Бородин, Д. С. Шилов и В. С. Бондаренко. В Совет министров ДВР включены 11 коммунистов, 3 меньшевика, 1 эсер и 1 энэс, возглавили его П. М. Никифоров и Ф. Н. Петров. Правительством через бюро комфракции фактически руководило Дальбюро ЦК РКП(б), оно вместе с Советом министров осуществляло высшую исполнительную власть. Правительство пользовалось правом издания временных законов (до утверждения их парламентом), а Нарсоб – правом преодоления вето. Правительству ДВР были присущи функции высшей администрации и главы государства одновременно. 23 марта – 27 апреля 1921 г. обсужден и принят главный документ – Конституция ДВР. Основной закон ДВР отменял сословные деления, преимущества, привилегии, звания, чины, титулы (ст. 12); зафиксировал равноправие народов, отделение церкви от государства и школы от церкви, провозглашал свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и

[15] Никифоров П. М. Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Изд. 2-е, переработ. М.: Политиздат, 1974. С. 159.

пр. (ст. 13–18); утверждались равноправие женщин, охрана материнства и детства, труд признан обязанностью всех граждан, выборы являлись всеобщими равными прямыми при тайном голосовании и т. д. Конституция республики закрепляла принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Высшим законодательным органом ДВР являлось однопалатное собрание, избираемое гражданами республики на два года[16]. С принятием Конституции государственно-юридическое оформление Дальневосточной республики завершилось. Однако на практике Конституция реализована не была, фактически в ДВР осуществлялась неконституционная диктатура РКП(б) в лице Дальбюро ЦК и его местных партийных органов.

На Учредительном собрании избран новый состав Правительства ДВР, в него вошли А. М. Краснощеков (председатель), И. В. Слинкин, Н. М. Матвеев, М. И. Бородин, Д. С. Шилов и В. С. Бондаренко. В Совет министров ДВР избраны 11 коммунистов, 3 меньшевика, 1 эсер и 1 энэс, возглавили его П. М. Никифоров и Ф. Н. Петров[17]. Были внесены коррективы в территориально-административное устройство ДВР: Забайкалье разделено на Забайкальскую и Прибайкальскую области, из части территорий Сахалинской, Амурской и Приморской областей сформирована Приамурская область и образована Бурят-Монгольская; Камчатская область осталась в составе РСФСР. Систему государственной власти и управления на местах составляли областные, уездные, волостные, городские собрания уполномоченных и сельские собрания, они избирали соответствующие управления. Амурское казачество слилось с крестьянством. Решение о слиянии уссурийского казачества с крестьянством утверждено лишь на X Войсковом Круге, проходившем 8–13 марта 1921 г. в г. Имане[18].

После свержения колчаковской власти на Дальнем Востоке сразу началось формирование революционных войск – Народно-революционной армии (НРА). Центрами формирования стали Благовещенск и Владивосток. В Приморье созданному 2 февраля 1920 г. Военному совету правительства были подчинены все воинские части, учреждения и организации области и военный флот. Важную роль продолжали играть партизанские формирования,

---

[16] Борьба за власть Советов в Приморье … С. 561–591.
[17] Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. (История Дальнего Востока России; Т. 3, кн. 1). С. 394–398.
[18] История Дальнего Востока России. Т. 3, кн. 1. С. 412–413.

особенно в Приморской области, где были основные силы японских интервентов. По соглашению Приморского правительства с японским командованием в нейтральной зоне не имели права находиться войска НРА, но за действия партизан местные власти ответственности не несли. После апрельского японского выступления во Владивостоке в партизанские районы ушли многие милиционеры, часть коммунистов и комсомольцев, народоармейцев, ответственных работников из городов, пополнив части НРА и отряды партизан. В ноябре 1920 г. действия приморских партизан стали тесно увязываться с оперативными планами командования НРА.

Экономическое развитие ДВР было осложнено многими обстоятельствами, например, отрезанное «читинской пробкой» от остальных областей Дальнего Востока Верхнеудинское правительство контролировало лишь расстроенное войной хозяйство трех западных уездов Забайкалья. Сразу после провозглашения ДВР продовольственные, финансовые потребности республики удовлетворялись через Иркутский губернский совнархоз. Обращения к нему с мест, из организаций, учреждений, армейских частей шли, даже минуя Правительство ДВР. В июле 1920 г. между ДВР и Сибнаркомпродом подписано соглашение о поставках в республику хлеба, крупы, жиров и сахара, важным условием соглашения являлось проведение самостоятельных заготовок хлеба и выполнение крестьянством ДВР возлагаемой на него разверстки. Летом – осенью 1920 г. начался сбор разверстки – хлебной, мясной, овощной, дровяной. Но хлебная разверстка оказалась не по силам прибайкальской деревне, и правительство ДВР заменило ее натуральным налогом, предполагая, что, сосредоточив все товарные запасы, удастся через многолавочную систему кооперации по карточкам обеспечивать товарами городское население. Так, в конце июня 1920 г. жителям Верхнеудинска выдавалась мука за июнь в размере 30 фунтов на рабочего и по 20 фунтов на члена семьи, но полную норму продовольствия выдавать не получалось, например, из-за отсутствия мясных или рыбных продуктов, также не хватало мануфактуры, полностью отсутствовала обувь и т. д. Расстроенное денежное обращение усугубляло ситуацию на потребительском рынке. Попытки Правительства ДВР навести порядок в финансовой сфере не достигали цели. Опыт первых месяцев хозяйствования Верхнеудинского правительства показал неприменимость военно-коммунистических методов. В Амурской области местные Советы старались руководствоваться декретами и примером Советской России. Продолжал

функционировать частный промышленный и торговый капитал, но в мае 1920 г., борясь с дороговизной, решено сосредоточить все товарные запасы в руках областного отдела продовольствия и снабжения. В действие введен декрет СНК от 16 марта 1919 г. «О потребительских коммунах», в котором говорилось об обязательном вступлении всего населения в потребительские общества и распределении всех продуктов только через кооперативы. Согласно ему, население прикреплялось к распределительным пунктам, чтобы в них люди могли получать товары по карточкам. Но при реализации этой программы китайские торговцы в Благовещенске с 7 июня 1920 г. перестали принимать к оплате «сибирки» и боны местного отделения Гос. банка. Закрылось большинство китайских лавок и все киоски, что сразу сказалось на снабжении горожан. В 8 раз упал курс рубля по отношению к таэлю. 10 июня совещание при областном совнархозе решило ввести государственную монополию на заготовку основных видов продовольствия и сырья и реализовывать ее путем товарообмена. На эти цели реквизировано товаров на сумму 23,9 млн руб., а всего отправлено в область для обмена на продовольствие и сырье товаров на сумму 659,3 млн руб. Однако товаров в уплату за хлеб не хватало, шла утечка его за границу, в Китай. Одновременно начался переход к натуральной оплате труда. В Приморье поставки продовольственных и промышленных товаров зависели от Китая и Японии. Пассивный баланс во внешней торговле усиливал обесценивание бумажных денежных знаков, обращавшихся на внутреннем рынке, и выкачивание русской золотой и серебряной монеты за кордон, господствующей валютой являлась иена. Русские промышленники и купцы зависели от кредитов иностранных банков, чьи отделения были во Владивостоке. Японские фирмы полностью контролировали рыбную и лесную промышленность и вывоз ее продукции. В упадок пришли казенные промышленные здания. Крупнейшие предприятия – владивостокский Дальзавод и хабаровский Арсенал – существовали за счет единичных заказов и текущего ремонта. Шло сворачивание местной обрабатывающей промышленности: к середине 1921 г. стояло более 50 % лесопильных и деревообрабатывающих заводов, пищевых предприятий, остановлены кирпичные заводы. Не сокращалось мукомольное производство, работавшее на маньчжурском зерне, но у него были сильные конкуренты – мельницы Харбина и Полосы отчуждения КВЖД. Сельское хозяйство испытывало большие трудности из-за тягот войны, нерешенности земельных проблем, износа машин и

орудий, отсутствия агрономического обслуживания и пр. Все существенные вопросы внутренней и все без исключения вопросы внешней политики, особенно о концессиях, экономических соглашениях и взаимоотношениях с иностранным капиталом, должны были решаться с согласия Центра. Финансовая и торговая политика ДВР должна была проводиться при участии Наркомфина и Внешторга РСФСР, а вопрос о судьбе золотого запаса ДВР – решаться согласно директивам Наркомфина. В августе 1920 г. Верхнеудинское правительство приняло закон о всеобщей трудовой повинности, а в декабре Правительство ДВР постановило распространить действие закона на всю территорию и образовать Комитет по проведению трудовой повинности (Далькомтруд). Весной 1921 г. после X съезда РКП(б) и перехода к новой экономической политике Правительство ДВР установило в качестве основания всех расчетов российский золотой рубль. В июле 1921 г. восстановлена денежная оплата труда в государственных учреждениях и на предприятиях, отменена всеобщая трудовая повинность. 6 октября 1921 г. принято Положение о торгово-промышленных палатах (ТПП) с целью объединения на началах самоуправления лиц и предприятий, занимавшихся торгово-промышленной деятельностью, и защиты общих интересов местной торговли и промышленности. В ДВР образовалось 8 ТПП: в Чите, Владивостоке, Верхнеудинске, Троицкосавске, Сретенске, Благовещенске, Хабаровске и Никольске-Уссурийском. В Советской России создание подобных ТПП даже после перехода к нэпу допущено не было. 17 февраля 1922 г. между РСФСР и ДВР подписан договор об экономическом союзе, согласно которому Правительство ДВР обязалось согласовывать с Правительством РСФСР все заключаемые с иностранными государствами международные акты экономического характера и концессионные сделки. Договор юридически закрепил экономические интересы РСФСР на русском Дальнем Востоке.

Хотя все золотосодержащие площади были объявлены государственной собственностью, право разработки приисков предоставили прежним владельцам и арендаторам, были допущены частная продажа и скупка золота. В 1921–1922 гг. сданы в аренду 296 из 616 частных приисков, эксплуатируемых в 1914 г. В рыбной промышленности большинство промыслов находились в руках японских компаний, не менее 80 % улова рыбы с российского побережья в 1920–1922 гг. уходило в Японию. К началу 1923 г. из 11 государственных и 63 частных лесопильных заводов, действовавших перед революцией,

работали только 3 государственных и 1 частный. В 1921 г. по решению Приморского областного управления ДВР сдано в долгосрочную аренду 11 лесных участков площадью 2,7 млн дес. Восстановление лесных разработок увеличило экспорт леса (в основном в Японию): в 1920 г. весь экспорт леса составлял 0,5 млн фут³, в 1921 – 5,1 млн, в 1922 – 12 млн фут³. Добыча угля на Дальнем Востоке с 80–82 млн пудов в 1916–1917 гг. сократилась до 56,4 млн пудов в 1918, и вплоть до 1922 поддерживалась примерно на этом уровне. Угледобычу вели как государственные, так и частные шахты; так, в Приморье, дававшем от 54 до 60 % общей добычи угля, на частные шахты приходилось от 72 до 76 % добычи. В целом по ДВР расходы в 1922 г. на государственную промышленность составили 5375 тыс. руб., а доходы – 5550 тыс. руб., но прибыль давали только винокуренные заводы. Внешняя и внутренняя торговля почти целиком была в руках частного капитала, большая часть товаров поступала контрабандой: в 1922 г. легальный импорт составил около 38 млн руб., а экспорт – около 11 млн руб. При таком пассивном балансе золотой рубль быстро уходил за кордон. Поддерживать золотое обращение позволяла регулярная финансовая поддержка из Москвы: так, в мае 1921 г. Правительство ДВР получило из Москвы 3 млн золот. руб., в ноябре – 1 млн, бо̀льшая часть денег шла на военные расходы. Стремясь стимулировать золотодобычу, золотопромышленников освободили от основного промыслового и военного налогов. В 1921 г. частным лицам и артелям было сдано в аренду 163 прииска, в 1922 г. – 133 прииска, т. е. всего 296 из 616 частных приисков, эксплуатируемых в 1914 г. В 1922 г. принимаются меры по привлечению частного капитала. Так, преемникам фирмы Чурина решено вернуть национализированные спичечную фабрику, кожевенный и винокуренный заводы. Возвращение предприятий владельцам не стало массовым, но изменение экономического курса стимулировало рост количества промышленных заведений: если в 1920 г. их было открыто 130, в 1921 г. – 193, то в 1922 г. – 599. Многие из них представляли собой мелкие и мельчайшие производства, мастерские, со средним числом работающих 3,8. Активизация частного сектора в 1922 г. привела к росту налоговых поступлений в доход государства. После перехода к нэпу меняется аграрная политика ДВР. 23 апреля 1921 г. Учредительное собрание республики приняло решение о введении государственного прогрессивного подоходно-поимущественного налога со всех видов доходов. Начисление и сбор налога в деревне проходили с большим трудом: к октяб-

рю 1922 г. собрано только 70 % общей суммы. Недоимки по налогу 1921 г. взимались вместе с налогом 1922 г. Власти ДВР проводили налоговую политику в более мягкой форме, чем в центре страны: если на Дальнем Востоке изымалось не более 3 % валового дохода крестьянского хозяйства, то в РСФСР этот показатель достигал 12 %. Закон о земле, утвержденный Народным собранием ДВР в декабре 1921 г., определил основные нормы земельных отношений, но полного передела не было, землеустроительные работы проводились либо по заявкам крестьян, либо в спорных случаях. Острый характер носили земельные конфликты в Забайкалье и Прибайкалье (в 1918 и 1920 г. случались захваты бурятских наделов). Из-за войны сельское хозяйство деградировало: общая посевная площадь по Дальнему Востоку сократилась с 1047,9 тыс. дес. в 1917 г. до 633,8 тыс. дес. в 1922 г., а в Амурской обл. – в 2,5 раза, усилив роль внешних поставок хлеба. Важное место в экономике Дальнего Востока занимала кооперация. К началу 1920 г. насчитывалось 1918 обществ, из них потребительских – 1529, кредитных товариществ – 248, промысловых кооперативов – 86, маслодельных артелей – 55, сельхоз. товариществ – 2031, членов кооперации – около 300 тыс. Из-за финансовых потрясений 1920 – начала 1921 г. и падения производства на Дальнем Востоке к концу 1922 г. число кооперативов сократилось до 523 (27,3 % по сравнению с 1920). В 1920–1921 гг. при поддержке Министерства земледелия организовано 136 колхозов, но после восстановления в ДВР рыночных условий к концу 1922 г. их осталось 56.

Гражданская война сильно повлияла на структуру дальневосточной экономики, она значительно эволюционировала в сторону натурализации, упадка добывающих и перерабатывающих отраслей. Так, удельный вес сельского хозяйства вырос с 56,4 до 71,2 %, в 2 раза сократилась доля золотодобычи, втрое – лесной, на 40 % – рыбной, в 6 раз – обрабатывающей промышленности. Осуществлять стратегию нормального экономического развития не было возможности, т. к. с мая 1921 г. военные действия в регионе не прекращались вплоть до победы советской власти на Дальнем Востоке[19].

[19] Демидов А. А. Экономическая политика Дальневосточной республики: истоки, эволюция, финал // Дальний Восток России в период революции 1917 года и гражданской войны. Сб. науч. статей. (Материалы к 1-й книге 3-го тома «Истории Дальнего Востока России»). Владивосток: ДВО РАН, 1998. С. 216–247.

Несмотря на успех объединительной политики ДВР, положение на Дальнем Востоке оставалось сложным. Союзные державы враждебно относились к РСФСР и переносили эту враждебность на ДВР, их весьма разочаровала победа большевиков и их сторонников на выборах в Учредительное собрание. Японская сторона не оставляла своих попыток создания в Забайкалье и на Дальнем Востоке белогвардейского буферного государственного образования. 26 мая 1921 г. семеновцы и каппелевцы с помощью японских войск совершили в Приморье переворот. Стоявший во главе заговора просеменовский Национально-революционный комитет во главе с генералом Лебедевым вскоре передал власть Совету съезда несоциалистического населения Дальнего Востока. (Совет съезда несоциалистических организаций). Совет объявил себя Временным Приамурским правительством, в него вошли С. Д. Меркулов (председатель), И. И. Еремеев, А. Я. Макаревич, Е. М. Адерсон, Н. Д. Меркулов. В Заявлении Совета, которое стало считаться «Конституцией», были изложены основные цели и принципы политики нового режима. Правительство назвало себя носителем «Верховной власти» и объявило РКП(б) и лиц, ей сочувствующих, преступными. Народное собрание рассматривалось как орган законодательный, а законы, им изданные, должны утверждаться верховной властью, т. е. правительством. Последнее заявило о себе как о высшем органе исполнительной власти с огромными полномочиями, которые оно обещало сложить после избрания постоянного, впредь до восстановления Всероссийского правительства. Новая власть стала формировать ведомства внутренних дел, юстиции, иностранных дел, госконтроль, управление финансово-экономической частью и т. д. 16 июня 1921 г. учрежден главный исполнительно-распорядительный орган правительства – Совет управляющих ведомствами (СУВ), который называли Кабинетом или Совмином. Восстановлены органы городского самоуправления, существовавшие при Колчаке, земства сохранены, но введены должности сельских старост и волостных старшин. 30 мая 1921 г. распущено Приморское народное собрание, избранное летом 1920 г., создан судебно-репрессивный аппарат. Преследовались лица, подозреваемые в принадлежности к РКП(б) и сторонникам областного управления ДВР. В начале июня 1921 г. введен суд присяжных, восстановлена формальная независимость суда. За короткий срок закрыты все оппозиционные газеты и журналы, создан «Временный суд по делам печати». Командующим Вооруженными силами Приморской области 31 мая

1921 г. назначен генерал-лейтенант Г. А. Вержбицкий, а 10 октября он назначен управляющим Военно-морским ведомством; командующим Сибирской военной флотилией стал контр-адмирал Ю. К. Старк. С. Д. Меркулов заявил, что правительство не ставит своей целью войну с ДВР, но намечает ликвидацию хунхузов и партизан. Однако на секретных переговорах с атаманом Г. М. Семеновым Меркулов сообщал о планируемом перевороте в Хабаровске.

Временное Приамурское правительство назначило выборы в Народное собрание, они состоялись в начале июля 1921 г. Участвовало около 20 % избирателей из зарегистрированных 150 тыс., поскольку были отстранены левые партии, ЦБ совета профсоюзов объявил бойкот, противодействовали партизаны в сельской местности. Однако выборы признаны состоявшимися, в Народное собрание избрано 87 депутатов. Первым председателем Приамурского народного собрания, открывшегося 21 июля 1921 г., стал бывший хабаровский городской голова К. Т. Лихойдов, его заместителями – генерал В. Г. Болдырев и В. П. Абоимов. 2 июня 1921 г. во Владивосток прибыл на японском судне «Киодо-Мару» из Дайрена атаман Г. М. Семенов, он предъявил претензии на пост Верховного правителя и командующего Вооруженными силами Дальнего Востока. II съезд несоциалистических организаций Дальнего Востока, работавший во Владивостоке с 16 по 25 июня 1921 г., отверг притязания Семенова, исключил из своего состава семеновских генералов и одобрил их арест. На съезд не допущены 60 делегатов от 25 просемеевских групп, в новый Совет съезда сторонники Семенова не попали. В конце июня 1921 г. Япония под давлением США, консульского корпуса и населения Приморья отказалась от поддержки Семенова, 11 сентября 1921 г. он уехал в Порт-Артур, а Приамурское правительство официально объявило его «государственным преступником».

В сфере экономики меркуловское правительство сделало ставку на рыночные отношения, свободу торговли и неприкосновенность частной собственности. Главным источником дохода стала распродажа грузов, скопившихся во Владивостокском порту с 1914 г., имущества Уссурийской ж. д., а также экспортные пошлины. На таможне в порту к середине 1921 г. числилось почти 1,7 млн товарных мест общим весом более 98 тыс. брутто-тонн. Большинство товаров продано японским фирмам по сниженным ценам, что объяснялось зависимостью меркуловского правительства от японского командования. К декабрю 1921 г. продано 4 миноносца Сибирской военной

флотилии, выставлены на аукцион грузы советских кооперативных организаций Центросоюза и Продпути, началась распродажа 1 млн пудов рельсов со складов Уссурийской ж. д. В 1921 г. таможня получила почти 1 млн золот. руб. чистого дохода, в январе 1922 г. – 286 тыс. золот. руб. Летом 1921 г. Приамурское правительство сдало в концессию 10 лесных участков площадью 2,6 млн дес., но за юридическими лицами Делле, Власовым, Орловым, Пиккером, Вендсом, Сергеевым стояли японские фирмы Окура, Мицуи и др. На концессиях производились только хищническая рубка и сплав леса, рабочим не платили вовремя зарплату. Долги арендаторов к декабрю 1921 г. составили около 450 тыс. золот. руб. Японские рыбопромышленники перестали платить арендную плату, недоимки с 1920 по 1923 г. составили 5,5 млн золот. руб. В Приморье активно действовали филиалы японских банков «Чосенбанк», «Иокогама спеши банк», отделения фирм Судзуки, Мицуи, Мицубиси, Кухара, Нихон-Моохи и др. За годы гражданской войны Японии стали принадлежать 24 % заводов и фабрик Приморской обл. США также активно вывозили ресурсы российского Дальнего Востока, объем вывоза в США рыбы, пушнины, платины, графита и др. в 1918–1922 г. оценивался более чем в 10 млрд дол. Временное Приамурское правительство во второй половине 1921 г. получило лишь 16 % запланированного подоходного налога, 17 % дополнительного промыслового налога, 39 % налога на недвижимость. Нехватка средств приводила к массовым невыплатам зарплаты и волнениям среди рабочих. Во второй половине 1921 г. расходы только на армию и управленческий аппарат составили 23 млн золот. руб., а все доходы – 9 млн руб., к марту 1922 г. долги по налогам достигли 3 млн руб. Все это сопровождалось колоссальными хищениями и коррупцией среди чиновничества. В Народном собрании обсуждался вопрос о том, что Н. Д. Меркулов с сыном заработали на поставках в армию 1 млн золот. руб., тогда как рабочие не получали жалованья по три месяца. Дефицит бюджета, отсутствие золотой валюты, изъятие из обращения денежных знаков ДВР привели к исчезновению серебряной и разменной монеты. Концессии, экспорт природных ресурсов, продажа товарных запасов Владивостокского порта стали основными источниками доходов белого правительства[20].

[20] История Дальнего Востока России. Т. 3, кн. 1. С. 507–511.

Во главе сопротивления белому режиму были большевики. После майского переворота 1921 г. областной революционный. комитет РКП(б) (облревком, или облпартревком), возглавляемый В. П. Шишкиным, вместе с левыми партиями 18 июня 1921 г. создали Межпартийное социалистическое бюро (МСБ), в него входили В. П. Шишкин, Н. К. Ильюхов, офицеры-коммунисты И. В. Рукосуев-Ордынский, И. Н. Иванов, П. Г. Пынько и др. МСБ призвало бойкотировать выборы в Приамурское народное собрание и бороться против меркуловщины. Несмотря на репрессии, с 27 июля по 2 августа в Приморье прошла организованная профсоюзами всеобщая забастовка против правительства и Народного собрания; власти арестовали стачком и пытались заменить бастующих офицерской артелью. Меркуловское Правительство ввело «Особое положение об охране государственного порядка» и смертную казнь, ужесточило законы. Много приверженцев ДВР погибли в застенках контрразведки МВД, организованной при штабе 3-го корпуса (во главе с полковником Гиацинтовым), а также при штабе Сибирской флотилии (Чухланцев, Мезенцев). В конце октября 1921 г. С.Д. Меркулов решил обратиться к японскому командованию за помощью. Япония одним из условий помощи выдвинула обязательство меркуловской власти выступить против ДВР. Военное министерство в Токио затребовало информацию о численности белой армии и плане военных действий меркуловского режима. Лишь после их одобрения японцы начали ограниченную выдачу вооружения белогвардейцам. В последнем крупном белогвардейском выступлении Япония прямого участия не принимала, но помогала с вооружением и финансированием. Подготовку к военному выступлению против ДВР меркуловское правительство проводило в глубокой тайне, надеясь застать НРА врасплох. Разведданные для белых помогала собирать японская миссия в Хабаровске, а китайская – в Благовещенске. В ходе военных действий в районе станции Ин белые были разгромлены, 6 января 1922 г. НРА с боем взяла Волочаевку, однако под напором превосходящих сил противника НРА вынуждена была Волочаевку оставить.

В ночь на 31 мая 1922 г. 36 депутатов Народного собрания предприняли попытку парламентского переворота; на их сторону встали каппелевское командование, Приморская областная земская управа и даже профсоюзы, возглавил это выступление председатель Народного собрания Н. А. Андрушкевич, частично его поддержали монархисты и депутаты несоциалистического съезда, недовольные Меркуловыми. Народное собрание приняло решение об

аресте Меркуловых, произвело увольнения и новые назначения в СУВ. 3 июня 1922 г. сформировано параллельное Временное Приамурское правительство (председатель – М. К. Дитерихс, члены – И. И. Еремеев и К. Т. Лихойдов). До прибытия М. К. Дитерихса, отсутствовавшего в крае, пост председателя правительства временно замещал генерал В. М. Молчанов. Высший военный совет Японии постановил поддержать Дитерихса и выплатить ему из секретного фонда 5 тыс. иен.

23 июля1922 г. во Владивостоке открылся Земский собор, в его работе приняли участие 207 чел. В состав Собора входили духовные лица, генералы и офицеры армии и флота, высшие чиновники. Земский собор избрал Правителем Приамурского Земского края М. К. Дитерихса, а Временное Приамурское правительство официально сложило свои полномочия. М. К. Дитерихс и армия открыто заявили о восстановлении монархии в России и даже попытались реализовать свою программу. Началось формирование институтов власти промонархического режима: восстанавливались все царские церемониальные традиции, герб и гимн; Дитерихс объявил об идейных основах своего правления – «православие, самодержавие, народность», Владивосток назван «IV Римом», а сам правитель именовал себя «князем Пожарским нового времени». Активизировали деятельность монархические организации Приморья и Маньчжурии, в августе они объединились в Комитет монархических организаций Дальнего Востока, возглавленный М. Я. Домрачеевым, в комитет вошли 13 группировок. Состоявшийся в Никольске-Уссурийском «Дальневосточный национальный съезд», собравший более 200 монархистов, принял решение дать бой коммунистам «на последнем свободном клочке русской земли» и отправить делегацию в Японию с целью приостановить эвакуацию ее войск. Официально Земский собор закончил работу и был распущен 15 сентября 1922 г., но М. К. Дитерихс планировал созвать еще и «Национальный съезд» России. Пытаясь опереться на казачество, правитель создал 22 августа коллективный совещательный орган – Правление казачьих войск Урала, Сибири и Дальнего Востока, в него вошли войсковые атаманы и лица, их замещающие 9-ти казачьих войск, возглавил Правление атаман Уральского казачьего войска генерал Толстой. 10 августа 1922 г. создан законосовещательный орган – Земская Приамурская дума во главе с В. П. Разумовым. Создаются ведомства исполнительной власти, возглавляемые монархистами, а также чиновниками прежнего правительства. Основной городской, земской и казачьей административной единицей в Приморье стал церковный приход

данного района. Приходом руководил совет, во главе которого стояли местный церковный пастырь и назначенный из числа прихожан председатель по гражданскому управлению. Члены совета избирались по конфессиональным группам и в соответствии с цензом оседлости. 15 сентября 1922 г. Земская Приамурская дума объявлена органом исполнительной власти, ведомства переходили в подчинение комиссий думы. Резкое укрепление исполнительной власти свидетельствовало об усилении авторитарных тенденций в государственном устройстве[21].

Белый террор за время правления Дитерихса достиг апогея. Обыски и погромы в рабочих районах города следовали один за другим. Контрразведка жестоко расправилась с руководителями профсоюзов Дальзавода и моряков А. А. Гульбиновичем и Н. Ф Башидзе. Канонерская лодка «Манджур» превратилась в плавучий застенок, в топках ее котлов сжигали людей. Продолжались «высылки» подозреваемых в сотрудничестве с большевиками на КВЖД и в ДВР, но многих высылаемых снимали с поездов и убивали. Экономическая обстановка стремительно ухудшалась, поступление налогов уменьшилось: вместо 105 тыс. руб. в день, как было до июньского кризиса меркуловского правительства, до 15–20 тыс. руб. – при Дитерихсе. Резко увеличены налоги на грузоотправителей, шла усиленная продажа грузов с таможни. Китайским купцам продавали пароходы, расхищалось имущество Уссурийской ж. д., подвижной состав угоняли на КВЖД, на продажу шли тысячи тонн рельсов, топочный мазут и т. д. В сентябре 1922 г. достигнута договоренность о продаже оружия войскам Чжан Цзолиня на сумму 1,35 млн дол. Бюджет Приморья на второе полугодие 1922 был перегружен расходами на армию, флот, карательный аппарат и тюремное ведомство (более 45 % расходов). Хронический кризис экономики тяжело отражался на положении основной массы населения. Так, даже работники уголовного розыска вынуждены были просить о выдаче части жалования мануфактурой, ибо износ одежды достиг последней степени, и т. д. Не в лучшем положении была армия. При этом контрразведка фиксировала разложение армии: пьянство, грабежи, воровство, переходы из части в часть, дезертирство и т. д. В этой ситуации рос авторитет левых партий, большевики укрепили влияние в профсоюзах, при областном комитете РКП(б) восстановлен отдел, который вел работу по разложению Белой армии.

---

[21] История Дальнего Востока России. Т. 3, кн. 1. С. 540–542.

В борьбе против интервенции на Дальнем Востоке особую роль сыграла дипломатия РСФСР и ДВР. Возраставшая поддержка ДВР со стороны Советской России стала главным фактором, сдерживавшим японскую агрессию. Позитивное значение имели переговоры 17 июля 1920 г. между японским командованием и ДВР на ст. Гонгота, в результате которых подписано соглашение о перемирии, а японская сторона признала лучшим способом установления мира на Дальнем Востоке образование здесь самостоятельного государства на демократической основе[22]. Летом 1921 г. Правительство ДВР в соответствии с директивами ЦК РКП(б), Дальбюро ЦК и Наркоминдела инициировало переговоры с Японией об условиях прекращения интервенции на Дальнем Востоке, это предложение японцы приняли. Местом переговоров был избран Дайрен, они начались 27 августа; японцы стремились навязать делегации ДВР составленный ими проект соглашения из 17 статей и 3 секретных пунктов (в ДВР должен быть некоммунистический режим, следовало признать принцип открытых дверей, отменить для японских подданных ДВР ограничения относительно горно- и лесопромышленности, земледелия и торговли и т. д.), причем в случае принятия указанных условий делегацией ДВР Япония соглашалась вывести свои войска только из Приморья. Переговоры шли долго и очень напряженно, 15 апреля японская делегация предложила новую редакцию уже согласованных статей и, кроме того, отказалась зафиксировать точную дату вывода войск из Приморья. Делегация ДВР отказалась принять требования Японии. 16 апреля японская сторона прервала переговоры, Дайренская конференция была сорвана. На Вашингтонской конференции, проходившей с 12 ноября 1921 по 6 февраля 1922 г., делегация ДВР представила меморандум, излагавший историю интервенции на Дальнем Востоке и содержавший требование ее немедленного прекращения. Вслед за тем были опубликованы документы, раскрывавшие франко-японский сговор против ДВР, а также японскую захватническую политику на Дальнем Востоке. Опубликование документов вызвало большой интерес в США, а американский сенат решил внести в свои протоколы полный текст брошюры о японской агрессии, изданной делегацией ДВР в Вашингтоне. Перед окончанием конференции глава советской делегации Г. В. Чичерин потребовал, чтобы взаимное обязательство о ненападении

[22] Ципкин Ю. Н., Орнацкая Т. А. Внешняя политика Дальневосточной Республики... С. 99–100.

было распространено на все республики, в том числе и на ДВР, а также принятия Японией обязательства не поддерживать белогвардейцев. В итоге положение о ненападении было распространено на ДВР, что имело большое значение для защиты ее от японской агрессии. В условиях, когда на Дальнем Востоке оставались японские войска, а также еще имелись значительные силы белогвардейцев, исход противоборства враждующих сторон в немалой степени зависел от позиции Китая. В политике правительства Китая в период существования ДВР преобладал антисоветизм, боязнь революции и солидарность с империалистическими державами. В правящих кругах Китая имелись также надежды на отрыв Дальнего Востока от России и на возможность присвоения «русского наследства» в Маньчжурии. Хотя Китай в целом был настроен против большевизма, но продолжительная граница с Россией, отсутствие каких-либо способов защиты многочисленных китайцев, проживавших в Сибири и на Дальнем Востоке, необходимость торговых отношений обуславливали определенность в отношениях с Россией. Общественное мнение Китая и других стран требовало прекращения интервенции, признания РСФСР и ДВР. Пекинское правительство было вынуждено пойти на допуск в Китай миссий обеих республик и проведение с ними переговоров о нормализации отношений.

Заметные успехи в борьбе за прекращение японской интервенции на Дальнем Востоке, достигнутые дипломатией РСФСР и ДВР, способствовали улучшению международного и внутреннего положения Дальневосточной республики. Уверенное наступление армии ДВР против белых в Приморье весной 1922 г. разрушало расчеты на капитуляцию ДВР перед Японией. В капиталистических странах усиливалось движение за прекращение интервенции и вывод японских войск с русской территории. Английский комитет «Руки прочь от Советской России» в декабре 1921 г. потребовал от британского кабинета не возобновлять англо-японский союз, добиваться вывода японских войск из Сибири. Торгово-промышленные круги настаивали на прекращении интервенции, чтобы преодолеть экономический кризис в своих странах с помощью восстановления деловых отношений с Россией. В самой Японии буржуазия, напуганная экономическим кризисом и подъемом рабочего и крестьянского движения, также стала требовать прекращения интервенции. В середине июня 1922 г. в Японии пришел к власти новый кабинет во главе с адмиралом Томосабуро Като, выступавшим за экспансию не на

русском Дальнем Востоке, а в Юго-Восточной Азии. 23 июня 1922 г. правительство Като приняло решение о выводе войск с Дальнего Востока, за исключением Северного Сахалина, до конца октября 1922 г. 19 июля японское правительство официально сообщило о своем решении провести полную эвакуацию войск с русской территории не позднее 1 ноября 1922 г.

Эвакуация японских войск началась 23 августа из Спасска. Войска М. К. Дитерихса стали принимать оборонительные сооружения, вооружение и сменять японские гарнизоны. Из Владивостока японцы принялись вывозить различные ценности, уводили русские канонерки и пароходы. М. К. Дитерихс объявил «крестовый поход» против ДВР и Советской России. Последний этап борьбы с белыми НРА встретила более окрепшей, чем в конце 1921 г. Ее военные силы благодаря пополнению частями Красной армии превосходили противника и в численном, и в военно-техническом отношениях. Японское командование планировало вывод своих войск завершить 29 октября, но когда 19 октября части НРА подошли к ст. Океанской, срок был сокращен. Народно-революционная армия вошла во Владивосток 25 октября 1922 г.

Прекращение интервенции создавало условия для воссоединения края с Советской Россией. 28 октября 1922 г. в Читу прибыл представитель ЦК РКП(б) Т. В. Сапронов, он сообщил членам Дальбюро директиву Москвы о реорганизации власти и ликвидации буферного государства. В парламенте нового созыва коммунисты составляли две трети депутатского корпуса, что гарантировало проведение любой директивы. Большевистское Дальбюро подготовило проекты постановлений Народного собрания, декларации о ликвидации ДВР и воссоединении края с РСФСР, о самороспуске парламента, обращений к рабочим и крестьянам о смысле передачи власти. Преемником буферных государственных структур становился Дальревком, состоявший, как и Правительство ДВР, из 7 членов. Его состав намечало Дальбюро, утверждал ЦК РКП(б) и затем формально санкционировал ВЦИК. В рамках кампании по советизации активизировалась борьба с легальной оппозицией, но эсеры и меньшевики не смогли противопоставить правящей партии каких-либо реальных действий. Дальцентр РСДРП уже принял решение о самороспуске меньшевистских организаций. Дальбюро приняло решение выслать всех арестованных эсеров в РСФСР, что и было сделано. На состоявшейся вскоре сессии Нарсоба всю оппозицию представляли 2 депутата меньшевика и 1 эсер, они не могли помешать ликвидации ДВР. 14 ноября в Чите открылось заседание

Народного собрания, на нем делегаты приняли решение, согласно которому Дальневосточная республика прекратила свое существование.

Дальневосточная Республика, несмотря на кратковременность ее существования, сыграла важнейшую роль в истории государства. Создание и функционирование ДВР позволило Советской России избежать прямого военного столкновения с Японией, сохранить Дальний Восток за собой, восстановить территориальную целостность и единое политическое и экономическое пространство государства, обеспечить его военную безопасность. Таким образом, финалом Гражданской войны стало завершение объединительного процесса и претворение в жизнь государственных интересов СССР и его политической независимости.

В. В. Калиновский, А. С. Пученков

Религиозный фактор в истории Гражданской войны в России. (На примере Крымского полуострова)[1]

Гражданская война в России и спустя столетие после ее окончания продолжает привлекать внимание специалистов, лишь за последние годы было опубликовано несколько значительных монографий, посвященных этому периоду отечественной истории[2], при этом историография проблемы необычайно разнообразна – ученые активно работают над самыми разными аспектами российской междоусобицы, в частности, над изучением ее региональной составляющей[3], проблемами межнациональных отношений, биографиями отдельных деятелей Гражданской войны[4].

Профессиональные историки пытаются объективно разобраться в причинах Гражданской войны и определить те факторы, которые сделали этот конфликт настолько ожесточенным, продолжительным и кровопролитным. Одним из таких факторов был религиозный. По мнению известного историка Церкви, доктора исторических наук С. Л. Фирсова, без оценки религиозного

---

[1] Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00266, «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика».

[2] Перечислим лишь несколько наиболее заметных работ последних лет, например: Гагкуев Р. Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012; Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018; Пученков А. С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года). СПб., 2021. Разиньков М. Е., Морозова О. М. Социально-политический диалог в России (1917–1918 гг.): тенденции, механизм, региональные особенности. М., 2021. Нельзя не выделить и непревзойденное по сию пору обобщающее исследование истории Белого дела, предпринятое московским историком В. Ж. Цветковым. См.: Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008; Он же. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009; Он же. Белое дело в России. 1919–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2013; Он же. Белое дело в России. 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2016. Ч. 2.

[3] См., например: Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013; Лобанов В. Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны: Религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917–1920 годах. СПб., 2017.

[4] Ганин А. В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М., 2021.

фактора «достаточно проблематично говорить о морально-нравственных коллизиях, сопровождавших Гражданскую войну в России, оценить ее последствия и результаты»[5]. На этот же момент указал в своей недавней работе и Н. Н. Смирнов[6].

Характерно, что в тридцатые годы XX века официальная советская антиклерикальная пропаганда признавала наличие в Гражданской войне отдельного «религиозного фронта», которым руководили Всероссийский поместный Собор и патриарх Тихон (Беллавин). Как утверждал один из наиболее заметных атеистических деятелей 1920-х – 1930-х гг. Б. П. Кандидов, «внутри Советской Республики в течение всей эпохи гражданской войны церковью был создан внутренний фронт, фронт борьбы с рабоче-крестьянским государством»[7]. Этот же автор отдельно выделял православное духовенство южных губерний России, которое «рука об руку с буржуазией, помещиками, офицерами и всеми темными силами реакции» вело борьбу с силами большевиков, выступая в качестве организатора сил, оппозиционных советской власти[8].

За последние несколько лет статьи и монографии, в которых влияние религии и духовенства на события Гражданской войны (в том числе – на политические процессы) подвергается *отдельному осмыслению*, стали заметным явлением отечественной историографии[9]. Однако обобщающего труда, в котором характеризовалось бы влияние религиозного фактора на события Гражданской войны (как в масштабах всей России, так и в отдельных регионах), до настоящего времени не появилось. Вместе с тем при анализе религиозного фактора стоит подчеркнуть важность исследования региональной специфики, что позволяет выделять и интерпретировать глобальные и локальные тенденции в этом сложном и многогранном явлении.

---

[5] Фирсов С. Л. Время войне и время миру: Православная Российская церковь и Гражданская война в России: очерки истории и историографии. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 3–4.

[6] Смирнов Н. Н. Нельзя отделять церковь от Гражданской истории… // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2022. Т. 7. №2. С. 57–64.

[7] Кандидов Б. П. Церковь и Гражданская война на Юге. М.: Безбожник, 1931. С. 13.

[8] Там же. С. 19.

[9] См.: Рогозный П. Г. Православная церковь и Русская революция: очерки истории 1917–1920. М.: Весь Мир, 2018. 303 с.; Пученков А. С., Калиновский В. В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб., 2020. 407 с.; Бирюкова Ю. А. Участие духовенства в политических партиях и надпартийных организациях на белом Юге в период Гражданской войны // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 4. С. 880–899.

Говоря о сущности понятия «религиозный фактор в истории Гражданской войны», нельзя не согласиться с мнением омского историка А. В. Сушко, который понимает под ним «процессы влияния религии на начало, ход и исход войны, на деятельность противоборствующих сил, на политические институты и на общественное мнение»[10]. Согласно А. В. Сушко, «в Русской революции и Гражданской войне в России для большинства населения религия не сыграла консолидирующей, умиротворяющей роли, а напротив, стала фактором дезинтеграции общества и эскалации гражданского противостояния»[11]. Материалы, касающиеся влияния православия на ход Гражданской войны в Крыму, дают немало аргументов в пользу этого утверждения.

В период Гражданской войны, как и в другие эпохи, события в Крыму в силу целого ряда причин имели свою специфику, обусловленную историческими, географическими и иными причинами. Во-первых, полуостровное положение само по себе превращало край в подобие крепости и формировало особое восприятие событий, отличавшееся от восприятия на материке. Примечательно, что в ходе Гражданской войны подобная рецепция была характерна и для тех сил, базой которых в силу разных причин стал Крым. Так, для врангелевской пропаганды был характерен такой оборот как «крепость Крым». Во-вторых, полуостров исторически был населен представителями многих народов, которые исповедовали различные религии, и любой власти на полуострове всегда приходилось учитывать это при реализации своей политики.

На начало XX века двумя основными конфессиональными группами в Крыму были православные и мусульмане. Влияние исламского фактора на события Гражданской войны в регионе – отдельная тема, требующая самостоятельного исследования. Движение крымских татар, направленное на национальное самоопределение, проведение Курултая и создание Директории, избрание муфтием Номана Челебиджихана (Челеби Челебиева) – все эти сюжеты тесно связаны именно с исламом. Однако в данной работе акцент будет сделан на роли православного духовенства и «православного фактора» в деятельности режимов, которые существовали на территории полуострова в 1917–1920 годах.

---

[10] Сушко А. В. Религиозный фактор в годы Гражданской войны в России (на примере процессов в Омской и Павлодарской епархии) // Омский научный вестник. Сер. «Общество. История. Современность». 2022. Т. 7. № 12. С. 34.
[11] Там же. С. 35.

Накануне 1917 года во главе Таврической епархии находился архиепископ Димитрий (Абашидзе) – урожденный грузинский князь, который, при этом, наряду с ялтинским градоначальником И. А. Думбадзе, воспринимался современниками как «истинно-русский грузин». Владыка последовательно отстаивал государственную политику и был почетным председателем Таврического отдела правого Русского собрания. В годы революции и Гражданской войны иерарху пришлось проявить себя тонким политиком, сохранив епархиальную жизнь среди калейдоскопически сменявших друг друга политических режимов. Как и в других частях Российской империи, до отречения Николая II православное духовенство Крыма тесно сотрудничало с губернскими властями, принимая участие в торжественных мероприятиях и поддерживая инициативы светских администраторов. Однако, как и Церковь в целом, православное духовенство на полуострове с определенного времени перестало быть монолитным. В нем развивались те же брожения умов, что и в других сословиях империи. После 1905 года все более частыми становились политические выступления священников, а также открытая критика правящих архиереев. Эти печальные для Церкви тенденции прекратились лишь на время патриотического подъема на начальном этапе Первой мировой войны, но на фоне неудач на фронте и стремительного ухудшения жизни в стране раскол в среде духовенства вновь усилился.

Для Крыма крушение монархии означало обострение не столько конфессиональных, сколько национальных противоречий. Временное правительство, однако, предпочитало не решать эти проблемы сразу, относя их к *компетенции Всероссийского Учредительного Собрания*. Весной 1917 г., надеясь на улучшение своего положения, представители крымских национальных общин стремились засвидетельствовать свою лояльность демократической власти. Уже 5 марта 1917 г. о том же заявил и архиепископ Димитрий (Абашидзе). В своем «Послании пастве Таврической», имевшем подзаголовок «Все для спасения Отечества», он призывал духовенство и мирян сохранять единство и добросовестно выполнять свои обязанности. В революционных событиях глава Таврической епархии видел проявление Божьей воли[12].

8 марта 1917 года в телеграмме на имя председателя Государственной думы М. В. Родзянко иерарх сообщал, что об отречении Николая II он узнал

[12] Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 31. Л. 143.

4 марта в 12 часов дня (т. е. в день, когда известие о падении монархии дошло до Симферополя) и «беспрекословно принял решение повиноваться» новым властям[13]. По всей видимости, появление телеграммы было вызвано интригами князя С. В. Горчакова, который надеялся возглавить Таврическую губернию и, преследуя эту цель, решил оклеветать влиятельного церковного иерарха. Весной 1917 года лоялистские телеграммы от крымского духовенства уходили из Симферополя в Петроград, к главным действующим лицам Временного правительства, в том числе – Г. Е. Львову, А. Ф. Керенскому и новому синодальному обер-прокурору В. Н. Львову.

Димитрий (Абашидзе) и вверенное ему духовенство демонстрировали полную поддержку Временному правительству: поминали его во время богослужений, участвовали в церемониях присяги новой власти, с церковных амвонов и ступеней храмов зачитывались государственные документы, по которым предстояло жить населению России. Пастырские собрания в населенных пунктах губернии последовательно выступали с обращениями к центральным и региональным властям, содержавшими полную и единодушную поддержку Февральской революции в Петрограде[14].

Одновременно с этим звучали проповеди, обличавшие павшую монархию. Так, миссионер Дмитрий Диаковский называл царское правительство «преступным» и «осквернившим храм народной национальной совести»[15]. Но при этом священник предостерегал своих прихожан от упоения безграничной свободой, которая могла привести к анархии и политическому деспотизму. Едва ли не единственным исключением среди духовенства Таврической епархии стала позиция архимандрита Адриана (Демидовича), который в кафедральном симферопольском Александро-Невском соборе выступил с антиреволюционной проповедью, которая содержала также и антисемитские призывы[16]. И архиепископ Димитрий (Абашидзе), и священнослужители епархии

---

[13] Российский государственный исторический архив. (РГИА). Ф. 797. Оп. 86. 1917 г., 3 отд. 4 ст., Д. 64. Л. 37–39.

[14] См.: Пученков А. С., Калиновский В. В. Беспокойный март владыки Димитрия (Абашидзе): православное духовенство Крыма после победы Февральской революции // Российская история. 2018. № 6. С. 162–168.

[15] Диаковский Д. Речь по поводу государственного переворота в России, сказанная 12-го марта 1917 г., на торжественном собрании Симферопольского Александро-Невского братства под председательством Таврического архиепископа Димитрия // Таврический церковно-общественный вестник. 1917. № 10. С. 231.

[16] РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917 г., 1 отд., 1 ст. Д. 100. Л. 128.

поспешили публично осудить эту проповедь, а архимандрит Адриан (Демидович) под давлением епархиального начальства покинул пределы Крыма.

В отличие от некоторых других областей России, свержение монархии в Крыму не сопровождалось расправами над духовенством, что говорит не только о том, что священнослужителей епархии спас правильный выбор победившей стороны, но и об определенном авторитете, которым оно пользовалось в крымском обществе. При этом нельзя говорить о том, что становление постмонархической власти в Крыму обходилось без эксцессов. Представители наиболее радикальных демократических и социалистических кругов пристально следили за деятельностью духовенства, стремясь отыскать доказательства симпатий этого сословия к монархии. Священник поселка Ички Феодосийского уезда Иван Ильинский был вынужден оправдываться на страницах газеты «Южные ведомости» за то, что после богослужения упомянул «царствующий дом»[17]. В Севастополе, как и в других городах России в это время, начали циркулировать беспочвенные слухи о том, что на колокольнях церквей устанавливаются пулеметы[18]. На улицах городов полуострова стали звучать провокационные призывы к избиению православного духовенства, однако весной 1917 года они еще не имели продолжения[19].

С 12 по 23 мая 1917 года в Симферополе проходил епархиальный съезд клира и мирян, который стал высшим проявлением «церковной революции» в пределах Крыма. Созванный на началах соборности, съезд определил общую епархиальную позицию не только по вопросам приходской жизни, но и по вопросам будущего устройства Церкви и ее взаимодействия с государством. Съезд не поддерживал идею отделения Церкви от государства, но полагался на решения будущего Всероссийского поместного Собора[20]. Показательно, что заседания съезда посетил Таврический губернский комиссар Н. Н. Богданов, что свидетельствует о внимании светской региональной власти к решению насущных вопросов религиозной жизни края.

---

[17] Ильинский И., свящ. Письмо в редакцию // Южные ведомости. Симферополь. 1917. № 76. 6 апреля.
[18] Ложный слух (Письмо в редакцию) // Крымский вестник. Севастополь. 1917. № 65. 13 марта.
[19] В Городском общественном комитете // Южные ведомости. 1917. № 68. 24 марта.
[20] Таврический епархиальный съезд // Южные ведомости. 1917. № 112. 20 мая.

По мере уменьшения революционной эйфории все более частыми стали антиклерикальные публикации на страницах крымских газет. Летом 1917 года в этих изданиях появился ряд материалов с различными обвинениями в адрес духовенства. Так, сразу несколько изданий называли Топловский женский монастырь черносотенным центром и требовали жестких мер по нейтрализации пропаганды правых идей[21]. Со страниц газет звучали призывы о принудительной мобилизации монахов в действующую армию[22]. Имели место и угрозы физических расправ над священниками, которые чаще всего были вызваны личными мотивами. Параллельно с этим священники активно включились в политическую жизнь. Они баллотировались в местные органы власти, преимущественно в составе объединений духовенства и мирян, но, как правило, не находили широкой поддержки. Крымские избиратели в этот период преимущественно симпатизировали социалистическим партиям. Исключение составили севастопольский священник Г. А. Спасский[23] и ялтинский священник С. Н. Щукин, который, оставаясь беспартийным, был избран по списку Партии народной свободы[24].

Осень 1917 года была ознаменована для крымского духовенства первыми убийствами. Тревожным звонком стало ограбление симферопольского кафедрального Александро-Невского собора, которое состоялось в ночь с 4 на 5 октября 1917 года. При совершении этого преступления был убит церковный сторож Федор Рыжков[25]. Однако это преступление имело все же криминальную, а не политическую подоплеку. Первой жертвой большевистских матросских самосудов стал настоятель военной Свято-Митрофаниевской церкви на Корабельной стороне протоиерей Михаил Чефранов, обвиненный в пособничестве еще царской власти. 19 декабря 1917 года он был расстрелян вместе с группой арестованных офицеров[26]. Узнав об этом убийстве, Димит-

[21] [О Топловском женском монастыре как базе черной сотни] // Южные ведомости. 1917. № 123. 3 июня; Топловский монастырь в Феодосийском уезде // Известия Таврического губернского общественного комитета (Губернские ведомости). 1917. № 20. 4 июня.
[22] Протест против ударных батальонов // Крымский вестник. 1917. № 140. 17 июня.
[23] Результаты выборов в Севастополе // Южные ведомости. 1917. № 162. 20 июля.
[24] Итоги выборов в городскую думу // Ялтинский голос. 1917. № 74. 28 июня.
[25] Ограбление собора // Крымский вестник. 1917. № 232. 7 октября.
[26] Расстрел 7 офицеров и священника // Крымский вестник. 1917. № 291. 21 декабря.

рий (Абашидзе) распорядился внести имя священника в списки для вечного поминовения в храмах Таврической епархии[27].

Уже *одно лишь это убийство* свидетельствовало о том, что в Крым пришла *Гражданская война*, когда представители одного сословия могли безнаказанно расправиться с представителями другого. С этого времени для полуострова любой большевистский режим (даже во время относительно умеренного правительства Крымской Советской Республики в 1919 году) сопровождался террором и угрозами по отношению к православному духовенству.

В самом начале 1918 года после установления на полуострове власти большевиков по всему региону прокатилась волна революционного террора, жертвами которого становились и православные священники. Наиболее показательным стало убийство священника Иоанна Углянского, мотивом для которого стало то, что матросам, зашедшим в церковь села Саблы, не понравилась лента на лампаде, которая была зеленого, а не красного цвета[28]. В дни установления советской власти в Ялте в январе 1918 года мирное население спасалось от расправ в православных храмах[29]. Священники арестовывались, у них в домах, как и в храмах, проводились обыски, грабилось церковное имущество. В Крыму было убито не менее 20 священнослужителей. Мало в каком регионе России в этот период было зафиксировано такое количество преступлений в отношении духовенства, как в Крыму. Советская Социалистическая Республика Тавриды, существовавшая в это время в Крыму, проводила репрессивную политику по отношению к духовенству, реквизируя церковную собственность. 14 апреля 1918 года архиепископ Димитрий (Абашидзе) с тревогой писал патриарху Тихону (Беллавину): «Одному только Богу ведомо, что терпим мы здесь в Крыму, ставшем вторым Кронштадтом. Все население держат в страхе, не считаясь решительно ни с чем. Нас –

---

[27] Марущак В., протодиакон. Архиепископ Димитрий (в схиме Антоний) Абашидзе. Симферополь: издательство «Доля», 2005. С. 192–194.

[28] Арсений (Стадницкий), митр. Дневник: На Поместный Собор: 1917–1918 гг. / под ред. Н.А. Кривошеевой. М.: изд-во ПСТГУ, 2018. (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви). С. 197.

[29] Доненко Н. Ялта – город веселья и смерти: священномученики Димитрий Киранов и Тимофей Изотов, преподобномученик Антоний (Корж) и другие священнослужители Большой Ялты (1917–1950-е годы). 2-е изд. Симферополь: Н. Оріанда, 2015. С. 54.

церковных людей [–] всячески донимают»[30]. Большевики последовательно ограничивали духовенство: было разграблено несколько монастырей, постоянно звучали угрозы расстрелов священников, нередко подтверждавшиеся действиями, насильно было отнято здание Таврической духовной консистории. Неслучайно вскоре после падения Республики Тавриды глава Таврической епархии обратился к православным жителям Симферополя с посланием, в котором описал власть большевиков, подробно остановившись на ее антихристианских началах: «В эти ужасные дни мы пытались говорить, но нам не позволяли. Мы являлись к власть имущим, нас выпроваживали с насмешками. Всякая попытка к словесным и письменным мольбам о пощаде, жалости, милости, пресекалась в корне. Люди, ставшие у кормила правления нашей землей, и те, кои, прикрываясь именем правительства страны, врывались в дома наши и производили вопиющие к небу беззакония, – объявили себя не имеющими ничего общего с Богом, считали себя даже открытыми противниками Христа и его Церкви»[31]. При этом иерарх призывал прихожан отказаться от идеи отмщения большевикам и молиться за любую власть – хорошую или плохую, поскольку, по его мнению, первая была бы благословением, а вторая – наказанием за грехи. В том же послании архиепископ говорил и о межнациональном мире, указывая, что с представителями других народов следует жить «как с дорогими нашими братьями».

С июня по ноябрь 1918 года в Крыму существовал прогерманский режим власти Краевого правительства. Его лидером был немецкий ставленник генерал М. А. Сулькевич, литовский татарин и мусульманин, который проводил политику веротерпимости, отменив антирелигиозные распоряжения правительства Республики Тавриды и разрешив проводить публичные богослужения. В документах сохранилось свидетельство о планах генерала организовать по благословению патриарха Тихона (Беллавина) Крымский поместный собор, который должен был ходатайствовать об учреждении должности митрополита Крыма и Херсона. Впрочем, данное начинание так и не было реализовано.

Поражение Германии в Первой мировой войне естественным образом привело к падению кабинета Сулькевича. В ноябре 1918 года власть в Крыму

---

[30] Козлов В.Ф. «Помолитесь за бедную Тавриду...» // Московский журнал. 1998. № 9. С. 44–45.

[31] Мальгин А. В. Малоизвестные свидетельства о гонениях на Православную Церковь в Крыму в 1917–1918 гг. // Новый град. Симферополь, 1997. С. 74–75.

перешла к коалиционному краевому правительству во главе с кадетом, бывшим депутатом Государственной думы, караимом С. С. Крымом[32]. Вопрос об отделении Церкви от государства планировалось решить после образования «Всероссийского правительства», но де-факто в этот период духовные структуры имели статус государственных учреждений.

21 февраля 1919 года совет министров Крымского краевого правительства утвердил штаты Таврического епархиального совета, заменившего действовавшую в годы Российской империи консисторию, а также выделил средства на ее нужды[33]. Примечательно, что такая позиция краевого правительства отвечала решениям Всероссийского поместного Собора. В структуре Совета министров не существовало отдельной должности министра исповеданий, контроль над духовными структурами возлагался на министра народного просвещения, культов и здравоохранения. Эту должность занимал эсер С. А. Никонов, причем сам он считал эту должность навязанной ему и без особого энтузиазма относился именно к работе с духовенством. В это время, как позже отмечал С. А. Никонов в мемуарах, общение министра со священнослужителями сводилось к выслушиванию просьб о финансовой помощи[34]. Был подготовлен законопроект о выдаче единовременного пособия для священников. В период деятельности правительства С. С. Крыма произошло возвышение фигуры, которой было суждено сыграть определяющую роль во взаимоотношения православного духовенства и светских властей на завершающем этапе Гражданской войны в Крыму – ректора Таврической духовной семинарии архимандрита Вениамина (Федченкова), в начале февраля 1919 года ставшего епископом Севастопольским, викарием Таврической епархии.

Экзальтированный иерарх вел в Севастополе активную проповедническую работу и завел многочисленные знакомства среди генералитета. В это же время архиепископ Димитрий (Абашидзе) принял активное участие в под-

---

[32] Об обстоятельствах формирования правительства Соломона Самойловича Крыма см. воспоминания министра юстиции в этом кабинете кадета В. Д. Набокова, отца знаменитого писателя В. В. Набокова: Набоков В. Д. Крым в 1918/19 гг. / Публ. А. С. Пученкова // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 221–232.

[33] Кандидов Б. П. Церковь и Гражданская война на юге... С. 45.

[34] Никонов С. А. Мои воспоминания. Из революционной борьбы и культурно-общественной деятельности / публ. В. А. Соломонова и Е. Е. Федорова, коммент. и указ. имен В. А. Соломонова, генеалог. древо Е. Е. Федорова. М.: Новый хронограф, 2018. Т. 3: 1917–1938. С. 239.

готовке Юго-Восточного Церковного Собора, который при поддержке генерала А. И. Деникина был проведен в Ставрополе. Собор был призван скоординировать деятельность Церкви на землях, занятых Белой армией. Собрание духовенства и мирян прошло с 19 по 24 мая 1919 года и приняло решение, которое определило уклад церковной жизни на Юге России и в Крыму до конца Гражданской войны. Было создано Временное Высшее Церковное управление, одним из участников которого стал Димитрий (Абашидзе). Подписью иерарха скреплено большинство документов Собора[35].

В конце апреля 1919 года вместо Краевого правительства С. С. Крыма на полуострове была установлена власть Крымской Советской Социалистической Республики. Несмотря на то, что в известной мере этот большевистский режим – сравнительно с предыдущим и последующим опытом советской государственности на полуострове – отличался известной мягкостью,[36] на положении духовенства это не отразилось – на него вновь начались гонения: так, Вениамин (Федченков) попал в застенки севастопольской ЧК, священников арестовывали и убивали, монастырское имущество грабилось; в Армянском Базаре после долгих истязаний был убит священник Владимир Веселицкий, обвиненный в укрывательстве[37].

Неудивительно, что православное духовенство, как и рядовые крымчане, встречали в июне 1919 года Добровольческую армию как освободителей. Однако надежды довольно быстро сменились разочарованием. Белые начали насильно сгонять население на богослужения, реквизировали имущество, в том числе церковное, избивали и арестовывали людей, не слушая слова священников в их защиту. Обо всем этом епископ Вениамин (Федченков) сообщал лично Главнокомандующему ВСЮР А. И. Деникину, но последствий это обращение не имело[38]. Однако то, что белые стремительно теряли ореол спасителей от большевизма, не меняло убежденности иерарха в правильности сделанного им политического выбора. Объясняя свою поддержку именно бе-

---

[35] См. издание документов Собора: Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года / сб. документов под ред. Ю. А. Бирюковой. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2018. 372 с.

[36] Пученков А. С. Двенадцать месяцев из жизни революционного Крыма (апрель 1919 – апрель 1920 г.) // Российская история. 2021. №5. С. 221-224.

[37] Доненко Н., прот. Наследники Царства. Кн. 2. Симферополь, 2004. С. 35.

[38] Российский государственный архив литературы и искусства. (РГАЛИ). Ф. 1398. Оп. 2. Д. 599. Л. 1–2 об.

лых – *главных противников большевиков* – последовательных противников *Русской Православной Церкви как института*, владыка указывал: «Все белое было мне знакомым, своим, прошлым, а главное – религиозным»[39]. Много лет спустя в своих мемуарах иерарх утверждал, что, принимая эту сторону, он не думал «о конце или победах», а подчинялся голосу совести и долга и не раскаивался в своем выборе. Митрополит признавал, что для сторонников Белого движения Церковь и связанные с ней понятия были частью прежнего уклада, традиции, признаком антибольшевизма, протестом против интернационализма – но только не важнейшей или необходимой частью жизни. Вполне справедливы слова Вениамина (Федченкова) о том, что «Мы (т. е. представители клира) не вели историю, а плелись за ней»[40].

Однако такие слова вовсе не говорят о пассивности действий крымского духовенства в этот период. В октябре 1919 года Вениамин (Федченков) осуществил ряд поездок по Южному берегу Крыма, в ходе которых в выступлениях призывал священнослужителей и мирян поддерживать Добровольческую армию. Иерарх утверждал, что борьба с большевизмом была не только политической, но и религиозной, так как для большевизма были характерны богоборчество и враждебное отношение к Церкви[41].

Епископу Вениамину (Федченкову) было суждено стать духовным лицом, наиболее близким к П. Н. Врангелю. Увидев во Врангеле «крупную историческую личность»[42], иерарх активно включился в заговор против А. И. Деникина, объезжая высокопоставленных военных и чиновников и убеждая их в необходимости смены Главнокомандующего[43]. Сам П. Н. Врангель впоследствии вспоминал, что именно владыка Вениамин благословил его принять Главнокомандование над остатками разбитых Вооруженных Сил Юга России после того, как генерал А. И. Деникин объявил о сложении с себя полномочий Главкома и отдал приказ о выборе ему преемника на Военном совете в

---

[39] Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. М.: Отчий дом, 2016 (Серия «Наследие»). С. 330.
[40] Там же. С. 379.
[41] Результаты поездки епископа Вениамина // Таврический голос. 1919. № 93 (243). 14 (27) ноября.
[42] Пученков А. С. Во главе обороны Крыма: генералы Я. А. Слащов и П. Н. Врангель в 1920 году // Омские социально-гуманитарные чтения – 2022. Омск, 2022. С. 38.
[43] Подробнее см.: Пученков А. С., Калиновский В. В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах. СПб., 2020. С. 338–347.

Севастополе, решением которого *предпочтение было отдано именно П. Н. Врангелю*[44]. Своеобразной благодарностью за поддержку стало назначение Вениамина (Федченкова) на должность управляющего военным и морским духовенством. Барон надеялся, что деятельный епископ сможет помочь возродить дух Русской Армии. Кроме того, епископ стал представителем от Церкви в Совете министров. Иерарх пытался действовать – выезжал на фронт, выступал с ободряющими проповедями, благословлял солдат, но все это не имело ожидаемого эффекта. Военные зачастую игнорировали торжественные богослужения и роптали на некоторые инициативы духовенства, которые им не нравились. С недоумением было воспринято в армии желание епископа Вениамина (Федченкова) искоренить там матерную брань[45].

Удивительным образом П. Н. Врангель, несмотря на отсутствие широкой поддержки религиозной риторики в армии, упорно продолжал использовать ее в своей политической деятельности. В одном из самых известных его воззваний под названием «За что мы боремся» (от 20 мая 1920 года) пояснялось, за что именно воюет Русская армия: «За поруганную веру и оскорбленные ее святыни. За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь»[46].

Показательно, что не конкретизировалось, какую именно веру собирается защищать П. Н. Врангель – по всей видимости, чтобы не вызвать отторжение у мусульман, которые в большом количестве проживали в Крыму. По совету Вениамина (Федченкова) был учрежден орден Святого Николая Чудотворца, на который была нанесена надпись «Верою спасется Россия».

Все эти действия можно связать с глубокой личной религиозностью самого П. Н. Врангеля[47], по крайней мере, так считали находившиеся в то время в Крыму архиереи. Говоря о необходимости милосердного отношения к пленным красноармейцам, архиепископ Димитрий (Абашидзе) заявил газете «Южные ведомости»: «Я уверен, что требование гуманного обращения с пленными врагами вызвано не одними лишь политическими соображениями, но продиктовано и глубоко религиозными побуждениями Главнокомандующего, который проявляет себя прекрасным христианином, и едва ли можно

---

[44] Врангель П.Н. Воспоминания. М.: Вече, 2012. (Путь русского офицера). С. 280.
[45] Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох… С. 348.
[46] Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 53.
[47] Там же. С. 31.

сомневаться, что те же гуманные начала будут распространены постепенно и на внутренних врагов в тылу»[48].

П. Н. Врангель отвечал иерархам доверием и стремился заручиться у них поддержкой собственных политических начинаний. Так, начиная аграрную реформу, он обратился к Димитрию (Абашидзе) с просьбой «показать русскому народу, что Православная Церковь, как и встарь, всегда идет навстречу нуждам своих чад, думая о спасении и пользе измученной родины». Для этого церковным структурам предлагалось выступить со словами о поддержке земельной реформы и добровольно передать хотя бы часть земельных владений[49]. Вопрос был вынесен на обсуждение Временного Высшего Церковного управления. В ответе Главнокомандующему говорилось о том, что вопрос о передаче земель является несвоевременным, в том числе ссылаясь на определение Всероссийского поместного Собора, в котором владение монастырями недвижимым и движимым имуществом являлось «главным источником их просветительно-религиозной деятельности и достоянием всей Православной Российской Церкви». По мнению церковного управления, если правительство П. Н. Врангеля все же решило бы начать отторжение церковных земель, нужно было в каждом отдельном случае обращаться в духовное ведомство[50].

Конец июня 1920 года для Русской армии ознаменовался успехом – разгромом Сводного конного корпуса под командованием Д. П. Жлобы, который сам П. Н. Врангель считал «небывалым в истории тактики»[51]. По этому поводу в симферопольском кафедральном соборе архиепископом Димитрием (Абашидзе) был отслужен торжественный молебен, после которого на Соборной площади был дан парад. Несмотря на будний день, площадь была переполнена людьми, что объясняется тем, что по предложению управляющего губернией А. А. Лодыженского служащие правительственных учреждений на время молебна были освобождены от работы[52]. Интересно, что в ходатайстве о награждении полкового священника Константина Владыкова золотым наперсным крестом на георгиевской ленте прямо говорится, что во время бо-

---

[48] П.А. Беседа с архиепископом Димитрием // Южные ведомости. 1920. № 116. 31 мая.
[49] Кандидов Б. П. Церковь и Гражданская война на Юге. М.: Безбожник, 1931. С. 102–103.
[50] Там же. С. 104–105.
[51] Крупная победа // Таврический голос. 1920. № 259 (409). 23 июня (5 июля).
[52] По случаю победы // Таврический голос. 1920. № 259 (409). 23 июня (5 июля).

ев с корпусом Д. П. Жлобы служитель заметил движение врага, взял в руки винтовку и, ободряя части белых, двинулся на колонну красной конницы[53].

После поражений Русской Армии в начале осени 1920 года православное духовенство организовало ряд мероприятий, которые должны были объединить население Крыма и мобилизовать его. С 12 по 14 сентября 1920 года на полуострове проводились дни покаяния, которые должны были сопровождаться молитвами и постом. Временное Высшее Церковное управление подготовило специальное воззвание к населению, в котором отмечалось, что некогда великая российская держава «томится под игом неверных, глумящихся над миром православным». Одним из главных грехов, которыми осквернил себя русский народ, авторы воззвания называли богоотступничество, которое проявилось в ослаблении духа ревности в вере, молитве и благочестии. Именно в этом епископы видели причину того, что «враги веры православной» смогли захватить власть и начать гонения на Церковь, превращая Русское государства в «царство зверя» и «державу антихристову»[54]. Еще одним мероприятием, не оправдавшим ожиданий духовенства, стало перенесение по городам Крыма и на линию фронта особо чтимой Знаменской (Курской) иконы Божией Матери.

Неудачи на фронтах приводили к тому, что духовенство в своих проповедях стало выступать с более радикальными идеями. Приехавший в Крым священник Владимир Востоков стал выступать с антисемитскими призывами[55]. Ему же принадлежит так и не реализованная идея крестного хода из Крыма на Москву. В свою очередь, в выходившей при поддержке епископа Вениамина (Федченкова) газете «Святая Русь» начали пропагандироваться монархические идеи, что не понравилось П. Н. Врангелю[56]. Б. П. Кандидов свидетельствует, что осенью 1920 года Вениамин (Федченков) обратился к лидеру Белого движения с секретным докладом, в котором говорилось, что красноармейская масса в общем отрицательно относилась к духовенству и религии[57]. Для духовного лица такое заявление было равносильно *признанию поражения*.

---

[53] Кандидов Б. П. Церковь и Гражданская война на Юге... С. 220.
[54] Там же. С. 284–286.
[55] Оболенский В. А. Моя жизнь и мои современники. Воспоминания. 1869–1920 / вступ. ст. и комм. К. А. Соловьева. Т. 2. М.: Кучково поле; Ретроспектива, 2017. (Живая история). С. 447.
[56] Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох… С. 368.
[57] Кандидов Б. П. Церковь и Гражданская война на Юге… С. 235–236.

Появление такой опасной разноголосицы мнений воспринималось Врангелем как угроза единства Белому движению. В этой связи появился приказ Главнокомандующего, запрещавший все публичные выступления, проповеди, лекции и диспуты, сеющие политическую и национальную рознь. Нарушителей этого приказа – «невзирая на сан, чин или звание» – предполагалось выдворять за пределы территорий, на которые распространялась власть Правительства Юга России. Это решение вызвало неприятие со стороны Временного Высшего Церковного Управления, которое 21 октября 1920 года поручило архиепископу Димитрию (Абашидзе) устно обратиться к П. Н. Врангелю. Владыка должен был передать генералу, что Управление с грустью восприняло приказ, который распространялся на духовенство, и полагало, что такие распоряжения «не могут не причинять вреда как общему делу, так и делу религиозно-нравственного воспитания общества». Такие приказы, по мнению духовенства, «должны издаваться по соглашению с Церковью, которая проникнута одинаковой с Главнокомандующим мыслью о спасении России и всячески старается оказать ему в этом содействие»[58].

После падения белого Крыма *на Чужбину ушло и немало представителей духовенства*. Единственным оставшимся в Крыму иерархом был Димитрий (Абашидзе). Эвакуация с полуострова руководителей Временного Высшего Церковного управления создала предпосылки для создания Русской Православной Церкви Заграницей. Впоследствии выехавший из Крыма Вениамин (Федченков) довольно противоречиво отзывался о месте религии в идеологии Белого движения. Он считал, что оно «не ставило себе задачей защиту веры»[59]. Позиция иерарха опровергает стереотипы советской пропаганды о Церкви как одном из основных столпов «белых» сил и ее заметной роли в контрреволюционном лагере. Не отрицая религиозности многих представителей Белого движения, владыка не без горечи признавал: «Конечно, белые были или считались религиозными. В действительности, в общем так и было. Но у многих эта вера была прохладная, как проявление традиции, старого быта, ушедшего строя и, конечно, как противоположение безбожным большевикам. Это была, так сказать, одна из официально-государственных форм Белого движения. А попадались и открытые атеисты». Несмотря на то, что и

[58] ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 5. Л. 2–2 об.
[59] Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох... С. 268.

вожди «белых», и рядовые участники движения были религиозными, Вениамин (Федченков) констатировал: «Но не религия двигала белых. Это факт»[60].

Вениамин (Федченков) приходил к выводу, что «белые» в своей борьбе воодушевлялись старыми традициями («великой Россией, национализмом, собственностью») и ненавистью к большевикам, а верующих в Белое движение приводила «борьба большевиков против религии – тайная или явная»[61].

Таким образом, в годы Гражданской войны Крым сыграл важнейшую роль, выступив на финальном этапе противостояния в качестве уникального форпоста белой государственности, последней надежды старой России. В течение всего врангелевского этапа белой борьбы религиозный фактор, в частности, *принадлежность большинства белогвардейцев к православной вере, играл важную роль, выступая в качестве одной из главных составляющих не только идеологии Белого дела, но и своего рода символа приверженности идее служения национальной России*. Православное духовенство было активным участником событий 1917–1920 годов, избирая различные стратегии поведения по отношению к противоборствующим режимам: это и полная лояльность Временному правительству, и нейтралитет под угрозой физической расправы по отношению к большевикам, и неприятие идеологии и практики большевизма во время нахождения Крыма под властью антибольшевистских политических режимов. Духовенство не смогло и не пожелало быть пассивным созерцателем братоубийственной войны – они избрали ту сторону, которая им была наиболее близка идеологически.

В наибольшей степени рассматривал Церковь в качестве своей деятельной опоры последний Главком – П. Н. Врангель, приблизивший к себе епископа Севастопольского Вениамина (Федченкова). Однако использование религиозных образов в пропаганде, проведение торжественных богослужений и иных мероприятий не находили поддержки ни в военной, ни в гражданской среде. Вместе с тем, до самой эвакуации из Крыма в ноябре 1920 г. православие продолжало оставаться одним из главных идеологических опор Белого движения.

---

[60] Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох... С. 268.
[61] Там же. С. 268, 270.

А. С. Пученков

Горское движение, исламский фактор и Гражданская война на Северном Кавказе: к постановке вопроса[1]

Гражданская война на Северном Кавказе имела целый ряд особенностей, среди которых, прежде всего, следует выделить наличие в регионе казачьих войск – Кубанского, Терского, и рядом, на Юго-Востоке – Донского, суммарно составлявших большую часть численности всех казачьих войск России; острейшие межнациональные конфликты в значительной степени предопределяли жестокость противостояния; наконец, исламский фактор играл важнейшую роль – именно фанатичная религиозность горцев придала Гражданской войне особую непримиримость. «Попытки исламистов взять власть в свои руки продолжались на протяжении всей Гражданской войны, и этот фактор имел большое значение как для красных, так и для белых – правомерно утверждает московский историк Р. Г. Гагкуев[2]. Итак, причудливое переплетение межнациональных противоречий, может быть, наиболее дестабилизирующей составляющей в жизни региона, устоявшихся столетиями традиций, нерешенность аграрного вопроса, стремительный рост национального самосознания малых народностей, искусственно подогреваемого большевиками и, конечно же, религиозный фактор, который, вероятно, следует вывести на первое место по значению, – все это предопределило и размах борьбы на горском Северном Кавказе, и ее остроту. «Религиозный фактор в соотношении с национальным, а не только с классовым, был определяющим в политических событиях в Дагестане и на Северном Кавказе в целом», – подчеркивает махачкалинский исследователь И. Х. Сулаев, специально исследовавший этот вопрос[3].

Революции 1917 года способствовали тому, что Северный Кавказ, как и вся Россия, погрузился на время во *внегосударственный хаос*. В этой ситуа-

[1] Статья подготовлена при поддержке проекта РНФ №21 – 18 – 00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика», выполняемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

[2] Гагкуев Р. Г. Особенности Великой Российской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе // Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии / Отв. ред. проф. В. В. Калашников; под ред. канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова. СПб., 2019. С. 205.

[3] Сулаев И. Х. Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть: борьба и сотрудничество (1917–1921 гг.). Махачкала, 2021. С. 169.

ции горское население Терека и Дагестана не могло быть безучастным к происходившей политической борьбе. К этому времени в регионе все еще свежа была память о Кавказской войне – самом значительном событии в истории Северного Кавказа XIX в. «Эхо этой войны будоражило души всех, кто жил на Кавказе или хотя бы находился там какое-то время. Интеграция завоеванных территорий в российское культурное и правовое поле шла достаточно сложно. Люди, жившие на Тереке и в Дагестане, четко делились на завоевателей, их союзников и на завоеванных. Все попытки со стороны местных народов освободиться из-под опеки империи жестоко карались русскими властями. Такая напряженность сохранилась до начала XX в. и прорвалась наружу после победы Февральской революции 1917 г.», – отмечает петербургский историк В. Б. Лобанов, автор крупнейшей обобщающей монографии по данному вопросу[4].

Падение центральной власти привело к стремительному росту национального самосознания у горских народов. Вряд ли следует видеть в нем именно стремление к обособлению от России, скорее, горцы увидели в ликвидации самодержавия констатацию того факта, что отныне они предоставлены исключительно сами себе, вновь обретая возможность жить на своей земле и по своим законам, символически реваншируясь – по воле Всевышнего – за поражение в Кавказской войне. В этот период значение религиозного фактора в их жизни возросло в еще большей степени; одновременно происходил и процесс консолидации местных народов вокруг представителей исламского духовенства: как и в старину, именно в религии мусульмане видели главный источник своей силы и опору в период тяжелых испытаний. В современной научной литературе нередко встречается изображение горского движения как во многом хаотического стремления к самосохранению, а вовсе не как сепаратизма, направленного на выход из состава России; горцы, пожалуй, действительно не в полной мере понимали, что такое государственная независимость – больше их интересовало решение в свою пользу земельного вопроса и избавление от доминирующей роли в регионе казачества. «Идея отделения от России в экстремальных условиях революционной неопределенности не пользовалась сколько-нибудь существенной поддержкой», убежден

[4] Лобанов В. Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны: Религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917–1920 годах / Науч. ред. В. И. Голдин. СПб., 2017. С. 37.

В. А. Матвеев, подчеркнувший, что «устойчивость тенденции к сохранению единства с Россией прослеживалась и в ходе Гражданской войны»[5].

После революций 1917 г. ислам и исламское духовенство в еще большей степени усилили свои позиции и влияние на местные народы. «Стремясь стать во всем равноправными со своими соотечественниками, мусульмане в первые несколько месяцев большевистского правления, увидев расползание хаоса в государстве, пытались сорганизоваться собственными силами, чтобы не погибнуть в огне Гражданской войны. Это была тенденция, по сути, не к разрушению государства, а, напротив, к его сохранению. Захваченное революцией население пробовало творить свою государственность. Это не имело ничего общего с пресловутым пантюркизмом и панисламизмом. Повсеместный всплеск религиозности был связан не только с громкими заявлениями большевиков, но и с поисками спасительного пути выживания своих народов в экстремальных условиях, вызванных войной, экономическим хаосом, политической нестабильностью, развалом прежней государственности, действиями антиисламских сил. При этом значение религии, как это всегда происходило в тяжкие для мусульман времена, выросло; она по-прежнему оставалась цементирующей основой их культуры, психологии и политичности», – рассуждает С. М. Исхаков[6].

Особенность политической ситуации в регионе заключалась в том, что уровень развития политического сознания местного населения заметно отставал от общерусского. Революция привела к стремительному росту политической активности горцев, особые симпатии у которых вызывала именно социалистическая идеология; большевизм же вообще понимался местным населением исключительно как партия-таран, направленная против русского по своей природе, да вдобавок еще и православного по своему вероисповеданию, казачества, расхождения с которым после революции резко обострились[7].

Представляется, что национальный момент, т. е. в данном случае накопившееся за десятилетия раздражение против русификаторской имперской политики, несомненно, сыграл важную роль в установлении Советской власти, а большевики чрезвычайно умело использовали эту составляющую пове-

---

[5] Матвеев В. А. Российский универсализм и этничность на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Ростов-на-Дону, 2008. С. 188.

[6] Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 510.

[7] Даудов А. Х., Месхидзе Д. И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924). СПб., 2009. С. 38.

дения горцев. Вместе с тем, расчет большевиков на разжигание Гражданской и классовой войны в регионе не оправдался – в отличие от традиционно русских регионов, где классовые бои составляли основу политического процесса, на Тереке и Дагестане произошел своего рода «исламский ренессанс» – фанатическая религиозность лишь укрепилась за время революции, а *религиозные лидеры стали политическими вождями*[8]. В этот период времени ислам стал фактически консолидирующей местные народы идеологией, а муллы – ее проводниками. Единственное, что смогли спровоцировать и умело направить в удобное для них русло большевики, – это борьбу горцев с консервативным и русофильским по своей природе казачеством, вбив тем самым клин между двумя наиболее влиятельными силами региона и разжигая в крае войну всех против всех. Поворотным для 1918 г. стало знаменитое Терское казачье восстание[9], во многом спровоцированное ошибками советской власти; восстание до конца так и не было подавлено[10]. Восставшим приходилось крайне тяжело – они были зажаты меж двух огней. «Положение терцев исключительно осложняется тем, что им приходится драться на два фронта – против большевиков и против горцев <…> В виду всего изложенного – враждебного положения, все более и более занимаемого горцами по отношению к казакам, большой инертности казачества, большевистски настроенных масс, абсолютного отсутствия управления краем и отсутствия денежных средств и огнестрельных припасов – положение в Терской области следует признать крайне серьезным», – признавался в своей «Мемории о политическом и военном положении в Терской области» начальник штаба Деникина генерал И. П. Романовский[11].

К этому времени, после убийства атамана М. А. Караулова, пост атамана Терского войска оставался вакантным, а власть Войскового круга постепенно девальвировалась. «Казаки оказались предоставлены сами себе. У казаков, по сути, не осталось направляющего и координирующего центра власти. Межнациональная война спустилась на абсолютно бытовой уровень. Каждый насе-

---

[8] Разиньков М. Е., Морозова О. М. Социально-политический диалог в России (1917–1918 гг.): тенденции, механизм, региональные особенности. М., 2022. С. 581.

[9] Подробнее о Терском восстании см. содержательную статью В. Б. Лобанова. См.: Лобанов В. Б. К истории Гражданской войны на Северном Кавказе: Терское восстание 1918 г. // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 56–65.

[10] Пыльцын Ю. С. Терские казаки на переломе эпох. Антибольшевистские вооруженные формирования Терского казачества (октябрь 1917 – 1922 гг.). М., 2022. С. 805.

[11] Государственный архив Краснодарского края. (ГАКК). Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 52. Записка генерала И. П. Романовского. 1918. 29 сентября. Подлинник. Машинопись. Л. 29.

ленный пункт был сам за себя», – отмечает уральский историк Ю. С. Пыльцын[12]. «За себя» была и каждая социальная и национальная группа в регионе, о чем ярко написал генерал Я. А. Слащов, вспоминавший, что «на Тереке тоже начались восстания, казаки с нетерпением ожидали Добрармию, а горцы просто занимались грабежом, а потом воевали и с красными, и с белыми»[13].

Советская власть не смогла удержать власть в регионе: в конце 1918 г. со стороны Кубани на Терский край, удерживаемый большевиками (в ту пору – Терская советская республика в составе Северо-Кавказской ССР), началось наступление Добровольческой армии А. И. Деникина, а XI и XII Красные армии отступали через Кизлярский отдел на Астрахань, неся огромные потери от такого страшного противника, как сыпной тиф[14].

В итоге в первые месяцы 1919 г. в Терско-Дагестанский край вступили деникинцы, незамедлительно столкнувшиеся с полным отсутствием какой бы то ни было власти и порядка на местах. «На май 1919 г. белогвардейские войска занимали основные центры Терско-Дагестанского края. <…> Белогвардейцы, став основной антибольшевистской силой региона, потенциально могли предложить народам Терека и Дагестана возможность новой инкорпорации в государственный организм возрождающейся России. По крайней мере, первые шаги в этом направлении говорили о таком намерении со стороны белого командования», – полагает В. Б. Лобанов[15].

Эпицентром вооруженного противостояния на Северном Кавказе были Дагестан и Чечня. В Дагестане важную роль играло духовенство, не только сохранившее за собой после Кавказской войны все ключевые позиции, но и завоевавшее в фанатичных массах как борец за независимость огромный авторитет. Мусульманское духовенство было самой влиятельной социальной прослойкой и общественной силой в Дагестане, с которой власть вынуждена была считаться[16]. Как отмечал историк М. А. Магомедов, вплоть до революции ду-

---

[12] Пыльцын Ю. С. Указ. соч. С. 163.

[13] Слащов Я. А. О Добрармии в действии в 1918 году. Ч. II / Публ. А. С. Пученкова // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 227.

[14] Подробнее см.: Пученков А. С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года). СПб., 2021. С. 705–706.

[15] Лобанов В. Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны... С. 465.

[16] Сулаев И. Х. Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть: борьба и сотрудничество (1917–1921 гг.) Махачкала, 2021. С. 169.

ховенство Дагестана являлось поставщиком мусульманского духовенства для всего Северного Кавказа и частично для Средней Азии[17], нигде в мусульманском мире ислам не пустил таких глубоких корней, как в Дагестане.

Деникинское командование со всей отчетливостью осознавало сложность и специфичность региона, попавшее под контроль белой армии. «Тут с чеченцами и в Дагестане дело не ладно. Идет злая пропаганда против нас, население горячее, легко вспыхивающее, как легко и потухающее, а потому всякому вздору верят, а его пичкают самыми злостными инсинуациями, вызывающими на сопротивление для отстаивания независимости и свободы, против которой, кстати, никто и не покушается», – такая красноречивая запись оставлена в дневнике генерала И. Г. Эрдели, ставшего в апреле 1919 г. Главноначальствующим и командующим войсками Терско-Дагестанского края[18]. Эрдели сменил в этой должности генерала В. П. Ляхова, своей великодержавной политикой противопоставившего себя горским народам. В немалой степени политика Ляхова была продиктована непримиримой по отношению к Горскому правительству линией самого Деникина – не было ли это его ошибкой? «С Горским правительством дела осложняются. Неправильная, непримиримая, по-моему, политика у Драгомирова, Лукомского, Деникина. И стольких отталкивает от себя, и все у них покоится на штыках, на силе», – записывал в своем дневнике И. Г. Эрдели[19]. «По-моему, неудачно взялся Ляхов на все это и неудачно прямолинейно повел дело Деникин. Заниматься покорением Кавказа вновь – это совсем нам некстати, а только страшное бремя и потому путь соглашения лучше был бы, чем путь коренной ломки, тем более, что и население было на нашей стороне. А теперь и население отшатывается понемногу», – констатировал Иван Георгиевич[20]. Деникин не признавал политического маневрирования, действуя напрямик и отказываясь от каких-то заигрываний с теми местными силами, которые, по его мнению, были органически чужды идее «Единой, Великой и Неделимой России»: «Терское правительство, которое горцами особенно не признается даже, очень ревниво относится к своему личному существованию, а так как его не

[17] Магомедов М. А. О некоторых особенностях Октябрьской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе // Отечественная история. 1997. № 6. С. 82.
[18] Центр документации Новейшей истории Ростовской области. (ЦДНИРО). Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 25. Запись от 24 февраля 1919.
[19] Там же. Л. 28. Дневниковая запись от 24 февраля 1919.
[20] Там же. Л. 25–26.

хочет признавать и Деникин, то оно всячески старается возбудить горцев против Деникина и вообще Добровольческой армии, и для этого не гнушается никакими средствами, самыми провокационными и лживыми для того, чтобы среди населения распространить небылицы и ненавистное отношение. И к сожалению эта провокация начинает проникать в толщу населения, которое очень лояльно и честно настроено к России. И, по-моему, Деникин сделал ошибку. Каково бы ни было Горское правительство, но когда Северный Кавказ был очищен, следовало признать это правительство, а так как оно населением нелюбимо и никто его не выбирал, то сделать хотя бы вид, что с ним имеют дело, а затем, у того населения спросить, выбрало ли оно это правительство, доверяет ли ему. Ответ получился бы отрицательный и тогда это правительство само себя дискредитировало бы. А теперь, одним росчерком пера, это правительство Деникиным не признается, оно начинает будировать и распускать слухи, что Деникин посягает на самостоятельность горцев, хочет воевать с ними… права, посягает на религию и т. д. Таким образом, оно как [бы] становится на защиту прав горцев (попираемых Деникиным и благодаря этому население начинает верить правительству, самолюбие его задето, и это правительство, которое было…, теперь благодаря непримиримому отношению Деникина, становится уже величиной и имеющей… Теперь в ходу всякие областные образования: Крым, Кубань, Дон, Терек, Грузия, Армения, Азербайджан, Закаспийский край и т. д. Такое же образование хотели иметь и горцы – союз горских народов. Все это по существу чепуха, но эта идея горцам мила и с ней надо считаться, тем более, что она никому не помещала бы, только видоизменить надо ее и чтобы союз горцев (ну, как Кубань, Дон) был бы в зависимости от Деникина. И следовало бы не гнать правительство, которое неспособно быть правительством, а сначала дискредитировать его так, чтобы провалилось само с треском, а тогда руки были бы развязаны и население само бы потянулось к России и Деникину, и встретило бы охотно все новые организационные начала, которые проводятся теперь. <…> Деникин же ни на какие горские права не посягает, он не хочет только Горской республики – и совершенно прав, но все это раздувается непомерно, имеется видимость лишь, что Деникин всех хочет раздавить и видимость эта как будто подтверждается тем, что он не признал Горского правительства, для общественного же мнения Закавказья это непризнание обращает видимость – в действительность и все закричали, что отнимаются у горцев законные их

права самоопределяющихся народов. Горцы сами начинают этому верить и невольно поддерживают горское правительство, которое раньше ни в грош не ставили. Благодаря этому, волнение в Чечне, неопределенность в Дагестане, опять возбуждение против терских казаков и т. д. и как следствие, грабежи, убийства русских, опасения, что по железной дороге Деникин двинется на завоевание Чечни и Дагестана. Ко всему этому добавилось то, что Ляхов, после своих крутых расправ при подавлении революции 1905 года на Тереке, здесь не популярен, его симпатии к терским казакам, в ущерб горцам известны, и это еще восстанавливает против общей политики Деникина. Как видишь, тут путаница страшная. Но моя мысль, что не следовало сразу ломать и основывать все свои действия на силе штыка, а следовало иначе подойти к вопросу, и тогда не было бы врага в лице горского правительства, которое политика Деникина сама же усилила и укрепила в своем стремлении его ослабить. Результаты получились обратные», – констатировал Эрдели[21], признаваясь: «У всех на устах ненавистное имя Ляхова <…> И все это результат ляховской и деникинской политики. Вместо дружбы и доверия к себе – создали из лояльного и даже монархического горского правительства себе врагов»[22].

По другому все виделось белому диктатору: Деникин даровал горцам автономию, максимально возможную, по его представлению, в условиях *продолжающейся* Гражданской войны и в *период повторного собирания русской государственности*, то есть тогда, когда все сепаратистские течения и политические группы, выступающие против национальной России, должны быть беспощадно подавлены и разбиты[23].

Белогвардейская администрация принимала во внимание стремление горцев к расширению их автономии, как следствие, горские народы в своей внутренней жизни были наделены, по словам Антона Ивановича, «полнейшей самостоятельностью»[24]. Было ли этого для них достаточно? «Власть в регионе была слепком власти верховного Главнокомандующего ВСЮР, приняв своеобразную форму военной диктатуры, что было вполне оправдано в военное время и в значительной степени отвечало ментальным запросам

[21] Центр документации Новейшей истории Ростовской области. (ЦДНИРО). Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 33–35. Дневниковая запись. 1919. 27 февраля.
[22] Там же. Л. 37–38. Дневниковая запись. 1919. 28 февраля.
[23] Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009. С. 185.
[24] Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2003. Т. IV. С. 165.

местного населения», – полагает В. Б. Лобанов[25]. В Чечне и Дагестане за образец была принята модель, уже апробированная на Кубани. На территории Терской области было объявлено об образовании Кабарды, Осетии, Ингушетии и Чечни во главе с правителями, назначаемыми с согласия Деникина. На этом белое командование, по мнению Деникина, дошло до предела уступок – дальше уступать было нельзя, ибо иначе дипломатию можно будет рассматривать как капитулянтство и предательство национальных интересов России; в свою очередь, горцы, вдохновляемые их духовными лидерами, видели в политике Деникина в первую очередь восстановление старой системы управления регионом, а автономия, дарованная белогвардейским диктатором, казалась им попросту насмешкой над местными обычаями и *реальными политическими устремлениями коренных народов региона*. Столкновение между двумя силами – белыми и горцами – было неизбежно.

В 1919 г., в период апогея Гражданской войны, наличие на Северном Кавказе множества активных игроков, каждый из которых преследовал исключительно собственные интересы – большевиков, терского казачества, горцев, руководимых шариатистской элитой, добровольцев и интервентов – делало обстановку в регионе неимоверно сложной. Не просчитаться в этой ситуации белому командованию было трудно. Деникин, видимо, понимал, что горцы видят в качестве сверхзадачи Белого движения – возвращение царского режима и, в частности, прежней политики России по отношению к Кавказу, однако «доказывать» что-то иное горцам вовсе не считал необходимым: возможные перегибы своей администрации, происходившие в регионе при восстановлении государственного порядка, казались ему допустимым злом в условиях переходного этапа российской государственности.

В мае 1919 г. провозгласивший себя имамом Узун-Хаджи (аварец по национальности) объявил газават – священную войну против Добровольческой армии и терского казачества[26], тем самым борьба трансформировалось в исключительно межрелигиозное противостояние, в ходе которого представители исламского духовенства использовали такие традиционные формы мобилизации правоверных, как джихад и газават. Узун-Хаджи пользовался огромным уважением горцев и обладал немалым авторитетом; своему дви-

[25] Лобанов В. Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны… С. 465.
[26] Подробнее см.: Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). 2-е изд. М., 2016.

жению он стремился придать национальные черты, позиционируя себя в качестве вождя горцев и лидера борьбы правоверных мусульман против неверных русских христиан[27]. Имама поддерживали фанатично настроенные мусульмане, непримиримо относившиеся к армии Деникина. К исходу лета 1919 г. районы в стороне от железной дороги находились под контролем восставших горцев – в этой ситуации говорить о том, что *регион управлялся Деникиным*, пожалуй, нельзя. Можно утверждать, что белые так и не смогли замирить в полной мере Терско-Дагестанский край, который в течение всего 1919 года был самой нестабильной и нелояльной по отношению к белогвардейской власти территорией среди тех, что контролировались Деникиным. Горцы не были готовы к тому, чтобы принять власть Деникина, воспринимаемого ими как продолжателя политики Николая II по отношению к региону; как следствие, Деникин рассматривался ими как фактическое предопределение возвращение самодержавия, а значит – власти казачества над Северным Кавказом, конечно, это было для местных народов неприемлемо, за право жить на своей земле по своим законам они были готовы драться десятилетиями, вовсе не воспринимая войну как неестественное состояние.

Для горцев Гражданская война в известной мере была временем возвращения в привычную им стихию; кроме того, им казалось, что именно сейчас необходимо расправиться с длившимся вот уже несколько поколений засильем казачества в регионе – тем, что казалось им предельной степенью невзгод и олицетворением несправедливости. В свою очередь, А. И. Деникин так и не смог смириться с тем, что революция способствовала исключительно быстрому росту самосознания едва ли не всех наций, проживавших на территории бывшей Российской империи; горские народы в этом отношении не были исключением, и *жить по-старому, как при царе*, уже не были готовы – даровать же горцам государственность Деникин, исходя из базового лозунга Белого движения – «Единая, Великая и Неделимая Россия», был не готов.

Несомненно, следует учитывать роль и значение религиозного фактора при понимании специфики происходивших процессов. В период революции и Гражданской войны ислам служил для местных народов единственным абсолютно узнаваемым признаком этничности; неприятие мусульманами белогвардейцев как возможных преемников царской власти не имело под собой

[27] Бирюкова Ю. А. Под знаменем пророка? Терек и Дагестан в огне Гражданской войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 10 (108).

какой-то антихристианской направленности; ровно также нельзя говорить о горцах как о сепаратистах или награждать их другими аттестациями. Повторим еще раз: горцев не страшила Гражданская война; в этой войне, как и в любой другой, они чувствовали себя абсолютно органично. Уничтожение российского государства, по сути, просто вернуло горские народы в прежнюю форму их существования, одной из основ которого было беспрерывное противостояние наиболее влиятельных семей, кланов, родов, тейпов – война, не имевшая какой-либо перспективы к окончанию и лишавшая регион надежды на прочный мир и какое-то согласие между народами. Спасти горские нации от самоистребления, от войны всех против всех смогла только Советская власть, восстановившая традиционный российский суверенитет над всем Северным Кавказом[28]. Итак, оговорим еще раз свою позицию: религиозный фактор, наряду с земельным вопросом и межнациональными отношениями, был основным в эпоху революции и Гражданской войны на Северном Кавказе; большевики смогли победить, только объединив на какое-то время все эти факторы, в результате чего получился своеобразный большевистский исламизм или исламский большевизм, с помощью которого красные смогли перетянуть на свою сторону основную массу мусульманского населения Кавказа – его поддержка сыграла решающую роль в исходе противостояния: по сути, мусульмане региона *не приняли белых* и были готовы воевать с ними сколь угодно долго за право *жить на своей земле без Деникина*, и *выразили готовность жить* при красных, выявив по отношению к Советской власти полную лояльность.

[28] Лобанов В. Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны... С. 467.

Ю. С. Пыльцын

Почему Терек не стал «русской Вандеей»?

Юг России, особенно территория казачьих войск в конце 1917 – начале 1918 гг. стали очагами контрреволюции. Все казачьи войска Юга России (Донское, Кубанское, Терское) не признали октябрьский переворот. Однако последующая судьба казачьих войск сложилась по-разному.

Дон оказался одним из центров контрреволюции. Можно сказать, что Дон дал две «линии» контрреволюции – казачье-областническую (атаман А. М. Каледин – атаман А. М. Назаров – походный атаман П. Х. Попов – Круг Спасения Дона – атаман П. Н. Краснов – атаман А. П. Богаевский) и общерусскую (во всяком случае, претендовавшую на таковую роль) (генералы М. В. Алексеев и Л. Г. Корнилов – генерал А. И. Деникин – генерал барон П. Н. Врангель). Обе они иногда отдалялись друг от друга, иногда – тесно смыкали ряды. Но именно Дон стал основной базой Белого движения на Юге России[1].

Этому благоприятствовало несколько факторов. Во-первых, Войско Донское было самым многочисленным и известным среди всех казачьих войск. Во-вторых, атаман А. М. Каледин был крупной фигурой в отечественной политике после Государственного совещания в Москве (12 (25) – 5 (28) августа 1917 г.) и поддержки генерала Л. Г. Корнилова после выступления последнего. После ареста Л. Г. Корнилова правительство А. Ф. Керенского пыталось арестовать и Каледина, но того не выдало Донское казачество. Поэтому неудивительно, что именно Дон как базу для воссоздания русской армии выбрал генерал от инфантерии М. В. Алексеев – Область Войска Донского казалась крепостью, которую не решится штурмовать никакая власть в Петрограде. Именно концентрация на Дону известных военных деятелей (помимо уже упоминавшихся Каледина и Алексеева, 6 (19) декабря 1917 г. на Дон прибыл генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов, которого можно назвать живым символом контрреволюции в то время) явилось третьим благоприятствующим фактором. Для рядового офицера появилась точка притяжения,

[1] Подробнее см.: Пученков А. С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года). СПб., 2021.

связанная с именами военачальников, известных защитой офицерской корпорации и своей приверженностью к дисциплине и порядку.

Однако, несмотря на эти три важных фактора, создать на рубеже 1917–1918 гг. мощный контрреволюционный оплот на Дону не получилось. Во-первых, большевики, в отличие от Керенского, довольно быстро начали применять силу, отправив отряды Красной гвардии на Дон и установив, по сути, блокаду его территории. Во-вторых, надежда триумвирата (Корнилова, Алексеева, Каледина) на полки Донского казачества оказалась во многом эфемерной. Казаки устали от всех военно-политических дел и очень плохо относились к тем, кто звал их куда-то за что-то воевать. В-третьих, казакам так и не удалось выстроить конструктивные отношения с иногородними. Отметим, что на Дону, помимо собственно иногородних, существовали так же и т. н. коренные крестьяне – население, проживавшее на территориях казачьих войск либо еще до их организационного оформления, либо до реформы 1861 г., либо имевшие переселенческий статус[2]. К 1914 г. в области проживало около 4 млн человек, из которых без малого 1,5 млн казаков (42 % всего населения области), около 1 млн коренных крестьян (23,5 %), 1,1 млн иногородних (29 %)[3].

Натянутые отношения между казачьим и неказачьим населением области были еще до революции, после начала открытого вооруженного противостояния, конфликты обострились. Донские казаки не могли предоставить иногородним избирательных прав и допустить на Круг, ибо это, по словам очевидца: «было бы равносильно вооружению своих врагов»[4]. Включив иногородних в состав Войска, «оказачив» их, также нельзя было добиться решения проблемы. Не только старые казаки могли раствориться в массе новых одностаничников, но и сами иногородние не хотели становиться казаками, т. е. людьми, обязанными поголовной военной службой. Тогда был найден компромисс – паритет. Цель и смысл паритета заключался в том, чтобы, избегнув созыва общего для всего населения органа власти и сохранив все политическое значение за войсковым Кругом, ввести представителей от неказаков в состав правительства при атамане. Число этих неказачьих членов

---

[2] Подробнее см.: Трут В. П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. С. 71–72.

[3] Венков А. В. История донского казачества: учебник. Ростов-на-Дону, 2008. С. 307.

[4] Белогорский Н. (Шинкаренко Н. В.) В дни Каледина // Атаман А. М. Каледин (Статьи, очерки, стихи авторов казачьего и российского зарубежья) / Под ред. К. Н. Хохульникова. Ростов-на-Дону, 2013. С. 188.

правительства должно было равняться числу казаков в этом же правительстве (отсюда – и сам термин «партитет»)[5]. Однако такие шаги казачества не обеспечили лояльность иногородних.

Все эти негативные факторы привели к падению Белого Дона, самоубийству атамана Каледина и уходу Донских казаков в Степной поход, а Добровольческой армии во главе с Алексеевым и Корниловым – в Первый Кубанский (Ледяной). Именно на Кубани Корнилов надеялся обрести новую базу для борьбы с немцами и большевиками.

Что же происходило на Кубани? Там антибольшевистская борьба развивалась несколько по иному сценарию.

Отметим, что и само Кубанское казачество исторически состояло из двух «подгрупп» – черноморцев и линейцев[6]. Из первой группы черпали свои кадры сторонники независимой Кубани и налаживания тесных связей с малороссийскими сепаратистами. Линейцы же, с одной стороны, поддерживали лозунг единого русского государства, но линейцы видели Россию демократической республикой и с подозрением относились к Добровольческой армии, подозревая ее в реакционности.

Как отмечал военный теоретик русской эмиграции генерал Н. Н. Головин: «Тожество причин приводит к тожеству следствий. Поэтому противобольшевицкий процесс во всех казачествах по своей психической сущности протекал аналогично. Различие было лишь в степени напряженности и быстроте его развития»[7].

Как и на Дону, на Кубани играл большую роль конфликт между казаками и иногородними, которых было чуть больше, чем половина населения области (43 % населения области составляли казаки, 53 % – иногородние и 4 % – горцы[8]), вследствие этого, как и на Дону, перед казачеством встал вопрос о паритетном правительстве с иногородними. 25 декабря был созван совместный съезд представителей казачьего и неказачьего населения области. Как и на Дону, попытки казаков войти в альянс с иногородними не увенчались

---

[5] Белогорский Н. (Шинкаренко Н. В.) Там же. С. 188.

[6] Подробнее о них см. Щербина. Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. Екатеринодар, 1913. С. 823–836.

[7] Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Т. 1. М., 2011. С. 399.

[8] Емтыль З. Я., Пахомов А. В. Формирование органов власти и самоуправления на Кубани в период революционных преобразований 1917 г. // Вестник РУДН. Серия: история России. 2020. Т. 19. № 1. С. 181.

успехом – красные сулили иногородним больше. Так же как и на Дону, фронтовое казачество первоначально держало нейтралитет. Более того, по утверждению современного историка, на Кубани, и это было одной из особенностей проходивших здесь политических процессов, быстро росли не только оппозиционные атаману и раде, но даже откровенно просоветские настроения. При этом они отмечались и в среде фронтового, и в среде станичного казачества[9]. В итоге – хребтом антибольшевистских сил на Кубани стало офицерство и учащаяся молодежь.

Однако в отличие от организованных, но не слишком больших по численности отрядов Красной гвардии, направлявшихся на Дон, кубанские антибольшевистские силы столкнулись с валом дезертиров с Кавказского фронта, которые стремились к своим домам и семьям. Эти толпы стали питательной средой для формирования Красной гвардии. Кубанские большевики, центром которых стал г. Армавир, умело направляли солдатские массы на контрреволюционеров, которые якобы мешали этим солдатам проехать домой.

Образовавшийся в Армавире «Кубанский краевой революционный комитет» взял организацию этих сил в свои руки, направив их в первую очередь против столицы Кубанского казачества – Екатеринодара.

В Кубанской области атаман и Кубанская Рада не смогли удержать Екатеринодар и в ночь на 14 марта 1918 г. вынуждены были отступить. Однако преемственность власти сохранилась.

Как видим, на Кубани ситуация в собственно казачьей среде была аналогичной донской. Тот же нейтралитет фронтовиков, те же нелады с иногородними. Однако той объединяющей, позиционирующей себя всероссийской, а не только сугубо казачьей, силы, в лице Добровольческой армии, на Кубани не было. Но Кубанскую контрреволюция спасла близость к Донской. Объединившись с армией Алексеева–Корнилова, кубанские белые казаки в дальнейшем уже не порывали с ней связь (конфликт между Деникиным и Кубанской Радой касался все же политиков, а не фронтовые части, которые были лояльно настроены к Главнокомандующему ВСЮР). Кубань, несмотря на то, что сама не стала центром антибольшевистской борьбы, довольно быстро

[9] Трут В. П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. С. 365.

вошла в сферу притяжения Добровольческой армии, т. е. общенациональной контрреволюции.

На Тереке же так и не смогло сформироваться устойчивое ядро белого движения. А организованную борьбу с большевизмом терские казаки начали позже остальных – в июне 1918 г. Почему?

С одной стороны, на Тереке были все предпосылки. Была атаманская власть, настроенная против Советского правительства, войсковое правительство, другие органы власти вплоть до станичных атаманов. Была своя вооруженная сила – терские полки и артиллерийские батареи. Было казачье офицерство, настроенное не только антисоветски, но и не имеющее сепаратистских тенденций, т. е. в целом, разделяющее концепцию Добровольческой армии о Единой Неделимой России. Да и в самом начале Белой борьбы «отцы-основатели» белого движения – и Корнилов, и Алексеев – рассматривали Терек как один из запасных вариантов развертывания Добрармии.

Так, генерал А. С. Лукомский так же сообщает интересную информацию: Л. Г. Корнилов серьезно раздумывал приехать во Владикавказ, вызвать генерала Деникина «и решить, что делать дальше». Но под давлением московских общественных деятелей Корнилов изменил свое решение и остался в Новочеркасске[10].

Думал о Тереке, как о возможной базе Белого движения, после самоубийства донского атамана Каледина и генерал Алексеев. Он считал терцев «крепче» донцов и кубанцев, но весьма неорганизованными. А атаман Терского казачьего войска М. А. Караулов, по словам Алексеева, был человек недостаточно сильной воли, чтобы подчинить их своему влиянию[11].

Отметим так же, что свою семью Корнилов эвакуировал не куда-нибудь, а на Терек. В конце января 1918 г. генерал отправил жену Таисию Владимировну и сына Юрия под защиту генерал-майора Э. А. Мистулова в станицу Черноярскую. Семья генерала выехала из Ростова-на-Дону в сопровождении корнета Н. Толстова. С помощью осетина – служащего Владикавказской железной дороги, верного Мистулову, жена и дети Корнилова благополучно доехали до Терской области и находились там до августа 1918 г. Однако здесь

[10] Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 424.
[11] Суворин Б. А. За Родиной. Героическая эпоха Добровольческой армии. Впечатления журналиста. Париж, 1922. С. 17–18.

скорее роль сыграло личное знакомство генерала Корнилова с генералом Мистуловым[12], нежели желание создать на Тереке какой-то тыл, какую-то базу для Добровольческой армии.

Однако на Тереке было значительное количество проблем, которые и сделали невозможным создание на Тереке прочной базы для развертывания Белой армии.

Во-первых, терские казаки в области не составляли большинства. На 1 января 1916 г. в Терской области проживало 1 360 284 жителей, из них лиц войскового сословия – 255 068[13]. Невойсковое население в Терском войске составляло 80,4% от всех жителей[14]. Несмотря на то, что к 1918 г. количество немного поменялось (1 025 302 – всего проживающих в Терской области, из них 202 141 терских казаков[15]), процентное соотношение осталось примерно прежним.

Николай Николаевич Головин в своей работе «Российская контрреволюция» отмечал, что «Терское казачество, затерянное среди враждебной стихии, переживало несравненно труднее те же социально-психические процессы, что и его “старшие” братья на Дону и на Кубани»[16].

Межнациональные отношения оказывали влияния на все аспекты существования терского казачества. Терская область, отмечал полковник И. Беликов, «представляет из себя особую этнографическую физиономию»[17]. Это был клубок национальностей, конфессий, укладов, классов, сословий, противоречий, обид и взаимных претензий друг к другу. Все это прекрасно пони-

---

[12] Бондаренко В. В. Лавр Корнилов. М., 2016. С. 159; Бурда Э. В. Терское казачье восстание 1918 год. Нальчик, 2016. С. 164; Хаджиев Р. Жизнь и смерть генерала Корнилова. М., 2014. С. 337–338.

[13] Губенко О. В. Последствия Гражданской войны: потери демографические и фактические // Терский сборник. Екатеринбург, 2019. Вып. 4. С. 189.

[14] Трут В. П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. С. 72.

[15] Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). М., 2016. С. 181.

[16] Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Т. 1. М., 2011. С. 404.

[17] Донесение полковника Добровольческой армии И. Н. Беликова помощнику главнокомандующего Добровольческой армией А. М. Драгомирову, содержащее характеристики народов Кавказа // Вайнахи и имперская власть: проблемы Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. С. 295.

мали участники гражданской войны: «В Терском крае никогда не было полного мира, здесь шла междоусобная война и в то время, когда всюду был порядок. После революции обстановка в крае еще больше усложнилась. Помимо жизненных интересов каждой народности выходили на сцену и интересы политические», – так говорил на заседании Терского войскового круга А. Н. Букановский[18]. Ему вторит красноармеец Михеев: «За этот период нигде не было более сложного переплетения событий, чем у нас на Тереке»[19].

Между самими горскими народами также не было единства. Процитируем современную исследовательницу О. Морозову: «Существовали зоны меж- и внутриэтнической конфликтности, связанные с кровничеством и конфессиональными отличиями, причем не только между христианами и мусульманами но и приверженцами различных суфийских вирдов. У североосетинского народа существовало родоплеменное деление на дигорцев и иронцев, социальное – на фарсаглагов и алдаро-баделят, географическое – на горцев и плоскостных жителей. Социальное напряжение внутри народов, имевших оформленную родовую знать – кабардинцев и осетин, грозило и в действительности привело к расколу народа между противоборствующими силами. Осетины и ингуши соперничали за контроль над долиной Терека, их отношения были осложнены кровничеством из-за похищения людей и скота. Дагестанские народы – подданные нескольких феодальных владык – продолжали, несмотря на общую для них историю Шамилевского имамата, считать жителей соседних аулов чужаками»[20].

Практически сразу после февральского переворота межнациональная борьба стала лавинообразно нарастать в казачьих отделах и горских округах. Именно на стабилизацию ситуации в области уходили все силы потенциальной казачьей (да и горской) контрреволюции.

В письме помощнику главнокомандующего армиями Румынского фронта генералу Д. Г. Щербачеву от 21 января (3 февраля) 1918 г. Л. Г. Корнилов довольно пессимистически оценивал ситуацию в регионе, с точки зрения Добровольческой армии: «Еще хуже обстоят дела на Тереке, где, помимо развития большевизма положение в значительной мере осложняется борьбой

[18] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р5351. Оп. 1. Д. 5. Л. 23 (об.).
[19] Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. р-1919. Оп. 1. Д. 256. Л. 111.
[20] Морозова О. М. Антропология Гражданской войны. Ростов н/Д, 2012. С. 357.

казаков с горцами»[21]. По свидетельству А. С. Лукомского, в начале 1918 г. Корнилов рассматривал возможность получить помощь уже не от казаков, а от кавказских горцев. На Тереке были посланы офицеры с поручением войти в связь с лицами, стоявшими во главе горских народов и набирать добровольцев[22]. Обращает на себя внимание, что терские казаки в качестве помощников не рассматривались. С одной стороны, Корнилов на протяжении своей службы (служба на восточной окраине Российской Империи, командование текинским полком) очень плотно общался с восточными людьми, знал их менталитет и, видимо, оценивал их доблесть и верность. С другой стороны, взаимодействие с Калединым и происходящее на Дону не внушало Корнилову уверенность, что на терцев можно опереться.

Из тех событий, которые можно назвать ролью случая в истории, можно отметить, что в самом начале гражданской войны, 13 декабря 1917 г., был убит «Корнилов в терском масштабе»[23] – выборный атаман Терского казачьего войска и глава Терско-Дагестанского правительства М. А. Караулов. Фигуры такого масштаба – имеющей общероссийскую известность, связи с политиками в Петрограде, опыт работы в Государственной Думе – в области более не было. Но если на Дону удалось сохранить преемство власти в виде походного атамана, то на Тереке власть перешла к заместителю атамана, есаулу Л. Е. Медянику. А после похищения и убийства последнего (февраль 1918 г.) атаманская власть на Тереке пресеклась на год.

Немаловажным было и настроение казачьей массы. Как на Дону и Кубани, фронтовики, на которых делало ставку Войсковое правительство, оказались весьма ненадежным материалом. На фронте казаки активно собирались на Терек, говорили, что идут оказать помощь станицам, а когда приходили в родные станицы, то начинались разговоры: «все, дескать, устали и хотят отдохнуть и, кроме того, отслужили свое»[24].

А в станицах для казаков самым насущным был вопрос организации отпора горским набегам. Это был вопрос выживания для многих станиц. Атаман Караулов, который пытался создать совместную казачье-горскую власть

---

[21] Цит. по: Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008. С. 184.
[22] Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 432.
[23] История Северной Осетии: XX век / Под ред. А.С. Дзасохова и др. М., 2003. С. 125.
[24] ГАРФ. Ф. 5351. Оп. 1. Д. 34. Л. 69.

(т. е. тот же «партиет», но в данном случае, не казачье-крестьянский, а казачье-горский), не отвечал чаяниям казаков, особенно тех станиц, которые находились на передовой межнациональной борьбы. Сами казаки были настроены куда более радикально, чем атаман и офицерство. Поэтому казачество качнулось туда, откуда обещали помощь, – к советской власти.

Когда терцы отчаялись получить помощь Дона и Кубани для борьбы с абречеством, в станицах шла усиленная агитация со стороны большевистских агентов. Они говорили, что Дон пал, Кубань пала, надежды на казачество нет, и единственное спасение – признать власть большевиков[25]. «Ясно, что для простого казака такие доводы оказались очень убедительными, ибо простой казак не вдается в глубину делаемых ему предложений, он живет непосредственным инстинктом, непосредственным впечатлением», – так сетовал полковник А. Букановский. Мысль казака была вполне логичная и прямолинейна: если Дон пал, Кубань пала, и раз Красная армия предлагает свою помощь и обещает в два дня уничтожить чеченцев и ингушей, то вот это и есть действительно русские люди, они вошли в положение, вот спасибо, – идут помогать сюда. И каждая станица выносит два приговора: один приговор в том, станица признает Советскую власть, другой – в том, что станица умоляет дать такое-то количество винтовок, столько-то снарядов и т. п. Изо всех станиц летят делегаты в самый центр Северо-Кавказского большевизма, в город Армавир. И, по подсчетам Букановского, «чуть не все станицы» вручили приговор о том, что признают Советскую власть и взамен этого требуют оружия, патронов и снарядов[26]. Сами большевики признавали, что давали казакам оружие, правда, по словам очевидцев с советской стороны, казаки сами проявляли инициативу и сами просили оружие[27].

В итоге после убийства атамана М. А. Караулова пост атамана оказался вакантен до 1919 г., а власть Войскового круга постепенно девальвировалась. Казаки оказались предоставлены сами себе. У казаков, по сути, не осталось направляющего и координирующего центра власти. Межнациональная война спустилась на абсолютно бытовой уровень. Каждый населенный пункт был сам за себя, взаимодействие не выходило за рамки горских округов или каза-

[25] ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 66. Л. 4.
[26] Там же. Л. 4–5.
[27] Центр документации Новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИК). Ф. 2830. Оп. 1. Д. 204. Л. 15.

чьих отделов. 17 марта 1918 г. на Тереке была провозглашена Советская власть, причем и казаки, и горцы приветствовали этот шаг, пытаясь использовать большевиков в своих интересах. Но даже при власти Терского СНК характер межнациональных отношений кардинально не изменился. Большевики пытались сгладить межнациональные противоречия, преследуя прежде всего свои интересы, поэтому после того, как они взяли власть в области, межэтническая война большевикам вредила. Однако все же наибольший отклик большевистские идеи получали у горцев (прежде всего, это связано с земельным вопросом, который Советская власть планировала разрешить в благоприятном для горцев смысле). Окончательно разочаровавшись в Советской власти, казаки пошли на открытый разрыв с ней, и в июне началось вооруженное восстание (т. н. «восстание Бичерахова»). После начала восстания казаки и горцы были вынуждены делать выбор. Большая часть казаков поддержала антибольшевистское восстание, среди горцев большая часть чеченцев и ингушей поддержали Советскую власть, осетины и кабардинцы разделились примерно поровну. Но противостояние с «бытовых» форм приняло вновь более «институционализированный» характер: противоборствующие стороны формировали воинские подразделения: полки, отряды, бригады. Несмотря на разгром основных сил восставших к ноябрю 1918 г., вторичная советизация Терека была краткой – уже в январе 1919 г. в область вошли войска А. И. Деникина. С этого момента Терское казачество разделило весь путь южнорусской контрреволюции от триумфального похода на Москву до трагических моментов эвакуации с Черноморского побережья или через Кавказский хребет.

А. Е. Рабинович

«Умирая, наши товарищи и командный состав громко восклицали “ура” в честь Советской России и Балтийского флота…
Красному Балтийскому флоту нанесены вопиющие потери, но велик героизм балтийских моряков.
Еще крепче сплотились ряды красных моряков. Три эсминца погибли, но дух Балтийского флота жив».
[*Петроградская правда,* 12 ноября 1919 г.]

Трагедия в заливе

В то время как петроградские коммунисты праздновали вторую годовщину Красного Октября и, как могли, почтили память павших героев, пресса хранила молчание о том, что, несомненно, было одной из крупнейших катастроф советского флота эпохи Гражданской войны – о потоплении трех ключевых кораблей Балтийского флота и гибели всех их офицеров и 485 матросов поздно ночью с 20 на 21 октября. Во время второго сражения с Юденичем за контроль над Красным Петроградом корабли британского Королевского флота, базировавшиеся в Финляндии и курсировавшие в Финском заливе, поддерживали сухопутные войска Северо-Западной армии регулярными бомбардировками стратегически важных береговых объектов Красных. 20 октября войска 7-й армии РККА все еще отступали перед войсками Юденича и готовились к последнему бою около Пулково. Это был один из, если не самый, тревожных моментов в истории Петрограда во время Гражданской войны. Таким образом, неудивительно, что еще до рассвета 20 октября, когда РВС Балтфлота получил предупреждение от советских разведчиков в Гельсингфорсе о вероятной высадке морского десанта противника в Копорском заливе недалеко от Красной Горки, он немедленно предпринял шаги, чтобы воспрепятствовать этому. С этой целью, а также для срыва обстрела британскими боевыми кораблями береговых советских объектов, а вполне возможно и по другим стратегическим причинам, связанным со стремительно развивающимися боевыми действиями около Красной Горки, РВС Балтфлота приказал командиру Действующего отряда кораблей Балтийского флота Степану Дмитриеву поставить плотное минное заграждение восточной части Копор-

ского залива у мыса Долгий Нос[1]. На рассвете по инициативе Реввоенсовета Балтийского флота (РВС Балтфлота) было предложено эту операцию провести в темноте той же ночью (20/21 октября) в надежде избежать обнаружения британскими военными кораблями и самолетами[2].

Дмитриев, в свою очередь, передал соответствующие оперативные указания Льву Ростовцеву, одному из командиров своей дивизии. В этих инструкциях указывалось, что четыре эсминца под командованием Ростовцева – «*Константин*», «*Гавриил*», «*Свобода*» и *«Азард»*, которых были относительно невредимыми от предыдущих стычек с британскими боевыми кораблями в заливе, должны выставить намеченное минное заграждение[3]. Оправдывая операцию через несколько дней, командующий Балтийским флотом и член РВС Балтфлота адмирал Александр Зеленой признавал ее трудность и риск, но настаивал, что критическая ситуация на подступах к Петрограду, «случайный исход которой невозможно предсказать», требовала таких немедленных и решительных действий[4].

Через несколько часов после начала операции, во второй половине дня 20 октября, Вячеслав Зоф, представляющий РВС Балтфлота, прибыл в Кронштадт с дальнейшими инструкциями относительно запланированной миссии. Он, Дмитриев, Ростовцев и главный комиссар Ростовцева собрались, чтобы немедленно их рассмотреть[5]. Впоследствии Ростовцев встретился с командирами кораблей и комиссарами, чтобы сообщить им об оперативных задачах, касающихся этой внезапной миссии. На этой второй встрече командиры кораблей высказали серьезные опасения по поводу ее рискованности, особенно в свете отсутствия актуальных разведывательных данных о сложившейся ситуации в районе цели[6] и большого риска выполнения задачи в абсолютной

---

[1] Приказ подписали командующий ВМФ, член РВС Балтфлота адмирал Александр Зеленой, Вячеслав Зоф, также член РВС Балтфлота и Алексей Домбровский, начальник штаба Балтийского флота (РГА ВМФ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 34. Л. 3об). См. также телеграмму Зеленого от 21 октября адмиралу Беренсу в Москву (РГА ВМФ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 227. Л. 238об–240об).

[2] РГА ВМФ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 34. Л. 3–3об.

[3] РГА ВМФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 127. Л. 6–6об.

[4] Дрезен А.К. Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне. М.-Л., 1932. С. 242.

[5] РГА ВМФ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 34. Л. 13.

[6] РГА ВМФ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 34. Л. 7–9. Позже Дмитриев свидетельствовал, что советские корабли не были в заливе не менее двух месяцев (РГА ВМФ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 34. Л. 13об).

темноте без необходимого опыта или подготовки[7]. Эти предупреждения были проигнорированы. Так получилось, что ровно в 2 часа ночи 21 октября, всего за несколько часов до того, как войска Юденича были остановлены под Пулково, четыре красных эсминца, нагруженных минами и без огней, отправились на задание. Впереди был *Гавриил,* за ним *Свобода*, *Константин* и *Азард*. Было темно. Каждый из кораблей шел вслед за «*Гавриилом*», следуя в кильватере корабля впереди него. Один за другим они рассекали тьму незамеченные даже своими наблюдательными постами[8]. По словам командира «*Азарда»* Николая Несвицкого, волны были необычно высокими, а видимость нулевой. В 5:05 Несвицкий потерял связь с «*Константином*», а через пятнадцать минут совершенно случайно восстановил ее. Вскоре после этого, приблизившись к цели около мыса Долгий Нос, Несвицкий наблюдал мощный взрыв на «*Гаврииле*», за которым быстро последовали два оглушительных грохота на «*Константине*», после чего он поспешно переключился на задний ход. После того, как попытки связаться со «*Свободой*» по радио и / или обнаружить выживших с «*Константина»* и «*Гавриила»* оказались безрезультатными, он дал команду отходить. «*Азард»* вернулся на якорную стоянку в Кронштадте в 8:15 утра[9]. Через несколько часов спасательные шлюпки с 19 моряками с «*Гавриила»* и 6 со «*Свободы»* достигли берега около Красной горки. Все 28 офицеров трех злополучных кораблей погибли, также как и 485 матросов[10].

***

Начиная с полудня 22 октября, на следующий день после гибели трех кораблей, и по 24 октября высокопоставленная военно-морская комиссия во главе с адмиралом Сергеем Зарубаевым, предшественником Зеленого на посту командующего Балтийским флотом, расследовала трагедию и опубликовала отчет[11]. Расследование комиссии проводилось в большой спешке. В большинстве своем в это время все еще существовали те зловещие военные

---

[7] РГА ВМФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 127. Л. 11.

[8] Там же. Л. 11–11об; РГА ВМФ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 34, Л. 14; РГА ВМФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34, Л. 14; РГА ВМФ. Ф. 92. соч. 1. Д. 264. Л. 327.

[9] РГА ВМФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 127. Л. 11об; см. также Дрезен А. К. Балтийский флот… С. 237–238.

[10] Предположительно, еще два моряка с «*Гавриила*», достигшие берега на эстонской стороне, позже были возвращены в Советскую Россию в обмен на пленных (Augustus Agar, *Baltic Episode.* London, 1963. P. 233).

[11] Адмирал Зарубаев был тогда в командировке к Троцкому в РВСР в Москве.

реалии, которые стали причиной этой катастрофической миссии. Кроме того, поскольку Ростовцев, а также командиры и комиссары «*Гавриила*», «*Свободы*» и «*Контантина*» погибли, у следственной комиссии не было иного выбора, кроме как полагаться на показания Несвицкого, Дмитриева и немногих оставшихся в живых матросов[12].

Судя по официальному отчету комиссии по итогам расследовании, показания Несвицкого об опасениях по поводу недостаточности подготовки к миссии, высказанных во время предварительного инструктажа Ростовцева, произвели большое впечатление на членов комиссии. В заключении доклада признавалось, что такие чудовищные потери, как гибель трех эсминцев, были неизбежным следствием войны вообще. Тем не менее, основная вина за трагедию возлагалась на такие конкретные факторы, как слабая связь и почти полное отсутствие разведки, «результатом чего стало незнание принимавшим участие в деле персоналом обстановки, сложившейся в заливе». Самое ужасное, что члены комиссии также пришли к выводу, что вероятность постановки противником мин в заливе вблизи места проведения им операций следовало предусмотреть[13].

Первоначальные массовые похороны 120 погибших моряков тайно прошли в Красной горке 26 октября; 1 ноября состоялись похороны еще 80 матросов. Поскольку публиковать что-либо о трагедии было запрещено, петроградская пресса несколько недель хранила полное молчание о потерях. Тем не менее, предотвратить распространение слухов по Кронштадту оказалось невозможно. Поэтому, начиная с 27 октября, всему личному составу Балтий-

---

[12] Показания выживших моряков см. в РГА ВМФ. Ф. 92. Соч. 1. Д. 64. Все, кроме одного, были записаны 22 октября в начале расследования и сосредоточили внимание на моментах сразу после взрывов на кораблях «*Гавриил»* и «*Свобода»* .

[13] РГА ВМФ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 34. Л. 7, 7 об. В 1929 году ведущий советский историк обороны Петрограда в годы гражданской войны Николай Корнатовский не согласился с выводами следственной комиссии. Якобы на основании «особого дела» в Ленинградском областном партийном архиве (ЛОИ), но без конкретного указания и найти которое мне не удалось, Корнатовский пришел к выводу, что морская трагедия явилась следствием неумелого контрреволюционного заговора с участием предателей в Кронштадте и британских участников (Корнатовский Н.А. Борьба за Красный Петроград. Л., 1919. С. 275–277). Надежные недавно опубликованные разъяснения позволяют предположить, что интерпретация Корнатовского, получившая впоследствии широкое признание, была сфабрикована ОГПУ в 1926 году.

ского флота в Кронштадте и на море было зачитано[14] секретное воззвание, написанное Троцким 24 октября. В нем, в частности, говорилось:

«Балтийскому флоту был нанесен серьезный удар. Три эсминца погибли, подорвавшись на минах во время дерзкой ночной операции. Было потеряно много прекрасных жизней. Несмотря на грусть в душе… каждый из нас может гордо воскликнуть: дух Красного Флота жив!

Задача, которую выполняли эсминцы, была сопряжена с чрезвычайным риском. Все матросы, отправлявшиеся на эсминцах, ясно осознавали чудовищную опасность. Тем не менее, они отправились в бой бодро и уверенно, как на праздник: Дух Балтийского флота жив!..

Новые суда уже заменили потерянные. На место павших героев приходят молодые, отважные бойцы. Жив Красный Флот, жив дух его!... Память о павших будет жить в наших сердцах вечно...»[15]

Наконец, 12 ноября, когда непосредственная военная опасность Петрограду сошла на нет, воззвание Троцкого появилось в «*Петроградской правде*» вместе с директивой РВС Балтфлота, которая, хотя и раскрывала имена потерянных эсминцев и их задачу, звучала резонансом с пафосно пропагандистским стилем Троцкого:

«…Умирая, наши товарищи и командный состав громко восклицали «ура» в честь Советской России и Балтийского флота…

Красному Балтийскому флоту нанесены вопиющие потери, но велик героизм балтийских моряков.

Еще крепче сплотились ряды красных моряков. Три эсминца погибли, но дух Балтийского флота жив»[16].

Между тем, тремя днями ранее, 9 ноября, у ПетроЧК появился счастливый шанс в своей, ранее в значительной степени безуспешной, борьбе с внутренней контрреволюцией.

[14] РГА ВМФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 127. Л. 26.
[15] Там же. Л. 29.
[16] *Петроградская правда.* 1919. 12 ноября. С. 2.

В. В. Семенов

Барон Врангель наступает: последний триумф белых в Гражданской войне

Март 1920 г. ознаменовался сменой цикла в истории Белого движения на юге России: деникинский период был замещен врангелиадой. Эта перемена имела два ключевых проявления: одним из них стала Новороссийская эвакуация и сопутствовавший ей перенос средоточия антибольшевистской борьбы из казачьих областей в Крым, другим – принятие верховного командования генерал-лейтенантом бароном П. Н. Врангелем, хотя и не слишком торопившегося в свое время примкнуть к Добровольческой армии, но успевшего всего за полтора года службы в ней заработать репутацию самого талантливого белогвардейского военачальника и естественного преемника вышедшего в отставку Деникина[1]. Последнее обернулось не просто сменой парадной вывески над шатким строением воюющего государства, а принципиальными переменами во всех областях его жизнедеятельности[2]. Предшествующий год показал со всей откровенностью, что силой оружия большевизм не победить. Оттого для генерала Врангеля не составляло сомнения, что единственный мыслимый образ действий, способный дать результат и привести к успеху, состоял в воплощении на оставшемся под ногами кусочке крымской земли наивозможно более полной и неподдельной антитезы большевистскому государству.

Удержание Крыма обязано было стать лишь отправным пунктом. Ближайший друг и наперсник барона Врангеля генерал П. Н. Шатилов по-военному нарек полуостров «последним редюитом нашей борьбы»: иначе говоря, оплотом, призванным не только остановить врага на предельном рубеже, но и сделать возможным контрудар и решительный возврат утраченного[3]. Крымский

---

[1] Пученков А. С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918 года). СПб., 2021. С. 683–685.

[2] Подробнее см. статью автора: Семенов В. В. Врангелиада как целостный феномен внутри Белого движения // Russian Colonial Studies. 2020. №2. С. 45–48.

[3] Шатилов П. Н. Записки: в 2 томах. Т. 2. Ростов н/Д, 2017. С. 377. Редюит – опорный пункт внутри крепости, служащий последним убежищем и оплотом обороняющихся, и способный обеспечить контратаку и обратное овладение потерянным. (См.: Энциклопедия военных и морских наук : в 8 т. / под. ред. Г. А. Леера. Т. 6. СПб., 1892. С. 287;

полуостров мог и должен был явиться точкой опоры и притяжения, но ему одному, в своих естественных границах, не под силу было стать полноценным образцом заветной «другой России». Если даже опустить экономические условия, делавшие почти неосуществимым обособленное выживание полуострова, оставалась неумолимая данность: в Крыму фронт и тыл почти наложились друг на друга, и возводить новую гражданственность в полуфронтовой среде, под неизбывным дамокловым мечом «красной угрозы» было затруднительно, а, вернее всего, и тщетно. Это решающим образом обусловило переход белых к активным наступательным действиям в конце мая 1920 г.

К двадцатым числам мая 1920 года (по старому стилю) Русская армия барона Врангеля была составлена из четырех корпусов. В предстоящем наступлении на 1-й армейский корпус возлагалась задача прорыва через Перекопское дефиле и выхода к Днепру. Сводный корпус должен был прорваться на север через Чонгарский полуостров и, войдя во взаимодействие с соседними корпусами, наступать на центральном участке фронта. Особую роль в готовящейся операции был призван сыграть 2-й армейский корпус, которому препоручалось осуществление крупной высадки с моря во вражеский тыл, используя опыт десантирования, полученный в апрельских боях[4]. Целью этого действия, требовавшего плотного сотрудничества армии и флота, должен был стать глубокий обход неприятельского фланга с выходом на главную коммуникационную линию красных и ее пресечением. Обходной маневр вкупе с фронтальными атаками через Перекоп и Сиваш, в случае успеха, неизбежно принуждали противника к поспешному отступлению с занимаемых позиций[5]. Донскому корпусу не была указана активная роль: ему предстояло оставаться в резерве с тем, чтобы при необходимости оказать поддержку наступающим войскам и быть введенным в бой на решающем участке.

Белым противостояла 13-я армия Юго-Западного фронта РККА. На главном перекопском направлении располагалась оперативная группа в составе 3-й, и 52-й и Латышской стрелковых дивизий, 85-й и 124-й стрелковых бри-

---

Энциклопедический словарь : в 43 т. / изд. Ф. А. Брокгауз , И. А. Ефрон. Т. 26. СПб., 1899. С. 473).

[4] Слащов-Крымский Я. А. Белый Крым. 1920 г. М., 1990. С. 88; Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война 1918–1921. СПб, 2002. С. 571.

[5] Дрейер В. Н. фон. Крестный путь во имя Родины. Берлин, 1921. С. 129; Калинин И. М. Под знаменем Врангеля: Заметки бывшего военного прокурора. Ростов н/Д, 1991. С. 84.

гад. Восточнее, у Салькова и Геническа занимала позиции 46-я стрелковая дивизия. Между ними дислоцировался армейский резерв – 2-я кавалерийская дивизия имени М. Ф. Блинова[6]. Кроме того, армии были подчинены запасная кавалерийская бригада 1-й Конной армии и отдельные отряды размером не более полка[7]. Несколько уступая белым в общей численности боевого элемента, красные уже тогда имели превосходство в кавалерии[8], неизбывно сохранявшееся и впоследствии. Это преимущество тем важнее, что ярко выраженный равнинно-степной ландшафт Северной Таврии крайне удобен для действий конницы[9]. Можно с уверенностью говорить и о значительном превосходстве красных в численности артиллерии: количество их орудий в полтора раза превышало артиллерийский парк противника[10]. Резонно обратить внимание, что в то время на крымском фронте сложилась любопытная ситуация: обе стороны готовились атаковать – начало врангелевского наступления упредило решающую попытку «добить паука в крымской бутылке», живо готовившуюся советским командованием[11].

***

В последнюю неделю весны 1920 г. Русская армия перешла к активным действиям. 24 мая (6 июня) у деревни Кирилловка на Азовском побережье началось десантирование 2-го армейского корпуса генерала Слащова, а на рассвете следующего дня крымское воинство двинулось вперед по всему фронту[12]. Войскам генералов Кутепова и Писарева, перед которыми стояла задача прорыва через крымские дефиле, удалось отбросить противника и

---

[6] Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война 1918–1921. СПб, 2002. С. 568–569.
[7] Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.): в 2 кн. Кн. 2. М.; Пенза, 1991. С. 81.
[8] Коротков И. С. Разгром Врангеля: Оперативно-стратегический очерк. М., 1955. С. 34; Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.) : в 2 кн. Кн. 2. М.; Пенза, 1991. С. 81; Калинин И. М. Под знаменем Врангеля: Заметки бывшего военного прокурора. Ростов н/Д, 1991. С. 345.
[9] Коротков И. С. Разгром Врангеля: Оперативно-стратегический очерк. М., 1955. С. 39.
[10] Какурин Н. Е., Меликов В. А. Гражданская война в России: Война с белополяками. М.; СПб, 2002. С. 609; Коротков И. С. Разгром Врангеля: Оперативно-стратегический очерк. М., 1955. С. 31, 34.
[11] Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война 1918–1921. СПб, 2002. С. 568; Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922): Сб. док. в 4 т. Т. 3. Апрель 1920 г. – 1922 г. М., 1974. С. 159.
[12] Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.): в 2 кн. Кн. 2. М.; Пенза, 1991. С. 83.

преодолеть главную полосу его обороны, однако, дальнейшее их продвижение замедлилось ввиду активного противодействия быстро оправившегося неприятеля[13]. Особенной стойкостью отличались латышские части, чьи боевые качества без всякой внутренней расположенности и все же с оттенком уважения по справедливости оценивали и наступавшие белогвардейцы[14]. Многочисленные контратаки красных нередко становились успешны. Так, красноречивым примером служит удар 2-й кавалерийской (Блиновской) дивизии РККА по расположению 3-й конной дивизии Сводного корпуса в ночь на 27 мая, который привел к прорыву фронта и пленению дивизионного начальника генерал-майора Ревишина (впоследствии расстрелянного[15]) со всем своим штабом[16]. В советской печати, а позднее и историографии заявлялось, что это нападение повлекло разгром и уничтожение всей дивизии[17]; однако, исходя из того, что соединение не прервало своего боевого пути[18], утверждение об уничтожении представляется несколько преувеличенным. Тем не менее, из означенного эпизода допустимо сделать выводы не только о сравнительной малочисленности наступающих войск и уязвимости их растянутых позиций[19], но и об энергичном и ожесточенном сопротивлении Красной армии.

Судьба наступления все более зависела от успешности действий слащовского десанта. Авиационная разведка красных обнаружила корабли на подходе к побережью, но вследствие слабо организованной связи авиаотрядов со

---

[13] Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.) : в 2 кн. Кн. 2. М.; Пенза, 1991. С. 84.

[14] ГА РФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 339. Л. 6, 10, 11; Пронин Д. Ф. Записки дроздовца-артиллериста // Седьмая гаубичная. Нью-Йорк, 1960. С. 81; Морозов В. И. Воспоминания о бое 25-V-1920 г. // Вестник галлиполийцев. 1937. №46. С. 13. Вместе с тем, руководство Юго-Западного фронта РККА в директиве командованию 13-й армии от 26 мая (8 июня) выразило недовольство уровнем сопротивления Латышской дивизии (Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922) : Сб. док. в 4 т. Т. 3. Апрель 1920 г. – 1922 г. М., 1974. С. 173).

[15] Ганин А. В. Генштабисты антибольшевистских армий в красном плену. 1917-1922 гг. // Вопросы истории. 2013. № 8. С. 20.

[16] Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.) : в 2 кн. Кн. 2. М.; Пенза, 1991. С. 84.

[17] Красная газета. 1920. 15 июня. С. 1; Деревенская правда. 1920. 15 июня. С. 1; Боевой путь блиновцев : История боев и походов 5 Ставропольской им. т. Блинова кавалерийской дивизии. 1919–1929 / под общ. ред. А. А. Масловского. [Ставрополь], 1930. С. 82-83.

[18] Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.) : в 2 кн. Кн. 2. М.; Пенза, 1991. С. 86.

[19] Там же. С. 84.

штабом 13-й армии донесение оказалось запоздалым[20]. Тяжелейшие погодные условия – в море у берегов бушевал шторм – чрезвычайно затруднили высадку и затянули ее на три дня. Не дожидаясь полного развертывания частей, командир корпуса генерал-лейтенант Слащов с двумя бригадами ударил в северном направлении и к исходу 27 мая (9 июня) с боем занял станцию Акимовка, перерезав железнодорожную линию Сальково-Мелитополь и создав угрозу охвата левому флангу 13-й армии. Этот успех, добытый малой кровью[21], стал решающим: красные стали отходить к Днепру практически по всему фронту. По впечатлению начальника 2-й Донской дивизии генерал-лейтенанта Н. П. Калинина, «каждый час после нашего выхода в Северную Таврию приносил все новые и новые успехи»[22]. 28 мая (10 июня) войска генерала Слащова овладели важнейшим узлом обороны противника – Мелитополем и закрепились в нем, отражая яростные контратаки. Частью сил Слащов развивал наступление в западном направлении, пытаясь зайти в тыл отступающим красным и опосредованно оказать поддержку занимавшему центральную позицию Сводному корпусу Писарева. Сводный корпус был наименее сильным среди соединений оперативного уровня, и темпы его продвижения серьезно отставали от общеармейских[23]. Благодаря наступлению слащовцев в открытый фланг и тыл красным, уровень сопротивления Красной армии на центральном участке понизился[24]. Вскоре конфигурация линии фронта, напоминавшая подкову, выровнялась.

Как утверждает военный историк Н. Д. Карпов, сомнения в самостоятельности целей наступления Русской армии, наконец, развеялись у высшего руководства РККА лишь 30 мая (12 июня), с окончательным вводом в дело Донского корпуса – последнего стратегического резерва белой ставки[25]. Важно, что если резервы армии Врангеля концентрировались отныне лишь

---

[20] Коротков И. С. Разгром Врангеля : Оперативно-стратегический очерк. М., 1955. С. 59.
[21] Слащов-Крымский Я. А. Белый Крым. 1920 г. М., 1990. С. 98; Долгополов А. Ф. Добровольческие десанты в Азовском и Черном морях // Вестник первопоходника. 1967. № 67–68. С. 9.
[22] Цит. по: Раковский Г. Н. Конец белых. От Днепра до Босфора. Прага, 1921. С. 64.
[23] Боевой путь блиновцев: История боев и походов 5 Ставропольской им. т. Блинова кавалерийской дивизии. 1919–1929 / под общ. ред. А. А. Масловского. [Ставрополь], 1930. С. 84.
[24] Слащов-Крымский Я. А. Белый Крым. 1920 г. М., 1990. С. 98; Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.) : в 2 кн. Кн. 2. М.; Пенза, 1991. С. 89
[25] Карпов Н. Д. Трагедия белого Юга. 1920 год. М., 2005. С. 297.

путем перегруппировки сил и снятия частей с наименее угрожаемых участков передовой[26], то противостоявшая ей 13-я красная армия имела возможности для непрестанного усиления свежими формированиями. Так, в конце мая на врангелевский фронт была переброшена 15-я Инзенская стрелковая дивизия, а в начале июня – 40-я Богучарская стрелковая дивизия; обе незамедлительно по прибытии были введены в дело. По некоторым данным, численность пополнений, направленных 13-й армии в течение июня 1920 г., составляла 75 000 штыков и сабель[27]. Но это преимущество красных нивелировалось тем, что подкрепления, подходившие в район боевых действий, вводились в дело по частям, что могло привести лишь к временной стабилизации на передней линии, но не к решительному успеху[28].

В последующие дни наступление белых продолжало развиваться выигрышными темпами. К 6 (19) июня Русская армия практически достигла линии Бердянск–Орехов–Плавни–рубеж Днепра[29], и тем самым преимущественно выполнила оперативную задачу, продиктованную планом кампании. Отныне вся Таврия, и северная и южная находилась в руках белых. 10 (23) июня генерал-лейтенант Врангель отдал директиву, фактически завершившую наступление. Момент для этого был выбран верно: по ряду объективных причин, в числе которых чрезмерно растянувшаяся линия фронта, немалые невозмещаемые потери и отдаление от базы в Крыму, темп наступления обоснованно снизился, и дальнейшее продвижение было нецелесообразно и сопряжено с напрасным риском. Директива от 10 июня предусматривала закрепление на занятых рубежах, перегруппировку частей, точечные удары с очень ограниченными целями. Особо обращалось внимание на необходимость диверсий на коммуникациях противника: в частности, предписывалось принять меры для вывода из строя рокадных железнодорожных линий в ближайшем тылу неприятеля по всей протяженности фронта от Днепра до Азовского моря[30]. Все говорило о том, что летняя кампания будет иметь про-

---

[26] Мамонтов С. И. Походы и кони. Париж, 1981. С. 426.
[27] Орлов Г. А. К 35-летию последних решающих боев в Северной Таврии // Доброволец. 1956. №38.
[28] Голубев А. В. Гражданская война 1918–1920 гг. [М.], 1932. С. 44.
[29] Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.): в 2 кн. Кн. 2. М.; Пенза, 1991. С. 91.
[30] Там же. С. 94.

должением близкое контрнаступление Красной армии, а направлением главного удара послужит северо-восточный участок фронта.

И действительно, командование красных, оправившись от поражения, решилось на проведение крупномасштабного контрнаступления. При его разработке штаб Юго-Западного фронта РККА (командующий фронтом – А. И. Егоров, начальник штаба – Н. Н. Петин) верно выбрал главной целью удара Мелитополь, на который стала базироваться Русская армия: овладение Мелитополем способно было привести к развалу врангелевского фронта. Фронтовик и впоследствии белоэмигрант П. М. Трофимов в своих исторических записках, посвященных Крымской кампании, дал исчерпывающее пояснение, почему другого направления удара в тех обстоятельствах не могло случиться: «Место нанесения контрудара могло быть выбрано только на северо-восточном фронте. В силу общей обстановки, а также крайне затруднительных условий сосредоточения, организация контрманевра с правого берега Днепра не представлялась возможной. Северо-восточный участок представлял большие выгоды. Сюда подходили кратчайшие и достаточно развитые железнодорожные пути. Здесь возможно было быстрое и безопасное сосредоточение. Тут отсутствовали серьезные естественные препятствия, могущие осложнить или задержать развитие операции. Таким образом, это направление наиболее соответствовало главному желанию красных – быстрому решению»[31].

Для достижения этой цели в районе сел Цареконстантиновка (ныне Бильмак) и Алексеевка была сконцентрирована ударная группа из четырех дивизий под началом комкора Д. П. Жлобы[32]. Общая численность группы составила не менее 7500 сабель и 6000 штыков[33] (существуют и другие оценки[34]).

---

[31] ГА РФ. Ф. Р-5895. Оп. 1. Д. 44. Л. 81.

[32] Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922) : Сб. док. в 4 т. Т. 3. Апрель 1920 г. – 1922 г. М., 1974. С. 200-201; Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война 1918–1921. СПб, 2002. С. 576-577.

[33] Гагкуев Р. Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 505.

[34] Голубев А. В. Гражданская война 1918–1920 гг. [М.], 1932. С. 200; Савченко В. А. Двенадцать войн за Украину. Харьков, 2006. С. 299; Леонтьев А. М. Оборона Крыма // 50 лет верности России. 1917–1967. Париж, 1967. С. 256; Росс Н. Г. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 72; ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 344. Л. 12 об.; ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 8. Л. 7 об.; Калинин И. М. Под знаменем Врангеля: Заметки бывшего военного прокурора. Ростов н/Д, 1991. С. 345.

Место для удара было грамотно выбрано на стыке расположения двух врангелевских корпусов, что было способно внести для белых дополнительные сложности. Жлобе ставилась задача в кратчайший срок овладеть Мелитополем и тем самым отрезать все правое крыло Русской армии от крымской базы[35]. На каховском и ореховском направлениях командование РККА замышляло навязать белым боевые действия сковывающего характера[36], с тем, чтобы не дать им осуществить высвобождение и переброску сил на участок прорыва. Таким образом, для участия в операции красными выделялись крупные силы в девять дивизий и три бригады.

15 (28) июня конная группа Жлобы пробила оборонительные порядки 3-й Донской дивизии и двинулась в прорыв на юго-запад. Однако этот первоначальный успех не был развит должным образом: ввязавшись в мелкие малозначимые столкновения, красные утратили должную динамику наступления и за последующие четыре дня продвинулись лишь на 35–40 километров вглубь обороны белых, пройдя только половину расстояния, отделявшего их от Мелитополя[37]. За это время генерал-лейтенант Врангель успел произвести перегруппировку своих войск, сосредоточив на необеспеченных флангах группы Жлобы крупные силы. Главнокомандующий лично руководил этой операцией, находясь в непосредственной близости от линии фронта[38]; его штаб в эти дни работал круглосуточно[39]. 20 июня (3 июля) конная группа красных была окружена в районе южнее Большого Токмака и разбита концентрированными ударами с нескольких направлений[40]. В этом сражении, как подметил его участник белогвардеец-артиллерист В. И. Гетц, «гордость красной ударной конницы была уничтожена»[41]. Запоздалые попытки коман-

---

[35] Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война 1918–1921. СПб, 2002. С. 577.
[36] Там же. С. 576.
[37] Там же. С. 580.
[38] Калинин И. М. Под знаменем Врангеля: Заметки бывшего военного прокурора. Ростов н/Д, 1991. С. 103; Пухальский Ф. В. Разгром Сводного конного корпуса товарища Жлобы в Северной Таврии 20 июня 1920 г. // Русская армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии. М., 2003. С. 607.
[39] Ганин А. В. Между красными и белыми. Крым в годы революции и Гражданской войны (1917–1920) // История Крыма. М., 2015. С. 316.
[40] В тот же день Д. П. Жлоба был отстранен от руководства группой, которое принял на себя член РВС 13-й армии Б. Г. Зуль (Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922) : Сб. док. в 4 т. Т. 3. Апрель 1920 г. – 1922 г. М., 1974. С. 201).
[41] Гетц В. И. 6-я Корниловская // Русская армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии. М., 2003. С. 340.

дования 13-й армии спасти ситуацию от полного краха активными действиями на других участках провалились[42]. Разгромом Жлобы завершился наиболее успешный для белых этап Крымской кампании 1920 г.

***

Первоначально среди оснований июньского успеха белых следовало бы назвать достигнутый эффект неожиданности. Конечно, нельзя не отметить, что замысел генерала Врангеля в главных чертах стал известен неприятелю задолго до начала его реализации: одним из первых источников информации для красных послужил перехваченный связной, посланный бароном на Волынь для установления контакта с Петлюрой. Таким образом, уже 1 мая, почти за месяц до начала летней кампании, большевики имели в руках весьма достоверные данные о готовящемся прорыве Русской армии в Северную Таврию[43]. За две предшествовавшие началу операции недели красноармейская разведка едва ли не ежедневно доносила до своего командования сообщения о грядущем выходе белых из «бутылки», где менялась лишь его предполагаемая дата[44]. Тем не менее, первый этап наступления нес в себе большой элемент внезапности для обороняющихся[45].

Особую неожиданность для красных, как представляется, составила десантная операция, проведенная силами 2-го армейского корпуса генерала Слащова на северном берегу Азовского моря. Как справедливо заключал руководивший ею капитан I ранга Н. Н. Машуков: «Залогом успешного завершения операции являются секрет и быстрота»[46]. Даже ее участники до последнего момента ничего не знали об этой части замысла[47]. Сохранить в тайне подготовку операции было невозможно, но можно было скрыть место

---

[42] Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война 1918–1921. СПб, 2002. С. 582; Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.) : в 2 кн. Кн. 2. М.; Пенза, 1991. С. 102.

[43] Карпенко С. В. Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.) М., 2014. С. 362.

[44] РГАВМФ. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 48. Л. 53, 55 об., 66, 104–105, 117, 127, 144, 146–147, 160–161.

[45] Пученков А. С. 1920 год: агония белого Крыма // Россия на переломе: войны, революции, реформы. XX век : Сб. ст. / отв. ред. М. В. Ходяков, отв. сост. А. А. Иванов. СПб., 2018. С. 179; Мамонтов С. И. Походы и кони. Париж, 1981. С. 368.

[46] ОР РНБ. Ф. 1424. Ед. хр. 18. Л. 34.

[47] Десант в тылу красных 25 мая 1920 г. (По воспоминаниям участника – обработал А. Ф. Долгополов) // Вестник первопоходника. 1967. № 67–68. С. 51.

предполагаемой высадки[48]. Командованию белых это превосходно удалось: десант ожидался противником в совершенно другом месте. Так, накануне погрузки слащовцев на корабли 22 мая (4 июня) 1920 член Революционного военного совета Юго-Западного фронта И. В. Сталин направил в Москву телеграмму, где указывал на готовящуюся высадку белых в районе Одессы[49]; то же убеждение высказывалось им и несколькими днями ранее[50]. На черноморское побережье и Одессу как на наиболее вероятное (но не единственно возможное![51]) место высадки белых неоднократно указывали советские разведывательные сводки[52]. Здесь можно вести речь об успешной дезинформационной работе белой агентуры, намеренно раздувавшей среди обывателей слухи о грядущем десантировании в Одессе и других далеких от реального замысла пунктах[53]. Способствовала достижению внезапности и ложная демонстрация десанта возле порта Хорлы на побережье Каркинитского залива Черного моря, успешно произведенная в целях оперативной маскировки и отвлекшая внимание командования 13-й советской армии от места настоящего десантирования[54]. Таким образом, к важнейшей составляющей наступательной операции Русской армии непосредственно противостоявшая ей группировка неприятеля оказалась не подготовлена.

Действия белых в Северной Таврии отличало грамотное планирование. Даже ярый критик П. Н. Врангеля, имевший основания держать на него обиду за увольнение из армии, генерал А. К. Кельчевский признавал, что оперативный план, выработанный штабом Русской армии, отвечал обстановке и верно ставил цель, соизмеряя ее с наличными средствами[55]. Наряду с этим нельзя согласиться с точкой зрения Кельчевского, что эта операция с самого

---

[48] Слащов-Крымский Я. А. Белый Крым. 1920 г. М., 1990. С. 88-89; Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.) : в 2 кн. Кн. 2. М.; Пенза, 1991. С. 82.
[49] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 429.
[50] Сталин И. В. Сочинения. Т. 17. Тверь, 2004. С. 108.
[51] РГАВМФ. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 48. Л. 55 об., 140.
[52] Там же. Л. 55 об., 105, 140.
[53] Десант в тылу красных 25 мая 1920 г. (По воспоминаниям участника – обработал А. Ф. Долгополов) // Вестник первопоходника. 1967. № 67–68. С. 51; Варнек П. А. Действия флота в северо-западном районе Черного моря в 1920 году // Военная быль. 1971. № 108. С. 21.
[54] Коротков И. С. Разгром Врангеля: Оперативно-стратегический очерк. М., 1955. С. 59–60, 66; Варнек П. А. Действия флота в северо-западном районе Черного моря в 1920 году // Военная быль. 1971. № 108. С. 21.
[55] ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 8. Л. 6 об. – 7.

начала обещала полную безопасность[56]. Напротив, детально составленный план наступления сочетал в себе трезвый расчет с немалой долей риска: последнее главным образом имело отношение к высадке 2-го армейского корпуса, которому угрожало быть сброшенным обратно в море[57]. Тем не менее, этот основополагающий момент при его успехе способен был перевернуть ситуацию в пользу белых. Место десантирования и цель для десанта были выбраны крайне удачно. Железнодорожное сообщение красных велось по единственной магистрали, шедшей от Александровска на Мелитополь и далее на Салькoво[58]. Перерезать эту линию – означало обрубить связь передовой с тылом и резко ограничить поток снабжения 13-й армии, занять Мелитополь – значило лишить ее главной базы и заставить перебазироваться на Каховку. Мелитополь был важнейшим пунктом позиции красных, его захват 2-м армейским корпусом 28 мая (10 июня) не только решительным образом изменил конфигурацию фронта, но фактически определил судьбу целой операции.

В свою очередь, командование Красной армии в боевых действиях на крымском театре проявило себя неудачно. Первоочередно это относится к неверному расположению сил 13-й армии, которые совершенно не были распределены в глубину[59]. Ее главный резерв – 2-я кавалерийская (Блиновская) дивизия также располагалась слишком близко к передовой. Подобная концентрация войск в непосредственной близости от перешейков объяснима, если принять во внимание подготовку очередного прорыва через Перекопское дефиле и совершенно не ожидаемую высадку в собственном тылу. Однако в итоге эта, сообразно постулату авторитетнейшего военного теоретика фельдмаршала графа Мольтке[60], уже едва ли исправимая, ошибка привела к тому, что красные не имели достаточно сил для противодействия десанту и защиты Мелитополя, кроме резервной стрелковой бригады, городского гарнизона, бронепоездов и маршевых батальонов[61]. Принимая во внимание погодные условия, задержавшие выгрузку артиллерии и неблагоприятно отразившиеся

---

[56] ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 8. Л. 6 об. – 7.
[57] Слащов-Крымский Я. А. Белый Крым. 1920 г. М., 1990. С. 94.
[58] Боевая работа Красной армии и флота, 1918–1923. М., 1923. С. 66.
[59] Слащов-Крымский Я. А. Белый Крым. 1920 г. М., 1990. С. 88; Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война 1918–1921. СПб, 2002. С. 569.
[60] Мольтке Г. Военные поучения фельдмаршала графа Мольтке. Оперативные приготовления к сражению / пер. с нем. Г. фон Дитмана и Г. Шнейдемана. СПб., 1913. С. 77.
[61] Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война 1918–1921. СПб, 2002. С. 572; Слащов-Крымский Я. А. Белый Крым. 1920 г. М., 1990. С. 95–96.

на боеспособности конницы[62], можно сделать вывод о том, что при правильном сосредоточении армейского резерва красные имели бы возможность если не сбросить неприятеля в море еще до завершения десантирования, то, по меньшей мере, задержать его продвижение вплоть до прибытия крупных подкреплений с севера. Опытный тактик, командюгзап А. И. Егоров в разговоре с Главкомом С. С. Каменевым 28 мая (10 июня) предложил единственно верное на тот момент решение: всеми доступными силами нанести контрудар в мелитопольском направлении, однако отстоять свое видение не сумел: вышестоящий собеседник требовал неотступного удержания каждой пяди земли и беспрерывных атак на основные силы белых, вышедшие из-за перешейков[63]. С определенностью можно говорить, что советский Главком ошибочно оценивал как намерения противника, так и сложившуюся угрожающую обстановку. С окончательной же потерей Мелитополя участь красного фронта была решена. План действий на случай отступления не был проработан[64], что сделало отход оборонявшихся частей в высшей степени тяжелым.

При проведении контрнаступления в июне – июле 1920 г. красные также допустили ряд фатальных ошибок. Во-первых, торопимая сверху, контрнаступательная операция 13-й армии началась, будучи слабо подготовленной. Войска не успели должным образом сосредоточиться[65], а приданная ударной группе авиация (исследователь В. А. Савченко говорит о 9 самолетах[66]) не прибыла на фронт[67]. Во-вторых, запланированные активные действия на других участках, призванные сковать на себя главные силы Русской армии и не дать им перегруппироваться, по причине недостаточной готовности войск были проведены неудачно, что позволило белым сосредоточить против флангов прорвавшегося противника крупные соединения. В-третьих, действия командующего ударной группой комкора Д. П. Жлобы отличались парадоксальной медлительностью. В-четвертых, при продвижении вперед красные не сумели обеспечить фланги, неизменно пренебрегали боевым охранением, а ответные меры генерала Врангеля в силу плохо поставленной разведки ока-

---

[62] Слащов-Крымский Я. А. Белый Крым. 1920 г. М., 1990. С. 95.
[63] Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922): Сб. док. в 4 т. Т. 3. Апрель 1920 г. – 1922 г. М., 1974. С. 174–176.
[64] Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война 1918–1921. СПб, 2002. С. 570.
[65] Там же. С. 577, 580.
[66] Савченко В. А. Двенадцать войн за Украину. Харьков, 2006. С. 299.
[67] Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война 1918–1921. СПб, 2002. С. 579.

зались для них полнейшим сюрпризом. Тем самым, провальное исполнение хорошо задуманной операции привело красных к новому поражению. В свою очередь, умело разработанная и почти безукоризненно воплощенная операция белых по разгрому Жлобы, вполне заслуживает того, чтобы быть по достоинству оцененной специалистами по военному искусству[68].

Кроме того, на общем протяжении боевых действий в Северной Таврии руководство 13-й армии обнаруживало слабость в управлении взаимодействием отдельных соединений[69]. Эти ошибки в немалой степени были связаны со сменой командования: так, 23 мая (5 июня), за день до начала наступательной операции белых командующий 13-й армией И. Х. Паука был замещен Р. П. Эйдеманом[70]. Новый командарм до своего назначения руководил тылом Юго-Западного фронта, и времени узнать подчиненные ему части и качества их командиров у него не оставалось. Более того, обсуждение принципиальных решений (как, например, нанесение упреждающего удара по изготовившимся наступать врангелевцам) естественным путем откладывалось до ближайшего ознакомления Эйдемана с препорученной армией[71]. 27 июня (10 июля) 1920 г., вскоре после разгрома жлобинцев, Эйдеман был сменен И. П. Уборевичем. Подобная практика наблюдалась и уровнем ниже: так, знаменитый большевик П. Е. Дыбенко возглавлял 2-ю кавалерийскую дивизию из Сводного конного корпуса Жлобы около двух недель, будучи императивно назначен в самый канун контрнаступления и смещен сразу после его неудачи по ходатайству бойцов дивизии[72]. Разумеется, столь частая перетасовка, зачастую накануне решающих боев, несла в себе известные сложности и далеко не всегда благоприятно сказывалась на войсках.

Роль личности комкора Жлобы в катастрофическом провале контрнаступления РККА в Северной Таврии резонно рассмотреть пристальнее. Жлоба, которого допустимо было бы назвать тогда «второй шашкой» Советской Рос-

---

[68] Клавинг В. В. Гражданская война в России: Белые армии. М.; СПб., 2003. С. 305; Бортневский В. Г. Загадка смерти генерала Врангеля. СПб., 1996. С. 153–154.

[69] Коротков И. С. Разгром Врангеля: Оперативно-стратегический очерк. М., 1955. С. 65.

[70] История Гражданской войны в СССР: в 5 т. Т. 5. М., 1960. С. 118.

[71] Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922): Сб. док. в 4 т. Т. 3. Апрель 1920 г. – 1922 г. М., 1974. С. 172.

[72] Боевой путь блиновцев: История боев и походов 5 Ставропольской им. т. Блинова кавалерийской дивизии. 1919–1929 / под общ. ред. А. А. Масловского. [Ставрополь], 1930. С. 85, 87.

сии после Буденного[73], относился к тому распространенному типу кавалерийских начальников, в чьих действиях доходящая до крайности порывистость всецело преобладала над выдержкой[74]. Уверенность в нем граничила с самонадеянностью, следствием чего неминуемо становились беспечность и замешанная на пренебрежении недооценка противника[75]. Жлоба игнорировал серьезность положения, даже когда оно приобретало угрожающий характер. Из этого во многом проистекали допущенные им промахи, чья значимость оказалась фатально высокой для руководимой им группы. Со слов приданных корпусу летчиков, комкор Жлоба считал авиацию бесполезной обузой: «Когда по прибытии я доложил о готовности отряда, он вынул клинок наполовину из ножен и с усмешкой сказал: “Вот чем побеждают, а не вашей бензиновой вонью…”».[76]

В противоположность этому рубаке, Главнокомандующий Русской армией искал и нашел смелые новаторские решения в применении аэропланов и бронированных машин и их полевом взаимодействии с пехотой и конницей. Применение технических средств борьбы, практика использования которых при новом Главнокомандующем выигрышно отличалась от имевшей место в прошлом, внесло особый вклад в торжество белого оружия. К противодействию белой авиации, чей вклад в победу сложно переоценить, противник по большей части был совершенно не готов[77]. В продолжение июня 1920 г. летчики Русской армии совершили 250 вылетов, средней продолжительностью более 2,5 часов[78]. Отчасти именно превосходство врангелевской авиации способствовало замедлению продвижения ударной группы Жлобы, вынуждая

---

[73] В частности, именно кандидатура Д. П. Жлобы первоначально рассматривалась на высшую командную должность в создаваемой летом 1920 г. 2-й конной армии (Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922): Сб. док. в 4 т. Т. 3. Апрель 1920 г. – 1922 г. М., 1974. С. 203).

[74] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 184. Л. 22.

[75] Там же. Д. 344. Л. 14 об.; ГА РФ. Ф. Р-5895. Оп. 1. Д. 45. Л. 2-4; ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 184. Л. 22.

[76] Спатарель И. К. Против черного барона. М., 1967. С. 129–130.

[77] Каменев С. С. Записки о Гражданской войне и военном строительстве: избранные статьи. М., 1963. С. 111; Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война 1918–1921. СПб, 2002. С. 578–580; Круминь Я. Я. Наши бои на Южном фронте против Врангеля и Деникина // Латышские стрелки в борьбе за советскую власть в 1917–1920 годах. Воспоминания и документы. Рига, 1962. С. 366.

[78] ГА РФ. Ф. Р-6217. Оп. 1. Д. 23. Л. 18.

неприятеля искать укрытия и избегать дневных переходов[79]. Помимо ведения разведки и прямой поддержки сухопутных войск в ходе сражений, белые эскадрильи зачастую брали на себя преследование отступавших колонн противника, внося ужас и смятение в их ряды[80]. Как вспоминал впоследствии о бомбометаниях белой авиации один из ветеранов боев в Северной Таврии: «Подобный вид боя был нам совершенно незнаком… Этот вид атаки в то время применялся еще редко»[81]. Равным образом искусные действия танковых и автоброневых частей[82], а также бронепоездов[83] Русской армии в ходе крымской кампании отмечены обеими сторонами войны.

***

В ходе боев в Северной Таврии с 24 мая (6 июня) по 23 июня (6 июля) 1920 г. врангелевцам удалось не только избежать неудачи, но и добиться бесспорной военной победы, разгромив ряд соединений противника и с боями достигнув намеченных планами рубежей[84]. За этот месяц белым удалось добиться исполнения своей первой стратегической цели – полностью овладеть Таврией. Наряду с этим был купирован продовольственный кризис[85], устранен прежний недостаток снаряжения, решена проблема нехватки конского состава. Один из организаторов большевистского подполья в Крыму Л. П. Немченко (Павлов) открыто признавал, что «июньское наступление белых, несомненно,

---

[79] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 184. Л. 26; ГА РФ. Ф. Р-5895. Оп. 1. Д. 45. Л. 3.

[80] ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 12. Д. 495. Л. 48; ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 184. Л. 29; Стефановский П. А. Действия авиации Русской армии при разгроме корпуса Жлобы в 1920 году // Русская армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии. М., 2003. С. 611.

[81] Плаудис П. Я. На фронтах Гражданской войны // Латышские стрелки в борьбе за советскую власть в 1917–1920 годах. Воспоминания и документы. Рига, 1962. С. 395.

[82] Коломиец М. В. Танки в Гражданской войне. М., 2014. С. 73; Калнынь Я. П. Воспоминания о боях на Южном фронте // Латышские стрелки в борьбе за советскую власть в 1917–1920 годах. Воспоминания и документы. Рига, 1962. С. 362; Леонтьев А. М. Оборона Крыма // 50 лет верности России. 1917–1967. Париж, 1967. С. 255; Какурин Н. Е. Как сражалась Революция. Т. 2. М., 1990. С. 338.

[83] Власов А. А. О бронепоездах Добровольческой армии // Белые бронепоезда в Гражданской войне: сб. восп. М., 2007. С. 370.

[84] Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война 1918–1921. СПб, 2002. С. 583.

[85] Цветков В. Ж. Белые армии Юга России. 1917–1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). Кн. 1. М., 2000. С. 208; Лампе А. А. фон. Пути верных : сб. ст. Париж, 1960. С. 58.

в известной степени приостановило у них процесс разложения…»[86]. Таким образом, победоносный выход из Крыма стал закономерным плодом развития Русской армии и точкой высшего подъема на ее боевом пути.

Торжество, достигнутое в июне 1920 г. Русской армией, превысило всяческие ожидания: крымская «авантюра»[87] барона Врангеля, которой пророчили сойти на нет спустя несколько недель[88], оказалась на удивление жизнестойкой. Это заставило большевиков громко пожалеть о том, что они не покончили с Белым Югом еще зимой[89]. В противоположность прежней, доказавшей свою ошибочность практике, крымский фронт был признан Советской властью «имеющим огромное, вполне самостоятельное значение»[90]. Многочисленные полки Красной армии спешно стягивались на южный театр военных действий со всех, даже самых отдаленных концов страны[91]. Партия мобилизовала на него тысячи своих членов[92], параллельно всемерно ужесточая военную цензуру[93]. Провозглашенный вскоре большевиками лозунг «Все силы против Врангеля!»[94] опосредованно явился лучшей оценкой созидательным процессам в Крыму весной и в начале лета 1920 г. Одновременно он послужил признанием высоких качеств Русской армии, одержавшей выдающуюся победу на полях Северной Таврии, ставшую последним большим триумфом белого оружия.

---

[86] Цит. по: Крестьянников В. В. Белая контрразведка в Крыму в гражданскую войну // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Исторические науки. 2017. Т. 3. № 1. С. 50.

[87] Достовалов Е. И. О белых и белом терроре. М., 1995. С. 663; Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.): в 2 кн. Кн. 2. М.; Пенза, 1991. С. 83; Вишняк М. В. На родине // Современные записки. 1920. № 2. С. 276.

[88] Михайловский Г. Н. Записки : в 2 кн. Кн. 2. М., 1993. С. 444.

[89] Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война 1918–1921. СПб, 2002. С. 385; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 145.

[90] Ворошилов К. Е. Сталин и Красная армия. М., 1939. С. 26.

[91] Цветков В. Ж. Генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель // Белое движение. Исторические портреты: Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Врангель… М., 2006. С. 375.

[92] Из истории Гражданской войны в СССР. 1918–1922: Сб. док. и материалов в 3 т. Т. 3. Февраль 1920 – октябрь 1922. М., 1961. С. 221, 238; Коротков И. С. Разгром Врангеля: Оперативно-стратегический очерк. М., 1955. С. 94.

[93] Молчанов Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917 – 1920 гг.) М., 2002. С. 151.

[94] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 334, 358; Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.): в 2 кн. Кн. 2. М.; Пенза, 1991. С. 169. См. также письмо ЦК РКП(б) от 4 (17) июля 1920 г. всем парторганизациям о мобилизации сил на борьбу с Врангелем (Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922): Сб. док. в 4 т. Т. 3. Апрель 1920 г. – 1922 г. М., 1974. С. 219–220).

Ранее, лишь вступив в командование Вооруженными силами на Юге России, П. Н. Врангель категорически утверждал: «Даже при благоприятных условиях я не двинусь вперед, не приведя в полный порядок армию и тыл»[95]. Спустя два месяца титанических усилий наступление стало возможным: из множества разложившихся частей в удивительно короткий срок была наново создана небольшая, но боеспособная армия. Более управляемая[96] и организованная[97], нежели ее предшественница, она была готова к выполнению той задачи, что ей предназначалась. Это явление, в силу своей исключительности, нередко рассматривалось очевидцами как «чудо»[98]. Однако, по заключению свидетеля событий, «в том положении, в котором находилась Русская армия, генерал Врангель не мог проиграть ни одного сражения. Другими словами, всякий малейший неуспех… мог иметь для Крыма роковые последствия»[99].

Автор интересных воспоминаний офицер-кавалерист Ю. К. Мейер обнаружил занимательную аналогию между операциями Врангеля летом 1920 г. и зимней кампанией Наполеона в 1814 г. В обоих случаях победы прижатого к последнему пределу полководца над противником достигались не превосходством в силах, а блестящим замыслом и маневром[100]. В обоих же случаях за периодом выдающихся успехов силою вещей наступало время, когда бесконечно маневрировать и бить разобщенного противника по частям становилось невозможным. Тогда фатально закономерным финалом становилось неминуемое поражение, а с ним – гибель или изгнание. Схожим образом рассматривал крымскую эпопею и сугубо штатский ее свидетель профессор права Н. Н. Алексеев: «По существу дела, это была последняя ставка белого движения, в которой редко выигрывают и почти всегда погибают»[101].

---

[95] Цит. по: Оболенский В. А. Крым при Врангеле. М.; Л., 1928. С. 10.
[96] Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг. Ноябрь 1919 – ноябрь 1920. М., 1997. С. 57; Цветков В. Ж. Белые армии Юга России. 1917–1920 гг. (Комплектование, социальный состав Добровольческой армии, Вооруженных Сил Юга России, Русской армии). Кн. 1. М., 2000. С. 55.
[97] Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война 1918–1921. СПб, 2002. С. 582.
[98] Шульгин В. В. 1920 год: Очерки. София, 1921. С. 207–208; Оболенский В. А. Крым при Врангеле. М.; Л., 1928. С. 55.
[99] Немирович-Данченко Г. В. В Крыму при Врангеле. Факты и итоги. Берлин, 1922. С. 32.
[100] Мейер Ю. К. Последний кирасир // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1995. Т. VI. С. 629.
[101] Алексеев Н. Н. Из воспоминаний // Архив русской революции. М., 1993. Т. 17. С. 247.

Ретроспективно может видеться предначертанным, что генералу Врангелю не удалось преобразовать этот вдохновляющий оперативный успех в подлинно стратегическую победу. Наиболее высокопоставленный из сугубо военных визави барона Главнокомандующий вооруженными силами Республики С. С. Каменев, рассматривая поражение Красной армии в Северной Таврии как разгром «катастрофических размеров», тем не менее, заключал: «Врангель растрепал до последнего нашу 13-ю армию. И все же победа осталась… не за Врангелем. Победила та сторона, которой удалось суммировать свои удары, нанося таковые непрерывно и тем самым не позволив противнику залечить свои раны»[102]. Последнее белым оказалось не по плечу. Одинокий в своей обреченности Крым не был достаточно силен для того, чтобы вести войну собственными силами, не полагаясь ни на союзников, ни на ситуативных партнеров. Колоссальная несоразмерность масштабов белой и красной России предопределяла исход их смертельной схватки. Так и получилось, что, развив условия для продолжения антибольшевистской борьбы на юге России на неожиданно долгий для большинства современников срок, июньский успех небольшой, но воинственной Русской армии не имел реальной возможности стать переломным моментом Гражданской войны. Оттого этот последний из выдержанных белыми экзаменов на жизнеспособность остался в широкой памяти неощутимым штрихом на исторически масштабном полотне русского лихолетья.

[102] Каменев С. С. Операция // Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917–1940 гг.) М., 1965. С. 150.

В. Ф. Солдатенко

Феномен украинского повстанчества периода Гражданской войны: опыт изучения генеалогии

Революционная эпоха в России (1917–1920 гг.) пробудила к действию практически все социальные слои. Сущность и формы проявления их участия в общественной жизни, степень активности и уровня эффективности (влияния, результативности) были, естественно, различными. Сказывались и региональные, в том числе – национальные особенности, придавая важным векторам возникавших, развивавшихся движений своеобразия, имевшие немалые последствия и заслуживающие научного внимания при общем анализе реального исторического опыта.

Достаточно серьезными, во многом – специфическими оказались, в частности, отличия, конкретные цели и формы повстанческой борьбы в Украине. Среди других факторов, повлиявших на формирование феномена, в числе определяющих есть основания считать следующие.

В подавляющем большинстве – на 90 % – украинцы являлись крестьянской нацией[1]. И именно крестьянство было той питательной средой, из которой, начиная с легендарных казацких времен, войны и революции под руководством Б. Хмельницкого, отчаянных сражений, вошедших в историю под названием колиивщины (от слова «кол» – главного вооружения бунтарей), до массовых выступлений на Полтавщине и Харьковщине в начале XX века (в историографии встречаются мнения, что как раз эти восстания в 1902 г. положили начало революционной эпохе Великой Российской революции[2]), черпали силы протестно-освободительные повстанческие движения.

На социальную природу массовых устремлений накладывались национальные моменты, настроения противодействия имперскому национальному гнету, желания решить украинский вопрос, достичь этнического равенства, торжества справедливости. В большей мере это касалось интеллигентских слоев, довольно широкого сегмента школьного учительства, а также низшего офицерского

---

[1] Шаповал М. Велика революція і українська визвольна програма. Прага: «Вільна спілка», 1928. С. 14–15.

[2] Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 – 1917–1922 гг.: М., 1997. С. 20, 41–42.

состава армии, имевшего весьма высокий удельный вес в российских вооруженных силах, пользовавшихся авторитетом в крестьянских кругах.

Вместе с тем, к началу XX века структура общественного разделения труда, а с ней и состав населения на этнически украинских территориях претерпели немалые изменения. В ходе интенсивной индустриализации происходил быстрый рост рабочего класса. Донбасс, да и в значительной мере практически все промышленное левобережье становились средоточием полиэтнического по стихийному комплектованию пролетариата[3]. Волей обстоятельств ему придется также сыграть свою специфическую роль в партизанско-повстанческой борьбе.

Сравнительно быстро убедившись в возможностях, реальной силе повстанчества, политики разных лагерей, платформ, мировоззрений не только пытались придать желательную, выгодную для себя идейную направленность стихийно возникавшим формированиям, но и целенаправленно занимались их организацией, использованием в борьбе за власть.

Случалось, что одни и те же повстанческие формации, иногда довольно многочисленные, претерпевали серьезную эволюцию, меняли политические ориентации, переходили под влиянием обстоятельств, в частности, в результате воздействия тех или иных субъектов противоборства, из одного лагеря в другой. То есть, подобные процессы совершались как спонтанно, стихийно, так и являлись результатом расчетливых усилий тех или иных субъектов революционного процесса, Гражданской войны.

По-разному рассматривались и реализовывались планы трансформации самодеятельных, по сути дела, воинских единиц и объединений в регулярные армейские части тех или иных государственных образований.

Несомненным остается и факт выдвижения на передний план, исполнения решающей роли определенных повстанческих сил на отдельных этапах социальных и национальных сражений в достижении не только локальных, но и общенациональных целей. Калейдоскопичность украинского повстанчества (одна из определяющих его особенностей) во многом зависела от частой переменчивости политико-правовых режимов, властей, на что оказался столь богатым регион в революционную эпоху.

---

[3] Економічна історія України: Історико-економічне дослідження: в 2 т. К.: 2011. Т. 1. С. 601–652; Т. 2. С. 11–63.

Естественно, феномена украинского повстанчества (речь не только об этнической характеристике, а больше о территориальной), так или иначе, касаются практически все авторы, исследующие эпоху 1917–1920 гг., довольно обширен и круг специальных публикаций[4].

Вполне справедливо в новейшем московском энциклопедическом издании феномен украинского повстанчества выделен в специальную пространную статью и даже наименован «повстанческим движением на землях Украины»[5]. Ее развивают и конкретизируют отдельные материалы о самых известных органах руководства повстанческой борьбой – «Всеукраинское бюро для руководства повстанческой борьбой против германских оккупантов», «Всеукраинский Центральный военно-революционный комитет», «Революционный военный совет повстанческих советских войск Левобережной Украины», «Галицийский революционный комитет», а также о наиболее масштабных повстанческих выступлениях – Баштанская республика, Звенигородско-Таращанское, Нежинское, Дрогобычское, Хотинское восстания, «Григорьевщина», «Махновщина» и об их руководителях – Н. Г. Крапивнянском, А. Я. Пархоменко, Н. А. Григорьеве, Н. И. Махно и других[6].

---

[4] См., напр.: Белан Ю. А. Отечественная война украинского народа против немецких оккупантов в 1918 г. К.: Изд-во Киевского университета, 1960. 330 с.; Тичина В. Є. Боротьба проти німецьких окупантів і внутрішньої контрреволюції на Україні. Харків: Вид-во Харківського у-ту, 1969. 284 с.; Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях. М.: РОССПЭН, 1997. 199 с.; Захарченко П. П. Селянська війна в Україні: рік 1918. К.: ЗАТ «Нічлава», 1997. 188 с.; Захарченко П. П., Земзюлина Н. І., Нестеров О. В. У поході за волею (селянсько-повстанський рух на Правобережній Україні у 1919 році). К.: ЗАТ «Нічлава», 2000. 176 с.; Савченко В. А. Двенадцать войн за Украину. Харьков: Фолио, 2006. …с.; Лозовий В. Аграрна революція в Наддніпрянській Україні. Ставлення селянства до влади в добу Центральної Ради (березень 1917 – квітень 1918 р.). Кам'янець-Подільський 2008. ….с.; Лободаєв В. Революційна стихія. Вільнокозачий рух в Україні 1917–1918 рр. К.: Темпора, 2010. 671 с.; Алешкин П. Ф., Васильев Ю. А. Крестьянские восстания в России в 1918–1922 гг. От махновщины до антоновщины. М.: 2012. 400 с.; Архірейський Д. В. Махновська веремія. Тернистий шлях Революційної повстанської армії України (махновці) 1918–1921 рр. К.:Темпора, 2015. 296 с.; Бондаренко В. Г. Український вільнокозацький рух в Україні та на еміграції (1919–1993 рр.). Запоріжжя, 2016. 600 с.; Війна з державою чи за державу? Селянський повстанський рух в Україні 1917–1921 років. Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2017. 400 с.

[5] Веденеев Д. В. Повстанческое движение на землях Украины (1918–22) // Россия в гражданской войне 1918–1922: Энциклопедия: в 3 т. М.: Политическая энциклопедия, 2021. Т. 2. С. 781–783.

[6] Там же. Т. 1. 2020. С. 195, 458, 589–590, 717, 812; Т. 2. 2021. С. 579–580, 703; Т. 3. 2021. С. 603.

Вместе с тем, в историографии наблюдается много разноречивых истолкований, интерпретаций непростого явления. Нередко повстанчество как бы «рвут на части» в зависимости от системы избираемых приоритетов, симпатий и целевой заданности. С помощью односторонних, предвзятых подходов участников вооруженных добровольных формаций произвольно зачисляют в приверженцев тех или иных ориентаций (последние тоже зачастую избираются по «вкусовому» принципу), внося искажения в воссоздаваемые эпизоды и обобщенные исторические картины.

Все вместе сказанное и предопределяет необходимость дополнительного обращения к проблеме. При этом первостепенной, наверное – во многом ключевой задачей – остается предметно-хронологическое, конкретно-историческое, строго поэтапное отслеживание обусловленности появления тех или иных повстанческих проявлений, их организационного развития, ориентационной политической эволюции, установление степени участия в тех или иных событиях, объективная оценка итогов деятельности. Иными словами, речь идет о создании своеобразной генеалогии развития каждого отдельного образования (или хотя бы ее контурах), а еще желательнее – их систематизации в групповые (корпоративные) направления. Следует учитывать, что при определенной, часто «ртутеобразной» текучести повстанческих проявлений более или менее их четкую, точную, жесткую типологизацию провести не представляется возможным.

Пожалуй, единственной попыткой как-то систематизировать повстанческое движение явилась упомянутая коллективная монография «Війна з державою чи за державу?». Ряд ее авторов (Д. Архирейский, В. Лободаев, М. Ковальчук, Ю. Митрофаненко) довольно продуктивно разрабатывают отдельные направления повстанческого движения. Однако вместе с другими историками они больше механически соединили в некую целость отдельные очерки-сюжеты. Поэтому и признать удачной, убедительной предложенную суммарную схему вряд ли возможно (конечно, в обозначенном ракурсе).

Не удалось выработать четкую структуру исследования: одни ее слагаемые выполнены в проблемном ключе, другие – в хронологическом, третьи – в региональном. Естественно, сформировать приближающийся к универсальному подход, предполагающий научную типологизацию явления, практически нельзя.

Кроме того, историки ограничили предмет изучения исключительно крестьянским сегментом, что, безусловно, привело к искусственному сужению представлений о круге участников, масштабах движения.

Представляются проблематичными хронологические рамки изучаемого объекта – 1917–1923 гг., точнее ее верхней временной грани. Кроме того, авторы сочли целесообразным селективно вычленить из многообразных проявлений повстанчества, начиная с 1919 года, антисоветские крестьянские выступления и остановиться только на них. Думается, что тут ситуацию усугубляет предваряющий коллективный труд материал (предисловие) доктора исторических наук В. Ф. Верстюка «Повстанческое движение – примечательная черта Украинской революции»[7].

Считая досужими вымыслами представления о социальном размежевании в крестьянской среде, заведующий отделом истории Украинской революции Института истории НАН Украины стремится доказать, в частности, «что «кулак» – это жупел, придуманный коммунистической пропагандой, чтобы преследовать наиболее работающих крестьян, а «кулацкая (куркульская) контрреволюция» – это вызванная агрессией защита частной собственности, результатов своего труда, а также семьи и граждан от чужеземного вторжения»[8] (это о русских большевиках).

С другой стороны, В. Ф. Верстюк настаивает на том, что «по убеждению В. Ленина, мелкая буржуазия (читай: зажиточное крестьянство [т. е., все же получается невыдуманные “кулаки”. – *В. С.*]) и ремесленники были самым опасным врагом советской власти и диктатуры пролетариата»[9].

Рассуждая дальше, автор как бы признает, что кроме коммунистов «был у крестьянина (уже как “единого целого”[10], т. е. и бедняков и середняков. – *В. С.*) еще один враг, который делал его ситуативным союзником большевиков. Это был помещик – мощный конкурент на аграрном рынке. …Крестьяне в своей массе были не против избавления от конкурента (! – *В. С.*) в революционной круговерти. Тут их путь время от времени совпадал с большевистским, но вне борьбы с помещиками решительно расходился»[11].

---

[7] Війна з державою чи за державу? С. 4–14.
[8] Там же. С. 7.
[9] Там же. С. 5.
[10] Там же. С. 7.
[11] Там же. С. 5.

Потому выступления крестьян против помещиков в 1917 г. квалифицируются «спонтанными выбросами деструктивной энергии»[12].

Есть претензии и к Директории, которая возглавила антигетманское восстание и «бравшая под свои знамена всех желающих, кому гетманская власть казалась (? – *В. С.*) антинародной»[13]. Встает вопрос о тех крестьянах, которые вынуждены были браться за оружие для борьбы с оккупационно-гетманским режимом, потому что считали его на собственном горьком опыте антинародным. Отнюдь это им не казалось.

Вряд ли приведенные сентенции способствуют прояснению природы повстанчества, ведя к снижению уровня издания.

Думается, более обстоятельного и глубокого исследования заслуживает феномен атаманщины, который в монографии рассматривается под углом зрения негативных проявлений, имманентных повстанческому движению. Атаманщина не ограничивалась сферой военного строительства, а стала в 1919–1920 гг. реальной моделью государственного управления в УНР в целом. Этот тезис автор данного материала не один раз обнародовал в специальных публикациях[14].

Отмеченное актуализирует потребность генеалогической типологизации действительно непростого, многопланового исторического явления, которым стало повстанчество.

Естественно, превентивно следует оговорить, какой смысл и содержание вкладываются в понятия, которыми целесообразно и допустимо оперировать для научного постижения непростого явления. Думается, преодолению существующего разнобоя в подходах важно выделить (вычленить), что априори непросто (и абсолютного результата в такой искусственной «операции» быть не может) из общереволюционных процессов те направления и формы, которые, с одной стороны, имеют определенную степень организованности (объединение в боевые с различной численностью единицы), «милитаризованно-

---

[12] Війна з державою чи за державу? С. 11.
[13] Там же. С. 13.
[14] Солдатенко В. Ф. Режим отаманщини в УНР 1919 р.: витоки, сутність, наслідки // Гілея: Науковий вісник. Збірник наукових праць. К.: Вид-во «Гілея», 2016. Вип. 113 (10). С. 46–60; Его же. Режим атаманщины в Украинской Народной Республике (1919–1920) // Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922. Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 10–13 июня 2019). СПб: Нестор-История. 2020. С. 381–393.

сти» (хотя бы оснащенности соответствующим эпохе вооружением) и не только не подчиняющихся существующему государственному режиму, но и оппозиционным, объективно враждебным силам.

В разряд повстанческих есть основания отнести и те инициативные вооруженные образования, которые руководствовались корпоративными интересами и вынуждены были прибегать к самодеятельным, в основном защитным, мерам из-за неспособности властей обеспечить защиту их интересов, даже жизни.

Вряд ли можно рассчитывать на консенсус в вопросе об однозначной квалификации такого революционного феномена, как Красная гвардия. Ее отряды формировались явочным порядком, невзирая на отсутствие какой-либо разрешительной юридической базы, преимущественно из рабочих, для защиты интересов, в первую очередь, пролетариата. Они оказались на переднем крае борьбы за установление советской власти в ряде городов Украины – Киеве, Харькове, Екатеринославе, Одессе, Виннице, во многих населенных пунктах Донбасса. В ряде мест началось создание отрядов Красной гвардии из крестьян. То есть это была реальная сила классового противоборства, получившая в период триумфального шествия Советской власти легитимность революционной. Однако с принятием решений властями Советской Украины и Советской России уже в начале 1918 г. о создании Красной армии Украины и России формирования красногвардейцев вливались в ряды регулярных армий, становились элементами – составляющими военного строительства советской политической системы.

Особый разговор о партизанских формациях, организовывавшихся во вражеском тылу на таких этапах Гражданской войны и иностранных военных интервенций, когда они являлись органическими слагаемыми борьбы, предопределяемой стратегией и тактикой вооруженных сил сражавшихся государственных образований.

С учетом вышеозначенного, в определенной мере стараясь выдерживать хронологическую последовательность в рассмотрении возникавших и функционировавших повстанческих образований, можно следующим образом представить их историческую генеалогию, отражающую главные метаморфозы изменений соответственно политическим предпочтениям и устремлениям.

***

Зарождение повстанческого движения было процессом неоднозначным и неодномоментным. Пожалуй, первые его шаги, которые, наверное, точнее считать организационно-материальными предпосылками, можно обнаружить на Черкащине. Мотивируясь потребностями самообороны, охраны собственных хозяйств от посягательств антиобщественных элементов в условиях возникшей нестабильности, слабости власти, крестьянство региона пришло к необходимости явочным путем создавать собственные вооруженные отряды. Они получили название «Вольное казачество».

Первый такой отряд возник по инициативе крестьянина села Гусаково Звенигородского уезда Киевской губернии Н. П. Смоктия еще в марте 1917 г. с целью «охраны порядка и добытой воли»[15]. Он формировался из крестьян старшего возраста (молодежь в основном была призвана в армию). Начинание было поддержано в других уездах Киевщины, быстро перебросилась на Черниговщину и Екатеринославщину[16]. В апреле состоялся вольноказачий съезд, избравший кошевым атаманом крестьянина С. Грызла. Летом в самодеятельные отряды уже входили тысячи человек, а осенью – десятки тысяч. 3–7 октября 1917 г. в Чигирине, давней столице Б. Хмельницкого, состоялся съезд «Вольных казачества». 200 делегатов представляли 60 тыс. вооруженных добровольцев Киевщины, Черниговщины, Полтавщины, Екатеринославщины, Херсонщины и Кубани[17]. Движению решили придать общенациональный характер. Был избран руководящий орган – Генеральная Рада в составе 12 лиц, которая должна была находиться в Белой Церкви (Киевщина). Почетным атаманом «дал согласие быть» генерал П. Скоропадский – командующий Первым украинизированным корпусом[18].

В историографии появляются и сведения о том, что атаманом был избран П. Скоропадский. А звание «почетного атамана» «присвоили М. Грушевско-

---

[15] Петриченко К. Феномен українського повстанства (березень 1917 – серпень 1919 рр.) // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень. Вип. 39. К.: ІПіЕНД, 2008. С. 205.

[16] Дорошенко Д. І. Історія України. 1917–1923. Т. 1. Ужгород: Накладом О. Цюпка, 1932. С. 77–78.

[17] Нова Рада. 1917. 15 жовтня.

[18] Там же. 14 жовтня.

му»[19]. Возникший дуализм (двойственность) являлся не неспособностью справиться с путаной «революционной бутафорией», а отражал довольно серьезные противоречия между различными полюсами: консерватизмом аристократа, земельного магната, генерала и стремившимся к народовластию главой Центральной Рады. К первому полюсу тянулись зажиточные крестьяне, а ко второму – бедняки.

Центральная Рада, очевидно, хорошо понимая реальную обстановку в самодеятельном, парамилитарном движении, сели не с подозрением, то, во всяком случае, с осторожностью отнеслась к движению Вольного казачества. На изменение позиции в определенной мере повлияло ее усугубляющееся военное положение. С каждым днем становилось все более очевидным, что доверенная С. Петлюре украинизация армии катастрофически проваливается. Только тогда Центральная рада решила пойти на легализацию Вольного казачества, удовлетворение его требований о включении формирований в государственные структуры в роли военизированной милиции и содержание на бюджетные средства. Генеральный секретариат 18 декабря 1917 г. придал Вольным казакам официальный статус и подчинил не секретариату военных дел, а секретариату внутренних дел[20].

К этому моменту возникла идея воспользоваться названием (казаки – от Запорожской сечи, вольные – от революции) для формирования парамилитарных образований из рабочих, преимущественно – молодежи. В Киеве ими энергично занимался инженер М. Ковенко, привлекая к отрядам добровольцев рабочую молодежь. В начале декабря С. Петлюра, по согласованию с советом «Вольного казачества», приказал провести мобилизацию вольных казаков для создания гарнизонов в городах и наиболее важных железнодорожных станциях.

17 декабря в Киеве на Софийской площади состоялся парад «Вольного казачества», в котором принимали участие 16 куреней: 3 Подольских, по 2 – Шулявских, Лукьяновских и Святошинских, а также курени – Байковский,

---

[19] Бойцун М. Робітничий рух і національне питання в Україні: 1880. К.: Rosa Luxemburg Stiftung в Україні, ФОП Маслаков, 2020. С. 401.

[20] Солдатенко В. Ф., Хало Л. Т. Військовий чинник у боротьбі за політичну владу в Україні в 1917–1918 рр. К.: ПП: Позднышев. С. 157–160.

Демеевский, Печерский, Арсенальный, завода Гретера и Криванека, вокзалов Киев-I и Киев-II[21].

Однако в организации «Вольного казачества» было больше недостатков, чем плодотворной, целенаправленной работы. Красноречивым является факт, о котором упоминает черкасский полковой атаман «Вольного казачества» Я. Водяной. Сам атаман «Вольного казачества» П. Скоропадский в декабре 1917 г. «признался мне искренне, что он до сих пор не интересовался этим делом, несмотря на то, что избран атаманом "Вольного казачества", а теперь, когда увидел полную деморализацию фронта, которой начали уже подвергаться и украинизированные части, он хотел бы поближе ознакомиться с системой организации "Вольного казачества" и полностью отдаться его делу»[22].

Наконец, в начале января 1918 г., Генеральный Секретариат постановил передать «Вольное казачество» под руководство секретариата воинских дел и создать Вольное реестровое казачество на государственном обеспечении. Каждый уезд должен был назначить две сотни – конную и пешую, которые бы боролись с мятежами и анархией[23].

Правда, эта информация расходится с данными, которые приводятся в двухтомнике «История украинского казачества», где, собственно, с использованием в основном упомянутых выше источников, говорится об «участии вольноказачьих отрядов зимой 1917–1918 гг. в борьбе с большевистской агрессией по всей территории Украины»[24]. Очевидно, здесь необходимы дополнительные усилия, прежде всего, на регионально-краеведческом срезе, и учет того, что «Вольное казачество» было специфической формацией, способной на, условно говоря, «пульсирующее» функционирование – то быстрое увеличение рядов, то «замирание» на время. Конечно, последнее предопределялось конкретно-историческими обстоятельствами, что в свою очередь требует и предельной четкости в квалификации существования феномена, когда обобщения по более или менее длительному периоду просто невозможны.

---

[21] 1917 год на Киевщине. Хроника событий. Харьков, 1928. С. 452; Дорошенко Д. Історія України. 1917–1923 рр. Т. I. С. 372.

[22] Водяний Я. Виступ Вільного Козацтва проти москалів на ст. Вінниці (Уривок із спогадів) // За державність (Каліш). 1935. Зб. 5. С. 20, 205.

[23] Дорошенко Д. Історія України. 1917–1923 рр. Т. 1. С. 372.

[24] Історія українського козацтва. Нариси у двох томах. Т. II. К., 2007. С. 457–458.

Остается фактом, что и на данном направлении не удалось достичь сколько-нибудь ощутимых сдвигов. Так, оказавшись в середине января 1918 г. в положении «генерала без армии», П. Скоропадский отбыл сначала в Белую Церковь, а затем на Звенигородщину, где пытался собрать вольных казаков для борьбы с большевиками, но не смог ничего сделать и ни с чем вернулся в Киев.

В «арсенале» же городских формирований Вольного казачества, в частности, в Киеве, весьма неоднозначные действия. Среди них – арест и варварское убийство председателя местного ВРК Л. Пятакова, от чего пытались отгородиться Центральная Рада, Генеральный секретариат[25].

Это и нагнетание напряжения в столице с первых же дней нового, 1918 года. Начиная с 4 января на протяжении недели вольноказачьи отряды совершили террористические «наскоки» на 27 промышленных объектов Киева, в частности – на заводы «Арсенал», Гретера и Криванска, судостроительную верфь, завод боеприпасов на Демеевке, железнодорожные мастерские и др. «Рейды» совершались преимущественно ночью, казаки уничтожали технику и перерезали электропроводку. Совершались допросы рабочих, составлялись списки «подозрительных». Было арестовано более 200 рабочих и заключено в Лукьяновскую тюрьму и Косой капонир. 40 из них жестоко избили. Было захвачено помещение газеты Киевского Совета рабочих депутатов «Пролетарская мысль», издание закрыто. Были разгромлены Советы профсоюзов и фабзавкомов[26]. Отряды вольных казаков активно использовались для подавления январского восстания в Киеве – на «Арсенале» и в других районах города[27].

В сельской местности вольноказачье движение резко сократилось. Однако оккупация Украины австро-германскими войсками вызвала естественное стихийное сопротивление народных низов. Масштабным всплеском противодействия оккупационно-гетманскому, грабительскому и террористическому режиму стало восстание, зародившееся в начале июня на Звенигородщине – в «казацком районе». Его население, очевидно, больше других оказалось внутренне готовым на массовый порыв[28], зажегший желание сражаться против произвола и насилия среди ближайших соседей – в Таращанском уезде. Геро-

[25] Машкевич С. Киев 1917–1920. Прощание с империей. Харьков: Фолио. С. 301–313.
[26] Бойцун М. Робітничий рух і національне питання в Україні. С. 404.
[27] Там же. С. 415–424.
[28] См.: Жук А. Вільне козацтво // Український скиталець. 1923. 15 жовтня; Доценко О. Історія Звенигородського Коша Вільного Козацтва // Календар «Червоної калини». 1933. С. 94.

ическая и кровавая история Звенигородско-Таращанского восстания основательно изучена и предметно освещена во множестве публикаций[29].

Тридцатитысячная крестьянская масса, оснастившаяся не только стрелковым оружием, но даже трофейными артиллерийскими батареями и бронемашинами, на протяжении двух месяцев не давала возможности хорошо отмобилизованным кайзеровским войскам и гетманской варте (охране) отвоевать значительный регион, перешедший под контроль восставших. Больше того, пламя борьбы перебросилось на Васильковский, Уманский, Каневский и Черкасский уезды. Заполыхала практически вся Украина, давая основания и для современников (гетманский министр Д. Дорошенко[30]) и нынешних исследователей (П. Захарченко[31]) считать ситуации «крестьянской войной», настоящей «украинской Вандеей»[32].

Немецкий и австрийский послы в Украине А. фон Мумм и И. Форгач в панике просили Берлин и Вену прислать дополнительные дивизии для умиротворения украинского крестьянства[33]. А командующий немецкими войсками в Украине генерал-фельдмаршал Эйхгорн считал, что в повстанческие ряды влилось 10–12 % украинских крестьян, то есть более 2,5 млн[34].

Надо иметь в виду, что влияния политических сил на крестьянство в этот период практически не было. Ведущие украинские партии – УПРС, УСДРП, УПСФ – взяли на себя ответственность за «приглашение» немцев и австрийцев на родную землю. Российские партии, кроме кадетов, вошедших в гетманское правительство, вообще утратили влияние в регионе. Большевики, объявленные

---

[29] Супруненко Н. И. Очерки истории гражданской войны и иностранной интервенции на Украине (1918–1920). М.: Наука, 1966. С. 62–67; Тичина В. Є. Боротьба проти німецьких окупантів і внутрішньої контрреволюції на Україні в 1918 році. С. 64–68; Солдатенко В. Ф. Звенигородско-Таращанское восстание // Россия в Гражданской войне 1918–1922: Энциклопедия. Т. 1. С. 812.

[30] Дорошенко Д. Історія України. 1917–1923 рр. Т. ІІ. Ужгород: Наакладом О. Цюпка, 1930. С. 269–272; Его же. Мої спомини про недавнє минуле (1914–1920 роки). К.: Темпора, 2007. С. 327.

[31] Захарченко П. Селянська війна в Україні: рік 1918. С. 68–80.

[32] Гражданская война на Украине. 1918–1920. Сб. документов и материалов в трех томах, четырех книгах. Т. 1. Кн. 1. Освободительная война украинского народа против немецко-австрийских оккупантов. Разгром буржуазно-националистической Директории. К.: Наукова думка, 1967. С. 206–207, 209–210, 218, 222–223 и др.

[33] Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году. М.: ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, 1942. С. 144, 145, 148–151 и др.

[34] Центральный государственный архив высших органов власти и управления (ЦГАВО) Украины. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 120. Л. 143.

вне закона и почти поголовно эвакуировавшиеся с территории Украины, были связаны условиями Брестского мира, обязательством признать имеющееся на этнической территории правительство и не вести против него борьбы.

Но именно местные большевики, оценивая охвативший Украину пожар классовых сражений и с болью наблюдая, как потопают в крови украинские крестьяне в борьбе за свою землю, хлеб и свободу, первыми по достоинству оценили потенциал повстанчества. Можно сказать даже, что они переоценивали развитие ситуации, считая, что именно сюда, в Украину, в условиях достигающих крайних значений противоречий, остроты противоборства перемещается центр не только общероссийского, но и общеевропейского революционного процесса. Сама собою напрашивалась идея – надо возглавить повстанческую борьбу (даже вопреки Москве, ЦК РКП(б)), сплотить народное движение, направить его к единой цели и тогда можно рассчитывать на победу[35]. Логичным выглядело и решение создать самостоятельную Компартию Украины, действия которой не возлагали бы ответственности за действия местных большевиков на РКП(б). Кроме того, в соответствие приводились бы представления (каноны) партийного и государственного строительства – Украина, согласно решениям Центральной Рады, гетманата и II Всеукраинского союза Советов была официально объявлена независимым, суверенным государством.

Учредительный съезд большевистских организаций Украины (5–12 июля 1918 г.) не только провозгласил создание Коммунистической партии (большевиков) Украины (со статусом областной организации РКП(б)), но и взял курс на общеукраинское вооруженное восстание, создав с этой целью его руководящий орган – Центральный военно-революционный комитет Украины (Всеукрревком)[36].

Начатое по призыву последнего вооруженное восстание на Черниговщине (исходной точкой стали Нежинские леса[37]) быстро охватило практически всю губернию и перебросилось на соседнюю Полтавщину, включив в свои ряды 7 тыс. человек. В движение пришли и крестьяне других регионов. Ле-

---

[35] См.: Солдатенко В. Ф. Георгий Пятаков: оппонент Ленина, соперник Сталина. М.: РОССПЭН, 2017. С. 171–198.

[36] Солдатенко В. Ф. Деміурги революції: Нарис партійної історії України 1917–1920 рр. К.: Наукова думка, 2017. С. 422–441.

[37] См. Его же. Нежинское восстание // Россия в Гражданской войне. 1918–1922. Энциклопедия. Т. 2. С. 579–580.

том - осенью 1918 г. в Украине было создано более 190 локальных революционных комитетов и около 180 партизанских и повстанческих отрядов и соединений[38]. Однако явный перевес оставался на стороне оккупантов. Против повстанцев и партизан было направлено 6 немецких корпусов (19 дивизий и 2 кавалерийские бригады), а также 3 австро-венгерских корпуса (9 дивизий)[39]. Исход противоборства был предрешен.

Постигшее большевиков и повстанцев поражение не прошло даром. Часть черниговских партизан отступила на север области, где, по условиям Брестского мирного договора, существовала «нейтральная зона», примыкавшая к территории Советской России. Почти двумя месяцами ранее сюда прибыли непокоренные пять тысяч участников Звенигородско-Таращанского восстания. Они и составили два первых полка, развернутых вскоре в дивизии – Таращанскую и Богунскую – во главе с В. Боженко и Н. Щорсом. Эти формирования стали основой для «обрастания» другими отрядами, организации и открытия Украинского фронта.

Так случилось, что в конце 1918 г. Советская Россия, попадая в кольцо вражеских фронтов, физически не могла оказать существенной помощи революционным силам Украины в восстановлении Советской власти. Главной вооруженной опорой в борьбе против Директории, изгнавшей в результате восстания гетманщину и восстановившей Украинскую Народную республику, стали повстанческие формирования, ориентированные на большевиков. Опыт 1918 г. обусловил тяготение крестьянства именно к большевикам. А те, в свою очередь, извлекая уроки из событий того же года, как бы продолжили ориентацию на повстанчество, что принесло желаемую победу.

Надо признать, что представления о том, какой была главная сила, решавшая исход борьбы за власть в Украине в начале 1919 г., было однозначным. Так, глава Директории УНР В. К. Винниченко совершенно определенно констатировал «…1 февраля повстанческие украинские войска (подчеркнуто мною. – *В. С.*), поддержанные российскими войсками, были уже под Киевом»[40].

С тем, что именно благодаря повстанческим украинским отрядам, руководимым КП(б)У, возрождалась Советская власть в Украине должны были

---

[38] Український історичний журнал. 1990. № 12. С. 42.
[39] ЦГАВО Украины. Ф. 1077. Оп. 1. Д. 43. Л. 51–52.
[40] Винниченко В. Відродження нації (Історія української революції [марець 1917 р. – грудень 1919 р.]). К.-Відень, 1920. Ч. III. С. 230.

согласиться и в Москве. Как известно, ЦК РКП(б), В. И. Ленин побаивались, что решительные действия на украинском направлении могут вызвать обострение отношений с Антантой, войска которой заменяли ретировавшихся с Украины австро-немецких оккупантов. Потому пытались сдерживать даже первые две украинские дивизии под командованием В. Боженко и Н. Щорса от активных военных действий на собственной Родине. Предложенная тогда тактика воплощалась в лозунге «Путь на Киев лежит через Ростов».

Левые силы в КП(б)У, олицетворяемые, прежде всего, Г. Л. Пятаковым и А. С. Бубновым, проявили «недисциплинированность», «непослушание» и развернули интенсивную работу по мобилизации повстанческих сил на борьбу за власть Советов. Результаты довольно быстро оказались удивительными. На VIII съезде РКП(б) об этом говорил К. Е. Ворошилов. А В. И. Ленин, во время закрытого заседания съезда, посвященного проблемам военного строительства 21 марта 1919 г., сделал для себя весьма красноречивую запись-признание: «Ворошилов: Украина занята без в[оен]спецов, вопреки им, повстанцами (+Пят[аков] +Буб[нов])»[41]. Слова в записи выделены В. И. Лениным.

Один из руководящих партийно-советских работников В. П. Затонский так охарактеризовал интересный феномен: «… В общем и целом, мы оказались правы, создавая всеукраинское объединение и ведя работу в направлении поддержки революционного повстанчества. Факты показывают, что мы правильно учли историческую и политическую обстановку 1918 года, так как Советская власть пришла на Украину не с регулярной Красной армией, а с партизанскими отрядами крестьянских революционеров, которые, правда, частенько превращались в банды…, но и тогда в конце 1918 и в начале 1919 годов дали нам победу и над гетманом и над Петлюрой и сами, в большинстве своем, мало-помалу превратились в регулярные войска (червоный корпус, таращанцы, богунцы и прочие представители знаменитой нейтральной зоны)»[42].

Продолжая рассуждать в обозначенном логическом ключе, не лишне заострить внимание на том, что «левые» – действительно решили крупную стратегическую задачу. Они эффективно использовали накопившуюся революционную энергию масс для быстрого восстановления Советской власти на

---

[41] В. И. Ленин. Неизвестные документы 1891–1922 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 1999. С. 278.
[42] Затонский В. П. Как была основана КП(б)У // Коммунист (Харьков). 1921. 7 ноября.

огромных территориях Украины без отвлечения с других (российских) фронтов сколько-нибудь значительных сил Красной армии. За счет комплектования украинскими добровольцами (повстанцами), оснащаемых в основном трофейным вооружением, войска Украинского фронта к 15 февраля 1919 года имели 43 600 штыков, 3520 сабель, 124 орудий и 606 пулеметов[43].

К весне 1919 г. Левобережье, Причерноморье и большая часть Правобережья снова стали советскими[44]. И сделано это было в первую очередь благодаря повстанческим силам. Если «пунктирно» обозначить генеалогию воссозданного направления повстанчества, то в основном она может быть сведена к следующему: отряды «Вольного казачества» 1917 г. – крестьянские восстания против оккупационно-гетманского режима – ориентированные на советскую власть повстанцы, ставшие основой формирования регулярных частей Красной армии, обеспечивших восстановление Советской власти в Украине в начале 1919 г.

Конечно, обозначенное, воспроизведенное направление (поток) повстанческого движения не было обособленным, отделенным от других реально существовавших, отчасти не только параллельно, но и в переплетении с ним другим феноменом, вырастившим из тех же корней, но развившемся в отличающееся проявление крестьянской борьбы. Из того же вольноказаческого начала произросла ветвь восставших с весны – лета 1918 г. движений, которые осенью того же года встали под знамена Директории, еще конкретнее – С. В. Петлюры, и буквально «снесли» с лица земли гетманат. Таким образом, графически можно представить раздвоение крестьянского протестного процесса: «пробольшевистское» и «продиректорианское» (конечно, названия условные).

***

Хронологически вторым, если за точку отсчета брать зарождение явления, феноменом повстанчества была махновщина. По времени активного действия ее существование явилось наиболее продолжительным. По вовлечению, охвату участников в отдельные моменты, и не один раз, махновское движение превосходило другие направления повстанчества. Действуя почти исключительно в пределах Украины, оно никогда не окрашивалось в четко выраженные этни-

---

[43] См.: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922): Сб. документов. М., 1978. Т. 4. С. 55.

[44] Солдатенко В. Ф. Гражданская война в Украине. 1917–1920 годы. М.: «Новый хронограф», 2012. С. 281–284.

ческие тона, хотя, безусловно, они в определенной степени в нем присутствовали. Непросто «уловить», квалифицировать и идейно-политические ориентации, устремления махновщины. Нестабильной, «пульсирующей» представляется ее роль в событиях разных периодов Гражданской войны.

Наверное, все вместе порождает как немалые сложности в постижении, оценке феномена, так и особый интерес исследователей, писателей, кинематографистов. Можно смело утверждать, что Н. И. Махно и возглавляемому им движению посвящена поистине гигантская литература, обобщенные наработки и выводы которой отражают ряд изданий нового времени[45].

Имя движению дал Н. И. Махно, уроженец зажиточного села Гуляй-Поле на Екатеринославщине. Восприняв примитивный анархизм (грабежи) за свой идеал, энергичный, неугомонный юноша в 1908 г. был арестован, а через полтора года по делу гуляйпольских анархистов осужден на смертную казнь через повешение, замененную, как несовершеннолетнему, на пожизненную каторгу. До начала марта 1917 г. Н. Махно, закованный в кандалы, провел в московской тюрьме «Бутырки», попав под влияние видного анархиста П. Аршинова.

После освобождения он вернулся «героем» в Гуляй-Поле, быстро завоевал авторитет в крестьянской среде и среди рабочих. В августе 1917 г. он возглавил местный Совет рабочих и крестьянских депутатов, был избран председателем союза деревообработчиков и металлистов. Из анархистски настроенных элементов он создал «черную гвардию», которая террористическими методами подчинила себе весь район. Местные помещики предпочли спасать свои жизни бегством, а Н. Махно, проведя учет их земель, разделил их уже в сентябре 1917 г. между крестьянами. Под его влиянием местный

---

[45] Волковинский В. Н. Махно и его крах. М.: Изд-во ВЗПИ, 1991. С. 247; Верстюк В. Ф. Махновщина – селянський повстанський рух на Україні в роки громадянської війни (1918–1921). Диссертационный доклад на соискание научной степени доктора исторических наук. К., 1992.; Савченко В. А. Махно. Харьков: Фолио, 2005.; Голованов В. Нестор Махно. М.: Молодая гвардия, 2008; Солдатенко В. Ф. Анархія не має Батьківщини (Н. І. Махно) // Солдатенко В. Ф. Проект «Україна». 1917–1920. Постаті. Харків: Фолио, 2011. С. 407–444; Шубин А. В. Махно и его время: О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. М.: URSS. Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.; Савченко В. А. Махно Нестор Иванович // Савченко В. А. Знаменитые анархисты и революционеры. Харьков: Фолио, 2014; Солдатенко В. Ф. Нестор Махно // Gloria Mundi. Політична еліта українського державотворення революційної доби (короткі нариси-портрети. 1917–1920). К.: Наукова думка, 2021. С. 240–277.

Совет принял решение о неподчинении и Временному правительству, и Центральной Раде, заявив о том, что признается только народная власть, а средства производства должны принадлежать трудящимся[46].

Октябрьский переворот Н. Махно встретил с энтузиазмом и направил острие вооруженной борьбы своих сторонников против сил Центральной Рады и П. Каледина. То есть махновцы впервые выступили на стороне Советской власти[47], одновременно заключив союз с известной анархисткой Марусей Никифоровой, властвовавшей в соседних Елисаветградском и Александровском уездах.

В момент наступления войск Германии и Австро-Венгрии махновцы попытались в своем гуляй-польском районе остановить оккупантов, но, сильно уступая в численности, вынуждены были отступить за пределы Украины. В конце июня 1918 г. Н. Махно вернулся в родной город и принялся за восстановление вооруженных отрядов. В условиях бурлящей Украины это удалось сделать довольно успешно и быстро. К Н. Махно присоединились другие отряды, позволившие осуществить, по неполным данным, 118 нападений на гетманцев и оккупантов[48]. Имя Н. Махно стало популярным среди жителей Юга Украины. Атамана нарекли «батькой», символом повстанцев стала знаменитая «тачанка» – бричка с водруженным пулеметом. Отряды Н. Махно оккупантам и гетманцам ликвидировать не удалось. Отчасти помогла и революция в Германии.

С победой антигетманского восстания наметилось сближение Н. Махно с Директорией, однако заключенный союз с С. Петлюрой просуществовал всего несколько дней[49].

В декабре 1918 г. махновцы вновь (в третий раз) выступили на стороне Советской власти, по согласованию с ее представителями, захватили Екатеринослав, ознаменовав победу масштабнейшим мародерством[50]. Но это не помешало Н. Махно заключить в январе союз с командованием Красной армии для борьбы с белогвардейцами и петлюровцами. В феврале 1919 г. в ря-

---

[46] Волковинский В. Н. Махно и его крах. С. 30–35.
[47] Там же. С. 35.
[48] Метрович Н. Махно. Історія одного повстанського ватажка. Львів: 1937. С. 12.
[49] Савченко В. А. Махно. С. 70–73.
[50] Там же. С. 73–74.

дах махновцев насчитывалось 50 тыс. штыков[51]. Н. Махно назначили командиром третьей бригады Первого Заднепровской Украинской дивизии, которой командовал П. Дыбенко[52]. Но политические ориентации «батьки» не отличались четкостью. За влияние на него боролись анархисты, левые эсеры и большевики. Н. Махно больше склонялся к первым[53].

Чем далее, тем более обнаруживалось, что махновцы – мастера «малой войны», нередко допускают недисциплинированность. На этой почве у Н. Махно возник конфликт с председателем Реввоенсовета республики Л. Троцким, который одним из необходимых условий упрочения Красной армии считал искоренение партизанщины. В начале июня 1919 г. против махновцев развернулась нещадная борьба. «Батька» был объявлен «вне закона»[54].

В результате антиденикинский фронт в очень ответственный момент генерального наступления белогвардейцев через Украину на Москву разбился – махновцы оказались в лагере недругов Советской власти. Оставив большинство вчерашних сторонников в Красной армии, Н. Махно с небольшим отрядом начал рейд по красным тылам. Когда же значительную часть Украины захватила Добровольческая армия, махновцы повернули оружие против нее. В деникинском тылу Н. Махно стал символом главного защитника крестьянства, которое потянулось в его отряды, получившие название «Революционная повстанческая армия Украины (махновцев)»[55].

Все более преобладающей становится тактика непрерывного пространственного маневрирования. Нанося разящие уколы в наименее ожидаемых противником местах (довольно эффективно работала разведка, нужную информацию постоянно приносили местные жители), повстанцы не задерживались и оперативно (на тачанках) оказывались в ином, безопасном месте. Состав участников отрядов в ходе рейда (конечно, за исключением ядра) постоянно менялся: одни, после достижения победы, оставались в местах постоянного проживания, другие – на какое-то время присоединялись к вооруженным защитникам народных низов, продолжали участие в походах. Армия

---

[51] Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М.: 1974. С. 328.
[52] Волковинский В. Н. Махно и его крах. С. 69–70.
[53] Шубин А. В. Махно и его время. С. 114–125.
[54] Волковинский В. Н. Махно и его крах. С. 104–105.
[55] Там же. С. 120–147; Шубин А. В. Махно и его время. С. 198–215.

Н. Махно к ноябрю 1919 г. насчитывала 80 тыс.[56], а если учесть и временных попутчиков-помощников, беженцев, ее число временами превосходило 100–120 тыс. бойцов[57], хотя вскоре резко уменьшилось[58].

Многих привлекала, и кроме богатых трофеев, сопровождавшая поход пропаганда анархистских идей «свободных (вольных) советов», создания в южном регионе «безвластного государства».

Изменился тон публикаций советских газет, пришло понимание, что своей борьбой в деникинском тылу махновцы существенно помогают победе над белым движением. Однако прикрываясь лозунгами беспартийности и безвластия, сторонники Н. Махно под влиянием активизировавшихся анархистов в массовой работе все больше ориентировались на борьбу против большевиков, квалифицируя Советскую власть «последней властью в России» (уже брезжила победа над белогвардейцами). Умело использовались факты перегибов политики «военного коммунизма», допущенные руководством УССР серьезные ошибки в аграрном и национальном вопросе.

В свою очередь, не бездействовали и большевики, активно склоняя махновцев к переходу под начало красного командования. Случившиеся в ответ репрессии против активистов-коммунистов, чекистов, комнезамовцев привели к ужесточению акций против махновского руководства. «Последней каплей» стал отказ Н. Махно от выполнения приказа переместиться весной 1920 г. на польский фронт. Участились приказы, направленные на «искоренение» партизанщины[59].

Наступление войск П. Врангеля осенью в «махновский район» привело к новому повороту в ориентациях Н. Махно. Он в очередной раз объявил о разрыве с анархистами и новом союзе с советской властью. Согласно подписанному договору «Революционная повстанческая армия Украины (махновцев)» переходила в оперативном отношении в подчинение командования Красной армии[60]. На этой основе 2,5 тыс. махновцев приняли участие в раз-

---

[56] Волковинский В. Н. Махно и его крах. С. 130.
[57] См.: Савченко В. А. Махно. С. 173, 178–179; Его же. Двенадцать войн за Украину. С. 404.
[58] Савченко В. А. Махно. С. 181–182.
[59] Волковинский В. Н. Махно и его крах. С. 148–195.
[60] ЦГАВО Украины. Ф. 177. Оп. 2. Д. 2743. Л. 109–110.

громе врангелевцев в Крыму[61]. Встречаются в историографии и другие сведения. Так, Д. В. Архирейский считает, что участниками решающего штурма явились подразделения под командованием Каретникова, имевшие в своем составе 4 тыс. бойцов (1,5 тыс. сабель и до 2,5 тыс. штыков). А всего Крымская группа махновцев, участвовавшая в боях с 26 октября по 15 ноября, учитывая потери (до 6 тыс. бойцов) и пополнения, «пропустила через себя» до 20 тыс. повстанцев[62].

Однако и дальше Н. Махно не собирался подчиняться военной дисциплине, а верные ему повстанцы продолжали заниматься грабежами, бандитскими вылазками. Начатая «охота» на «батьку» и сопровождавший его небольшой отряд долго не приносила успеха. Повстанцы легко ускользали из всевозможных «капканов», хитростями оказывались практически невредимыми. Конечно, перспектив продолжения борьбы не имело. 28 августа 1921 г. отряд махновцев численностью почти в 80 человек преодолел границу с Румынией, оказавшись в эмиграции[63].

Генеалогическая канва махновщины оказалась весьма пестрой, зигзагообразной. Все же в ней преобладало тяготение к Советской власти, наталкивавшееся на симпатии к анархистской идеологии. Непреодолимой преградой для последовательного развития, упрочения союзнических уз была несовместимость стремления Советской власти к созданию регулярных вооруженных сил и невозможность смириться с этим партизанским способом существования и борьбы махновцев. Они могли пролонгировать свою деятельность только в определенных границ и в локальных масштабах.

***

Один из масштабнейших всплесков украинского повстанчества революционной эпохи связан с антигетманским восстанием ноября – декабря 1918 г.

Неприятие большинством нации гетманского режима П. Скоропадского было настолько массовым, недовольство настолько сильным, а противодействие настолько мощным, что только присутствие полумиллионного контингента австро-германских войск не позволяло свергнуть антинародную власть.

---

[61] Солдатенко В. Ф. Україна в революційну добу: Історичні есе-хроніки в 4-х т.: Т. IV. Рік 1920. К.: Світогляд, 2009. С. 281–289; Голованов В. Нестор Махно. С. 344–371.

[62] Архірейський Д. Махновський рух наприкінці революції // Війна з державою чи за державу. С. 265.

[63] Волковинский В. Н. Махно и его крах. С. 195–217.

Но протестный потенциал неуклонно накапливался и многие реалистичные политики все более понимали – необходимо придать разрозненным стихийным выступлениям должную организованность, направленность – и победа будет достигнута, справедливость восторжествует.

За дело взялись лидер украинских социал-демократов В. Винниченко и один из видных украинских эсеров Н. Шаповал. В октябре 1918 г. они начали тайную подготовку восстания. Сильнейшим импульсом послужила ноябрьская революция в Германии. На собрании представителей легально оппозиционного гетманату Украинского национального союза, председателем которого был В. Винниченко, 13 ноября была избрана Директория, ставшая штабом восстания. В числе пяти ее членов В. Винниченко вовлек С. Петлюру, накануне вышедшего из гетманской тюрьмы и сразу же выехавшего в Белую Церковь, где находился отряд сечевых стрельцов под началом полковника Е. Коновальца[64].

15 ноября за подписью всех членов Директории (кроме В. Винниченка и С. Петлюры, это еще А. Андриевский, А. Макаренко и Ф. Швец) в Киеве появилась листовка с призывом к гражданам Украины подниматься на восстания для свержения ненавистной власти. Автором яркого, страстного воззвания был В. Винниченко. Параллельно С. Петлюра, возглавивший выступление сечевиков из Белой Церкви на Киев, выпустил от своего имени Универсал. В нем, наименовав себя «Главным атаманом войск Украины» и «верховным главнокомандующим», также обратился «ко всем украинским солдатам и казакам», включая и тех, кто находился в подчинении гетмана, примкнуть к формируемому «Войску Республики»[65].

В тот момент «войско» насчитывало в своих рядах только 2 тыс. сечевых стрельцов. Хотя группа членов ЦК УПРС (Н. Шаповал, Н. Григориев и И. Лизанивский) предварительно договорилась с некоторыми офицерами в гетманских вооруженных силах (кроме Е. Коновальца – полковники П. Балбочан, Пелещук, В. Павленко, Хилобоченко, В. Шаповал, генерал А. Осецкий) о присоединении подчиненных им частей после начала акции

---

[64] Солдатенко В. Ф. Директория и антигетманское восстание // Солдатенко В. Ф. В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг.: историко-историографические эссе. М., 2018. С. 293–331.

[65] Христюк П. Замітки і матеріали до історії Української революції. Відень: Український соціологічний інститут, 1921. С. 133.

к восставшим[66], потребовалось время на их переход в лагерь, руководимый Директорией.

Вообще признать готовность сил для осуществления масштабного военного выступления (его в историографии именуют и вторым этапом Украинской революции и даже Второй Великой Украинской революцией[67]) вряд ли возможно. Скорее будет справедливым обратное утверждение. Однако тут сыграло решающую роль два фактора – на стороне гетмана по существу не было реальных, верных ему сил, а также практически тотальное недовольство народных масс режимом.

Пока сечевые стрельцы почти без преград двигались из Белой Церкви к Киеву (16–21 ноября 1918 г.), по первому же зову С. Петлюры, передаваемому из уст в уста, присоединились тысячи добровольцев. Ими двигало желание поскорее уничтожить гетманскую власть. В. Винниченко приводит в этой связи интересные факты. «Петлюра идет на Гетмана», «Петлюра зовет против немцев». Часто среди крестьянства, которое до того не слышало имени Петлюры, распространялись слухи «Ага, вот идет Петлюра на Гетмана, она ему покажет; слава Богу, не будет уже той Украины»[68].

Ненависть крестьянства к П. Скоропадскому, его правлению была такой яростной, что оно готово было присоединить свои усилия к кому угодно (пусть к женщине, как они ошибочно считали по произносимой фамилии С. Петлюру). Даже малыми силами уже 22–23 ноября восставшие могли овладеть Киевом. Помешали немцы. Они выдвинули на подступах к столице навстречу восставшим свои части, и в ходе предпринятых переговоров Директория не только согласилась прекратить наступление, но и отвести свои части республиканского войска (безусловно, оно тогда существенно уступало оккупантам) вначале к Фастову, а далее – к Виннице[69].

Возникшая пауза затянулась до 12 декабря, когда из Киева ушел последний эшелон с немецкими военными. Гетманскую власть защищать было некому, и петлюровские войска 14 декабря без особых помех вошли в город. В тот же день П. Скоропадский отрекся от власти. Она на всей Украине переходила к Директории, провозгласившей возрождение Украинской Народной Республи-

---

[66] Шаповал М. Велика революція і Українська визвольна програма. С. 120–121.
[67] Там же. С. 123, 124.
[68] Винниченко В. Відродження нації. К.-Відень: 1920. Ч. III. С. 125.
[69] Солдатенко В. Ф. Гражданская война в Украине. 1917–1920 гг. с. 246–247.

ки. Параллельно с заменой администрации на местах продолжали умножаться и ряды республиканского повстанческого войска. По подсчетам главы государства, в январе оно насчитывало не менее 100 тыс. человек, хотя военные историки считают, что эту цифру следует увеличить, по крайней мере, в 3 раза[70]. Это и обеспечило «мирное перетекание» власти в руки Директории.

Однако всплеск повстанчества не удалось закрепить организационно. Крестьянство – преобладающий его массив – считало свою миссию выполненной и стремилось побыстрее возвратиться к земле, которая с изгнанием гетмана вновь стала возвращаться от помещиков к трудовому элементу. 6 января на заседании Совета Министров в присутствии полного состава Директории был принят закон о земле в УНР. 8 января он был несколько скорректирован и обнародован за подписью главы правительства В. Чеховского и министра земельных дел Н. Шаповала[71].

Практическое отсутствие элементарной дисциплины, элементарная нераспорядительность Главного атамана и его окружения не могли переменить ситуации. Даже из Киева, куда, по некоторым данным, в средине декабря 1918 г. вошло 30 тыс., а в начале января 1919 г. находилось более 100 тысяч украинских воинов[72], менее чем через месяц осталось лишь 7,7 тыс. человек. Всего же, согласно точному, подробному отчету военного министра УНР А. Грекова, насчитывалось «на всей Украине, на всех фронтах, со всеми гарнизонами и резервами 21100 человек»[73].

Свою негативную роль в отсутствии планов и шагов по строительству из «готового материала» повстанцев вооруженных сил УНР сыграли отсутствие военных знаний и опыта у Главного атамана, а также его непомерные политические амбиции. Уверовав в свою мессианскую роль (быстро была усвоена истина, что в период Гражданской войны наибольшей, практически абсолютной властью обладает «человек с винтовкой»), он стал претендовать на верховную власть. Уже в начале антигетманского восстания – 24 ноября 1918 г. в приказе петлюровского Штаба революционных войск были пред-

[70] Історія українського війська (від княжих часів до 20-х років 20 ст.). Львів: 1992. С. 505.
[71] Директорія, Рада Народних Міністрів Української Народної Республіки. Листопад 1918 – листопад 1920. Документи і матеріали. У 2-х томах, 3 частинах. Т. 1. К.: 2006. С. 159–161, 162–164.
[72] См.: Солдатенко В. Ф. Винниченко и Петлюра: соратники или соперники? М.: Научно-политическая книга, 2020. С. 298.
[73] Винниченко В. Відродження нації. Ч. III. С. 244–245.

определены механизмы закрепления власти в республике (политической, административной, юридической, экономической – вообще всей). В полном объеме она должна была переходить к назначаемым С. Петлюрой атаманам в каждом уезде. Хотя это входило в противоречие с демократическим курсом Директории, никакие попытки умерить пыл С. Петлюры не увенчались успехом. Так из повстанчества начала зарождаться и довольно быстро формироваться атаманщина – доминирование военного начала, вплоть до его практической абсолютизации в государственном строительстве, в реальной жизни Украинской Народной Республики, в управлении всеми ее процессами, включая политические, экономические, правовые, в узурпации военными чинами функций любых других властей, их ветвей и, наконец, всех других регуляторов общественных отношений[74].

Как известно, кроме большого ущерба, режим атаманщины, навязанный УНР С. Петлюрой, ничего не принес[75]. Превратил он в аморфное состояние и украинское повстанческое движение. Получая в свои руки неограниченную власть, назначенные Главным атаманом «меньшие атаманы» не просто начали выходить из-под какого бы то ни было контроля. При возникновении трудностей, усложнении военных и политических ситуаций, малейших проявлениях кризисов они, в большинстве без колебаний, выступали и против С. Петлюры, причем не только тогда, когда он считался верховным главнокомандующим, но и стал главой Директории (формально – в феврале, официально – в мае 1919 г.).

Одни атаманы клонились к правоконсервативным силам, как П. Болбочан[76]. Другие, как В. Оскилко, хотели свергнуть с поста человека, не способного управлять военными и государственными делами[77], третьи, как Э. Волох, А. Божко и С. Коцур, считали благом избавиться от некомпетентной личности, ориентируясь на национал-коммунистические лозунги[78]. Немало

---

[74] Ткаченко В. Отаманщина (1918–1919 рр.). Віче (Київ). 1992. № 8. С. 152–159; № 9. С. 119–145; Солдатенко В. Ф. Атаманщина ее уродливые гримасы // Солдатенко В. Ф. Гражданская война в Украине. 1917–1920 гг. с. 279–300.

[75] Солдатенко В. Ф. Винниченко и Петлюра: соратники или соперники? С. 352–443.

[76] Брицький П. П., Юрійчук П. П. Жертва української революції: трагічна доля полковника П. Болбочана. Чернівці: Знання, 2005. 112 с.

[77] Мазепа І. Україна в огні й бурі революції 1917–1921. В 3-х т. Мюнхен, 1951. Т. 1. С. 156–182.

[78] Савченко В. А. Казацкие атаманы Волох, Божко и Коцур // Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны. Историческое расследование. Харьков: Фолио, 2000. С. 200–238.

было и тех, кто просто не хотел терпеть над собой любое руководство, стихийно стремясь к анархистской, по сути дела, вольнице: быть хозяином в своем регионе, никому не подчиняться. Таких было большинство. А всего их в историографии поименно называется 70[79].

Особо показателен был пример атамана Н. А. Григорьева[80]. Штабс-капитан и Георгиевский кавалер в годы империалистической войны, в 1917 г. он создает ударный украинский полк и повышается С. Петлюрой до звания подполковника. Во времена гетманата он уже полковник, командует одной из частей Запорожской дивизии. Однако осенью 1918 г. на Херсонщине, подчинив себе ряд крестьянских отрядов, поворачивает оружие против оккупантов и П. Скоропадского, во время антигетманского восстания захватывает Николаев. Затем атаман с переменным успехом воевал с интервентами десанта Антанты в Причерноморье и требовал себе пост военного министра УНР. Решив не подчиняться С. Петлюре, одновременно подогреваемый «левыми» лозунгами боротьбистов, в конце января 1918 г. Н. Григорьев официально порывает с С. Петлюрой и переходит со своим отрядом к большевикам, объявляет себя борцом за Советскую власть.

Под ударами вчерашнего «патриота», именуемого теперь «изменником», украинские части вынуждены отойти на Подолье и Волынь. В феврале Н. Григорьев входит со своими повстанцами (бригадой) в состав 1-й Заднепровской дивизии (тогда же на таких условиях подобный шаг совершает и Н. Махно). 10 марта, изгнав интервентов, григорьевцы овладели Херсоном, а 8 апреля – Одессой. Взметнувшемуся самолюбию комбрига, награжденного орденом Красного знамени, не было предела. Теперь он перестал подчиняться приказам красноармейского командования. А его подопечные тем временем широко занимались грабежами, еврейскими погромами, параллельно накапливая негативные эмоции при «знакомстве» с большевистской политикой «военного коммунизма», проявлениями всевластия ЧК, безмерными реквизициями продовольствия, фактической подменой продразверстки масштабными конфискациями. Все это, вместе взятое, при отсутствии сколько-нибудь глубоких мировоззренческих убеждений, политического невежества,

---

[79] Савченко В. А. Казацкие атаманы Волох, Божко и Коцур // Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны. Историческое расследование. Харьков: Фолио, 2000. С. 221–222.

[80] Савченко В. А. «Погромный» атаман Григорьев // Там же. С. 87–128.

привело Н. Григорьева к авантюрному шагу. Явно переоценив силы своих сторонников, 8 мая он издал Универсал (манифест) с требованием отставки правительства УССР Х. Раковского. 9 мая его 16-тысячный отряд направился на борьбу против советского Украинского фронта, и Н. Григорьев официально объявил о начале военных действий против коммунистов. Он рассчитывал на соединение с силами других атаманов – Н. Махно, Д. Терпило (Зеленого), Ангела, А. Волынца и других.

В первые же дни были одержаны весьма серьезные победы – под власть повстанцев перешел обширный район Херсонщины, Екатеринославщины и Киевщины. К 15 тыс. григорьевцев начали присоединяться некоторые другие украинские советские части – всего около 8 тыс. Но войска Красной армии еще до июня разбили основные части сторонников Н. Григорьева. Большая часть, примкнувшая к атаману, предпочла вернуться в подчинение советского командования.

Н. Григорьев, не теряя надежды возродить свое влияние, пошел на контакт с руководством повстанческого ревкома левых украинских социалистов (Ю. Мазуренко, Ю. Тютюнник). А с приходом в район, контролируемый григорьевцами, махновцев, была предпринята попытка объединить обе силы в армию. Одновременно Н. Григорьев стал искать контакт с деникинцами. Узнав об этом, махновцы решили судить и расстрелять Н. Григорьева. 26 июля 1919 г. в селе Сентово, после предъявленных атаману обвинений в покровительстве грабителям и погромщикам, пособничестве белогвардейцам, в возникшей вооруженной стычке Н. Григорьев был застрелен. Большинство григорьевцев было разоружено, штабные командиры убиты, две трети личного состава перешли в состав повстанческой армии Н. Махно.

В чем-то коллизии григорьевцев напоминали (в других временных и территориальных пропорциях) перипетии, выпавшие на долю сторонников Д. Терпило (Зеленого)[81] и других атаманов.

На основе рассмотрения направления украинского повстанчества, которое условно именуется петлюровским («петлюровщиной»), можно развитие этой генеалогической ветви представить в таких основных параметрах.

---

[81] См.: Савченко В. А. Атаман Зеленый // Савченко В. А. Авантюристы Гражданской войны. С. 363–367.

Взрывообразное появление тяготения сотен тысяч крестьян в добровольную повстанческую революционную армию в ноябре 1918 – январе 1919 гг. было «подготовлено» всей более чем семимесячной грабительской, террористической политикой оккупационно-гетманского режима, основным объектом которой оказалось крестьянство. Однако вначале стихийно, подобно снежному кому, разраставшееся движение после свержения гетмана столь же быстро начало сужаться и дошло до критических пределов по количеству участников. Массу добровольцев не удалось трансформировать в регулярные воинские формирования, что не позволило УНР получить надежного гаранта своего существования. Всего за пять месяцев ее армия сократилась с 300 тыс. до 30 тыс., из которых лишь 15 тыс. были боеспособными[82].

Негативную роль сыграл навязанный республике С. Петлюрой режим атаманщины, который обернулся своеобразными эффектами эрозии, конфликтогенности и в военном, и в государственном строительстве. В этом плане представляется весьма симптоматичным признание бывшего главы Директории В. Винниченко, что своими своевольными, террористическими действиями атаман П. Болбочан «на Харковьщине и Полтавщине разжег ненависть крестьянства к Директории до… десятков тысяч повстанцев»[83]. Троеточие поставлено В. Винниченко, который, очевидно, колебался, прежде чем обнародовать горькую истину. А ведь факт имел место еще тогда, когда Директория пыталась унять пыл зарвавшегося атамана и масштабы его «деятельности» ограничивались сравнительно небольшим регионом. Можно представить, каким в таком случае был суммарный эффект атаманщины только в разрезе рассматриваемого аспекта проблемы. Атаманщина сама плодила недоверие к своей власти, «взращивала» своего массового антипода-соперника. Конечно, вместе с другими факторами, это предрешало исчерпание возможностей пополнения арсеналов петлюровского движения, вело его к полному упадку, краху Украинской Народной Республики.

Констатируя невероятную, подчас труднопостижимую калейдоскопичность изменений в политических ориентациях именно этой ветви украинского повстанчества (конечно, в сравнении с другими) при оценке пути, судьбы почти каждого отряда, не следует соглашаться с теми авторами, которые

---

[82] Історія українського війська (від княжих часів до 20-х років 20 ст.). 4-е змінене і доповнене видання. Львів: Видавництво «Світ», 1992. С. 505.
[83] Винниченко В. Відродження нації. К.-Відень: 1920. Ч. III. С.307.

практически все случаи массовых антиправительственных выступлений безоговорочно зачисляют в разряд антисоветских, антибольшевистских[84]. Реальная картина была намного сложнее, разнообразнее, «нелинейнее». Фактом остается и то, что в ходе Гражданской войны большинство повстанцев все же оказывалось в лагере защитников социалистической революции[85], а значительная часть просто прекращала борьбу.

Необходимо также проводить различие (и оно весьма сущностно) между украинским повстанчеством как массовым движением – процессом, и атаманщиной как государственным режимом, политико-правовой государственной моделью.

***

Четвертая, в значительной степени специфическая, качественно отличная от других, генеалогическая ветвь повстанчества в Украине оформилась в один из самых критических периодов Гражданской войны – в 1919 году. Речь о подпольно-партизанских действиях против белогвардейцев. К числу важнейших особенностей следует отнести хотя бы две наиболее характерные. Эта борьба имела не стихийную природу, хотя частично на нее опиралась, а стала результатом целенаправленных, расчетливых усилий партийно-советских органов, военных специалистов. Основным же резервуаром наполнения создаваемых очагов сопротивления стала не крестьянская, а пролетарская среда.

Когда к лету 1919 г. все явственнее стала вырисовываться картина возможного и наиболее вероятного поведения контрреволюционных сил (основной ударный кулак переходил в руки А. Деникина), В. Ленин, ЦК РКП(б) потребовали в конце мая немедленной отправки на Донбасс первого секретаря ЦК КП(б)У Г. Пятакова и одного из видных организаторов советского повстанческого движения 1918 – начала 1919 гг. А. Бубнова, ряда других руководящих работников для проведения мобилизации на Юго-Востоке республики[86]. Они оперативно приступили к решению актуальной задачи, но многого не успели сделать. 3 июля А. Деникин издал приказ об общем наступлении

---

[84] Савченко В. А. Война повстанцев Украины против большевистского режима (1919–1922) // Савченко В. А. Двенадцать войн за Украину. С. 343–404.

[85] Божко О. Українці на фронтах Громадянської війни 1917–1921 рр. // Етнічна історія народів Європи. 2000. № 5. С. 115–116.

[86] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 26; Центральный государственный архив общественных объединений (ЦГАОО) Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1. Л. 19; Солдатенко В. Ф. Георгий Пятаков: оппонент Ленина, соперник Сталина. С. 288–291.

на Москву. Левым флангом военной кампании являлась Украина, частично (Донбасс), уже пребывавшая в руках белых. Хорошо вооруженная благодаря помощи Антанты Добровольческая армия сравнительно легко преодолевала сопротивление формирований Красной армии, углубляясь в украинские губернии. Именно тогда ЦК Компартии (большевиков) Украины создал Зафронтбюро во главе с тогдашним секретарем ЦК С. Косиором. Его основной задачей стало руководство партийным подпольем и развертывание повстанческо-партийной борьбы в тылу врага.

Работая сначала в Киеве, затем в Брянске, Москве, Серпухове, Зафронтбюро через своих агентов поддерживало постоянную связь с местными подпольными партийными организациями, руководило их деятельностью, оказывало необходимую помощь в обеспечении подпольщиков соответствующими документами, устройстве явочных квартир, создании нелегальных типографий и подобном. За лето - осень 1919 г. Зафронтбюро командировало в 108 городов Украины и Крыма более 1,5 тыс. коммунистов, (а были еще и боротьбисты, анархисты, представители еврейских партий, предпринимавшие похожие усилия).

Нелегальные партийные организации проводили устную и печатную пропаганду и агитацию, разоблачая деникинский режим, информируя трудящих о действиях Красной армии на фронтах, призывая их саботировать мероприятия белогвардейской администрации. Особенно активно в этом направлении работали в Горловском, Константиновском и других районах Донбасса. В городах действовали подпольные типографии, которые выпускали листовки и даже печатали газеты: в Екатеринославе («Молот»), Харькове («Донецкий пролетарий»), Одессе («Одесский коммунист»), Киеве («Коммунист»), Кременчуге («Дело революции»)[87].

По призыву подпольных большевистских организаций развернули широкую забастовочную борьбу пролетарии Донбасса, в частности шахтеры основных угольных районов. Несмотря на то, что им приходилось работать под усиленным наблюдением белогвардейцев, рабочие прекращали работу то в одном, то в другом месте. Значительные забастовки прошли в октябре 1919 г. в Енакиевском, Макеевском, Горловском, Марьевском, Лозово-Павловском и Успенском районах. Газеты сообщали: «В Марьевском угольном районе за-

[87] См.: Солдатенко В. Ф. Деміурги революції. С. 614–623.

бастовали рабочие Григорьевского, Берестово-Богодуховского рудников общей численностью 2 000 человек»[88]. Добыча угля в Донбассе резко сократилась, железнодорожный транспорт на территории, захваченной Деникиным, чувствовал острую нехватку топлива.

Возглавляемые подпольными партийными организациями, рабочие и крестьяне Украины боролись с деникинщиной разными способами: от саботажа мероприятий белогвардейской администрации, забастовок, до наивысшей формы борьбы – вооруженных восстаний и массового партизанского движения.

Специально для развертывания этой борьбы военный отдел ЦК КП(б)У в июле – августе 1919 г. создал на территории Полтавской, Киевской, Екатеринославской и Херсонской губерний 12 повстанческих штабов, укомплектовав их руководящий состав коммунистами и проверенными организаторами партизанской борьбы из местных беспартийных крестьян. В то же время он организовал в Лубенском, Миргородском, Лохвицком и Пирятинско-Прилуцком районах базы оружия и боеприпасов, запасы которых хотя и были небольшими, но их хватало для начала боевых операций. Для политического руководства повстанческо-партизанским движением параллельно с губернскими партийными комитетами создавались губревкомы, которые олицетворяли Советскую власть на освобожденной повстанцами и партизанами территории.

В начале июля 1919 г. Зафронтбюро утвердило опытного организатора повстанческо-партизанской борьбы коммуниста Г. Колоса командующим группой войск Лозово-Синельниковского района. Штаб группы, находясь в Самарском лесу (Новомосковский уезд Екатеринославской губернии), быстро установил контакты с подпольными партийными организациями и распространил свое влияние на довольно значительную территорию – Донбасс, Екатеринославскую и Полтавскую губернии[89].

Отдельные партизанские отряды объединялись в полки и бригады: 1-я Новомосковская (комбриг Н. Никитин-Макаров) численностью около 3 тыс. бойцов; 2-я Екатеринославская (комбриг А. Николашин (И. Лантух) – 2 тыс. бойцов; 3-я Полтавского района (комбриг З. Покус) – 4 тыс. бойцов; 4-я Славянского района (комбриг Г. Успенский) – 1,5 тыс. бойцов; 5-я Александровского

[88] Солдатенко В. Ф. Деміурги революції. С. 614–623.
[89] См.: Супруненко Н. И. Очерки истории гражданской войны… С. 300–302.

района (комбриг Зубенко)[90]. Всего в юго-восточной части Левобережья летом 1919 г. активно оперировало не менее 11 тыс. партизан. Это были хорошо организованные отряды, которые взаимодействовали с частями Красной армии.

Рабочие партизанские отряды Донбасса, которыми командовали коммунисты Н. Ачкасов, М. Карнаухов, И. Чаплин, взрывали мосты, разрушали железнодорожные пути на участках Лиман – Святогорск и Лиман – Яма, пускали под откос военные эшелоны, препятствовали вывозу угля из шахт. Отдельные партизанские отряды были довольно многочисленными. Так, в Краматорском районе действовал отряд из 150 бойцов, Лисичанском – из 400 человек[91].

Значительный размах партизанское движение приобрело на Харьковщине. В с. Печенеги восставшие крестьяне уничтожили карательный отряд белогвардейцев. После этого активная часть повстанцев ушла в лес и продолжила борьбу. Партизанские отряды оперировали в Змиевском, Изюмском, Купянском уездах.

Наиболее массовым повстанческое движение стало в южных и восточных губерниях Украины: в Херсонской сосредоточивалось 24 тыс. повстанцев, на Черноморском побережье – 12 тыс., в Екатеринославской губернии и Донбассе действовало 45 партизанских отрядов общей численностью 35 тыс. человек[92].

Рост партизанского движения (силы только одного штаба Лозово-Синельниковского района превышали 35 тыс. партизан)[93] требовал системного политического и оперативно-тактического руководства. С этой целью ЦК КП(б)У постановлением от 28 июля создал Военно-революционный совет повстанческих советских войск Левобережной Украины и Главный повстанческий штаб. Командующим повстанческо-партизанскими войсками был назначен Г. Колос[94]. Проведя большую организационную и политическую работу, повстанческо-партизанский реввоенсовет в середине сентября 1919 г. издал приказ об усилении боевых действий в тылу врага. Особое внимание уделя-

---

[90] Супруненко Н. И. Очерки истории гражданской войны… С. 302.
[91] Там же. С. 300–301.
[92] Реєнт О. Нариси з історії Української революції // Історія України. 2000. № 29–32. Серпень. С. 65.
[93] Супруненко Н. И. Очерки истории гражданской войны… С. 304.
[94] Там же.

лось проведению операций на железнодорожных коммуникациях деникинцев. Командирам отрядов предписывалось создать специальные подрывные команды численностью от 5 до 25 человек, которые должны были разрушать телеграфную и телефонную связь противника, железнодорожные сооружения и пути, поджигать склады, взрывать небольшие мосты. Железнодорожные мосты через Днепр разрешалось разрушать только по особому приказу.

Партизанская борьба приобретала все более организованный характер, действия партизанских отрядов становились планомернее, согласованнее, охватывали все более значительную территорию. Как пример можно привести штаб Лозово-Синельниковского района, командование которого в сентябре 1919 г. объявило о начале восстания в Новомосковском и Павлоградском уездах Екатеринославской губернии. После продолжительных боев повстанцы овладели Новомосковском, установили связь с Нижнеднепровской (левобережный рабочий район Екатеринослава) подпольной большевистской организацией и с ее помощью развернули наступление на Павлоград. На железнодорожной магистрали Екатеринослав – Харьков поезда курсировали только днем, да и то под усиленной охраной. Партизаны наносили систематические удары по значительной части Южной железной дороги, особенно на участке Александровск – Мелитополь.

Массовое партизанское движение развернулось и на Херсонщине. В середине сентября 1919 г. в результате деятельности подпольной партийной организации с. Полтавки (Баштанки) Николаевского уезда, в состав которой входили братья В. и С. Гайдуки, М. Прядко, И. Руденко, вспыхнуло восстание. К нему присоединились села Балицкое, Привольное, Пески, Христофоровка, Сергеевка. Так возникла Баштанская республика, на территории которой была провозглашена Советская власть. Под советские знамена встали более 4 тыс. вооруженных бойцов, еще около 20 тыс. находились в резерве. Они в течение двух месяцев отбивали наступление деникинцев. Лишь 12 ноября 1919 г., сосредоточив крупные силы – целый корпус, – деникинцы овладели Баштанкой. Белогвардейцы жестоко расправились с революционными крестьянами, только в Баштанке расстреляли 852 мужчин и сожгли более 300 изб[95].

[95] Історія Української РСР. Т. 5. С. 435; Супруненко Н. И. Очерки истории гражданской войны… С. 305–306.

В сентябре в поселке Высунск на Николаевщине возник еще один центр массового крестьянского восстания. Трудящемуся крестьянству Высунска оказала помощь Николаевская подпольная большевистская организация. Сюда прибыли коммунисты С. Аносов, Д. Нарижный, М. Шевченко. В конце сентября крестьяне нанесли поражение белогвардейскому карательному отряду, который пытался ворваться в Высунск. В ближайшие восставшие села разослали представителей с призывом присоединиться к ним. А 2 октября 1919 г. была провозглашена Высунская советская республика, правительство которой возглавил левый эсер-борьбист Ф. Юхименко, впоследствии ставший коммунистом. В рядах повстанцев насчитывалось около 3,5 тыс. бойцов, многие невооруженные составляли резерв. Их отряды овладели железнодорожной станцией Явкин, где захватили богатые трофеи, а в конце октября приблизились к Херсону и обстреляли его из пушки. Белогвардейское командование направило сюда значительные силы, которые 21 ноября захватили Высунск и совершили жестокую расправу над мирным населением. Основные силы повстанцев отступили и, соединившись с отрядами Баштанской республики, продолжали борьбу против деникинцев до освобождения Херсонщины Красной армией[96].

Активно действовали партизаны Елисаветградского уезда. Большой размах приобрело партизанское движение на Киевщине и Полтавщине.

Повстанческо-партизанское движение в Украине в то время было политически неоднородным. Кроме партизан, в тылу деникинцев действовали отряды анархо-махновской, боротьбистской и левоэсеровской ориентаций. Обусловлено это было не только социальной структурой населения, но и тем, что процесс политического расслоения деревни еще не закончился.

Большевики Украины при таких обстоятельствах выработали гибкую тактику взаимоотношений с партизанскими отрядами, которые не были под их влиянием, стараясь не делать при этом идейных уступок.

Наряду с большевиками активизировалась деятельность других левых политических сил. Во время деникинщины боротьбисты и российские левые эсеры, а в Украине – борьбисты перешли на нелегальное положение. Борьбисты имели свои отряды на Херсонщине, члены их партии участвовали в Ба-

[96] Супруненко Н. И. Очерки истории гражданской войны… С. 305–306.

штанском и Высунском восстаниях. Боротьбисты создали несколько ревкомов и партизанских отрядов на Полтавщине и Екатеринославщине.

Зафронтбюро ЦК КП(б)У с целью использования всех антиденикинских сил ориентировало местные партийные организации и командование краснопартизанских отрядов на установление тесных контактов с бойцами-боротьбистами и борьбистскими отрядами, которые в своей массе не были знакомы с политическими программами и планами своих командиров. Работа в боротьбистских отрядах особенно усилилась после разгрома деникинцами Всеукрревкома, созданного ЦК УКП(б), расстрела одного из его членов, поэта В. Чумака[97].

Преодолевая огромные трудности, коммунисты Украины достигли сплочения вокруг советских органов основной повстанческо-партизанской массы, которая верила, что только Советская власть обеспечит разгром белогвардейщины, получение земли и свободную жизнь без помещиков и капиталистов.

Во время боев против деникинских соединений Зафронтбюро ЦК КП(б)У и Реввоенсовет повстанческих советских войск Украины стремились оказать максимальную помощь Красной армии. 11 октября 1919 г. партизанским войскам, оперировавшим в южных районах Украины, было приказано двигаться в северном направлении, устраивать непрерывные налеты на деникинские части, штабы, склады боеприпасов и т. п., устраивать боевые операции на железнодорожных магистралях, выводить из строя телефонную и телеграфную связь противника.

Наиболее активные операции развернулись на Левобережной Украине, где проходили стратегически важные железнодорожные коммуникации и сосредоточивались основные силы белогвардейцев. Советские партизаны помогали частям Красной армии выбить деникинцев из Ромен, Гадяча, Кобеляк, Полтавы. Они систематически устраивали аварии поездов на узловой станции Лозовая, взорвали железнодорожные мосты в районе Константинограда.

На многих участках железных дорог, таких как Никитовка – Харьков, Кременчуг – Полтава, Ромодан – Гребенка, Ромодан – Бахмач, Гребенка – Круты, Никополь – Кичкас, Пологи – Чаплино движение поездов было расстроено полностью, а в некоторых местах оно вовсе прекратилось.

Налет трехтысячного отряда партизан 3 октября на Полтаву привел к большой панике. Его удалось отбить, только подтянув значительные силы

[97] Супруненко Н. И. Очерки истории гражданской войны… С. 313.

белых. Не давали покоя добровольцам партизаны Донбасса и Харьковщины, Киевщины и Черниговщины.

Дезорганизация белогвардейского тыла была настолько ощутимой, что практически не существовало места, где деникинцы чувствовали бы себя в безопасности. Все это означало, что освобождение Украины было лишь делом времени. И как бы ни пытались белогвардейцы закрепиться на тех или иных рубежах, они неудержимо теряли позиции.

Хотя и в меньшем масштабе, повстанческо-партизанское движение продолжилось в северной Таврии, на Крымском полуострове и на Херсонщине и в процессе разгрома последнего оплота Белого движения – Врангелевщины в 1920 г.[98]

Подводя промежуточный итог, можно констатировать, что апогеем советского партизанско-повстанческой борьбы, условно говоря, в «чистом» виде – от замысла до реализации – стало организованное противоборство с Белым движением. Оно руководилось, координировалось с действиями во вражеском тылу со стратегией и тактикой регулярных частей Красной армии. Эффект оказался положительным, результаты – победными.

***

Проведенный анализ четырех ветвей генеалогически зародившегося и развивавшегося в одном национальном регионе – Украине – повстанчества (оно иногда именуется «третьей силой») позволяет представить его в обобщенно-воссозданном и вышеприведенном схематическом виде. Как любая искусственная схема, изучаемые процессы выглядят несколько огрублено, упрощенно. Схема не может охватить всего многообразия проявлений очень непростого, сложного, многопланового феномена. Однако осуществленный опыт систематизации на избранном срезе, думается, может служить базовой, отправной точкой координат для дальнейших углубленных исследований существа очень важных слагаемых векторов исторической поступи отечественного общества на переломном, судьбоносном этапе.

---

[98] Історія Української РСР: в 8 т. 10 кн. Т. 5. Велика Жовтнева соціалістична революція і громадянська війна на Україні (1917–1920 рр.). К.: Наукова думка, 1977. С. 504–505; Посадский А. В. Белый Юг и махновщина // Крым и Врангель. 1920 г. М.: Издательство «Социально-политическая мысль», 2006. С. 170–184.

А. В. Ганин

«Удалось вывезти ген. Слащева, его жену и меня в потайном помещении парохода»

Доклад А.И. Баткина о тайных операциях советской разведки в Константинополе. 11 ноября 1921 г.

После выхода нашей монографии о генерале Я. А. Слащеве[1] удалось обнаружить и ввести в научный оборот целый ряд важных документов, проливающих свет на те или иные аспекты жизни и деятельности генерала[2].

Как выяснилось, дело о возвращении группы Слащева из Турции в Советскую Россию осенью 1921 г., хранящееся в Центральном архиве ФСБ России (ЦА ФСБ), рассекречено в полном объеме[3], но, по сути, единственным неизвестным документом в нем остается доклад А. И. Баткина от 11 ноября 1921 г. в Президиум ВЧК[4]. Этот доклад посвящен работе советских агентов в Константинополе и истории возвращения Слащева на родину.

Сведений об авторе документа немного. Анисим Исаакович Баткин родился в 1894 г. в Керчи в еврейской семье и был младшим братом известного матроса-революционера Федора Баткина (1892–1923) – сотрудника органов пропаганды Белого Юга, а затем советского агента, расстрелянного Украинским ГПУ. А. И. Баткин окончил Севастопольское реальное училище, на 1933 г. жил в Москве и работал администратором съемочной группы Рабпомфильма. В 1933 г. был арестован и приговорен к трем годам исправительно-трудовых лагерей. Последующая его судьба неизвестна.

В художественно-публицистической форме материалы доклада Баткина были использованы журналистом и депутатом А. Е. Хинштейном в книге

---

[1] Ганин А. В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М., 2021.

[2] Ганин А. В. Тайные договоры генерала Я. А. Слащева-Крымского с украинскими националистами в 1921 г. // Славянский альманах. 2022. Вып. 1–2. С. 353–374; Его же. Первый советский год бывшего генерала Я. А. Слащева-Крымского: новые документы // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: сборник научных трудов. Новосибирск, 2022. С. 76-84; Ганин А. В., Гущин Ф. А. Гибель генерала Слащева: расплата за окаянные годы // Родина. 2022. № 9. С. 112–115.

[3] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 144.

[4] Часть материалов дела публиковалась в: Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Док. и мат. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнанье. 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. С. 90–135, 163–164.

«Подземелья Лубянки», там же приводились отдельные цитаты, но целиком документ, насколько нам известно, никогда не публиковался.

В нашем распоряжении оказался машинописный отпуск доклада, сохранившийся в документах ВЧК. Он предварялся сопроводительным письмом заместителя председателя ВЧК И. С. Уншлихта наркому иностранных дел Г. В. Чичерину от 19 ноября 1921 г. за № 23150[5]. Доклад направлялся в НКИД в дополнение к высланным 17 ноября предварительным показаниям генерала Я. А. Слащева и его соратников[6]. Позднее, 24 ноября, этот же доклад был направлен председателю Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкому.

Баткин упомянул о том, что в мае 1921 г. в Константинополь прибыл из Севастополя артист М. И. Богданов. Возможно, это оперативный псевдоним сотрудника ЧК. Богданов, как следует из доклада Баткина, признался в том, что направлен в Турцию по заданию особоуполномоченного Всеукраинской ЧК С. Б. Виленского. Вместе с Баткиным они решили заняться обработкой лидеров военной эмиграции в направлении их отказа от борьбы с Советской Россией. Эта деятельность началась со Слащева, для чего брат автора доклада даже переехал в деревню, где жил генерал. Параллельно переговоры со Слащевым вел и уполномоченный ВЧК Я. П. Ельский (Тененбаум).

Помимо Слащева Баткин и Богданов, насколько можно судить из документа, обрабатывали донского атамана А. П. Богаевского (якобы он дружил с Ф. И. Баткиным) и его предшественника П. Н. Краснова, кубанского атамана В. Г. Науменко и авторитетного среди терских казаков генерала К. К. Агоева. Якобы все они изъявили желание вернуться в Россию, и дело осложнялось лишь отсутствием средств. Также с Агоевым и Науменко вел переговоры сам Слащев. Кроме того, по утверждению Баткина велись переговоры и с Врангелем, что кажется маловероятным. Вполне возможно, что истинным мотивом написания доклада было стремление Баткина вырваться из Советской России за границу, о чем говорится в тексте документа, а перечислением поразительных и сомнительных успехов в обработке лидеров военной эмиграции автор документа просто набивал себе и брату цену, чтобы выбраться из страны. Во всяком случае, утверждения о стремлении упомянутых генералов (кроме Слащева), являвшихся убежденными антибольшевиками, вернуться в Россию, сомнительны.

[5] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 144. Л. 139.
[6] Там же. Л. 93.

Утверждение же о том, что сотрудничать с советскими агентами был готов даже генерал А. И. Деникин, представляется откровенным вымыслом.

Пытаясь убедить чекистское руководство в своей полезности, А. И. Баткин отмечал, что велись переговоры и с другими старшими офицерами, в том числе генштабистами. Также существовал план приобретения константинопольской русской газеты «Presse du Soir», для чего требовались деньги. Кроме того, была возможность покупки быстроходного катера, что позволило бы всего за десять часов при благоприятной погоде перевозить людей и грузы из Константинополя в Севастополь и наоборот. Более того, Баткин предлагал сформировать трехтысячный отряд для партизанских действий в Румынии в случае начала советско-румынской войны. Якобы уже имелось ядро такого отряда в 50 человек под командованием полковника Л. Н. Кожевникянца, которое располагалось в лесах у турецко-болгарской границы. Соответствующие сведения Баткин передал особоуполномоченному по важнейшим делам при начальнике секретно-оперативного управления ВЧК Я. С. Агранову.

Фантазия автора доклада распалялась все сильнее. Среди прочего он предлагал поднять восстание в Константинополе силами русских эмигрантов и взять город под контроль во время приближения войск М. Кемаля. Якобы переговоры об этом велись с Союзами георгиевских кавалеров, морских офицеров и инвалидов. Можно ли верить таким заявлениям, остается под вопросом.

Баткин также упомянул о наличии связи с монархическими организациями в Париже, Берлине и в Сербии. Те предлагали Баткину засылать агентуру в Россию для ведения антибольшевистской работы.

Также Баткин контактировал с константинопольским отделом Украинского национального комитета во главе с инженером А. В. Адиасевичем, в прошлом близким к народовольцам (с ним сотрудничал и Слащев[7]), что позволяло быть в курсе настроений и планов украинской эмиграции. Имелись связи и с англичанами, которые интересовались возможностью десантирования отряда Слащева на советской территории. На контакт вышел британский капитан Уокер с помощником М. Писсом. Ф. И. Баткин якобы даже встречался с начальником штаба английского оккупационного корпуса на предмет помощи в высадке де-

[7] Ганин А. В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М., 2021. С. 144, 247; Его же. Новые материалы о генерале Я. А. Слащеве-Крымском // Военная история России XIX–XX веков. Материалы XIII Международной военно-исторической конференции. Санкт-Петербург, 4 декабря 2020 г.: Сб. науч. статей. СПб., 2020. С. 18, 25.

санта и в засылке агентов в Советскую Россию. Англичане обещали помочь и с пропуском в Константинополь людей из России. Баткины же пытались добыть списки английской агентуры, действовавшей в Советской России.

В ноябре 1921 г. Слащев с супругой и А. И. Баткиным тайно уехали на итальянском пароходе в Крым, тем более что возникла угроза ареста Ф. И. Баткина. А. И. Баткин планировал в Советской России получить средства для продолжения работы и вернуться в Константинополь. Отъезд Слащева был представлен англичанам как поездка для соединения с повстанцами в России. Однако выбраться за границу А. И. Баткину не удалось. Ф. И. Баткин также уехал в Советскую Россию, где в 1923 г. был расстрелян.

Сложно судить, что именно в публикуемом документе достоверно, а что является плодом фантазии автора, очевидно преувеличивавшего результативность своей разведывательной работы. Тем не менее, представляется, что это значимый источник, раскрывающий многие детали работы советских агентов в Константинополе, а также возвращения в Россию генерала Я. А. Слащева.

Документ публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала. Явные ошибки исправлены без оговорок.

***

Президиум ВЧК

С момента прибытия армии Врангеля[8] в Константинополь стало до очевидности ясно, что дальнейшее существование этой армии и бессмысленно, и просто является угрозой безопасности страны и ее граждан.

Бандитизм, национальная нетерпимость и все отрицательные стороны, так старательно прививаемые в течение почти трех лет начальниками, которые продолжали и еще до сих пор продолжают командовать, не только подтверждало эти опасения, а даже укрепляло в них.

И встал вопрос: уничтожить силы, группирующие вокруг себя все отбросы общества, которым терять нечего и для которых война стала целью-профессией.

[8] Врангель Петр Николаевич, барон (15.08.1878 – 25.04.1928) – барон, генерал-лейтенант, главнокомандующий Русской армией.

С означенной целью моим братом было написано письмо генералу Врангелю (в момент создания Русского Совета[9]), завершавшему[10] борьбу за сохранение или распыление армии, в котором перечислялись все ужасы и зло, сделанные армией России. Все издевательства и отдельных чинов (с указанием фамилий), и отдельных учреждений (с наименованием каждого) над рабочими, проф[союзным] движением, кооперативами и гражданским населением. В конце письма было сказано приблизительно следующее:

«Все это я хотел было объяснить заблуждением, но Вы создали Русский Совет. Это не заблуждение – это злая воля. Единственный для Вас выход, чтобы страна не заклеймила Вас страшным именем – уйти в отставку, пока не поздно. Отдайте армию в распоряжение Общественного комитета, выбранного народом (беженцами), который сумеет, распылив ее, создать условия для ее сносного существования – иначе страна проклянет Вас».

Все это, конечно, не возымело действия, т. к. и Врангель, и большинство эмиграции полагали, что дальнейшая борьба возможна, т. к. отношение французского правительства выяснено еще не было. Казалось еще тогда многим, что французское правительство, начав играть «ва-банк» (признание Врангеля), будет продолжать игру до конца. В скором времени, однако, стало известно, что французское правительство под давлением парламента принуждено официально от этого отказаться. Франция признала, что ее карта бита. И это было началом крупного раскола в среде эмиграции.

Сознание, подсказывавшее нам необходимость прекращения существования армии, сказывалось с каждым днем все более и более, и моим братом было приступлено к собиранию и изучению материалов, вскрывающих причины поражения и подтверждающих необходимость прекращения борьбы, могущей привести к еще большему разорению страны. Собрав и изучив все эти материалы, брат приступил к писанию книги.

К этому времени (в мае месяце этого года) в Константинополь прибыл из Севастополя наш друг Михаил Иванович Богданов[11] – артист – якобы для за-

---

[9] Русский совет – образованное в апреле 1921 г. в Константинополе П. Н. Врангелем правительство в изгнании. Совет существовал до осени 1922 г.

[10] В документе несогласованно – завершавшего.

[11] Богданов Михаил Иванович – по некоторым данным, оперативный псевдоним сотрудника ЧК, участвовавшего в операции по возвращению Я. А. Слащева в Советскую Россию. По другим сведениям, речь шла об артисте симферопольского театра М. И. Богданове.

купок грима артистам и в беседе с моим братом, желая выявить его взгляды и настроения, сказал ему следующее: «Было бы хорошо сейчас ввиду отсутствия войск в Крыму десантировать армию для захвата власти». На что получил следующий ответ: «Никаких разговоров о дальнейшей борьбе с Сов[етской] властью быть не может. Всякий, кто искренно любит страну, обязан всеми силами противиться вторжению какой бы то ни было силы, и всячески должен способствовать делу помощи восстановления страны, ее мощи и экономической жизни. Власть, прошедшая такие испытания, как трехлетняя Гражданская война, абсолютная разруха транспорта и почти всего государственного аппарата, такая власть доказала свое право на существование и, безусловно, выведет страну на путь нравственного и экономического развития. Мешать ей в этом – преступление перед Родиной и долг каждого, повторяю, помочь ей».

После такого ответа М. И. Богданов предложил вступить с ним в более подробные переговоры об изыскании конкретных форм поддержки власти. И отбыл в Севастополь для получения санкций от лица, его пославшего (тов. Виленского[12]), после чего вернулся.

В первую голову было решено приступить к подготовке крупных боевых генералов к восприятию необходимости вышеизложенного взгляда, тем более, что чувствовалась[13] всеми неизбежность конфликта между Сов[етской] Россией и ее соседями (Румынией и Польшей – ненависть к каковым равна ненависти к союзникам). Это было крупным основанием для начала переговоров. Переговоры начались с генерала Слащева, ради чего мой брат переехал в деревню, где жил Слащев. Переговоры с ним увенчались успехом (в последнее время выяснилось, что переговоры со Слащевым вел еще с февраля месяца представитель Сов[етской] власти Ян Петрович Ельский[14]). Одновременно были заведены переговоры с генералами Науменко (кубанский атаман)[15], Агоевым (терский казак, пользующийся большим уважением у терского казаче-

[12] Виленский С. Б. – особоуполномоченный Всеукраинской ЧК в Константинополе.
[13] В документе – чувствовалось.
[14] Ельский (Тененбаум) Ян Петрович (1881 – 29.12.1937) – уполномоченный ВЧК, участник операции по возвращению генерала Я. А. Слащева в Россию.
[15] Науменко Вячеслав Григорьевич (25.02.1883 – 30.10.1979) – генерал-лейтенант, Войсковой атаман Кубанского казачьего войска.

ства)[16]. Переговоры эти дали положительные результаты – они изъявили согласие на приезд в Россию. Вел с ними переговоры также и ген. Слащев (через своих офицеров). Вопрос отъезда Слащева, Мильковского[17], Гильбиха[18] и др[угих] тянулся около двух месяцев. Не было средств не только на отправку, но и на жизнь. По этой же причине не смогли выехать и остальные.

Подробности этого излагаются мною в докладе № 2 Президиуму ВЧК о Кудише, Михайлове и Бирштейне[19].

Оставаться дальше Слащеву было нельзя, т. к. благодаря обстоятельствам (доклад № 2) можно было рассчитывать на полный провал и благодаря капитану итальянского парохода[20] удалось вывезти ген. Слащева, его жену[21] и меня в потайном помещении парохода, за что ему была обещана[22] уплата Сов[етской] властью 1500 тур[ецких] лир (дана расписка за подписью М. И. Богданова и ген. Слащева). Считаю нужным указать риск, какому подвергался капитан в случае нашей поимки: шестимесячному тюремному заключению, отрешению от должности и запрещению плавать (от 5 лет и без срока).

Имеется согласие на приезд в Россию донского атамана генерала Богаевского[23].

Ведутся переговоры с генералом Врангелем.

Из разговоров, заведенных с ним издалека, он, безусловно, понял, к чему все это должно привести и не отклонил этого разговора.

Затем в течение 2–3 недель велись с ним разговоры, подготавливавшие его к рассмотрению более серьезно этого вопроса. За день до моего отъезда из Константинополя генералом Богаевским, находящимся в личной дружбе с моим братом и генералом Врангелем, был устроен чай для последнего, на ко-

---

[16] Агоев Константин Константинович (23.03.1889 – 21.04.1971) – генерал-майор, командир Терско-Астраханского полка на острове Лемнос.

[17] Мильковский Александр Степанович (13.01.1873 –?) – генерал-майор, вернулся в Россию вместе с Я. А. Слащевым.

[18] Гильбих Эдуард Эбергард Петрович (10.03.1880 – 04.1931) – полковник, вернулся в Россию вместе с Я. А. Слащевым.

[19] Бирштейн – председатель Крымвнешторга.

[20] Слащев был вывезен из Константинополя в Севастополь на итальянском пароходе «Жан».

[21] Нечволодова Нина Николаевна – супруга генерала Я. А. Слащева.

[22] В документе – было обещано.

[23] Богаевский Африкан Петрович (27.12.1872 – 21.10.1934) – генерал-лейтенант, Войсковой атаман Донского казачьего войска (с 1919).

тором должна была произойти встреча Врангеля с моим братом. И встреча эта произошла. Резкость, которую можно было ожидать от Врангеля в отношении моего брата после его письма, выдержки из которого я цитировал в начале доклада, не была проявлена. Произошел разговор, длившийся около 3–3 ½ часов. Во время разговора Врангель заявил дословно следующее: «Ни на стороне Румынии, ни на стороне Польши в случае их войны с Россией я не выступлю» и в дальнейшем разговоре сказал: «Как был бы я счастлив, если бы мне пришлось бить французов».

Некоторая потеря им уверенности в возможности сохранить армию в дальнейшем, и сделанные им заявления, с одной стороны, и продолжающаяся агитация, которая, безусловно, является могущественнейшим орудием для окончательного уничтожения армии как вооруженной силы – с другой стороны – служит достаточным основанием для уверенности в том, что через соответствующее время при известной усиленной работе можно получить согласие Врангеля на отказ от борьбы с Сов[етской] властью и на его приезд в Россию. Придется, конечно, выдержать упорную и сильную борьбу, главным образом с правой кликой, для которых его отъезд в Россию и служение ей является безусловной гибелью надежд и планов, ими лелеемых и окончательным подрывом веры в возможность дальнейшей борьбы, но, повторяю, агитация – могущественное и испытанное оружие, что очень хорошо известно Сов[етской] власти, сделает свое дело.

В ближайшее время приезжает в Россию полковник Данилов, личный адъютант генерала Краснова[24], за которым он должен выехать в Германию и вместе с ним возвратиться в Россию. Согласие Краснова есть.

Налажена также связь с генералом Деникиным[25] с целью получения от него письма для распубликования в газетах с призывом к русским людям, солдатам и офицерам возвращаться в Россию для служения народу и стране, не занимаясь политикой. Письмо такое послужит колоссальным плюсом для агитации против продолжения борьбы с Сов[етской] властью и громадным, даже решающим толчком в вопросе распыления армии, расселенной сейчас

[24] Краснов Петр Николаевич (10.09.1869 – 16.01.1947) – генерал от кавалерии, атаман Всевеликого Войска Донского (1918–1919).
[25] Деникин Антон Иванович (04.12.1872 – 07.08.1947) – генерал-лейтенант, вождь Белого движения на Юге России, главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России (1919–1920).

на Балканах. На получение такого письма есть надежды, т. к. личный конвоец Деникина, к которому Деникин относится как к родному сыну, переписываясь с ним, написал ему под мою диктовку письмо с просьбой посоветовать, ехать ли ему в Россию? Ген. Деникин ответил, что противиться стремлению возвратиться на Родину он не может, но рекомендует быть осторожным, т. к. нет никаких гарантий, что по приезде могут убить.

Будучи лично знакомым с Деникиным еще с 1917 г., я должен был ехать вместе с этим офицером к Деникину для окончательных переговоров с ним об этом письме и даже заготовил уже себе паспорт, но ввиду того, что отъезд Слащева и отсутствие абсолютное средств, чтобы откупиться[26], создалась угроза ареста моего брата, М.И. Богданова и др[угих] лиц, я принужден был выехать не в Бельгию к Деникину, а в Севастополь, чтобы, изложив план дальнейшей работы, получить деньги и немедленно ехать назад. Деньги, как мне сказал тов. Виленский (представитель Центра РСФСР или УССР) на уплату необходимых долгов и расходов, обеспечивающих от ареста, уже посланы (?).

Ведутся также переговоры еще с некоторыми генералами и полковниками как Генерального штаба, так и строевыми.

Был поднят вопрос о приобретении единственной издающейся в Константинополе русской газеты «Presse du Soir»[27]. Эту газету собирался несколько месяцев тому назад купить сов[етский] представитель Кудиш за 40 000 (сорок тысяч) тур[ецких] лир, но сделка почему-то расстроилась. Еще в бытность мою в Константинополе были начаты и закончены переговоры о приобретении этой газеты с типографией (машинами, шрифтом и пр.) за 13 500 (тринадцать тысяч пятьсот) тур[ецких] лир. Уже была заготовлена запродажная расписка, но… ожидавшиеся деньги не прибыли.

Возможность ее приобретения не отпала. Имеется возможность приобрести быстроходный катер (типа «Истребитель» с 30-узловым ходом – от Константинополя до Севастополя при благоприятной погоде ходу 10 часов, при дурной – 14–15 часов, по использовании перевозки всех нужных лиц может быть вооружен 3-дюймовкой, как все «Истребители» и войти в состав Черноморского флота). Этот катер может быть использован для отправки людей

[26] Так в документе.
[27] Вечерняя пресса.

в Россию. Отправляя на нем товар, с помощью контроля на казаке (контрольный пункт у входа в Босфор), с которым существует связь, пока из-за отсутствия средств недостаточно крепкая – можно и отправлять нужных людей. Есть и подходящий капитан – швед Джон Блюм. Опытный моряк. Надежный человек. Очень многим обязанный нам. Стоимость катера, ввиду падения, и довольно сильного, турецкой валюты, не превысит 5–6 тысяч.

Ввиду исключительной ненависти, питаемой солдатами и офицерами, живущими за границей, к иностранцам (французам, румынам, англичанам, полякам) и ввиду обостренных отношений Румынии с Сов[етской] властью, назрела мысль создать отряд до 3 тысяч человек, который в случае выступления Румынии (войны с ней) должен пойти по тылам Румынии с целью отрезания Бессарабии, накопления вокруг себя элементов, сочувствующих Сов[етской] власти и недовольных ходом матери-Румынии и внесения паники в тыл противника. К формированию этого отряда было уже приступлено, и к моменту моего отъезда из Константинополя ядро отряда в 50 человек под командой полковника Кожевникянца[28], вооруженные винтовками с патронами (42 винтовки куплены нами, 8 было своих) и снабженные деньгами на месяц (из расчета по 36 пиастров в день на человека), уже находились в турецких лесах у болгарской границы. Прохождение этого отряда в тыл Румынии достаточно легко выполнимо, так как пограничную службу и на турецкой, и на румынской границе в Болгарии несут русские же солдаты и офицеры, питающие такую же ненависть к Румынии и другим союзникам, как и вся масса.

Обработка в этом направлении ведется и довольно успешно. Так что просачивание через турецкую границу к румынской небольшими группами 50–60 человек произойдет настолько гладко, что в первую минуту при появлении на румынской территории отряд не встретит никакого сопротивления.

Дальнейшее накопление (до 3000 чел[овек]) и существование отряда мы полагаем так: в отряд должны быть присланы комиссар и комячейка для ведения политической работы в рядовой массе отряда и направления всех его действий по типу, как это было в Красной армии. Выбор комиссара и комя-

[28] Кожевникянц Леонид Николаевич – полковник. Участник Белого движения на Юге России.

чейки должен быть проведен с соблюдением условия, изложенного мною тов. Агранову[29].

В связи с упомянутой ненавистью к союзникам (англичанам и французам) и любовью к Родине можно использовать беженскую военную массу для поднятия восстания и захвата Константинополя в момент приближения к нему Кемаль-Паши[30], для каковой цели необходимо установление теснейшей связи с ним и более детальной разработки плана совместных действий. Разработанный план (схематически) имеется. Переговоры по этому поводу ведутся с русскими военными организациями (Союз георгиевских кавалеров, Союз мосих офицеров, Союз инвалидов и др.). В этом направлении мог бы быть использован и вышеупомянутый отряд, если бы к тому времени не вспыхнула бы еще война с Румынией.

Существует связь с монархическими организациями:

1. Дмитрий Павлович (в Париже), бывш[ий] вел[икий] князь[31].

2. Евгений Марков II[32] в Берлине (Рейхенгаль)[33].

3. Бывш[ий] вел[икий] князь Андрей Владимирович в Сербии[34].

Представителем организации Дмитрия Павловича в Константинополе является князь Тундутов[35].

Рейхенгаль поддерживает связь в Константинополе с группой Бурнакина[36] (сотрудник б[ывшего] Вечернего времени – суворинская газета) и др.

---

[29] Агранов Яков Саулович (12.10.1893–01.08.1938) – особоуполномоченный по важнейшим делам при начальнике секретно-оперативного управления ВЧК.

[30] Мустафа Кемаль-паша (впоследствии Ататюрк Мустафа Кемаль) (12.03.1881 – 10.11.1938) – глава правительства Великого национального собрания Турции. Впоследствии – первый президент Турецкой республики.

[31] Романов Дмитрий Павлович (06.09.1891 – 05.03.1942) – великий князь, внук Александра II, двоюродный брат Николая II.

[32] Правильно – Марков 2-й Николай Евгеньевич (02.04.1866 – 22.04.1945) – монархист, политический деятель правого направления.

[33] Рейхенгаль – местечко в Германии, где в мае–июне 1921 г. состоялся первый съезд монархистов-эмигрантов.

[34] Романов Андрей Владимирович (02.05.1879 – 30.10.1956) – великий князь, внук Александра II.

[35] Тундутов Данзан Давидович (1888 – 07.08.1923) – калмыцкий князь-нойон, генерал-майор, атаман Астраханского казачьего войска.

[36] Бурнакин Анатолий Андреевич (?– 27.10.1932) – журналист, поэт, критик, бывший сотрудник газеты «Вечернее слово» (Севастополь).

Цель этих организаций – просачивание в Россию своих членов. Занятие высших должностей в республике; внушение к себе доверия и при наличии достаточных данных устроить переворот, захватить власть в свои руки, перерезать всех коммунистов и жидов и объявить монархию. Они обратились к нам с предложением помогать им в отправке их людей в Россию.

Поддерживается также связь с украинской организацией инженера Однесевича[37] (отколовшаяся группа от Национального Украинского комитета Моркотуна[38]), связь эта дает возможность выяснять настроения и планы всех украинских организаций, т. к. организация эта, как и все другие, имеет свою контрразведку (начальник – Богомолец), которая, главным образом, ведет слежку за своими конкурентами.

Англичанам для достижения своих планов расчленения России необходимо создание фронтов внутри ее, что сделать открыто они не могут и потому стараются поддерживать всякого, кто думает об этом же. И пытаются завязывать сношения с частью эмиграции либерального и левого толка, т. к. вступать в связь с явно реакционными элементами они не могут ввиду сильного противодействия английского общественного мнения этому.

Когда в Константинополе стало известно (из газет), что генерал Слащев снабжает моего брата документами для книги, и что живут они в одной деревне, в городе стали распространяться слухи о возможности высадки десанта генералом Слащевым, причем помощником его по политической части назывался мой брат. Дошло это и до англичан (между прочим, в Константинополе до 32 контрразведок частных и казенных). Начальник английского оккупационного корпуса начал делать попытки завязать сношения с этой организацией. Поручено это было капитану английского Генерального штаба Уокеру.

Несколько слов о нем: Уокер – офицер английского Генерального штаба. Ему поручены ведения переговоров об устройстве восстаний в тылу России, ведение шпионажа как в России, так и вообще на востоке. Работает он не в армии, как все другие офицеры, а имеет коммерческую контору для посредничества при покупке и продаже товаров. Контора и все эти коммерческие

---

[37] Правильно – Адиасевича. Адиасевич Александр Викторович (10.1865 – 19.02.1922) – инженер. В юности был близок к народовольцам. С лета 1920 г. жил в Константинополе. Член константинопольского отдела Украинского национального комитета.

[38] Моркотун (Маркотун) Сергей Константинович (15.07.1890 –?) – председатель Украинского национального комитета в Париже.

дела служат для него, с одной стороны, как марка, прикрывающая его настоящее положение, и дает ему возможность входить в самые разнообразные слои общества, и с другой – средства к наживе.

Его помощники – англичанин М. Писс, бывш[ий] директор-распорядитель одного из заводов в городе Екатеринодаре (Куб[анской] обл[асти]). Прекрасно говорит по-русски.

И через него, как нашего хорошего знакомого, капитан Уокер обратился к моему брату с предложением вступить в переговоры с английским командованием о работе против большевиков. При получении означенного предложения явилась мысль использовать связь с англичанами для проведения в жизнь своих планов (излагаемых в этом докладе). Брат согласился на ведение переговоров, но при условии, что переговоры будут вестись непосредственно с главным командованием (это давало возможность более основательно выявить их настроение), на что было дано согласие. В Терапии (предместье Конст[антинополя]) на берегу Босфора – летняя резиденция штаба английского оккупац[ионного] корпуса произошла встреча моего брата с начальником штаба английского оккупационного корпуса, который заявил, что им известно, что Слащев и мой брат ведут подготовительные работы к высадке десанта и что англичане готовы помочь им в этом деле. В результате переговоров было решено, что помощь на первое время должна выразиться в устройстве свободного проезда из России людей, информирующих нас и поддерживающих связь с зелеными. Для связи между нами и англичанами по взаимному соглашению был назначен капитан Уокер. Требование помощи для свободного въезда в Константинополь из России обусловливалось тем, что английская разведка стала арестовывать всех приезжающих из Севастополя [*текст утрачен*] [присутст]вие визы итальянского консула (консул находится в Батуме). Показалось это весьма нужным.

Приехавший вскоре М. И. Богданов (первый раз с тов. Шульцем) и второй раз с тов. Болдыревым, Михайловым и Бирштейном (оба раза арестовывался и по распоряжению английского штаба немедленно освобождался (со всеми приезжавшими с ним)), хотя английская разведка, имеющая сведения от своих агентов в России, упорно не хотела его выпускать.

Из разговоров с капитаном Уокером выяснилось, что он, прежде всего, как всякий англичанин – торгаш, мечтающий о наживе. И так как наши люди (подразумевались Богданов и все, кто с ним смог бы приехать) ведут офици-

ально коммерческие дела, а благодаря этому получают и доставляют нам нужные сведения из России – ему, Уокеру, будет уплачиваться «комиссия» и было дано 500 тур[ецких] лир в счет нужных пары тысяч. И он про политику забыл. Проработав некоторое время и подготовив отъезд ген. Слащева и группы, надо было до некоторой степени легализовать его отъезд. Англичанам было заявлено, что ввиду изменившихся условий в нашей среде высадка десанта отпадает, а является и возможность, и необходимость отправки Слащева и группы людей к зеленым. Время, способ и место, конечно, не указывалось.

Сведения, даваемые Уокеру, английской разведкой, частью полученные от русской контрразведки, частью непосредственно из России, с одной стороны и невыполнение нами обязательств (неуплата Уокеру следуемых обещанных ему денег) и совершенная неосведомленность англичан в подробностях нашей работы, с другой стороны, зародило в Уокере сомнение: не большевистский ли агент Богданов, скрываемый Баткиным? И Уокер вызвал моего брата к себе. Между ними произошел крупный разговор, во время которого он заявил: «Вы не выполнили своих обязательств (неуплата денег). Благоволите изложить весь ход Вашей работы и дать все сведения, имеющиеся у Вас о России, для передачи их мною главному английскому командованию». На это последовал ответ моего брата: «Вы англичанин и делайте свое английское дело. Я русский – делаю свое русское дело. Поэтому ничего, касающееся России, сказать Вам не могу. Верите нам – можем работать совместно; не верите – можем не работать». Повернулся и ушел.

Через некоторое время по уплате ему еще некоторой довольно солидной суммы состоялось примирение, и он просил познакомить его со Слащевым. И незадолго до отъезда Слащева состоялось их знакомство. В разговоре Уокер заявил, что англичане подозревают, что Богданов – советский агент, покрываемый Баткиным, [которым они тоже недовольны, так как[39]] он ничего не сообщает им. Слащев заверил Уокера, что Богданов – его агент, а не советский и что Баткин ничего не сообщает, т. к. он, Слащев, запретил ему давать кому бы то ни было и какие бы то ни было сведения. Слащев сообщил ему, что он уезжает к зеленым (ни время, ни места, ни способа отъезда не указал). Нами было заключено соглашение с Уокером на дальнейшую работу с ним. По этому соглашению мы должны дать ему 3000 (три тысячи) тур[ецких]

[39] Утраченный фрагмент документа восстановлен по цитате из кн.: Хинштейн А. Е. Подземелья Лубянки. М., 2005. С. 110.

лир на издание газеты на англо-французском яз[ыке]. Влияние английской разведки на Уокера в смысле лишения нас поддержки продолжалось, что вначале дало некоторые результаты (как видно выше), но после беседы со Слащевым и нового соглашения о субсидировании газеты, это влияние пало. Для разубеждения англичан Уокер устроил у себя чай (который был оплачен моим братом). На чай этот были приглашены чины английского штаба и начальник английской разведки капитан Генкин (прекрасно говорит по-русски) и мой брат. Находясь в такой связи с русской контрразведкой и настроенный ею против брата, он задал ему вопрос: «Какие причины побуждают Вас не работать с Русской армией, делающей то же дело, что и Вы?». На что получил ответ, что мой брат не только не работает с так называемой Русской армией (Врангеля), а наоборот даже берет с ней[40] как с силой, не только контрреволюционной, но и силой, явно реакционной, угрожающей государству. Ответ был исчерпывающий, удовлетворивший собравшихся, и Уокер достиг цели. Английская разведка прекратила натравливание Уокера против брата.

Ко всему этому имеется возможность получить списки агентов английской разведки, живущих в России и находящихся на службе у Сов[етской] власти.

Совершая эту работу, в то же время мой брат продолжает писать книгу, о которой я указал в начале доклада. По окончании книги и выпуска ее в свет на нескольких языках мой брат выступит открыто (в печати или на собрании в зависимости от обстановки) с призывом о переходе на советскую сторону и приедет в Россию.

(А. Баткин)

Для проведения всей этой работы требуется:

Снабжение меня инструкциями и средствами. Назначение нужного количества людей (в редакторы газеты мы выставляем своего кандидата, который указан мною тов. Агранову) и мой немедленный выезд в Константинополь.

Техническая возможность проведения всего плана в жизнь сообщены мною также тов. Агранову.

(А. Баткин)

11/XI-[19]21 г.

г. Москва

№ 1.

Верно:

---

[40] Так в документе.

Делопроизводитель секретариата Президиума ВЧК[41]

ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 144. Л. 140–149. Машинопись.

1. Дача гарантий (заявление мое).

2. Снабжение инструкциями.

3. ------//------ деньгами.

4. Назначение своего представителя (инкогнито) в Константинополь для работы с нами.

5. Назначение комиссара в отряд.

6. -------//------ комъячейки --//--

7. Для ведения газеты одно лицо назначается Вами – другое лицо назначается по нашему представлению.

8. Мой немедленный выезд обратно.

9. Присылка курьеров, если таковая понадобится, ведется только или через Батум или через Германию, но никак не через Севастополь.

10. Проезд всех нужных для работы там людей указан в п.п. 4, 5, 6 и 7. должен быть только через Батум.

11. Все назначенные люди должны быть достаточно испытаны.

Условия должны быть полностью приняты или полностью отвергнуты.

Верно:

Делопроизводитель секретариата Президиума ВЧК[42]

ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 144. Л. 150. Машинопись.

[41] Подпись неразборчива.
[42] Подпись неразборчива.

III. ОБРАЗОВАНИЕ И РАСПАД СССР

В. И. Голдин

Национальный вопрос и межнациональные отношения на Европейском Севере России: взгляд сквозь годы

Каждый регион многонациональной России характеризуется своими особенностями в сфере национальных и межнациональных отношений, национально-государственного строительства, состава населения. В данной статье речь пойдет о Европейском Севере России, включавшем в себя в начале XX в. Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую губернии. В дальнейшем на этих территориях происходили значительные перемены в административно-территориальном делении, и сегодня этот регион включает в себя Республику Карелию, Республику Коми, Архангельскую, Вологодскую и Мурманскую области и Ненецкий автономный округ. Европейский Север России – это крупный полиэтничный регион страны, объединявший и объединяющий в прошлом и настоящем как коренные народы, издавна живущие здесь, так и людей, поселившихся здесь сравнительно недавно по историческим меркам. Наряду с русскими здесь проживают такие коренные народы Севера, как карелы, коми, ненцы и вепсы.

Национальный вопрос и межнациональные отношения на Европейском Севере России в историческом прошлом никогда не приобретали такой остроты, как в целом ряде других многонациональных регионах России. Это было обусловлено целым рядом факторов, в том числе обширной территорией и малой заселенностью региона, где коренные народы, национальности и этнические группы или малые народы Севера, как их еще называют, имели свой традиционный ареал расселения и соприкасались преимущественно лишь с русскими. Объяснялось это и устойчивыми традициями дружбы и миролюбия, межнациональной толерантности, характерной для северян, отсутствием острых конфликтных вопросов в межнациональной сфере, которые требовали бы разрешения.

Специальные издания книжного формата о развитии народов Севера, публиковавшиеся в советский период, были немногочисленны[1]. Причем в

[1] Клещенок И. П. Народы Севера и ленинская национальная политика в действии. М., 1968; Этническое развитие народностей Севера в советский период. М., 1987 и др.

литературе о них жители Европейского Севера, как правило, не выделялись и не исследовались отдельно, но включались в общее описание национальностей и этнических групп, живших на Севере от границ с Норвегией и Финляндией до Дальнего Востока. Центр тяжести в изучении делался на тех позитивных переменах, которые происходили с этими народами и группами населения в советский период, и накопленном историческом опыте. Существовал особый пласт этнографической литературы о коренных народах Севера. Наиболее активно изучалась история карел и коми, их государственных образований, сложившихся в советский период[2]. Вышли в свет издания книжного формата о ненцах, саамах и вепсах[3].

В постсоветский период были опубликованы обобщающие издания об истории Карелии, Коми и Ненецкого края[4]. Появились публикации междисциплинарного характера о коренных народах Севера и Арктики[5], книжные издания о карелах, ненцах, коми и вепсах[6]. За рубежом вышли в свет некоторые обобщающие совместные (с участием иностранных и российских ученых) исследования об истории государств и народов Европейского Севера[7].

История XX века демонстрирует наличие на Европейском Севере России целого ряда интересных проблем, таких как советский опыт развития прожи-

---

[2] Попов А. А., Сметанин А. Ф., Напалков А. Д., Бараксанов Г. Г. Национальное строительство в Коми АССР (история и современность). Сыктывкар, 1991; Очерки истории Карелии. В 2 томах. Петрозаводск, 1957, 1964; Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983.

[3] Пименов В. В. Вепсы: очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965; Хомич Л. В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1966; Киселев А. А., Киселева Т. А. Советские саамы: история, экономика, культура. Изд. 2-е, перер. и доп. Мурманск, 1987 и др.

[4] Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917–1940 годы). Сыктывкар, 1996; Ненецкий край сквозь вьюги лет: очерки, статьи, документы. Архангельск, 2000; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001; История Коми с древних времен до конца XX века. В 2 томах. Сыктывкар, 2004; Карелия. Энциклопедия. В 3 томах. Петрозаводск, 2007–2011 и др.

[5] Соколова Ф. Х. Коренные малочисленные народы Арктики: концепт, современное состояние культуры // Арктика и Север. 2013. № 12. С. 1–19.

[6] Жеребцов И. Л. Основные этапы этнодемографического развития народа коми. Сыктывкар, 1995; Хомич Л. В. Ненцы. СПб., 1995; Кочкуркина С. И. Народы Карелии: история и культура. Петрозаводск, 2005; Клементьев Е. И. Карелы: историко-этнографический очерк. Петрозаводск, 2008; Строгольщикова З. И. Вепсы: историко-этнографический очерк. Петрозаводск, 2008 и др.

[7] The Barents Region. A Transnational History of Subarctic Northern Europe. Oslo, 2015, etc.

вавших здесь коренных народов, формирование тех или иных форм национальной государственности и их развитие, отношения с соседней Финляндией и др.

В досоветский период коренные национальности и этнические группы не имели своих национально-административных образований и письменности, лишь у карел имели место ранние опыты создания письменности на основе кириллицы. До 1917 года коми именовались зырянами, саамы – лопарями, ненцы – самоедами, а вепсы – чудью. Карелы, коми, лопари/саамы и чудь/вепсы относятся к финно-угорской языковой группе, а самоеды/ненцы считаются самодийским народом, иначе говоря, относятся к группе близкородственных коренных малочисленных народов Севера, говорящих на самодийском языке. К Российской революции 1917 г. все они находились на докапиталистической стадии развития (у карел и коми-зырян появлялись зачатки капиталистических отношений), а у саамов/лопарей и ненцев/самоедов во многом еще господствовал родовой быт, они находились на стадии разложения родовых отношений.

Карелы проживали на Севере на территориях Архангельской губернии (Беломорская Карелия) и Олонецкой губернии. По общероссийской переписи 1897 года, здесь насчитывалось около 79 тыс. карел[8]. Зыряне/коми, по данным той же переписи, были расселены на Европейском Северо-Востоке, на территориях Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии, Печорского и Мезенского уездов Архангельской губернии, Орловского уезда Вятской губернии и Чердынского уезда Пермской губернии. После проведения переписи 1897 года численность зырян, проживавших на этой территории, увеличилась на треть. Всего в Российской империи в предреволюционные годы насчитывалось примерно 180 тысяч человек, считавших коми своим родным языком. В 1917–1918 годах на территориях, именуемых в современной литературе Коми краем, проживали примерно 214 тыс. человек, из которых около 21 тыс. составляли русские, а остальные были зырянами/коми[9].

Самоеды/ненцы делились на европейских и азиатских и проживали вдоль побережья Северного Ледовитого океана, на территориях северных и сибирских губерний. Лопари/саамы жили на территории Архангельской губернии. По переписи 1897 года, их насчитывалось 1812 человек. Чудь/вепсы делились на северных (прионежских), средних (оятских) и южных. Согласно об-

[8] Финно-угорские народы России: генезис и развитие. Саранск, 2012.
[9] История Коми с древних времен до конца XX века. Т. 2. С. 22–23.

щероссийской переписи 1897 года, их общая численность составляла 25820 человек, из которых 7,3 тысячи проживали в Восточной Карелии, к северу от реки Свирь[10].

Национальное движение карел проявило себя еще в дореволюционный период на территории Беломорской Карелии. Оно было тесно связано с влиятельными и состоятельными представителями северо-карельской диаспоры в Финляндии. 24–25 апреля на собрании в финском городе Николайстадт (ныне Вааса), в котором участвовало 20 купцов-карелов, было принято решение о проведении учредительного съезда общественного объединения, получившего наименование «Союз беломорских карелов». Этот съезд с участием 50 делегатов проходил 3–4 августа 1906 года также в Финляндии, в г. Таммерфорсе (Тампере).

К концу 1906 года в этой организации числилось 627 человек, из них 494 были финнами и лишь 133 карелами. Основную численность составляли представители купечества и интеллигенции, в основном финской. Крестьян и рабочих насчитывалось всего 16 человек. Союз провозглашал своей целью «улучшение духовного и материального положения беломорских карел». Достичь этого предполагалось за счет всемерного сближения населения Российской Карелии с этнически родственным населением Финляндии при помощи и поддержке финской общественности и властей. В выступлениях ряда лидеров этой организации высказывалась мысль о возможности в перспективе объединения «всех финских племен в составе Финляндии».

Союз и его активисты развернули активную пропагандистскую деятельность на приграничных карельских территориях. В Беломорской Карелии в 1906 – начале 1907 года были открыты две начальные общеобразовательные и одна ремесленная школа с преподаванием на финском языке. Издавались и распространялись среди карельского населения газета «Карьяластен пакинойта» («Карельские беседы»), буквари и другая литература. Началось строительство дороги между с. Вокнаволок на севере Карелии и г. Суомуссалми в Финляндии. Кроме того, на территории карельских волостей Архангельской и Олонецкой губерний начали работу миссионерские организации финляндской лютеранской церкви[11].

[10] URL: www.demoscope.ru (дата обращения: 3.09.2022).
[11] История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 304–305.

Подобная деятельность вызывала серьезную обеспокоенность русских властей и православной церкви, которые стремились противодействовать профинской деятельности на карельских территориях, отсюда высылались лютеранские проповедники. В результате создать серьезных организационных структур на этой территории к началу Первой мировой войны и Российской революции не удалось.

Профинская пропаганда на карельских территориях резко активизировалась в 1917 и в начале 1918 года, с получением Финляндией независимости. В это время новое звучание приобрел и так называемый «карельский вопрос»[12]. После начала Гражданской войны в Финляндии в январе 1918 года, 21 февраля 1918 года прозвучало громкое заявление главнокомандующего белофинской армией К. Г. Э. Маннергейма, бывшего генерал-лейтенанта российской армии, шведа по происхождению и корням, родившегося в Финляндии, адресованное «Всем финнам и беломорским карелам». В нем говорилось о том, что он не вложит меча в ножны, пока «последний ленинский солдат и бандит не будет изгнан как из Финляндии, так и из Беломорской Карелии». В дальнейшем вынашивались планы включения в состав «Великой Финляндии» военным путем территорий Кольского полуострова, Карелии, а при удачном стечении обстоятельств, и Петрограда. При этом особая надежда возлагалась на помощь Германии[13].

Первое наступление белофиннов на территории Беломорской Карелии было предпринято в марте – апреле 1918 года, но было отражено, хотя им и удалось закрепиться на ряде приграничных территорий. Победа белофиннов в Гражданской войне в Финляндии в мае того же года при помощи немецкой интервенции способствовала в дальнейшем новым военным рейдам на российскую территорию в 1918–1919 годах. В ходе Олонецкого похода весной – в начале лета 1919 года белофинны, создав Олонецкое временное правительство из финнов для Карелии, находились в 6 км от Петрозаводска, но были разбиты и вынуждены отступить на финскую территорию, куда бежало и самозваное правительство.

Ситуация среди карельского населения в годы Гражданской войны в России была сложной, учитывая и царивший на их территориях голод, поэтому

---

[12] Уткин Н. И. Россия и Финляндия: «карельский вопрос». М., 2003.

[13] Голдин В. И. Север России на пути к Гражданской войне. Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918. Архангельск, 2018. С. 242–246, 274–280.

главным был вопрос выживания. В этих условиях часть карелов продолжала поддерживать советскую власть, но часть откликнулась на панфинскую пропаганду об объединении «единокровных братьев карелов» под эгидой Финляндии и получении защиты и всемерной помощи от нее. Так, в августе 1918 года карельское население Ребольской волости приняло решение присоединиться к Финляндии, пообещавшей продовольственную помощь, строительство железной дороги Лиекса – Реболы – Мурманский путь и др. Часть карельского населения высказывалась за самоопределение, и летом 1919 года в селе Ухта, на территории, контролируемой белогвардейцами, возникло так называемое Временное карельское правительство, которое выступало за самоопределение карельского населения к западу от Мурманской железной дороги. Но туда были направлены белогвардейские карательные отряды. Ответом стал рост повстанческого движения среди карельского населения, чем не преминула воспользоваться в своих интересах Финляндия[14].

Разгром белогвардейцев и интервентов на Севере России и освобождение в феврале – начале весны 1920 года северных территорий поставило на повестку дня вопрос о национально-государственном строительстве в Карелии, учитывая сложную ситуацию здесь и опасность новых военных провокаций со стороны Финляндии. 18 мая 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) решило «признать в принципе желательным организацию Карельской Коммуны». Была создана специальная комиссия, которой поручалось подготовить проект постановления ВЦИК об образовании Карельской Трудовой Коммуны (КТК). 1 июня 1920 года Политбюро ЦК обсудило представленный комиссией проект декрета о создании КТК, а 8 июня того же года ВЦИК принял постановление об образовании в составе РСФСР Карельской Трудовой Коммуны, что стало началом национальной государственности края. Это непосредственно предшествовало начавшимся 10 июня переговорам о мире с Финляндией. На момент образования КТК ее население составляло 144, 4 тыс. человек, из них около 60 % были карелы, а 37 % – русские.

В начале июля 1920 года в Петрозаводске состоялся Всекарельский съезд Советов. В ходе подготовки к нему на волостных и других народных собра-

[14] Уткин Н. И. Россия и Финляндия: «карельский вопрос». М., 2003; Килин Ю. М. Карельский вопрос во взаимоотношениях Советского государства и Финляндии в 1918–1922 гг. [Электронный ресурс]. Петрозаводск, 2012; Витухновская-Куаппала М., Осипов А. В пучине Гражданской войны: карелы в поисках стратегий выживания. М.; СПб., 2020 и др.

ниях карелов состоялось выяснение их мнения по вопросу самоопределения. Предлагалось задать и обсудить вопросы: 1) Желает ли карельское население остаться в составе РСФСР? 2) Хочет ли оно создания независимого Карельского государства и отделения Карелии от РСФСР? 3) Желает ли оно, чтобы карельские волости вошли в состав Финляндии?

В результате проведенного опроса карельского населения, за сохранение Карелии в составе РСФСР высказалось 88,3 % опрошенных, за создание самостоятельного государства – 10,8 %, за присоединение к Финляндии – 0,9 %. Всекарельский съезд Советов, обсуждавший основной вопрос «об отношении населения к Финляндии, России и независимости», приветствовал образование КТК в составе РСФСР. 4 августа 1920 года совместным постановлением СНК и ВЦИК были определены границы КТК. Это автономное образование рассматривалось ее руководством и как форпост социализма на Севере Европы[15].

В ходе сложных мирных переговоров РСФСР с Финляндией в Тарту в 1920 году решался вопрос о судьбе Ребольской и Поросозерской волостей, оккупированных Финляндией. В результате их удалось вернуть Советской России, но при этом уступить район Печенги[16].

Выработке программы развития КТК был посвящен I Всекарельский съезд Советов в феврале 1921 года. Был избран первый состав Кареблисполкома во главе с Э. А. Гюллингом. Съезд признал равноправие русского и финского литературных языков, но финский язык определялся как «язык национального меньшинства среди карелов коммуны, преимущественно в западной части Кемского уезда». Русский язык признавался для большинства карелов «родным культурным языком». КТК была единственной из автономий РСФСР, получившей особые бюджетные права, что призвано было помочь развитию ее экономики[17].

Последним отзвуком Гражданской войны в Карелии стало Карельское восстание, вспыхнувшее в конце 1921 года. Оно было обусловлено, с одной стороны, сложным экономическим и продовольственным положением в крае, а с другой, – переброской из Финляндии в Карелию отрядов из ранее бежав-

---

[15] История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 428–438, 442.

[16] Россия и Финляндия: от противостояния к миру. 1917–1920. М., 2017. С. 301–446. Смолин А. В. «Новый Брест». Тартуский мир Советской России с Финляндией 1920 г. СПб., 2020.

[17] История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 439–440.

ших туда карелов и финнов-добровольцев и помощью восставшим со стороны Финляндии. Восстание было подавлено в начале 1922 года.

25 июля 1923 года КТК была преобразована решением СНК и ВЦИК РСФСР в Автономную Карельскую Социалистическую Республику как федеративную часть РСФСР, что открывало новые возможности для ее развития.

Иначе развивались после Российской революции 1917 года события в районах, заселенных коми-зырянами. Впервые идея образования Коми автономии была вынесена на обсуждение общественности 17 января 1918 года в Усть-Сысольске на учредительном съезде Совета рабочих, солдатских и красноармейских депутатов. С ней выступил известный местный общественный деятель, бывший священник и депутат IV Государственной думы Д. Я. Попов. Вновь вопрос о зырянской автономии обсуждался на I съезде Усть-Сысольского Совета, проходившем с 23 марта по 2 апреля 1918 года.

По ходатайству исполкомов Советов Яренского и Усть-Сысольского уездов в ноябре 1918 года был учрежден Зырянский (Коми) отдел Наркомата РСФСР по делам национальностей. Но суровые реалии Гражданской войны прервали этот процесс, и Зырянский отдел при Наркомнаце реально начал свою работу лишь 15 ноября 1920 года и способствовал выделению коми народа в автономию. В январе 1921 года состоялся I Всезырянский съезд коммунистов, в центре работы которого оказался вопрос об образовании Зырянской автономии, и было принято решение в пользу создания «Автономной Советской Социалистической Республики Коми». Этот вопрос получил 25 апреля обсуждение и поддержку на заседании Совета национальностей Наркомнаца, 5 мая 1921 года Президиум ВЦИК принял решение о выделении народа коми в автономную область и определении ее границ, а 22 августа того же года ВЦИК принял декрет «Об автономной области Коми (Зырян) и утвердил ее границы[18].

Вместе с тем, вопрос о границах оставался дискуссионным, и I съезд Советов Коми автономной области в январе 1922 года поднял вопрос о присоединении к ней ряда территорий Пермской, Вятской и Архангельской губерний, где жили коми-зыряне. Некоторые изменения состава Коми АО произошли в соответствии с декретом ВЦИК от 2 мая 1922 года об ее административном делении. Но окончательно вопрос ее территории определился лишь к

[18] История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. С. 285–289.

концу 1920-х годов. К этому времени претензии Коми АО на земли коми-пермяков были отклонены, ибо в феврале 1926 года был создан Коми-Пермяцкий автономный округ в составе Уральской области. Нижнепечорские волости (кроме Пустоозерской) вошли в состав Коми АО в 1929 году в связи с образованием Северного края с центром в Архангельске, куда, заметим, была включена и Коми АО. Вместе с тем, Большеземельская тундра исключалась из нее, ибо постановлением ВЦИК от 15 июля 1929 года был образован Ненецкий национальный округ (ННО), вошедший в состав Архангельской губернии и Северного края[19]. Таким образом, свое национально-административное образование впервые получили ненцы.

Северный край с центром в Архангельске, в состав которого входили, помимо Коми АО, Ненецкого ННО, Архангельская и Вологодские губернии стал не только мощным лесодобывающим, лесоперерабатывающим и лесоэкспортным регионом страны, но и обширной территорией, на которой проживали различные национальности и этнические группы. Поэтому национальные отношения и национально-государственное строительство, обеспечение ускоренного развития коренных народов Севера относились к числу важных задач, вставших перед руководством Северного края, существовавшего с 1929 по 1936 год.

В 1917–1930-х годах советское государство решало задачи ликвидации сплошной неграмотности и приобщения народов Севера к современной цивилизации, охвата образованием всех северных народностей. В 1924 году советское правительство отдельно выделило в группу и взяло под защиту государства 26 малочисленных народностей Севера, общей численностью 150–160 тыс. чел., которые в то время еще не изжили состояния первобытной общины, сохраняя архаические формы материальной культуры и общественных отношений и имея крайне низкий уровень грамотности. Например, среди ненцев число грамотных составляло лишь 0,9 %, не лучше обстояло дело с грамотностью и у лопарей/саамов. Весь комплекс ускоренного развития ненцев, как и других коренных малочисленных народов Севера, и прежде всего, ликвидации их неграмотности, предстояло решать в короткие исторические

[19] История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. С. 291; Ненецкий край: сквозь вьюги лет. Архангельск, 2000. С. 15–26.

сроки, что и происходило на деле[20]. Стоял вопрос и о создании письменности для малых народов Севера. Приобщение к современной цивилизации было связано и с необходимостью постепенного перехода их от кочевого к оседлому образу жизни.

В 1920-е – 30-е годы в СССР возникли саамские и вепсские национальные районы и сельсоветы. Саамы относились к коренным малочисленным народам СССР. До 1930 года в паспортах советских саамов их национальность записывалась как «лопарь», а с 1930 года – как «саами»[21]. Численность саамов в СССР составляла 1720 человек в 1926 году и 1812 – в 1939 году. Абсолютное большинство саамов проживало в Ловозерском и в Понойском, переименованном в 1936 году в Саамский, районах Мурманского округа, с 1938 году Мурманской области.

Численность вепсов как в СССР, так и на северных территориях страны (за исключением Карелии), несколько сократилась. В СССР в 1926 году проживало 32785 вепсов, а в 1939 году – 31679 человек. В 1926 году в Карелии было 9007 вепсов, а в Вологодской губернии – 5432 человека. В 1939 году в Карелии их проживало 9388 человек, а в Вологодской области – 4976 человек.

Большую роль в национально-государственном строительстве на Европейском Севере играл Комитет содействия народностям северных окраин» (Комитет Севера) при Президиуме ВЦИК РСФСР, созданный по указанию ЦК РКП(б) и ВЦИК СССР Президиумом ВЦИК 20 июня 1924 года. Комитет занимался изучением современного положения, истории и культуры народов Севера, вопросами их хозяйственной деятельности, обеспечением продуктами и предметами первой необходимости, содействовал развитию их культуры и образования, медицинского обслуживания, созданию письменности и др.

Были созданы комиссии Комитета Севера по важнейшим проблемам развития малых народов: административно-правовая, финансово-налоговая, научно-исследовательская, оздоровительная, просветительская. При губернских, краевых и окружных исполкомах были образованы «Местные комитеты содействия народностям Северных окраин», на которые возлагался госу-

[20] Абакумов А. А. Начинали с ликбеза ...: (Из истории народного образования на Архангельском Севере. 1917–1937 гг.). Архангельск, 1988.
[21] Мурманский вестник. 2011. 3 сентября.

дарственный контроль за национальным строительством на местах[22]. Комитет Севера действовал, проделав огромную работу в указанных направлениях, до 10 августа 1935 года, когда был ликвидирован.

Дальнейшие изменения в национально-государственном строительстве на Европейском Севере России произошли во второй половине 30-х годов. В соответствии с Конституцией СССР 1936 года Коми АО была выделена из Северного края и преобразована в Коми АССР, а в 1937 году была принята ее Конституция. По итогам советско-финской войны 31 марта 1940 года был принят Закон о преобразовании Карельской АССР в союзную Карело-Финскую СССР.

В межвоенный период ускоренными темпами шла индустриализация, особенно Коми АССР, а также Карелии. И тот, и другой регионы специализировались в основном на развитии сырьевых отраслей промышленного производства. Доминирующей сферой производства у ненцев и саамов было оленеводство. Быстрыми темпами развивались сферы образования и культуры, ликвидировалась неграмотность. В республиках появились вузы, а в Петрозаводске в 1940 году был создан государственный университет. В 1938 году был утвержден карельский литературный язык, а Конституция Карелии, принятая в 1937 году, определяла его как официальный язык республики.

Великая Отечественная война тяжело сказалась на жизни северных народов, и прежде всего Карелии, большая часть которой вместе со столицей – Петрозаводском была оккупирована финскими войсками, где развернулась политика финнизации. Основная часть населения республики находилась в эвакуации и в Красной армии. К 1945 году население Карело-Финской ССР составляло 196 тыс. человек, т. е. в три раза меньше чем до войны[23]. С окончанием войны началось возвращение людей из эвакуации и из армии, и развернулись восстановительные работы.

В 1956 году был принят закон Верховного Совета СССР о преобразовании Карело-Финской союзной республики в Карельскую АССР и включении ее в состав РСФСР. Это был первый подобный прецедент в советской истории. Считается, что тем самым Н. С. Хрущев хотел продемонстрировать дружественную политику СССР в отношении Финляндии, и таким образом

---

[22] Клещенок И. П. Народы Севера и ленинская национальная политика в действии. М., 1968. С. 89–129.

[23] История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 662.

политическая целесообразность возобладала над законом. В 1991 году численность населения Карелии увеличилась до 799 тыс. человек. При этом количество русских в республике увеличилась, согласно всесоюзной переписи 1989 года, до 74 % в составе населения, карелы составляли 10 %, а численность представителей финно-угорской языковой группы в целом (с учетом финнов и вепсов) уменьшилась до 13 %. Это было, прежде всего, следствием процессов индустриализации, урбанизации и смешанных браков. При этом по данным социологических исследований, в конце 1970-х – начале 1980-х годов 57 % карелов и 48 % вепсов не хотели, чтобы дети наследовали их национальность[24]. По существу, эти этносы оказались в критической ситуации.

Примерно так же развивались этнодемографические процессы и в Коми АССР, где в послевоенный период происходило бурное экономическое развитие, освоение природных ресурсов, что сопровождалось притоком мигрантов. Численность населения здесь в 1989 году составила 1260,7 тыс. человек, при этом русские составили 57 %, а коми – 23 %. Коми население преобладало в 6 районах республики, а русское – в 12 районах[25].

В Ненецком национальном округе, преобразованном с 1977 года в Ненецкий автономный округ (НАО), в условиях развития здесь геологоразведочных работ и нефтегазового сектора в последние советские десятилетия происходил и прирост населения. При этом несколько увеличивалась доля ненцев в его составе. Если в 1959 году в округе проживало 45334 чел., при этом русские составляли 68,77 %, а ненцы – 10,89 % (уступая и коми – 11,01 %), то в 1989 году, когда население увеличилось до 53912 человек, русские составляли в нем 65,83 %, а ненцы – 11,91 %, обогнав коми – 9,5 %[26].

Численность саамов в советский период оставалась практически неизменной: 1959 год – 1812 человек, 1979 – 1836, 1989 – 1792. Вместе с тем, в 70-е годы в Мурманской области, где проживали саамы, вследствие строительства новых и расширения старых промышленных предприятий, расширения территорий военных объектов, а также укрепления совхозов, были расселены 32 населенных пункта, где саамы составляли этническое большинство. Тем самым традиционный ареал их расселения был окончательно разрушен. Из

[24] История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 804, 808.
[25] История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. С. 489, 490, 673.
[26] Демоскоп. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России: Ненецкий АО; Демоскоп. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России: Ненецкий АО.

саамов, связанных с оленеводством, лишь немногие смогли заниматься этим промыслом на новом месте[27].

Каких-либо конфликтных ситуаций со стороны коренных народов Европейского Севера и в межнациональных отношениях здесь не возникало.

«Перестройка» в СССР вернула национальный вопрос, считавшийся до этого, казалось бы, решенным, в повестку дня. Особенно активно национальная проблематика обсуждалась в Карелии. Уже с 1986–1987 года в республиканских СМИ представители национальной интеллигенции стали поднимать вопрос о необходимости возрождения карельского и вепсского языков ради национального возрождения народов Карелии.

В ноябре 1988 года начинает действовать Народный фронт Карелии, провозгласивший своей программой объединение активных сторонников «перестройки» ради демократического преобразования общества. Часть его членов высказывалась за возможность сотрудничества с КПСС, а часть – против.

В 1989 году было создано Общество карельской культуры, поставившее своей задачей развитие культуры и языка карелов, воспитание уважительного отношения к историческому наследию, участие в решении вопросов, затрагивающих интересы карельского народа. В центре внимания этого общества находилась проблема карельского языка. Формально оно не занималось политической деятельностью, но со временем общественно-политические вопросы начинают занимать в его работе все большее место. В дальнейшем оно было преобразовано в Союз карельского народа.

С осени 1990 года вне рамок обществ национальных культур появляются инициативные группы, выступающие с идеей государственного суверенитета для титульных наций. В Карелии появляется группа А. Григорьева, со временем оформившаяся в Карельское движение, поставившее целью отстаивание социально-политических и экономических интересов карелов посредством пересмотра национально-государственного статуса Карелии.

Обществом карельской культуры в декабре 1990 года было принято решение о проведении в июне 1991 года республиканского съезда карелов для выработки комплексной программы национального возрождения карельского народа в Карельской АССР и решения широкого комплекса связанных с этим

[27] Российская газета. Регион. Мурманск. 2011. 5 августа.

проблем. Это решение было поддержано Президиумом Верховного Совета Карельской ССР, и выборы делегатов на съезд состоялись весной 1991 года.

В опубликованных оргкомитетом по подготовке и проведению съезда тезисах «О политико-правовом состоянии карельского народа в Карельской АССР» говорилось, что создание государственного образования для карелов только на словах являлось реализацией права народов на самоопределение, в реальности же это вызвало противостояние Советской России и Финляндии. Утверждалось, что на протяжении всей истории существования карельской государственности она оставалась формальной. Указывалось, что Декларация о государственном суверенитете Карельской АССР, принятая Верховным Советом республики в августе 1990 года, продолжила линию на территориальный, а не национальный характер карельской государственности. Предлагалось добиваться расширения прав республики в решении социально-экономических вопросов, отказаться от статуса автономной республики и реализовать на практике положения Тартуского договора 1920 года и, прежде всего, «Заявления о самоуправлении Восточной Карелии» с карельской автономией в границах ее этнической территории, с карельским народным языком в качестве государственного, с собственными силами местной обороны в виде милиции.

В указанных тезисах предлагалось решить вопрос о создании на этнической территории карелов национальных районов и сельских Советов, образовать Госкомитет по делам национальностей, а в Верховном Совете КАССР создать палату национальностей (с правом отлагательного вето на решения, ущемляющие права коренных народов республики), либо постоянную комиссию по делам национальной политики, языка, культуры и охраны исторического наследия Верховного Совета КАССР.

«Карельское движение» предложило вариант повестки съезда, включавший: восстановление «правдивой истории карельского народа», достижения его подлинного суверенитета либо путем превращения Карелии в союзную республику, либо предоставление ей независимости по прибалтийскому варианту, либо через присоединение к Финляндии. Речь также шла о создании «действительно национальных» госструктур (двухпалатного парламента или квоты в треть мест в парламенте); о языковом, этническом и культурном возрождении путем консолидации южных и северных карелов, вепсов, финнов и ингерманландцев на основе финского языка; об узаконении миграционных

процессов посредством ограничения притока в республику представителей других национальностей; о возвращении исторических названий населенным пунктам; о защите национальной символики и др.

Съезд карельского народа состоялся в конце июня 1991 года в Олонце. В нем приняли участие 236 делегатов, из которых 231 владел карельским языком, а 97 – финским языком. Съезд принял Решение и Декларацию, избрал Совет уполномоченных. В Декларации выражалась тревога за судьбу карельского народа, в значительной степени ограниченного в правах на свое политическое, экономическое и культурное возрождение. Предлагалось отказаться от статуса автономной республики и принять название «Карельская республика» в составе РСФСР; соблюдать права карельской автономии, признанных Тартуским мирным договором 1920 года; создать условия для образования на этнической территории карелов по их желанию национальных образований и предоставить им права собственности на землю и природные богатства; образовать Госкомитет по делам национальностей; создать в Верховном Совете КАССР две палаты: палаты республики и палаты национальных образований; признать государственными языками русский и карельский[28].

Основными проблемами вепсской народности являлись угрозы ассимиляции и утраты вепсского языка. В 1988 году представители вепсов обратились в научно-общественный совет по сохранению культур малых народов при Советском фонде культуры. Тот подготовил 11 обращений в министерства и ведомства по оказанию помощи в возрождении вепсской народности. В конце октября 1988 года в Петрозаводске по инициативе названного совета прошло региональное межведомственное совещание «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки». В нем приняли участие представители Совмина КАССР, Ленинградской и Вологодской областей, где проживали вепсы, а также ряда министерств и Карельского филиала АН СССР.

В рекомендациях этого совещания говорилось о болевых и актуальных проблемах вепсов. Их географически единая территория расселения вошла в разные административно-территориальные образования и, более того, на их окраины, что привело к нарушению экономических связей и общения населения, обезлюдению многих сельских населенных пунктов. Упразднение вепсских национальных районов, прекращение изучения в школах вепсского

[28] История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 764, 769–772.

языка и преподавания других предметов на этом языке, ликвидация вепсской письменности, отсутствие литературы на языке, искусственное ускорение ассимиляции, снижение продолжительности жизни вепсов создали угрозу существования и единству вепсской народности, ее культуре и языку.

Были приняты рекомендации совещания о рассмотрении возможности создания в районах проживания вепсов национальных вепсских районов в качестве переходного этапа к созданию Вепсского автономного округа. Был одобрен целый ряд мероприятий, направленных на возрождение хозяйственной деятельности в обезлюдевших и малых деревнях силами коренного и привлеченного вепсского населения, развитие дорожного строительства, экономического и социального развития районов проживания вепсов, разработку перечня льгот для вепсов или распространение на них льгот, предусмотренных для народностей Севера, введение изучения вепсского языка и детских дошкольных учреждения и начальных классах, подготовку вепсского букваря и др.

Совет министров РСФСР, обсудив материалы указанного совещания, поручил министерствам и ведомствам проработать поднятые вопросы, решив их в пользу вепсского населения. Госплан КАССР подготовил предложения по дальнейшему социально-экономическому развитию вепсского края до 2005 года, а президиум Совета Министров КАССР рассмотрел в марте 1990 года вопрос о первоочередных мерах по социально-экономическому развитию территории проживания вепсов Карелии в 1990 году и на XII пятилетку. Были изданы два варианта вепсского букваря. Но вопрос о создании вепсского национального района в это время остался нерешенным[29].

В марте 1991 года Верховный Совет Карелии записал в Конституции Республики о возможности образования национальных административно-территориальных единиц (национальных районов, национальных поселковых и сельских Советов). В мартовском референдуме о судьбе СССР приняли участие 75,8 % избирателей Карелии, 76 % из которых проголосовали за его сохранение, а 22,2 % – против. Представители Карелии участвовали в Ново-огаревском процессе, добиваясь повышения статуса республики в Союзном договоре. Но подписание этого документа, ведущего фактически к ликвидации СССР и превращению его в конфедерацию под названием Союз Суве-

[29] История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 772–774.

ренных Государств, было прервано выступлением ГКЧП в августе 1991 года и не состоялось.

13 ноября 1991 года в условиях уже фактически происходившего развала и распада СССР Верховный Совет Карелии принял решение «именовать Карельскую Автономную Советскую Социалистическую Республику Республикой Карелией»[30].

В Коми АССР в 1990 году была принята Декларация о суверенитете республики, но отвергнуто предложение о включении в нее положения о праве выхода из состава РСФСР. Развернулся и процесс борьбы за повышение статуса республики. 23 ноября 1990 года Верховный Совет республики принял решение об изменении ее названия с «Коми АССР» на «Коми Советскую Социалистическую Республику»[31]. Это название было закреплено в Законе РСФСР от 24 мая 1991 года.

В условиях быстрого индустриального развития и освоения в этой республике сформировалось полиэтническое население. В декабре 1989 года была создана республиканская общественно-политическая организация «Коми котыр», поставившая целью выражение политических, экономических и культурных интересов коми народа, активизацию общественной жизни в регионе в рамках демократизации СССР и дальнейшее развитие коми национальной культуры. Учредительный съезд этого общества состоялся 1 декабря 1989 года с участием 400 делегатов и приглашенных. Учитывая подъем национального самосознания, в декабре 1989 года состоялся пленум Коми обкома КПСС с вопросом «Программа совершенствования национальных отношений в Коми АССР».

В дальнейшем общество «Коми котыр» трансформировалось в движение съездов коми народа. Эти съезды стали регулярно проводиться с 1991 года. I съезд коми народа прошел в январе 1991 года, где был избран его исполнительный орган под названием Комитет возрождения коми народа.

II съезд коми народа, состоявшийся в ноябре 1991 года, принял декларацию о провозглашении съезда высшим представительным форумом народа коми. Съезд констатировал, что «за последние десятилетия коми этнос на своей исторической родине в пределах территории нынешней Коми ССР со-

[30] История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 776–777, 781.
[31] История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. С. 540.

ставляет национальное меньшинство со всеми вытекающими из этого состояния последствиями в вопросах его конституционно-правовой защищенности». Съезд высказался за создание профессионального двухпалатного парламента с правом вето обеих палат, одна из которых состояла бы из депутатов коренной национальности, за организацию при Совете Министров Коми ССР Государственного комитета по делам национальностей, за конституционно-правовое оформление постоянно действующего Съезда коми народа и его исполнительного органа Комитета возрождения коми народа. Съезд отстаивал «конституционное право коми народа на самоопределение путем дальнейшего реального развития своей государственности на своей исторической родине совместно с представителями всех национальностей, проживающих в Коми ССР»[32].

Процессы суверенизации происходили в заключительный период существования СССР и в Ненецком автономном округе. 12 ноября 1990 года вопрос о его статусе был поставлен в повестку дня внеочередной сессии Ненецкого окружного Совета народных депутатов. Здесь развернулась дискуссия о трех возможных вариантах: округ, область, республика. Большинство депутатов высказалось за республику, считая, что «носителем суверенитета и основным источником власти в Ненецкой автономной республике будет являться ее многонациональный народ, который будет осуществлять государственную власть непосредственно через представительные органы на основе Конституции автономной республики».

В результате были приняты Декларация и Решение о провозглашении округа Ненецкой Советской Автономной Республикой. Было принято обращение к съезду народных депутатов РСФСР и Верховному Совету РСФСР с просьбой признать Ненецкий автономный округ субъектом Федерации «с правом на владение, пользование и распоряжение землей, ее недрами, водными и другими природными ресурсами континентального шельфа, растительным и животным миром в их естественном состоянии, всем национальным богатством, составляющим экономическую основу самодеятельности в интересах многонационального народа округа и РСФСР». Вместе с тем,

[32] Жеребцов И. Л., Таскаев М. В. Коми национальное движение от эсеров до наших дней. Сыктывкар, 2016; Попов А. А., Нестерова Н. А. Концептуальные основы государственной национальной политики Республики Коми (конец 80-х – 90-е годы) // Чтения, посвященные 100-летию Ф. Г. Тараканова. Сыктывкар, 2000. С.6–11.

устанавливался мораторий на провозглашение округа республикой, который отменялся бы в случае, если округ не будет признан субъектом федерации[33].

Заметим, что в основу идеи повышения статуса НАО были положены лишь экономические интересы, ибо до 1991 года округ, являясь национально-территориальной единицей и входя в состав Архангельской области, мало чем отличался в экономическом отношении от любого района этой области. Интересы округа в стране представлял в это время народный депутат СССР ненец А. И. Выучейский.

Подчеркнем, что в это сложное время, в условиях роста национального сознания населения многонационального Европейского Севера СССР, в том числе его коренных народов, и нараставшего системного кризиса в стране все выдвигавшиеся предложения и обсуждавшиеся решения принимались в конструктивном порядке и в условиях диалога с властями РСФСР и Советского Союза, и не сопровождались какими-либо экстремистскими действиями и столкновениями на межнациональной почве.

Распад СССР привел к новому этапу национально-государственного строительства уже в Российской Федерации, ставшей его преемником. В соответствии с Федеральным договором 1992 года и Конституцией Российской Федерации 1993 года, Республика Карелия и Республика Коми (преобразованная 12 января 1993 года из Коми ССР) стали субъектами РФ. В 1994 году была принята новая Конституция Республики Коми, а в 2001 году – Конституция Республики Карелии. Статус субъекта РФ в соответствии с Конституцией получил и Ненецкий национальный округ, как и Архангельская область, в состав которой он входил. И последняя стала относиться к числу тех, которые в политическом обиходе называют «матрешечными». Число их в Российской Федерации сегодня сократилось с 7 до 2, это Архангельская и Тюменская области.

Численность населения НАО, согласно переписи 2022 года, составляет 44540 человек. При этом русские составляют 62,44 %, а ненцы являются второй по численности группой населения в округе – 18,66 %[34].

Национальная тематика и межнациональные отношения оставались в постсоветский период актуальными в общественно-политической повестке территорий Европейского Севера России. Наиболее радикальных позиций

---

[33] Медведева Г. Б. Сквозь дебри суверенизации // Сквозь вьюги лет. Очерки. Статьи. Документы. С. 90–91.

[34] URL: science.fandom.com (дата обращения: 03.10.2022).

придерживалось «Карельское движение», считавшее главными вопросы национальной государственности и «национального воссоединения». Зимой 1991–1992 года оно призвало к превращению Карелии в «особую автономию» Финляндии. Оставаясь немногочисленной организацией и выражая взгляды незначительной части карельского населения, это движение проявляло политическую активность, получая поддержку из Финляндии. В связи с этим «Карельское движение» получало предупреждения от властей Республики Карелия и прокуратуры о недопустимости разжигания национальной вражды.

В ноябре 1992 года состоялся 1-й Национальный конгресс карелов, финнов и вепсов Карелии, созванный по инициативе «Карельского движения». Оно вынесло на обсуждение этого форума проект «Декларации о независимости Карелии», в которой, в частности, объявлялась низложенной власть российского правительства на территории суверенного карельского государства. Вновь выдвигалась идея двухпалатного парламента, в одну из палат которого должны были войти представители от карелов, финнов, вепсов и коренных русских Заонежья и Беломорья. Делегаты конгресса отказались принимать решения антироссийского характера, а при выборах в исполком этого форума национал-радикалы потерпели поражение.

21 января 1993 года Президиум Верховного Совета Карелии, рассмотрев материалы Национального конгресса, поручил Совету Министров разработать государственную программу возрождения языка и культуры карелов, вепсов и финнов, но отказался признавать претензии исполкома этого конгресса на официальное представительство интересов этих народов. На выборах депутатов Верховного Совета в 1994 году из 10 кандидатов Карельского конгресса (как он стал именоваться на 2-м конгрессе в 1993 г.) победил лишь один. Роль национального фактора в политической жизни Карелии с конца 1994 года постепенно снижалась, а на первый план выходили партийные формирования, и в предвыборных компаниях вопросы национальной политики не занимали уже центральное место[35].

Союз карельского народа занимал более умеренные позиции, сотрудничая с властными структурами. Он уделял особое внимание развитию карельской культуры и карельского языка. В 1998 году состоялся III съезд карелов Республики Карелия, а в 2020 году – уже IX такой съезд. Особое внимание на

[35] История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 839–842.

съездах уделяется проблемам карелов, численность которых в Карелии сократилась с 79 тысяч в 1989 году до 45441 человека, согласно переписи 2022 года, при общей численности населении этой республики сегодня в 614064 человека. Карелы являются второй по численности национальной группой в республике после русских. Заметим, что численность финнов здесь составляет 8597 человек[36]. Карельский язык по Конституции Карелии 2001 года не имеет статуса государственного, что объясняется отсутствием алфавита на кириллической основе. Он относится к категории языков, пользующихся государственной поддержкой в республике, наряду с финским и вепсским языками.

Обсуждение проблем вепсского народа в 90-е годы носило менее политизированный характер, во многом благодаря конструктивной позиции Общества вепсской культуры. Одним из условий сохранения вепсов как этноса это общество считало образование национальных административно-территориальных образований. Идею создания Вепсского автономного округа реализовать не удалось, но в 90-е годы были образованы три вепсских национальных сельских Совета, а на их базе – Вепсская национальная волость с населением 3,6 тыс. человек. Стали ежегодно проводиться этнические праздники вепсской культуры «Древо жизни»[37]. Сегодня существуют общество Вепсской культуры в Петрозаводске и Вепсское общество в Санкт-Петербурге.

В апреле 2006 года вепсы были включены в Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Численность вепсского населения в России, по данным 2010 года, составляла 5936 человек, 3423 из которых проживали в Республике Карелия.

В мае 1992 г. Верховный Совет Республики Коми утвердил Закон «О статусе съезда коми народа», законодательно закрепляющий основные принципы функционирования съезда и его исполнительного органа – «Комитета возрождения коми народа», и принял Закон «О государственных языках», придавший коми языку статус государственного в республике наряду с русским языком. С 1991 по 2020 год был проведено 13 съездов коми народа. Этот съезд, его исполнительный орган и представительства в городах и районах стали, по сути, правозащитным комплексом этого народа.

---

[36] URL: bdex.ru (дата обращения: 03.10.2022).
[37] История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 841–842.

Вместе с тем, в Республике Коми развернуло свою деятельность большое количество национально-культурных объединений и автономий. К 2001 году здесь действовало более 90 национально-культурных объединений, в т. ч. 6 республиканских автономий[38]. Министерство по делам национальностей республики осуществляет координацию и содействие работе национально-культурных автономий.

В постсоветский период развернулась деятельность различных организаций саамов в России. Традиционным местом их проживания является Мурманская область, где они и действуют. Статус саамов как коренного народа закреплен в Уставе Мурманской области, при этом Ловозерский, Ковдорский и Кольский районы официально считаются районами проживания малочисленных народов Севера. Наиболее компактно саамы проживают в Ловозерском районе и прежде всего в его районном центре – Ловозеро, неофициально именуемом саамской культурной столицей или столицей русской Лапландии. По данным 2010 года, в России проживал 1771 саам.

В декабре 2010 состоялся I съезд саамов, а на II таком съезде в 2010 году было принято решение о создании Саамского парламента Кольского полуострова в составе 9 человек. В дальнейшем прошло еще два съезда саамов, а очередной – пятый состоялся в ноябре 2022 года[39]. Кроме того, в России существует ряд общественных организаций, которые представляют интересы саамов: Ассоциация кольских саамов, Общественная организация «Национально-культурная автономия саамов Ловозерского района», Общественная организация саамов Мурманской области. Российские саамы сотрудничают с саамами Скандинавских стран и Финляндии.

Подводя итоги, следует отметить, что национальному вопросу на Европейском Севере России и проживающим здесь коренным народам в XX – начале XXI века уделялось значительные внимание. Это способствовало прогрессу этих народов в культурном и образовательном отношении. В целом же, межнациональные отношения на Европейском Севере России развивались достаточно благоприятно и без серьезных конфликтов, что, впрочем, не означает отсутствие проблем, которые необходимо решать, уделяя этой сфере самое пристальное внимание и сегодня.

---

[38] История Коми с древнейших времен до конца XX века. Т. 2. С. 676.

[39] Состоялся 26 ноября 2022 в Мурманске, в ходе него Саамский парламент (Самь Соббар) был упразднен (прим. ред.).

Г. З. Иоффе

Перестройка. Финал советской истории
Разрозненные заметки о людях и их делах

На первых порах перестройка захватила, пожалуй, не столько осмысление советского настоящего, сколько советского прошлого.

Она все больше и больше превращалась в ристалище, втягивая не только тех, кто непосредственно находился на «историческом фронте», но вообще круги, связанные с историей: театралов, кинодеятелей и проч. По мнению перестроечного экономиста О. Лациса, произошел «почти шизофренический сдвиг центра общественного внимания к проблемам нашего прошлого»[1]. Правда, в авангард боев ринулись публицисты и литераторы. Профессиональные же историки, хорошо знавшие почем «фунт идеологического лиха», не очень спешили, присматривались, примеривались, выжидали: а надолго ли этот «горбачевизм»? Да и история вообще в основном дело неспешное. Профессиональная историография Советского периода «легла на дно». У нас в Институте директором был посланец отдела науки ЦК Хромов Семен Спиридонович, по прозвищу «Хромосема». Теперь директора выбирали. Выбрали, но не слишком удачно. Как писал протопоп Аввакум, был он «прилежаша к питию хмельному».

В «Доме на набережной», в квартире ультраперестроечного драматурга Михаила Шатрова собирались разные люди – актеры, журналисты, писатели и, конечно, историки. Обсуждались текущие события и перестройка. Очевидным было двоякое мнение. С одной стороны, это – кто, которые, как теперь видно, углядели тяжкие последствия перестройки. В «Литературной России» в конце марта 1987 г. были опубликованы высказывания С. Михалкова, П. Проскурина, И. Шундика, Ю. Бондарева и др. Шундик считал, что одно дело, когда ветер «наполняет паруса нашего корабля», и совсем другое, когда от ветра «корабль раскачивается». Как в перестройку… Бондарев шел еще дальше и говорил о необходимости устройства для перестройщиков «нового Сталинграда». Этих людей называли «красно-коричневыми». С другой стороны, давили либеральные радикалы и радикальные либералы, называвшие себя демократами. В народе их окрестили «демшизой». Они давили как

[1] Лацис О. Тщательно спланированное самоубийство. М., 2001. С. 213.

изнутри, так и извне. Интеллектуалы-изгнанники Ю. Любимов, В. Аксенов, А. Зиновьев и др. в письме, напечатанном 29 марта 1987 г. в «Московских новостях», жестко требовали от Горбачева доказательств серьезности и искренности его перестроечных намерений.

Одним из первых на перестроечное поле вышел красавчик Юрий Афанасьев. Он после окончания МГУ сразу пошел по комсомольско-партийной дороге. Ко времени перестройки являлся ректором Историко-архивного института и быстро превратил его в некий форум, где при стечении народа энергично «смывались белые пятна истории» и поднимались запретные темы под знаменем «настоящего марксизма». Хорошо запомнилось одно из первых выступлений на тему «Сталин: личность и символ» сотрудника нашего Института Ю. Борисова. Вся улица 25-го октября – перекрыта дружинниками и милицией. Толпа рвется по ступенькам в двери института. Там «пробки». Лезут даже в окна. Шум, гам, как перед футболом. Секретарь Афанасьева провела нас, несколько человек, каким-то черным ходом, через двор. В зале – телевидение, журналисты с микрофонами. Суета страшная...

Историко-архивный институт находился в старинном здании. Это потом, когда после «путча» ГКЧП партийное имущество расхватывалось шустрыми парнями, Афанасьев захватил для своего института здание Высшей партшколы при ЦК на Миусах.

В итоге у Борисова выходила примерно такая концепция: субъективно Сталин – преступник, но объективно он крепил государство и строил социализм.

Когда мы уходили, мой однокурсник Зиновий Черняк сказал:

– Борисову надо было закончить фразой: «Когда построенное государство повернулось к народу лицом, он закричал от ужаса».

Черняк был фронтовик, с одной рукой, сын расстрелянного в 38-м году отца.

***

По-видимому, в «верхах» начали понимать, что гласность в исторической науке и публицистике вот-вот выльется в непозволительную «вольность».

В мае 1987 г., «Московские новости» напечатали «Письмо 4-х». Одним из «четырех» был бывший ректор Историко-архивного института Н. Мурашов, известный как «крутой» сталинист. Другим был заведовавший Сектором истории Октябрьской революции нашего института П. Соболев – личность довольно колоритная. Бывший, кажется, одним из работников разгромленного

вскоре после войны Ленинградского обкома. Крепкий догматический орешек. Теперь в составе «четверки» он в идеологическом раздражении укусил, в частности, Афанасьева, обвинив его в... троцкизме!

После «Письма 4-х» разграничительная линия на «историческом фронте» как будто определилась. Одну сторону представлял Афанасьев со своим институтом, по другую – мурашовцы-соболевцы. Казалось, пора было, как говорил Горбачев, и нам «обменяться и определиться». Как-то сказал об этом своему шефу – академику И. И. Минцу, комиссару Червонного казачества в гражданской войне (командовал герой гражданской войны В. Примаков).

– Так с кем мы будем, Исаак Израилевич, с афанасьевцами или с «четверкой»? Каким будет наш выбор?

– А я уже давно сделал выбор, – ответил он.

– Какой?

– Я выбрал ЦК. Возьмите материалы пленумов ЦК, выступление Горбачева – вот вам и выбор.

Он всегда выбирал очередной ЦК. Это он в 1953 г. еще с двумя «элитными» евреями собирал подписи о наказании всех евреев за «убийц в белых халатах» Но не вышло: Сталин помер.

Между тем «линия Афанасьева» все более пробивала себе дорогу. Он стал своим в главной цитадели московской интеллигентской элиты – Центральном доме литераторов на ул. Воровского. Там шумно обсуждались его статьи, там он призывал вернуть «реки общественно-политических наук» в их естественное состояние, громил наше «беспробудное единство». Из институтских его поддерживали П. Волобуев и особенно В. Поликарпов. Волобуев в 1970-х гг. был директором Института истории СССР, возглавлял так называемое «новое направление», утверждавшее, что корни Октября находились не в экономической основе страны, а в большей мере определялись политической ситуацией. Это вызвало ярое недовольство в ЦК и ИМЛ.

К «новому направлению» примкнули такие талантливые историки как К. Тарновский, В. Данилов, А. Аврех и др. Все они в той или иной степени претерпели гонения от цековских руководителей. Тарновскому и Данилову блокировали защиты докторских диссертаций, Волобуева сняли с директорства и «сослали» в Институт истории естествознания и техники, откуда он вернулся в гражданскую историю уже во времена перестройки. Потом он сменил Минца на посту председателя Научного совета по истории Октября.

Шло лето 1987 г. Активно действовали публицисты, ломая заскорузлости советской исторической науки. Помню, как после обсуждения каких-то исторических проблем в редакции «Московских новостей» (В. Сироткин, В. Игнатьев, В. Шевелев, В. Логинов и др.), в коридоре мы столкнулись с работавшим там Леном Карпинским – он был сыном друга Ленина, в дальнейшем, после ухода Е. Яковлева, он стал главным редактором этой газеты).

– Что вы там обсуждали? – спросил он, дымя сигаретой.

– Советскую историографию.

Он усмехнулся деланно удивленно:

– А разве была такая?

– А по-вашему не было?

Он пожал плечами.

«Московские новости», уже ставшие чуть ли не флагманом перестройки, мощно вторгались и в историю. Заведующий отделом морали и права Володя Шевелев открыл рубрику «Былое», где было напечатано немало интересных статей, отходивших от стереотипов официальной историографии.

Те, кто еще помнят «зарю перестройки», в ответ на вопрос о главных ее ударных отрядах наверняка назовут «Московские новости» при главном редакторе, бывшем лениноведе Е. Яковлеве, и «Огонек» при В. Коротиче. Но одним из первопроходцев перестройки на «историческом фронте была» поначалу и газета «Советская Россия». Та самая «Советская Россия», которую впоследствии демократы презрительно называли «Савраской» за ее пророссийский и прокоммунистический дух. Но «Советская Россия», возглавляемая тогда В. Чикиным, активно решительно занялась ликвидацией «белых пятен» в истории. Немалую роль в этом сыграл заместитель Чикина В. Иванов. Он предоставлял страницы газеты многим нетрадиционным темам, которые, правда, трактовались с прежних позиций. Но сама новизна тематики уже плохо увязывалась с ними. «Советская Россия» напечатала, в частности, статьи о «военспецах», власовцах, расстреле царской семьи в Екатеринбурге. Это публикация получила отклик даже за границей, хотя тогда еще мало кто мог предположить, что уже совсем скоро «романовская тема» вызовет настоящий бум. Позиция, занятая «Советской Россией», – свидетельство того, что горбачевская перестройка на первых порах находила поддержку партийных

кругов. Но они понимали и воспринимали ее ограничено, в рамках существовавшей политической системы. Когда же они увидели, куда идет дело, то сказали: «Стоп».

Не случайно Е. Лигачев выбрал «Советскую Россию», чтобы в марте 1988 г. напечатать в ней нашумевший «манифест антиперестройки» Нины Андреевой, названный «Не могу поступиться принципами». Иванов рассказал мне, как сразу после публикации статьи Андреевой Чикину позвонил Горбачев и крыл его многоэтажным матом. Мат плотно употреблял наш первый «перестройщик», также как второй плотно употреблял алкоголь.

А у Шатрова, часто бывали О. Ефремов со своим театрально-литературным «оруженосцем» А. Смелянским, Е. Амбарцумов, его друг. Театр переживал тяжкий кризис: столкнулись «ефремовцы» и «доронинцы». У Шатрова собирались «ефремовцы», которые рассказывали, будто «черносотенные доронинцы» распространяют слухи о Ефремове как человеке, «прилежащему к питию хмельному» и потому попавшем под влияние шатровых, гельманов, смелянских.

Сгрудившись за большим столом в гостиной, народные и заслуженные под руководством Смелянского писали «наверх» разного рода бумаги в защиту своих позиций.

Нередко обсуждения пьес и даже писание некоторых их кусков переносились в Переделкино. Тут бывал драматург М. Рощин, последними словами крывший всю «советскость». Заходил А. Рыбаков, уже прославившийся «Детьми Арбата» и собиравший материалы для книги о времени «московских процессов» 37–38 гг. Маленький крепыш, с немного хмуроватым лицом, он производил впечатление очень волевого, напористого, уверенного в себе человека. Однажды он прокомментировал статью некоего А. Горбачева из журнала «Молодой гвардии», направленную против «сверхперестроечности» «Огонька» и «Московских новостей»:

– Для молодогвардейцев перестройка – это угроза проникновения в Россию Запада, точнее – масонства, еще точнее – жидо-масонства. А им бы хотелось перестройки на славянофильский манер и «Русскую партию».

– По Вашему мнению, Анатолий Наумович, преуспеют они? – спросил кто-то из присутствовавших.

– Нет, – сказал Рыбаков. – Я знаю, что они были у Брежнева, и он им сказал: нельзя, мы же интернационалисты!

Между тем обстановка на «историческом фронте» непрерывно усложнялась. У нас в Институте истории явно «зашатались» сектора, тематически связанные с советским периодом. Вообще вся организационная структура, связанная с этой проблематикой (да и иной), пошла прахом. Дошло до того, что в подземных переходах метро можно было купить почти любое свидетельство об образовании: вузовское, кандидатское, даже докторское.

В середине сентября 1987 г. зашла речь о подготовке новой книги по истории КПСС. Нас пригласили к директору института академику Г. Смирнову, которого за глаза в историко-партийных кругах звали Лукичом. Лукич был крупным мужчиной, на лице которого выделялись очки с толстыми стеклами. Но и они не скрывали его сильнейшей близорукости, что придавало лицу мягкое, доброе выражение. В огромном директорском кабинете, устланном мягким ковром, собралось несколько наших институтских и имэловцев. Присутствовал и главред «Московских новостей» Е. Яковлев, ранее известный как лениновед.

Смирнов говорил просто, ясно. Не чувствовалось никаких следов академичности. Он сказал, что о новой книге уже думают в Политбюро. Решения пока никакого нет, но оно вот-вот может последовать, и уж тогда-то для работы будут созданы все условия, в том числе проживание членов группы на «цековской даче», скорее всего в Серебряном бору. Затем стали задавать вопросы. Хотелось знать, насколько все же раздвигаются рамки для свободного изложения материала? Лукич поднял палец вверх и сказал:

– Видите, какие в ИМЛ высокие потолки? И для вас теперь устанавливаются такие же очень высокие потолки[2].

Наша «имэловская группа», собранная для написания истории КПСС, встречалась не часто, тем более в полном составе. Время шло к 70-й годовщине

[2] Через 10 лет после описываемых событий мне попалась интереснейшая книга Лукича, его мемуары «Уроки минувшего». Он писал о том, как у него росло отрицательное отношение к горбачевской перестройке:
– Речи Михаила Сергеевича о социалистическом выборе, великой правоте Октябрьской революции, об укреплении социализма в СССР через перестройку – были не более чем пустая риторика, предназначенная для маскировки и обмана людей.

Октябрьской революции, и общественность по традиции ждала руководящего выступления. Никто не сомневался, что на сей раз выступит сам Горбачев.

А по Москве – в научных учреждениях, издательствах, редакциях – повсюду с нарастающим темпом «вертелись» «круглые столы», за которыми шли горячие споры о прошлом. Часто бывавший в «Доме на набережной» юный Саша Буравский сразу стал знаменит своей пьесой, которая называлась «Говори!». Ее поставил в театре Ермоловой «крутой» В. Фокин, и попасть на спектакль было очень трудно. Над входом в театр долго висело полотнище с надписью: «Говори!».

И Москва, во всяком случае так называемая «интеллектуальная элита», говорила. Говорила чуть ли не взахлеб. Вспоминался атаман А. Каледин, который, обращаясь к Донскому правительству в январе 1918 г., сказал: «Господа, говорите короче! Ведь от болтовни погибла Россия!»

А в АПН его глава, похожий на монаха какого-нибудь католического ордена, В. Фалин, собрал у себя «звезд перестройки»:

Ю. Афанасьева, философа А. Бутенко, историков П. Волобуева, В. Поликарпова, еще нескольких человек. Говорили опять взахлеб. Несколько часов. Афанасьев теперь уже отверг поколебленные, но еще не отброшенные рамки марксизма-ленинизма.

– То, что мы сотворили, – говорил он, – с социализмом не имеет ничего общего. Тут нечего подсчитывать плюсы и минусы. Теперь требуется национальное покаяние за революцию и за все то, что делалось впоследствии, за стремление установить во всем мире наши порядки.

Он напомнил, как на ТВ в программе «Время» наша пятиконечная звездочка облетает, охватывает весь земной шар. Резко отозвался о нашем старике Минце, у которого раньше был аспирантом, назвав его, «самым рьяным проводником сталинских схем в истории».

Хорошо выступил Волобуев. Он говорил о возможных альтернативах 1917 г., и это прозвучало очень актуально, так как все чувствовали, что страна опять на развилке дороги: направо пойдешь, налево пойдешь...

В первых числах ноября, наконец, выступил Горбачев. Он намного больше, чем обычно в такого рода докладах, сказал о Февральской революции, а об Октябре, несмотря на некоторые новшества, говорил в привычных рамках «героической концепции». Некоторые прорабы перестройки сокрушенно цо-

кали языками: ждали большего. 6 ноября состоялся прогон шатровского «Бреста» в театре Вахтангова. Спектакль поставил знаменитый грузинский режиссер Р. Стуруа, Ленина играл М. Ульянов, В. Лановой – Троцкого, А. Филиппенко – Бухарина. Перед входом в театр встретил Афанасьева. Он кого-то ждал.

Я спросил его, что он думает о докладе Горбачева.

– Да, подвел нас Михаил Сергеевич, подвел! – сказал он то ли сокрушенно, то ли с пониманием того, что иного от него и ждать было нельзя.

А Горбачев с Раисой уже прибыли в театр, уселись в свою ложу, их приветствовали аплодисментами, но не слишком бурными. Спектакль был встречен хорошо. Ульянов спрыгнул со сцены, подошел к ложе, обнимался и целовался с Горбачевым и Раисой...

И все же осталось какое-то странное впечатление. Ленин дико кричал, падал на пол, становился перед Троцким на колени, умолял его подписать мирный договор в Бресте. А Троцкий появлялся из стены в бурке, со свечой в одной руке и дирижерской палочкой в другой... Какую-то ерунду придумал знаменитый грузинский режиссер...

Но «Брест» был уже пройденным этапом. Ефремов хотел поставить свой спектакль, сказать нечто, способное повлиять на общественный настрой. Это он связывал с «Дальше, дальше, дальше...». Пьеса уже была передана главному редактору «Знамени» Г. Бакланову, но он, естественно, не мог «тиснуть» ее в журнале без санкции ИМЛ. Послали туда. За подписью Лукича оттуда пришла какая-то кислая бумага с разного рода замечаниями. Смысл их сводился к тому, что нельзя отказывать Сталину в деле построения социализма, и что его построили, хотя, конечно, были допущены ошибки и просчеты. Бухаринская же альтернатива Сталину (Бухарина в это время пытались поднять на пьедестал) «не учитывала фактора времени». Снова состоялся сбор в «Доме на набережной». Приехавший Ефремов сказал, что «Брест» Стуруа ему не по душе. Тут же он изобразил свое понимание в лицах. Получилось здорово. Ему хотелось, чтобы Ленин был показан как человек, создавший Сталину «предпосылки», но ужаснувшийся содеянному. Его поддержал Лен Карпинский, который говорил без умолку, зажигал одну сигарету за другой, не давая никому сказать слова, никого не слушая. Ни к чему не пришли.

Примерно в это же время на «небосклоне» нашего Научного совета появился любопытный человек. Его звали Гелий Рябов. В узких кинематографических кругах он был известен как сценарист фильма «Рожденные революцией», посвященного первым годам советской милиции и удостоенного Государственной премии. Теперь Гелий Трофимович замыслил создание многосерийного исторического полотна о Гражданской войне, войне белых и красных. Фильм, по его словам, должен был покончить с однобокостью, с героизацией красных и, так сказать, очернением белых. В нашем институте, вернее в Научном совете, Рябов хлопотал о бумажке, позволяющей ему подкрепить заявку на такого рода фильм. Минц бумажку подмахнул, но на этом встречи с Рябовым не прекратились. Узнав, что я интересуюсь судьбой последних Романовых, он и его энергичная супруга Оля «подначивали» предложить издательству, в котором трудилась Оля, рукопись книги о царе и его семье после отречения. Однажды (это было уже в 1988 г.) я побывал у Рябова дома. Прошли в его комнату-кабинет, и я... ахнул от неожиданности. Все стены комнаты были увешаны портретами и фотографиями царствующих особ, великих князей, белых генералов и т. д. Тут Рябов поведал мне, что еще в 1979 г. вместе со своим приятелем-геологом он, опираясь на некоторые секретные архивные материалы и, прежде всего на, сверхсекретную «Записку Юровского» (коменданта Ипатьевского дома в 1918 г.), хранившуюся в партархиве, нашел и раскопал место, где Юровский со товарищи тайно погребли останки царской семьи и ее слуг. Таким образом, он нашел то, что не мог найти в 1919 г. колчаковский следователь Н. Соколов, ходивший по деревенскому настилу на Коптяковском проселке в Поросенковом лугу и не подозревавший, что там, под настилом – царские останки. Не верилось ушам. А Рябов показывал какие-то бережно хранимые альбомы, экспонаты, небольшую коробочку, под стеклом которой лежали рыжеватые волосы, по убеждению Рябова, с головы самого императора. Все это представлялось невероятным! Казалось, екатеринбургские события 1918 г. вторглись в эту комнату, а люди, захваченные ими, чуть ли не вживе появились в ней... Прошло немного времени, и «Огонек» (с комментариями драматурга Э. Радзинского) напечатал «Записку Юровского», рассказывающую, как была уничтожена царская семья в июле 1918 г. Радзинский опередил Рябова. Тема вышла из тьмы и тут же была подхвачена. Рябов был смущен и недоволен. Он говорил, что Рад-

зинский «испортил тему», пытался, по его словам, переговорить с ним, звонил ему по телефону, но тот якобы ответил ненормативной лексикой.

Романовская тема вызвала настоящий бум, в котором история начала смешиваться с политикой и даже с коммерцией. В конце 1988 или начале 1989 г. открылся новый популярный исторический журнал «Родина». Его главный редактор В. Долматов пришел из «Советской России». По его предложению мы с Рябовым написали статьи о казни Романовых... Вскоре «Московские новости» опубликовали рябовскую статью о находке царских останков под Екатеринбургом. Сенсация была полная[3].

«Белые пятна», связанные с последними Романовыми, не только исчезали с исторической карты, но появлялись новые. Одним из них был комиссар В. В. Яковлев (К. Мячин), по заданию Свердлова перевозивший Романовых из Тобольска в Екатеринбург весной 1918 г. Его судьба прослеживалась примерно до осени 1918 г., а потом он исчезал. И вдруг... Из Свердловска раздался телефонный звонок. Объявилась дочь того самого Яковлева! Позднее Елена Константиновна (так ее звали) побывала в Москве, привезла архив отца, сохранившийся после его ареста в 1938 г. Материалы архива не давали точного ответа на вопрос о том, какую же цель преследовала Москва, вывозя бывшего царя и его семью из Тобольска. Из яковлевских документов следовало, что Екатеринбург стал для них вынужденной остановкой. «Эпопея Яковлева» порождала несколько версий. Вместе с тем она отражала какую-то неопределенность позиции самих большевистских «верхов» относительно судьбы Романовых, и не исключено, что Ипатьевский дом стал трагическим итогом взаимодействия разных сил: борьбы политических группировок, решений вполне конкретных людей. Скоро, как уже сказано, романовская тема вырвалась из-под многолетнего сурового запрета и прямо-таки захватила умы. Ее старались использовать в определенных целях: национально-патриотические круги – в одних, либеральные – в других.

---

[3] Впоследствии Г. Рябов опубликовал книжку «Как это было», в которой изложил историю поисков останков убитых бывших венценосцев, всего того, что происходило вокруг, а также свое монархическое кредо. Эта книга наводила на мысль, что «тайные раскопки» Рябова имели какую-то скрытую поддержку со стороны «сильных мира сего». Одним из них скорее всего мог быть министр внутренних дел того времени Н. Щелоков – могучая фигура брежневско-андроповского времени с трагической судьбой: он сам и его жена покончили жизнь самоубийством. Если за спиной Рябова действительно незримо стоял Щелоков, что он мог хотеть? Какую цель преследовал?

В 1987 г. в ЦК было принято решение о создании группы историков, предназначенной для написания новой книги по истории КПСС. Прошел год, нас, членов группы, пригласили в ИМЛ. Но уже чувствовалось, что этот замысел опаздывает, так как подули ветры, ничего общего с КПСС и ее историей не имеющие. На этом сборе Лукич призвал присутствовавших «не выносить за стены ИМЛ то, что здесь говорится», хотя было совершенно непонятно, что именно тут говорилось не подлежащего разглашению. После этого предупреждения Лукич удалился, а заседание повел его заместитель В. Журавлев. Обсудили предложенный график и решили представить первый вариант текстов к марту.

А весы перестройки колебались, во всяком случае, в представлениях значительной части интеллигенции. У нас на Патриарших прудах, куда каждое утро стекались желающие «убежать от инфаркта», перспективы перестройки обсуждались весьма горячо. Родион Щедрин, знаменитый композитор и муж еще более знаменитой Майи Плисецкой, приезжавший в Москву из Мюнхена и иногда принимавший в этих обсуждениях участие, рассказал, как в ходе одного из совещаний с представителями прессы на самом «верху» кто-то поведал о примечательном случае. Некая газета резко покритиковала министра (или замминистра); на другой день министр позвонил в газету и сказал журналисту:

– Имей в виду, скоро все это кончится, и я тебя посажу!

12 января 1988 г. в «Правде» появилось письмо ветерана Б. Мухина.

– Очень жаль, – говорилось в нем, – что в такое замечательное время развития Октябрьской революции встречаешь писания, когда иной автор бездумно или с умыслом, вкривь и вкось передергивая события и факты, пытается дискредитировать героев прошлого, а по сути наш строй, нашу историю, все, что нам дорого и свято.

Все понимали, что, когда дело доходит до «слова ветеранов», то это серьезно. И действительно, та же «Правда» в конце января и в феврале ударила по «Дальше, дальше, дальше...». Некоторые институтские историки попытались организовать ответ. Сразу же выявились твердые «подписанты», те, кто потихоньку «отваливал», и колебавшиеся. Хотели подключить к списку подписавшихся двух академиков – И. И. Минца и А. М. Самсонова. Самсонов подписал, а Минц под разными предлогами «ускользнул». Ускользнул и

профессор Историко-архивного института Е. А. Луцкий. Это был сын знаменитого большевика А. Луцкого, сожженного будто бы в паровозной топке вместе с С. Лазо на Дальнем Востоке в 1918 г. А вот сын такого героя побоялся поставить подпись под никому не нужным письмом. Путь, пройденный большевиками?... Он будет понятен, если сказать, что молодой Луцкий был учеником когда-то главного советского историка М. Н. Покровского и вместе с некоторыми другими его учениками участвовал в поношении учителя. Как писал Троцкий, «шло освобождение мещанина из большевика».

В середине марта «грянула» уже упоминавшаяся статья Нины Андреевой. Завоевания Октября, говорилось в ней, под угрозой со стороны тех, кого Октябрь не успел искоренить: кулаков, нэпманов, басмачей, «наследников Дана, Мартова, Троцкого, Ягоды». Такие люди и раньше хотели и теперь хотят «впрыснуть» в Россию отраву капиталистического Запада. Прошлась Андреева и по Шатрову: повторяет-де сочинения троцкиста Б. Суварина. Пока «буксовала» шатровская «Дальше, дальше, дальше» В. Фокин – парень с лицом и голосом «крутого» – поставил в театре им. Ермоловой «Второй день свободы» С. Буравского. Спектакль этот почему-то был принят вяло, а в нем имелось нечто созвучное нашему времени. Речь шла о французских революционерах конца XVIII в. Вот они уже зашли далеко, уже пошла террористическая резня, мясорубка. Робеспьер в задумчивости: остановиться? Кутон требует «дальше, дальше», иначе «сметут». Тут пьеса кончалась. Присутствовавший на прогоне «прораб перестройки» А. Нуйкин сказал на обсуждении, что это недостаток: надо внести ясность. А мне показалось, что это как раз достоинство. Что с ней делать-то, со свободой, на второй день?

В те же дни в порядке «верчения» еще одного «круглого стола» или чего-то в этом роде довелось побывать в Ждановском райкоме КПСС. В кабинете первого секретаря, молодой и энергичной Р. Жуковой собралась верхушка райкомовского аппарата. Шатров и бывший имэловец В. Логинов говорили об истории и перестройке. Пили чай с «заморским» печеньем. Потом Жукова рассказывала много такого, что сегодня выглядит как некое провидение.

– В горбачевских кооперативах, – говорила она – пока – жулики, в перестройке – горлопаны. Старики уходят из партии («не могу быть полезным», «нечем платить взносы» и т. п.). Экономика не работает. Густым потоком идет рвачество, махровое корыстолюбие. Идет просто «расхищение пирога» ...

4 апреля в ВТО состоялась прямо-таки незабываемая встреча авторского коллектива «Московских новостей» с театральными деятелями. Пробиться в зал было невозможно. Смелянский просто протащил нас (В. Логинова, Н. Наумова из МГУ, меня) какими-то черными лестницами прямо на сцену, принесли стулья, и мы расположились за спинами «авторского коллектива». Весь зал был перед нами. Заметил Б. Окуджаву, писателя В. Кондратьева, космонавта А. Гречко, многих актеров «Таганки». Журналистка Е. Альбац требовала суда над «сталинскими следователями», еще какая-то дама громила Н. Андрееву. Экономист Лисичкин призывал к «очищению марксизма» и к «расшифровке (?) Политбюро». Потом к микрофону подошел Юра Карякин. Он говорил языком Достоевского об «откровенной тайне перестройки: спасении России от безнравственности, позора и греха стукачества». После А. Аджубея, который рассказал о том, как в 1964 г. аппаратчики сняли Хрущева, вышел толстый, похожий на нахохлившуюся птицу косолапый Г. Попов. Говорили, что его выгнали из МГУ за то, что «брал на лапу». Он призывал к тому, чтобы уж на сей раз никоим образом не допустить очередного триумфа проклятых партаппаратчиков, клялся, что теперь прогрессивная интеллигенция будет стоять до последнего. Казалось, в зале вот-вот потянет порохом. «Элита» интеллигенции распалялась, раскаляла себя.

В 20-х числах апреля в Доме ученых на Кропоткинской собралась «Московская трибуна» по случаю состоявшихся выборов Съезда народных депутатов. Особо долгой овацией встретили А. Д. Сахарова. Афанасьев говорил, что партия уже явно отстала от темпа тех демократических процессов, которые идут в обществе. Е. Амбарцумов чуть ли не предлагал провозгласить Съезд Учредительным собранием или, во всяком случае, создать «Клуб реформистски настроенных депутатов». В том же духе говорили Г. Старовойтова, Г. Попов, Л. Баткин, Ю. Карякин. Все в зале ждали слова Сахарова. Он сказал, что противники перестройки напуганы пробуждением народа, что сейчас необходимо ускорение перестройки «без остановки». В. Лукин призывал к тому, чтобы объявить заседания Съезда непрерывными, добиться «диктатуры депутатов».

В эти майские дни в Москву прибыл президент США Р. Рейган. «Известия» разразились статьей о том, кто именно был приглашен на встречу с ним в американское посольство. Главным образом это были диссиденты и отказники, которые, по мнению газеты, никак не представляют советское

общество и те процессы, которые сейчас в нем идут. Рейган выразил удовлетворение происходившими переменами, но подчеркнул, что этого мало: «Мы хотим большего». А закончил он свою речь словами Пушкина: «Пора, мой друг, пора...». Но ведь там дальше речь идет не об ожидании перемен, а, напротив, о том, что «покоя сердце просит»...

Между тем наша книга по истории КПСС продвигалась ни шатко, ни валко. В конце марта – начале апреля обсудили главы, написанные К. Тарновским и Е. Плимаком. Они не были впечатляющими, да и не могли быть таковыми. Авторов критиковали. Плимак отвечал, Тарновский фактически был безучастен. Через несколько дней встретил его в институтском коридоре. Он был в пальто, шапка глубоко надвинута на лоб.

– А я хотел выступить в вашу поддержку, – сказал я ему.

– Что ж не выступил?

– Побоялся.

– Кого?!

И махнул рукой. Это была наша с ним последняя встреча. Не хуже, а лучше меня он, наверняка, понимал, что из всей этой затеи с книгой ничего не выйдет. Понимали это, по-видимому, и сами «заказчики», связанные, с одной стороны, с партруководством, а с другой с академическими верхами. Их позиция была выжидательно-осторожной. Это очень хорошо проявилось, когда бюро Отделения истории Академии наук обсуждало итоги «круглого стола», проведенного нашим Советом по истории Октября впервые после ухода И. И. Минца и прихода на его место П. В. Волобуева. Вот некоторые высказывания академиков от истории.

М. П. Ким:

– Разве у Сталина все было неправильно? Нет!

– А. Л. Нарочницкий: В историческую науку проникает воинствующий дилетантизм и публицистический эмоционализм. Это не должно быть допущено. Мы не должны утрачивать академизм – такова задача.

– Ю. С. Кукушкин (декан истфака МГУ): Почему в бюро Научного совета включен Ю. Афанасьев? Он воинствующий дилетант!

Присматривались капитаны истории, приглядывались, куда дело пойдет, выжидали. Тертые калачи.

Уже не помню, как замысел написания популярной книги по истории КПСС в «духе перестройки» перерос-перетек в идею создания большого труда по истории большевизма. Произошло это, кажется, осенью 1988 г. Многим членам имэловской группы было объявлено, что 4 ноября они приглашаются на Старую площадь, в ЦК. Объявление это было сделано В. Наумовым, который перед перестройкой некоторое время заведовал (после академика М. В. Нечкиной) сектором историографии, а затем перешел в Институт марксизма-ленинизма. Вероятно, по работе он оказался связан с А. Н. Яковлевым. В своих воспоминаниях «Омут памяти» (М., 2000) тот упоминает о нем, как об особо доверенном человеке, «консультанте по реабилитации». Правда, относится это упоминание уже ко времени, когда действовали Комиссия по реабилитации и фонд «Демократия», публикующие ранее «совершенно секретные» советские документы, т. е. до 1990-х гг.

Человек 25–30 собрались на Старой площади и через первый подъезд, предводительствуемые Наумовым, проследовали наверх, мимо двух офицеров в форме КГБ. Тишина в коридорах. Сосредоточено шествуем по ковровым дорожкам. Вспомнилось, что в этом здании я был в 1953 г., когда, вернувшись после работы по распределению из Костромской обл., почти год не мог найти работу в Москве. Написал в ЦК. Меня, к удивлению, пригласили на Старую площадь. В одном из кабинетов провели к какой-то, как показалось, добродушно-усталой женщине. Она слушала меня, делала пометки в своем блокноте и сказала на прощание, что постарается помочь. Продолжения, правда, не последовало.

Расселись в большом зале за длинным столом. На нем чистые листы бумаги, остро заточенные карандаши. Мое место оказалось рядом с А. Черняевым – близким помощником М. С. Горбачева по международным делам. Впоследствии, в 1990-е гг., он опубликовал интересные мемуары о работе с Горбачевым и еще более интересный дневник. Черняев – человек среднего роста, седовласый, с носом картошкой и щеточкой усов. Всю встречу он сидел молча, но слушал, казалось, очень внимательно.

Нам заранее сказали, что группу возглавит Яковлев. Странным образом мои пути могли пересечься с Яковлевым дважды. Я узнал об этом лишь спустя полвека из его мемуаров «Омут памяти». Оказывается, в 1941–1942 гг. Яковлев был курсантом пулеметно-пехотного училища, эвакуированного из Ленинграда в удмуртский город Глазов, а я был тогда там в эвакуации и ка-

кое-то время даже работал в оружейной мастерской училища, у лейтенанта Софина. Зимой мы, пацаны, лихо спускались на лыжах с высокого берега р. Чепцы, наблюдая снизу, как боязливо, неуклюже съезжают с горы курсанты в шинелях и кирзовых сапогах. Наверняка среди этих курсантов я видел и Яковлева – будущего «архитектора перестройки».

А через 8 лет я оказался в Ярославле, куда приехал сдавать экзамены в аспирантуру пединститута. Шел 1952 год – период между борьбой с космополитизмом и «делом врачей-убийц в белых халатах». Там, в пединституте, я познакомился с А. Юхтом, тоже приехавшим сдавать экзамены в аспирантуру из Астрахани. Ни у меня, ни у Юхта (хотя он был фронтовиком) не было никаких шансов. Об этом нам прямо сказал профессор Генкин, которого в своих мемуарах Яковлев тоже вспоминает, так как в то время был заведующим отделом школ и вузов Ярославского обкома партии.

В 1972 г. Яковлев стал первым из ведущих партидеологов, выступившим против раздувавшегося великодержавного шовинизма. Шовинизм этот укоренялся тогда главным образом в журнале «Молодая гвардия», который призывал власть опираться не на «прогнившую, обмещанившуюся, прозападную интеллигенцию», а на простой, трудовой народ, его – «национальную самобытность». С одной стороны, это представляло опасность для правящего режима многонациональной страны, но с другой – блокировало опасность диссидентства, действительно ориентировавшегося на западные ценности. В общем, в идеологической сфере возрождалось что-то подобное старым спорам западников и славянофилов. В «Литературной газете» Яковлев выступил против «советского славянофильства», опубликовав в сентябре 1972 г. статью под классически партийным названием «Против антиисторизма». Статья нашумела, но задачу свою не выполнила, да и не могла выполнить. Но Яковлеву, вскоре «убранному» послом в Канаду, эта статья принесла имидж поборника демократической ориентации, прежде всего в кругах интеллигенции...

Был ли Яковлев теперь, в новую нашу встречу, уже членом Политбюро, не помню, но то, что вся идеология находилась, как тогда говорили, под его кураторством, было известно. Более того, за ним уже закрепилось звание «архитектора перестройки». И вот мы сидим в здании ЦК на Старой площади и ждем самого «архитектора». Открывается дверь. Вот и он. Идет, сильно хромая (не сгибая одну ногу), к столу. Лицо у него русское, мужичье, добродушное.

Улыбнулся детской улыбкой. А между тем, совсем скоро он превратится в глазах многих в злодея – тайного «агента влияния», разрушителя государства.

Для чего же мы были созваны здесь, что нам предстоит делать? Яковлев говорил, что мы должны написать совершенно новую историю большевизма, историю КПСС. Этот труд должен быть предельно честным, предельно научным и предельно ответственным. Всем предстояла большая работа по новому прочтению Ленина, говорил Яковлев.

– Нужно совершенно непредвзято посмотреть на то, почему и как именно Россия стала полем применения марксизма. Далее, почему ленинизм оказался подвергнут ревизии в теории и на практике, от которой мы никак не можем отойти. Особенно сложными, понятно, будут 1930–1940-е гг. Вот тут надо осмыслить всю неоднозначность ситуации: трагедия революции и вера народа в ее идеалы. Тут нас ожидает масса «подводных камней», которые способны «разрывать» нас между эмоциями и фактами, о которых нам еще предстоит узнать... Мы сейчас реабилитируем людей, ставших жертвами сталинщины, но многие из них подхалимничали перед Сталиным, сами писали доносы. Придется держать эмоции в узде науки... Писать надо хорошим русским языком, чтобы читателю было интересно, чтобы его увлекало.

Наиболее острым был вопрос об использовании архивов. Нам хотелось попасть в архивы Политбюро, Совета министров, КГБ и др. Возможно ли? Из ответов Яковлева полной ясности не наступило, но то, что нас все-таки пустят туда, куда раньше попасть было практически невозможно, было сказано определенно. Если научной базой всего нашего предприятия становился Институт марксизма-ленинизма, а архивной – Центральный партийный архив (ЦПА), то в качестве материальной базы предлагалась дача ЦК в Серебряном бору. Там желающим предоставлялась возможность жить в отдельной комнате, бесплатно питаться. Туда же по нашей просьбе могли даже доставлять нужные книги и архивные материалы. Новая зарплата не устанавливалась: сохранялась старая по месту основной работы. Нетрудно было догадаться, что желающие, как шутили, «пожить при коммунизме» найдутся. Вообще «дачные сидения» давно являлись способом подготовки руководящих и указующих документов. Туда отправлялись разного рода консультанты из аппарата ЦК и в этом «дачном затворничестве» сочиняли требуемое, тщательно взвешивая каждое слово, каждую фразу и каждый абзац. Так и рождались разного рода программы, тезисы ЦК к важным юбилеям, доклады, с которы-

ми выступали генсеки или члены Политбюро. Среди «дачников» имелись свои консерваторы, центристы и реформисты. В процессе составления документов они боролись за «свою строчку» или «свое выражение», которые потом дошлые читатели толковали как то или иное свидетельство утверждения или поворота курса партийного руководства.

Но наша группа была, конечно, и рангом пониже, да и положение и возможности «верхнего» партаппарата были уже не те. Тем не менее, для меня лично это был второй случай, когда я мог своими глазами увидеть те льготы и привилегии, которые предоставлялись номенклатуре (первый был в 1985 г., когда я с И. И. Минцем и еще двумя историками оказался на несколько дней в резиденции ЦК Компартии Казахстана в Алма-Ате). Все действительно познается в сравнении. После небывалых, невиданных хором олигархов, вынесенных на поверхность горбачево-ельцинской «передрягой», те дачи и резиденции кажутся ерундовыми. А ведь борьба с советским режимом началась как борьба с привилегиями. Если бы знать, чем она закончится!

«Наша дача» в Серебряном бору представляла собой двухэтажный дом за глухим забором, въехать за который можно было только через пропускной пункт. Комнаты метров 10, зал заседаний, внизу столовая. На этой даче находились и «яковлевские апартаменты», похожие на хороший гостиничный номер, состоящий из 2-х комнат.

Работа в общем пошла довольно бойко. Используя предоставленные возможности, большинство устремилось, прежде всего, в бывший Центральный партийный архив на Советской площади, за памятником Юрию Долгорукому. Туда передали список всех членов группы, нам выписали пропуска, и не все, но многие с видимым удовольствием превратились, как когда-то сказал товарищ Сталин, в «архивных мышей». Архивы для историка – это блаженство. Архивисты – работяги, бескорыстники. Они уважают тех, кто ходит к ним постоянно и долго. Они-то знали, сколько надо «перелопатить», чтобы выудить что-то важное, интересное.

Мы работали в «именных кабинетах» сталинского секретаря И. Товстухи, секретаря ЦК Б. Пономарева. Листаешь старые папки с официальными документами, записками, письмами, воспоминаниями и ждешь: вот сейчас откроется что-то важное, что-то неизвестное, тайное, и, наконец, все станет ясным, объяснимым. Но нет, в архивах надо «пахать».

За годы Советской власти было написано немало коллективных историй партии. Но группа Яковлева оказалась последней, которая должна была подготовить еще одну. Группа была подобрана таким образом, что большинство в ней так или иначе в доперестроечные годы проявляли некий нонконформизм: интерес к нетрадиционной тематике, стремление уйти от закостенелых штампов, способность различить тона и полутона. «Номером один» в ней, конечно, был академик П. В. Волобуев. Смещенный с поста директора Волобуев, как уже отмечалось, вернулся в Институт истории СССР во времена перестройки и вскоре сменил Минца на посту председателя Научного совета по истории Октябрьской революции. Естественно, что с такой научной биографией он не мог не занять подобающего места в группе Яковлева.

Из академических «небожителей» в группу вошел член-корреспондент, а затем академик Ю. А. Поляков – большой эрудит, хорошо владевший пером, что встречалось не так часто. Заметной фигурой был и В. П. Данилов – во времена хрущевской «оттепели» секретарь парткома Института истории СССР, отстаивавшего свободу исторического творчества в рамках ленинизма.

Данилов – историк советского крестьянства и много сделал для создания правдивой истории коллективизации, за что жестко преследовался отделом науки ЦК. Нельзя не вспомнить и ленинградца В. И. Старцева – автора многих книг по истории России первой четверти XX в. Он принадлежал к школе известного источниковеда С. Н. Валка, придававшего особое значение анализу исторического документа. Уже одно это ставило ленинградцев в определенную оппозицию к официальной истории, и ортодоксы на них смотрели чуть ли не как на скрытых диссидентов. Был в группе, казалось, никогда не унывавший В. С. Лельчук – историк советской индустриализации, сильный полемист. У него, несомненно, был ораторский дар, он любил выступать, говорил легко, остроумно. Упомяну также моего друга С. В. Тютюкина, до перестройки ходившего в проштрафившихся за «объективистскую» книгу о борьбе внутри российской социал-демократии во время Первой мировой войны, В. Т. Логинова из Института марксизма-ленинизма, друга и соавтора М. Шатрова по некоторым фильмам. Несомненно, интеллектуальной величиной в группе был Е. Г. Плимак. Он много и интересно писал о Радищеве, Нечаеве, марксизме. Из других членов группы нельзя не вспомнить Л. М. Спирина, работавшего тогда в Институте марксизма-ленинизма, но, кажется, единственного, кто занимался там историей, как тогда говорили, не-

пролетарских партий. В 1970-х гг. Спирин принадлежал к числу очень немногих «открывателей» темы истории контрреволюции, к которой в то время причисляли все, что не было связано с большевизмом. Входил в группу и Л. К. Шкаренков, одним из первых взявшийся за изучение истории белой эмиграции. Издательство «Мысль» двумя изданиями выпустило его книгу «Агония белой эмиграции». Конечно, она не могла не быть политически тенденциозной, но собранный в ней материал по тем временам впечатлял. Помню также представителя Института военной истории полковника В. М. Кулиша и сотрудника Института всеобщей истории, занимавшегося там историей Второй мировой войны О. А. Ржешевского. Из бывшего журнала «Коммунист», вскоре преобразовавшегося в «Свободную мысль» остался в памяти совсем еще молодой О. Хлевнюк.

Способны ли были эти историки – а их было в общей сложности примерно 25 – решить действительно очень трудную задачу: написать подлинно исследовательскую, максимально объективную историю большевизма, а практически – политическую историю страны? Многое было за то, чтобы ответить да. Практически все готовы были отбросить шоры, преподносимые как некий «марксистско-ленинский метод», а на деле являющиеся эклектикой, состоящей из набора цитат, подгоняемых под политическую конъюнктуру. Почти все являлись людьми, испытавшими влияние постсталинской «оттепели», XX съезда партии. И все искренне поддерживали перестройку. Такие люди, как Волобуев, Поляков, Тарновский, Плимак, Тютюкин, Данилов и др. вообще являли собой глубокие умы. Конечно, некоторые талантливые историки по разным причинам, к сожалению, «оказались за бортом». Но дорога в группу никому не была заказана. Яковлев на первом же совещании объявил, что работа будет идти на соревновательной основе. Готовые главы или части будут печататься в журнале «Вопросы истории КПСС» для широкого обсуждения. И немало действительно уже тогда было напечатано. Но существовали и факторы противодействия. Кажется, мало кто ясно представлял себе, каким образом из отдельно написанных разделов будет скомпонована единая по замыслу, содержанию и стилю книга. Кто выполнит эту, может быть, самую главную задачу? Наследственный порок советской историографии – склонность к коллективным трудам чаще всего «кирпичам», приспособленным для всего, что угодно, кроме познавательного чтения... Но было и еще одно, что в значительно большей степени мешало работе. Об этом с самого начала

предусмотрительно предупредил Яковлев: нас обгоняло время. Теперь задаешься вопросом: а время ли? Антикоммунизм и антисоветизм подталкивали события, обгоняли их и нас, не давая возможности притормозить, остановиться, размыслить над прошлым. Мы никак не могли «зацепиться» ни на одном рубеже. Вот уж действительно: политика нахраписто «опрокидывалась» в прошлое и опять «подстраивала» его под себя.

Но куда дальше? К полному отрицанию большевизма, отвержению Ленина, Октября, всего советского, «совкового»? Этот процесс уже шел и набирал темп, прежде всего в публицистике.

С одной стороны, казалось, тут был плюс: надо же взломать каменную скорлупу, в которую втиснули историческую науку. Место медлительных, крайне осторожных историков стремительно занимали бойкие журналисты, с легкостью мысли и пера которых историки соперничать не могли. Помимо своей «партийности», многие советские исторические труды отличались литературной тяжеловесностью и косноязычием. Писались они уже давно не для «широких читательских кругов». Когда на одном из ученых советов нашего Института истории мастер использования метафор Ю. А. Поляков призвал остановить «бег по истории в кроссовках», кто-то из сидящих рядом со мной сказал тихо: «А в кирзовых сапогах по истории можно было?»

С другой стороны, ситуация напоминала то, что происходило после 1917 года, когда историю павшего режима стали преподносить как нечто почти сплошь черное, отрицательное, а сам режим чуть ли не как карикатурный. Теперь демократическая публицистика сосредоточилась на красном терроре эпохи Гражданской войны и, особенно, на сталинских репрессиях 1930-х гг. Все это вычленялось, подчеркивалось и распространялось на всю послеоктябрьскую историю. Стирание «белых пятен» оборачивалось чуть ли не сплошным очернением. Шло безоглядное изменение исторических плюсов на минусы и наоборот, только и всего. Но это в публицистике, в кино. Режиссер Говорухин фильм снимал «Так жить нельзя» о глубоком кризисе Советского общества и фильм «Россия, которую мы потеряли» о провальной жизни при царе. Спасителем у него изображался Столыпин, и я никак не мог его убедить, что все обстояло сложнее. А в исторической науке? Из профессиональных историков резкую перемену своих взглядов демонстрировал,

пожалуй, только Д. Волкогонов. Высокого ранга генерал, заместитель начальника Политуправления Советской армии, потом начальник Института военной истории – он решительно принялся за «дегероизацию» вождей Октября и самого Октября. «Волкогоновщина» – так кто-то назвал «феномен Волкогонова». Академические круги открыто не выступали против Волкогонова, но на выборах в Академию аккуратно проваливали его. Искренности поворота Волкогонова не верили, считали его проявлением бесчестности, приспособлением к новой политической конъюнктуре. Думается все же, что причины были более сложными и глубокими. Не менее, а еще более разительным примером сжигания того, чему раньше поклонялся, станет и сам Яковлев. В «Омуте памяти», несмотря на все попытки, он все же не дает внятного объяснения, произошедшего с ним.

– Здесь, – пишет он, – безграничный простор для личных раздумий, сомнений, покаяния. На склоне лет я все чаще, как политик, становлюсь противен самому себе. Наверное, устал... Ох уж это русское самоедство!

И все бы хорошо, если бы «отступники», отступив, «принимали тяжкий крест». Но этого, как правило, и не происходило... И все же вклад Волкогонова в историю русской революции весом. Он «взломал» ее «героическую концепцию», спустил на грешную землю. Как человек, приближенный к «демократическим верхам», он был допущен во все архивные тайники и извлек оттуда на свет Божий много интересных документов, хотя... Некоторые утверждали, что эти, в том числе и ленинские, документы чуть ли не открыли им глаза на страшную суть большевизма. Это представляется странным. Разве Ленин и большевики скрывали, что призывают к гражданской войне, разве «красный террор» был объявлен тайно, разве Ленин открыто не говорил о необходимости «додушить» буржуазию? Что же могли добавить ко всему этому документы, в которых Ленин, например, призывал сурово разделаться с антибольшевистским духовенством, вешать повстанцев и др.? Только совсем уж простодушные, те, кто всерьез верил картинкам, на которых «дедушка Ленин» играл с детворой или гладил кошечку, могли ахнуть от появления, «новых» документов. Лукавили? Не знали, что политически было два Ленина: Ленин периода гражданской войны, военного коммунизма с его суровостью, насилием, беспощадностью и Ленин после гражданской войны с его поисками строительства демократического социализма?

1989 год, пожалуй, был пиком переосмысления истории. В конце января в Доме культуры МАИ состоялась Учредительная конференция Всесоюзного историко-просветительского общества «Мемориал». В президиуме – А. Адамович, Ю. Афанасьев, М. Ульянов, Е. Евтушенко, Ю. Карякин, М. Шатров. Ульянов клеймил «чуму сталинизма» и говорил, что теперь-то у нас, наконец, есть шанс «выздороветь». Огоньковский В. Коротич взывал к бдительности.

– Дракон еще жив! – восклицал он. – Живы те, кто убивал! Должен состояться второй Нюрнберг!

О перестройке как «последней возможности» возрождения говорили Е. Евтушенко и редактор «Знамени» Г. Бакланов. Фонтанировали эмоции. Только, пожалуй, в выступлении А. Д. Сахарова они отступали на второй план

– Ложь и лицемерие, – сказал он, – страшные удары по нравственности. Спасти ее может только правда. Да, наша история – трагическая, ужасная, но и героическая в то же время.

Позиция и слова наших либералов и демократов казались близкими и понятными. Но было в большинстве из них и нечто такое, что заставляло слушать их с неким притупляющим чувством. Настораживала и размагничивала их непримиримость, даже агрессивность в утверждении и отстаивании своей веры, стремлении опрокинуть, изничтожить «иноверцев».

А новые собрания, заседания, говорения просто набегали друг на друга. «Московская трибуна», устный выпуск газеты «Московские новости», Колонный зал, Дом ученых... Мы выбираем Ельцина! На его фотографиях надписи: «Свердловску – медаль за освобождение Москвы!», «С Ельциным мы победим!». Митинги, митинги в поддержку Ельцина. Разговоры в толпе:

– ОНИ его не пропустят: он у НИХ льготы и паек хочет отнять...

В начале апреля 1989 г. нас опять собрали на Старой площади. Яковлева на сей раз не было. От его имени говорил В.П. Наумов:

– Александр Николаевич просил форсировать работу. Из обкомов идут письма об ускорении издания нашей книги.

Наумов интересовался, что необходимо, чтобы помочь делу. Может быть, следует все же всем выехать на дачу, чтобы там «концентрироваться»? Мы что-то мямлили в ответ. Энтузиазма не было. Следующая встреча команды, если не ошибаюсь, состоялась только в начале октября 1989 г. На сей раз присутствовал Яковлев.

– Сначала, – сказал он, – мы опубликуем свою работу от имени авторского коллектива, чтобы не связать руки комиссии или редколлегии (возглавить ее должен был сам Горбачев. – *Г. И.*). Пропустим через общественное мнение, напечатаем тысяч 30 экземпляров, а уже потом...

Издательская сторона дела, впрочем, мало кого волновала. Совершенно неясен был концепционный стержень книги. И как ни вслушивались мы в слова Яковлева, оставалось непонятно: а ясен ли он ему-то самому? Он говорил о том, что общество уж больно быстро развивается, уж больно «рвануло» вперед, а нам надо избегать суетливости, конъюнктурности. В анализе дореволюционных событий – там легче, проще. А вот как дальше – с Октябрем, с Гражданской войной? Еще сложнее – после 1924 г.

– Мы знаем, кто таков Сталин. А кем мы были? Чем была страна? Масса других труднейших вопросов.

Из выступлений присутствовавших было ясно, что они не улавливают концепционную нить в яковлевских словах.

О необходимости выработать ее прямо сказал Данилов. Поляков ругал публицистов, которые давят на историческую мысль своим «воинствующим дилетантизмом». Он был прав. Мучительно трудно уходили мы от одной исторической неправды, а уже накатывалась другая. Существовал ли за ней какой-то дирижер?

Демократическая, «антисовковая» пропаганда, во всяком случае, действовала расчетливо. Из почти вековой истории большевизма вырывался сталинский период с его репрессиями и террором и накладывался на все предыдущее и последующее. Целенаправленный поиск всего отрицательного шел с нарастающей силой. Картина получалась одноцветная – мрачная и зловещая... Наш имэловский коллега В. В. Журавлев призывал не ждать и не тянуть с книгой, потому что «враг не дремлет». Его поддержал О. А. Ржешевский из Института всеобщей истории. Многие из выступавших требовали открытия для нас всех архивов, в том числе доступа к так называемым «Особым папкам» Политбюро. В этих требованиях просвечивало и чисто прагматическое начало – опасение, что все скоро может измениться, архивы опять закроют и надо «ловить миг удачи», воспользоваться моментом для сбора редкого материала.

В. Т. Логинов высказал мысль, что неправильно говорить о партии как о каком-то монолите, постоянном и неизменном. Идеология идеологией, тео-

рия теорией, а жизнь меняла их не меньше, чем они меняли ее. П. В. Волобуев соглашался с этим.

– Из Гражданской войны, – сказал он, – вышла не та партия, которая была в 1917 – начале 1918 г.

Но ведь это не так трудно было предвидеть. И многие предвидели и предупреждали.

Другая очень важная проблема состояла в том, почему не прошел реформаторский путь после Гражданской войны, почему страну вновь бросили в пучину революции, на сей раз сталинской. В заключительном слове, Яковлев высказался об «Особых папках», и о концепционном подходе. До некоторых «Особых папок», сказал он, и я не могу добраться.

– Что в них? Есть, например, материалы о мировой революции: кому выделялись деньги или переправлялось оружие и через кого? Есть письма репрессированных в ЦК, например, письма Бухарина из тюрьмы. Что все это нам дает? Что добавляет? Много «Особых папок» просто неразобранных. Работники Особого отдела при ЦК и сами толком не знают, что там, в этих грудах. Было очевидно, что доступ к «Особым папкам» и так называемому Президентскому архиву либо не во власти Яковлева, либо он сам не особенно хочет, чтобы мы туда сунулись. Говоря о содержании книги, ее концепции, Яковлев сказал:

– Нам не надо ставить перед собой задачу способствовать стабилизации обстановки. Не следует таранить даже Нину Андрееву и «андреевщину», иначе опять восторжествует идеологическое единомыслие. Мы следуем дорогой научности, а не политической борьбы и конъюнктуры.

Но все это были общие слова. Всем было ясно: время ставит один центральный вопрос, на который, если мы хотим остаться на почве научности и объективности, необходимо дать ответ: показала история правоту большевизма или нет? У Яковлева тогда ответа либо не было, либо он по каким-то причинам не хотел давать его. Это позднее в своем «Омуте памяти» он даст на него ответ в форме вопроса: «Меня... интересует основная проблема. Первая – почему Россия впала в безумие, именуемое большевизмом?». Тогда таких слов не прозвучало... После заседания все вместе спустились на первый этаж дачи, в столовую. Был дан обед. Шла непринужденная беседа. Кажется, Плимак стал говорить о падении авторитета Горбачева. Кто-то спросил:

– Александр Николаевич, а как вообще могло случиться, что такой человек как Горбачев, прошел через партийное кадровое сито и дошел до вершины?

Хитровато улыбнувшись, Яковлев ответил:

– 100 лет будете гадать, не отгадаете!

Наши главы для будущей книги собирал Наумов, резиденция которого находилась в здании ЦК на Старой площади. Вход с Ильинки. Двойной кордон. Сначала через проходную во двор, где двое рослых военных внимательно сверяли паспорт с заказанным пропуском. Затем уже в самом здании вложенный в паспорт пропуск рассматривал человек в штатском. На первый взгляд, вроде бы мало что изменилось с той поры, когда почти полвека назад мне впервые довелось побывать в здании ЦК. И все-таки что-то очень важное исчезло. Тогда чувствовалась сила, напряженность, заставлявшие напрячься, сосредоточиться, присмиреть. Теперь все это куда-то улетучилось. Та же тишина, те же ковровые дорожки, чистота, а чувство такое, что ты в обычном учреждении, пусть высокого ранга. Утекала незримая сила из всемогущего ЦК... В центре города – демонстрации, толпы яростно спорящих людей. Несут лозунг «Позор Октябрю!». Активизировалась «Память». На Пушкинской площади прыщавый парень что-то кричал о жидо-масонах, о ритуальном убийстве царя. Женщина не давала ему говорить, крыла матом:

– Сейчас тебе, б... такая, рожу всю разобью! Чего тебе евреи сделали?!

Рослый мужчина загадочно говорил:

– Вы всех делов не знаете, не туда глядите! Глубже глядеть надо!

Начались открытые обвинения номенклатурных лиц во взяточничестве. Во взятках обвиняли даже самого Горбачева! Кажется, это было начало кампании по «вбросу компромата», впоследствии просто захлестнувшей страну. На наших публичных выступлениях все чаще задавался вопрос: а каковы темы ваших диссертаций? А что вы писали раньше? А как вы относитесь к этому теперь? На одной из встреч, где присутствовали В. Солоухин, Г. Рябов, приехавший из США Ю. Фельштинский и др., всех спрашивали об этом. Рябов, который раньше воспевал героическую советскую милицию, а теперь стал монархистом, ответил пушкинскими словами:

– Послушный Божьему закону, переменился я.

В начале мая Наумов пригласил меня поехать с ним в Горки-10 – ранее сверхзакрытую резиденцию или дачу ЦК. Поехали на черной «Волге». Оказалось, что нашу историческую группу решили перебросить из Серебряного

бора сюда, в Горки-10. Въехали в лесопарк. Дом с колоннами. Мемориальная доска: «Здесь жил и умер Максим Горький (1931–1936)». Встретили нас директор и женщина, что-то вроде ключницы. Дом – пуст. Ходили по начищенному паркетному полу из дорогих пород дерева, отражались в сияющих чистотой зеркалах, поднимались по ковровым дорожкам на второй этаж. Комнаты оснащены всем современным, в ванных даже биде! И все это нам?! В сравнении с роскошью Горок-10 старая дача в Серебряном бору казалась просто скромной хижиной. Зачем потребовалось перемещать группу в этот рай? Из разговоров с директором и «ключницей» стало проясняться, что дом уже довольно давно пустует, «господа» уехали, «Фирсы» остались одни, и это навевало на них грусть-печаль: та «спецжизнь», к которой они привыкли, исчезнет, прекратится...

Спустились по лестнице на крутом обрыве к реке. Настроение хозяев стало передаваться и нам. «Вишневый сад» Чехова, да и только... На обратном пути сказал Наумову:

– Помните у Шатрова в «Так победим!»? Ленин в финальной сцене говорит: «Никто никогда не скомпрометирует коммунистов, если коммунисты не скомпрометируют себя». Похоже, что это «если» случилось. Вон в каких дворцах жил великий пролетарский писатель. А великие пролетарские вожди?

Он махнул рукой. Впрочем, пожить в Горках-10 никому не пришлось. Крепла давно уже бродившая мысль: ничего из затеи с новой историей КПСС не получится. Ход событий все более напоминал 1917 год: неотвратимый дрейф, скольжение к выходу на политическую арену все более и более радикальных группировок выдвижение все более и более крайних лозунгов. Понимал ли это Горбачев.

Приблизительно в середине июня новая газета «Коммерсант» в рубрике «Разное» опубликовала материал под названием «Новое следствие по делу Ульянова (Ленина)». Суть дела заключалась в следующем. Народный депутат РСФСР В. Миронов собрал 50 подписей депутатов, достаточных для начала парламентского расследования под названием «Об исторической и правовой оценке насильственного свержения законного правительства демократической Российской республики в октябре 1917 г. и о роли в событиях 1917–1918 гг. партии большевиков во главе с Лениным В. И.». Депутат от социал-демократов О. Румянцев заявил: «Октябрьский переворот устроила банда анархистов, отвергнувших социальные реформы». Но с точки зрения

существовавшей до февраля 1917 г. «законности», Временное правительство тоже было незаконным, так что свое расследование Миронову надо было начинать не с октября, а с марта 1917 г. В отличие от О. Румянцева, значительная часть социал-демократии 1917 г. не квалифицировала большевиков как «банду анархистов», а признавала, что они выражали настроения определенных (радикальных) слоев пролетариата, крестьянства и солдатских масс. Но разбираться в прошлом уже мало кто хотел. Вырвавшаяся из рамок перестройки «демократическая волна» обрушивала на головы масс оглушающую пропаганду, искусно выбирая из истории факты, компрометирующие политических оппонентов. В сущности эти «демократы» повторяли большевиков, которые в политических целях тоже оглушительно компрометировали своих предшественников – Временное правительство.

Если мысль ясна…

Шатров рассказал, что Яковлев говорил с «самим», и «сам» якобы сказал, что «корабль плывет», что «мы» (т. е. перестройщики) «им» (т. е. противникам перестройки) «еще навтыкаем». Но никому Горбачев уже «навтыкать» не мог. Вожжи выпадали из его рук. В сентябре Москву поразил «табачный кризис», в киоски за сигаретами стояли длинные очереди. Потом разразился «хлебный кризис»: запертые булочные, тоже длинные очереди, давка у прилавков, хватание буханок. Казалось, вот-вот начнутся «табачные бунты», «хлебные бунты». Прошел слух, что грозит эпидемия дифтерита. Паники добавил обмен 50-ти и 100-рублевых купюр. Январь начался многолюдными демонстрациями. 20-го числа чуть ли не вся Москва поднялась, как бывало 1 мая или 7 ноября. По Садовому кольцу движение прекратилось. Погода мрачноватая, пасмурная, слякотная. Здание посольства США «забаррикадировано» тяжеловесными бетонными брусами. Подхода нет. Два каких-то парня, все-таки уцепившись за решетку, держали плакат: «Буш – цепной пес». Следуем мимо. Над нами плакаты и лозунги насквозь антигорбачевские и насквозь проельцинские. На Манежной площади море людей. К гостинице «Москва» не подойти, там все «утрамбовано». Объявлена минута молчания в память погибших в Вильнюсе и Баку. То ли с машин, то ли с импровизированной трибуны один за другим выступают ораторы. Афанасьев, Станкевич, Якунин, Гдлян, Черниченко, еще кто-то. Клеймят Горбачева, прославляют Ельцина. Обратно двинулись по улице Герцена, перерытой строительными работами. В эту зиму

и весну Москва стала проваливаться в «мерзость запустения». Темно, улицы завалены снегом, скользко на тротуарах. Пусто в магазинах, продавщицы в несвежих халатах стоят за прилавками, сложив руки на груди крест-накрест. Подскочили цены. Они казались ужасными: колбаса – 13 руб., крупа – 7 руб., хлеб – почти рубль. Никто еще не предполагал, что все это только начало. А вместе со всем этим появились признаки какой-то нервной суеты: снование «иномарок», из которых что-то вытаскивали, а потом, наоборот, затаскивали моложавые, крепкие ребята – будущие «новые русские».

В марте позвонила некая дама, отрекомендовалась то ли переводчицей, то ли секретаршей корреспондента «Вашингтон пост» Д. Ремника. Договорились встретиться. Явился молодой высокий парень. Расспрашивал о советской историографии, о перестройке и Горбачеве.

Спустя некоторое время (кажется, это было в апреле) в новом шикарном «Президент-отеле», построенном на Якиманке, состоялся международный симпозиум о Ленине и ленинизме. Вся наша группа получила приглашения. Проходили в отель по особому списку, охрана «стояла на ушах». В большом, ярко освещенном зале, за круглым столом расселись участники симпозиума. Выделялся американский историк Р. Пайпс, который при Рейгане состоял его спецсоветником по русским делам. Раньше его числили по разряду самых злостных «фальсификаторов истории». Теперь постаревший, но не изменивший своих взглядов Пайпс, казалось, чувствовал себя победителем. Говорил назидательно. Пытался возражать ему наш Лельчук, но выглядело это неубедительно. И не потому, что Лельчук не был так эрудирован, как Пайпс. Ветер перестройки дул в спину Пайпсу. «Пайпсизм» становился чуть ли не образцом исторической правды в интерпретации российских событий конца XIX – начала XX вв. Между заседаниями в фойе мелькнул Д. Ремник. Помахали друг другу, и он деловито куда-то исчез. В его деловитости тоже чувствовалась победность.

В перестройку американцы стали нашими любимцами. Еще бы! Это они помогали нам освободиться от «империи зла» и создавать «империю добра» такую же, как у них, где все только улыбаются друг другу.

Конечно, на том симпозиуме в «Президент-отеле» весной 1991 г. дискуссию с Р. Пайпсом должен был вести не Лельчук или кто-либо еще из нашей группы. В его «весовой категории» противостоять ему должен был наш шеф Яковлев. Мы ждали его. Но он не пришел. Это был знак, точка, поставленная на проекте нашей новой истории большевизма. Больше «группа Яковлева» не собиралась.

* * *

Я с огромным интересом читал воспоминания Яковлева «Омут памяти», вышедшие в 2000 г. Искал там что-нибудь о том, как мы писали историю КПСС. Не нашел ничего. Впрочем, это можно понять: что значил этот проект в сравнении с теми событиями, в которых Яковлев играл одну из самых главных ролей? «Я лично убежден, – пишет Яковлев, – что Горбачев сломался осенью 1990 г. Он заметался, лихорадочно искал выхода... В результате фактически померла горбачевская президентская власть... Оставшееся время до мятежа было временем безвластия, политической паники и укрепления необольшевизма. «Победители» вздернули подбородки, начали свысока взирать, а не смотреть, цедить слова, а не говорить. Подхалимаж перед Горбачевым сменился подчеркнутым равнодушием к нему. В глазах этих ублюдков светился восторг от предвкушения реванша»...[4] Спасение от реванша могло быть только в лагере Ельцина. А там, какая ж могла быть «история большевизма»? Только пайпсовская. В соответствии с ней «октябрьский переворот являлся контрреволюцией, положившей начало созданию уголовно-террористического государства фашистского типа»[5]. Что же тут надо изучать и о чем писать? Все же ясно. Когда же пришла такая ясность? В дни, когда мы сидели на даче в Серебряном бору, или раньше? Что ж, хорошо, что пришла. Как писал философ И. Киреевский, «никакая мысль не может считаться зрелой, если она не развилась до невыразимости в слове».

[4] Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2000. С. 505–506.
[5] Там же. С. 8.

Тамаш Краус

Столетие образования Советского Союза – актуальные мысли

Со времени выхода в свет книг Э. Х. Карра и И. Дойчера[1] многие историки ответили на кажущийся банальным вопрос о том, как стало возможным, что Россия, пострадавшая от двух мировых войн, и выросший из нее Советский Союз, стала второй промышленной и военной державой в мире за беспрецедентно короткий промежуток времени. Автор этих строк не остался в стороне от тех, кто, можно сказать, десятилетиями искал ответ на этот вопрос. В конце концов, здесь нет никакого секрета. Для всех, по крайней мере, для авторов, стоящих на научных позициях, однозначен вывод, что *советский социалистический проект*, начиная с 1917 года, с восстания против империалистической мировой войны, а затем с революционного массового движения, высвободил такую человеческую энергию и пообещал настолько привлекательное и возможное будущее здесь, на Земле, что это пленило значительную часть жившего тогда человечества. И в то же время, с учетом этого, благодаря некапиталистическим формам производства и социальной организации накопилась поистине массовая, *народная творческая сила*, беспрецедентная в истории человечества, без которой семидесятилетний исторический ход этой новой страны был бы совершенно непонятен. Эта «творческая сила» была мобилизована советской властью: иногда в более диктаторской, иногда в менее диктаторской форме, иногда с большими, иногда с меньшими жертвами, иногда поддерживая, иногда подавляя и даже жертвуя этими «общественными силами», она, в конечном счете, смогла мобилизовать десятки народов для того, чтобы искоренить неграмотность и подняться в культурном плане, победить нацистскую Германию, поднять советскую науку. Путь от Ленина до Гагарина, от «сохи до атомной бомбы», конечно, очень долог и запутан, прогресс сложен, достижения колоссальны, но огромны и противоречия... Прошло всего 100 лет с момента создания этой страны до кульминации ее семидесятилетней истории, вплоть до ее распада в 1991 году. Эта статья, по сути, посвящена основанию Советского Союза и дополнена некоторыми размышлениями в свете сегодняшних событий.

---

[1] Carr E. H. The Bolshevik Revolution 1917–1923. Vol. I–III., London, Macmillan, 1960. Deutscher I. Stalin: A Political Biography. Oxford University Press, 1961.

1. Право наций на самоопределение

Более чем через три десятилетия после распада Советского Союза мы наблюдаем почти непрерывную череду пограничных столкновений и войн, происходящих – будучи элементами глобальной конфронтации – между государствами-преемниками. Это заставляет задуматься об опыте Советского Союза, то есть такой государственной интеграционной структуры, где война и кровопролитие между нациями были почти неизвестным явлением. Даже в самый жестокий период сталинской коллективизации события не привели к войнам между народами, несмотря на то, что национальные конфликты пустили глубокие корни еще в царские времена. В настоящее время, одновременно с войной между Россией и Украиной, а фактически – геостратегической войной между Россией и Западом, научные дебаты о природе и значении Советского Союза продолжают приобретать геополитическую значимость. Выяснение отношений с прошлым продолжается всплеском страстей в духе дикой русофобии, которая поддерживается и вдохновляется Западом и напоминает нацистский «стиль»: современная русофобия всегда была связана с феноменом антисоветизма[2], потому что восхождение России к вершинам мировой власти является продуктом советской эпохи. Историк не имеет права быть наивным, однако я думаю, что стоит отметить 100-летнюю годовщину в духе соображений, пытающихся быть объективными, даже если известно, что конечной ставкой «разборок» при, мягко говоря, нетерпимом неприятии любой социалистической альтернативы или даже социалистических идей существующей капиталистической системой, являются старые, уже традиционные на Западе политические устремления по разделу России, которые наталкивают нас на определенные аналогии с ранним советским периодом.

Возникает далеко идущий вопрос: чем был Советский Союз и во что он превратился? Формирование ответа неотделимо от осознания того, что нет ничего более важного в изучении исторического явления, чем понимание *истории его происхождения*. В методологическом смысле нам помогает известная идея Маркса из «Введения» *к Grundrisse*[3]: «анатомия человека – это ключ к анатомии обезьяны». Если мы не понимаем, мы не знаем доминирующих тенденций последнего этапа развития, то мы не понимаем весь исторический процесс, а непонимание истории происхождения мешает нам по-

[2] См.: Krausz T. A ruszofóbiáról. / О русофобии. На венг. языке, в печати
[3] Экономические рукописи 1857–1859 гг. (прим. ред.)

нять современные процессы, потому что многие особенности последующего исторического развития уже присутствуют в самом его *возникновении*.

От Ленина до Милюкова, историка-кадета, министра иностранных дел Временного правительства, каждый серьезный аналитик знал, что царская империя, по сравнению с Западом, находилась на совершенно ином пути развития, на котором большинство народов – не считая железные дороги – мало соприкасались с продуктами развития современного капитализма. Исключением можно считать разве что период Первой мировой войны с ее последствиями. В настоящее время известны многие особенности этого отличающегося от Запада развития, которые также могут быть описаны концепцией *неравномерного развития*[4]. В любом случае, население самой большой страны в мире было примерно на 80 процентов неграмотным. Это, прежде всего, было характерно для региона Центральной Азии, для «азиатского массива». На многих местах религиозное сознание, как сознание принадлежности к некоему сообществу, было даже сильнее национального сознания: современное национальное развитие, «национальный рынок» не сформировались. Ни степень дифференциации разделения труда, ни степень рыночного производства и распределения не достигли такого уровня, чтобы мы могли говорить о возникновении нации. Во многих местах население даже не дошло до основ письменности, многие из них впервые познакомились с грамотой в Красной армии во время гражданской войны. Во время войны столько *наций и народностей* не могли удержаться вместе при распадающейся государственной организации царского самодержавия, уже не говоря об остальных факторах. Ленин считал, что более широкую интеграцию наций можно поддерживать только революционным путем, а революция является ее условием. Его труды дают четкую отправную точку. Поскольку движение капитала имеет двойную тенденцию, он интегрируется и распадается одновременно, то в конечном итоге это может привести к созданию различных интеграционных структур. Хотя капитализм на Западе развивается «нормальным» образом, в форме национального государства, в Восточной Европе, не говоря уже о Востоке, все обстоит совсем по-другому. Гордиев узел был окончательно разрублен Октябрьской революцией 1917 года: был актуализирован знаменитый тезис Коммунистического манифеста: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

[4] Краус Т. Своеобразие русского исторического процесса: о дискуссии Л. Д. Троцкого и М. Н. Покровского // Краус Т. Судьба идей в истории СССР и после… М., 2020. С. 41–61.

Конечно, это произошло уже не в русле представлений кадетско-либеральных элит, это была революция Советов.

Возникновение Советского Союза – по крайней мере, в символически-ментальном смысле – можно прямо вывести из результатов Второго Съезда Российской социал-демократической рабочей партии 1903 года, на котором делегаты одновременно выразили веру в интернационализм *пролетарской революции*, понимаемый как условие освобождения человечества, и признание *права наций на самоопределение*. Уже программа II-го Интернационала (1896 г., Лондон) включала право наций на самоопределение как проявление естественного союза между рабочим движением и национально-освободительными движениями. Так буржуазно-демократический принцип, выведенный из Французской революции, был включен в программу социалистической революции (статья 7) в 1903 году на II Съезде РСДРП. В чем заключается право наций на самоопределение? Имя Ленина[5], несомненно, тесно связано с защитой 7-го пункта, принципов которого он придерживался практически до конца своей жизни, но этот пункт с самого начала был серьезной проблемой для многих революционеров. Согласно ленинскому определению, право наций на самоопределение означает не что иное, как признание того, что любая нация, национальность имеет право на создание самостоятельного государства. Целую библиотеку можно было бы заполнить литературой, посвященной большим и малым дебатам о праве наций на самоопределение, которые имели место в социалистическом рабочем движении как в местном, так и в глобальном масштабе и которые, возможно, еще не закончились в кругах оставшихся интеллектуалов старого рабочего движения. По вопросу о самоопределении Ленин вел самые острые дискуссии со своими ближайшими соратниками (Розой Люксембург, Николаем Бухариным, Пятаковым, Раковским, позже, в 1922 году, со Сталиным, Дзержинским и другими). Почему? Потому что этот вопрос имел огромную практическую и политическую значимость[6]. Если революционеры откажутся от этого права, то в

[5] В Венгрии первое научное изложение взглядов Ленина на право на самоопределение, насколько мне известно, принадлежит профессору Эмилю Нидерхаузеру, и было опубликовано на русском языке: Ленин и национальный вопрос. Вышло отдельным изданием журнала Studia Slavica Hung. XVI. 1970.

[6] Если бы признавалось только самоопределение «рабочих и эксплуатируемых», как предлагали Роза Люксембург или Бухарин, тогда все национальные устремления, организованные на капиталистической основе, пришлось бы отвергнуть и уступить чаяниям вели-

конечном итоге они останутся в плену имперской логики царского режима, но если они поддержат ее безоговорочно, они попадут в плен «худшего» национализма. В этом и заключалась дилемма.

1. Следовательно, в духе российского рабочего движения «1903» и «1917» политическая функция признания этого права в целом заключалась в том, чтобы помочь союзу с любым национальным движением, которое будет бороться против колониализма и гнета царского бюрократического централизма.

2. Признание означает, что если какой-то народ решает взять свою судьбу в собственные руки и хочет жить в рамках независимого государства, этому нельзя противостоять; более того, в случае социалистического поворота его нужно поддерживать, в то время как в случае контрреволюционного поворота, все должно быть наоборот.

3. Когда создание Советского государства стало практическим вопросом, право наций на самоопределение приобрело как революционное, так и контрреволюционное значение: это могла быть конфронтация с царской системой, с войной и союз национального движения с революционной системой в России. Это право также может быть и инструментом контрреволюции, если политические силы, выступающие против Советского государства, повернут национальное государство против Советской России под «западной» опекой на основании самоопределения, как, например, Украина в 1918 году или Польша в апреле 1920 года, когда Пилсудский, поддавшись прихоти «Великой Польши», напал на Советскую Украину[7], хотя Ленин уже подписал декрет о признании независимого польского государства в декабре 1917 года.

4. Таким образом, если политический баланс сил противопоставляет признание права наций на самоопределение интересам прогрессивных движений, его не следует поддерживать, но в то же время нельзя отрицать само право. То есть *признание* – это не то же самое, что поддержка. Все зависит от того, какие социальные и политические силы представляют право на само-

---

ких держав. Когда Ленин подписал самоопределение Польши и Финляндии как независимых государств после революции, он не допустил ошибки, поскольку непризнание фактов всегда приводит к катастрофе. См. об этом подробнее в моей книге: Bolsevizmus és nemzeti kérdés. Adalékok a nemzeti kérdés bolsevik felfogásának történetéhez, 1917–1922, Nemzetiségi Füzetek 8., Akadémiai Kiadó, Budapest, 1989.

[7] См. об этом подробнее: Ольшанский П. Н. Рижский договор и развитие советско-польских отношений 1921–1924 гг., М., 1974; Krausz Tamás: Lenin. Társadalomelméleti rekonstrukció. Budapest, Napvilág Kiadó, 2008. S. 368–378.

определение. Ленин, соответственно, проводил различие между движениями к «средневековью» и освободительными движениями. «Использовать средневековый партикуляризм? – задал вопрос Ленин. – Слишком опасно; не по-марксистски. Необходимо проводить различие между современными национальными движениями и движениями средневекового характера (так называемыми движениями)»[8].

Все эти вопросы стали основополагающими при создании СССР. Всемирное революционное послание 1917 года «о добровольном социалистическом союзе народов» одновременно отражало антикапиталистическое, антиколониалистское, антиэтатистское, антирасистское отношение к привлекательности лозунга «пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Революционный дух эмансипации пронизывал революционную элиту и миллионы советских людей, хотя во многих отношениях революционные цели не совпадали с особенностями российского общественного развития. Какое-то время казалось, что социалистическая альтернатива в одной шестой части мира уже близка, но героическая борьба с контрреволюцией затруднялась бюрократической централистской традицией российской истории, относительно небольшой численностью пролетариата, отсутствием демократических гражданских сил, неграмотностью, «феодально-капиталистическим» наследием, одним словом, ограниченностью исторических условий. Это усугублялось значительными локальными и глобальными силами контрреволюции[9].

Русский либерализм, считавший себя «мучеником», в конце концов, выродился в поддержку белогвардейских диктатур. Лишь немногие из его представителей поняли после падения Колчака[10], что выживание России как

---

[8] Эта проблема возникла и во время второго Коммунистического интернационала как своего рода позитивная абсолютизация «азиатской отсталости», и как полемика с этим взглядом. Тот вопрос возник позже, после создания Советского Союза, в связи с панисламизмом и пантюркизмом, представленными Султан-Галиевым, историю которого я изложил в другом месте. Султан-Галиев в феврале 1918 года стал членом коллегии, руководившей работой Народного комиссариата по делам национальностей. Будучи интеллектуалом татарской национальности, он занимался управлением мусульманскими делами. См. подробнее: Ленин В. И.: Отчет комиссии по делам национальностей и колониальному вопросу, 26 июля 1920 г. ПСС В. И. Ленина, т.41, С. 157–163, 229–234, 439.

[9] См. об этом: *Краус Т.* 1917 год: сто лет, сто заветов. Судьба идей в истории СССР и после… М. : АКВИЛОН, 2020. С. 15–40.

[10] Г. З. Иоффе. Колчаковская авантюра и ее крах. Moszkva, 1983; Halász Iván: A tábornokok diktatúrái, a diktatúrák tábornokai: fehérgárdista rezsimek az oroszországi polgárháborúban, 1917–1920. Ruszisztikai Könyvek XV., Budapest, Magyar Ruszisztikai Intézet, 2005.

национального государства неотделимо от советской власти, от Красной армии, от раздачи земли, от общественно-государственной собственности, на основе которой было организовано новое советское государство. Конечно, даже в 1922 году вопрос о выживании все еще оставался открытым, как и само название нового государства: может ли союз «советских республик Европы и Азии»[11] быть жизнеспособным?

5. Основываясь на опыте распада государственно-социалистических режимов 1989-го года, особенно на более позднем опыте бомбардировки Югославии, и опыте событий на Украине сегодня, можно видеть, что право наций на самоопределение полностью подчинено балансу сил великих держав, и что великие державы произвольно интерпретируют его в своих собственных интересах. В период распада Югославии возникновение Косово, отдельного от Сербии государства, в качестве независимого государства, могло произойти в результате решения великих держав Запада и с использованием элементов албанских этнических традиций и культуры. Однако, исходя из этой модели, уже трудно найти юридические аргументы против отделения русских на востоке Украины от Украины, хотя оба «отделения» означают ряд проблем с международно-правовой точки зрения. Но отделение «национальностей» (и меньшинства, и части большой нации) там, где права человека ограничиваются, а их культурная автономия и свободное использование языков отменены, и даже само их право на жизнь находится под вопросом, т. е. национально-государственное отделение этих национальностей от прежних государств вряд ли можно ставить под вопрос в любом регионе мира.

II. Создание Советского Союза

При создании СССР многое зависело именно от юридических, «формальных» деталей, разработка которых ускорилась с весны 1922 года. С августа работа была передана в руки специальной комиссии во главе со Сталиным. С весны 1919 года РСФСР, представлявшая собой союз автономных республик и краев, находилась в двусторонних «договорных отношениях» и «воен-

[11] Первоначально употреблялось название «Временное рабоче-крестьянское правительство Советской республики», и Совет народных комиссаров также не называл себя русским. Позже, в январе 1918 года, официальным становится название Российская Советская республика, и в первой Конституции (1924) она была уже названа Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

но-политическом союзе» с независимыми советскими республиками[12]. Две республики, РСФСР и Украинская ССР, согласно договору, подписанному 28 декабря 1920 года, вступили в военно-экономический союз, согласно которому были объединены народные комиссариаты по военным и морским делам, Высший совет народного хозяйства, народные комиссариаты внешней торговли, финансов, транспорта, почты и труда. Объединенные народные комиссариаты вошли в состав Совета народных комиссаров РСФСР и в то же время сохранили свое представительство в Совете народных комиссаров Украины, были подотчетны Съезду Советов Украины и его Центральному исполнительному комитету, и их деятельность контролировалась этими органами. В то же время объединенные народные комиссариаты находились под контролем Всероссийского съезда Советов, на который Украина также направляла своих представителей[13]. Однако эта схема еще не прояснила важнейший вопрос о независимости отдельных республик и об их отношениях с Советской Россией. Действительно, согласно изложенному здесь договору создавалось впечатление, что республики войдут в состав РСФСР, что считалось реальным вариантом в течение 1922 года. Весной 1922 года этот проект, широко известный как «автономизация», стал значимым вместе с ролью Сталина как инициатора и нашел поддержку среди более узкого круга большевиков, хотя накопленный к тому времени исторический опыт и его анализ, проведенный Лениным, указывали скорее на перспективу равноправного союза национальных республик и существующих федераций, в то время как сталинский «проект автономии» предусматривал автономный статус в составе РСФСР для Украины, Белоруссии и Федерации Закавказских республик[14].

Работа Сталина «Марксизм и национальный вопрос», написанная в 1913 году, помогла ему – как представителю меньшей нации, грузин – завоевать некоторый авторитет в партийном руководстве как «эксперту» по национальному вопросу еще до революции. В дополнение к другим своим функциям, в марте 1922 года он был избран генеральным секретарем партии по предложению Л. Каменева, и эта функция, которая хотя и не была столь значи-

[12] Подробную информацию о конкретных правовых формах военно-политического союза советских республик (в отношении России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма) см.: Макарова 1977; Съезды Советов в документах 1917–1936. Т. 1. Москва. 1959. С. 149–150, 109.

[13] Съезды Советов. Срав. также с цитировавшейся ранее работой Юхаса

[14] Ср.: ПСС В.И. Ленина, Т. 45. С. 569–571.

тельной, как позже, повысила его авторитет как организатора-чиновника. Также не стоит забывать, что после прихода к власти большевиков он стал народным комиссаром по делам национальностей в Совете народных комиссаров. В этой должности и вообще как наиболее компетентная фигура партии в организационных вопросах, он рассматривал создание нового советского союза «сверху», с точки зрения организации аппаратно-официальной работы, единства государства и аппарата и централизованного функционирования. Сторонников этого подхода было много и в кругах большевистских лидеров. Ленин представлял иную, более широкую систему взглядов. В своих последних работах он критиковал главным образом унаследованный от царского режима аппарат, который, по его мнению, укреплял не политику расширения более свободных возможностей одновременно независимых и ассоциированных республик, входящих в федерацию, а бюрократическую централизацию, связанную с имперской традицией, с великорусским шовинизмом. Сталин, приверженец концепции автономии, главным противником считал местную националистическую рознь, то есть он придерживался мнения, что правильным решением было бы «вхождение отдельных республик в состав России». Сегодняшние последователи Сталина забывают – вопреки самому Сталину – что смысл существования Советского Союза состоял в том, чтобы преодолеть капитализм, а не национальный сепаратизм сам по себе; по сути дела, предметом полемики был путь к социализму. В то же время позиция Сталина имела вполне законные политические основания в свете тогдашней мировой политики и внутренней борьбы за политическую власть в России. Сталин подчеркивал остроту «момента», так как считал, что проблемы, поднятые Лениным и его сторонниками, не могут быть решены здесь и сейчас, поскольку реальным источником проблем, упомянутых выше, является взаимодействие, переплетение, слияние различных исторических типов и форм местного развития (многоукладность), что является очагом различных этнорелигиозных сепаратизмов[15]. Троцкий также отмечал «комбинированное развитие», столкновение

[15] «Нам говорят – писал он еще в 1920 году, – что Россия распадется на несколько республик, но нам нечего бояться. Независимо от того, сколько существует независимых республик, мы этого не боимся. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а государственная независимость республики и необходимость организации, по согласованию с правительством Финляндии, специального комитета, состоящего из представителей обеих сторон, который разработает практические меры, которые последуют в результате отделения Финляндии от России». (Народные комиссары Ленин,

различных уровней исторического развития, «амальгамы архаических форм с наиболее современными»[16], и подчеркивал следующее: «На окраинах империи население городов полностью отличалось от населения деревень с точки зрения национального состава. На Украине и в Белоруссии помещик, капиталист, юрист, журналист – это великоросс, поляк, еврей, “иностранец”, а сельское население было полностью украинским и белорусским. В Прибалтике города были гнездами немецкой, русской и еврейской буржуазии, деревня была полностью латышской и эстонской. В городах Грузии большинство населения составляли русские и армяне, а также турки-азербайджанцы»[17]. Невозможно было просто так избавиться от этой проблемы. Пролетарская революция унаследовала от старой России совсем иную систему традиций, обычаев и культуры различной глубины национальной интеграции.

Поэтому Ленин выступал за союз федеративных республик как за решение, которое могло бы обеспечить большее культурное и политическое поле деятельности для наций и народностей, и его видение более четко отражало глобальную и более открытую перспективу для социалистических и коммунистических движений мира, с одной стороны, и для народов и стран, живущих под колониальным и национальным гнетом и еще не погрузившихся в море возрождающегося национализма в начале 20-х годов, с другой стороны.

Осенью 1922 года страх Сталина и Орджоникидзе перед местным национализмом привел их к хорошо известному жесткому конфликту с грузинскими коммунистическими лидерами, особенно с местным партийным лидером Мдивани, который вместе со своими товарищами предпочитал более свободное, конфедеративное решение вопроса федерации. Сталин и те, кто соглашался с ним, использовали худшие методы бюрократического централизма в противовес местному национализму, что привело Ленина к резкой критике в его часто цитируемых последних работах[18]. Наконец, приняв ленинскую позицию большинства по этому вопросу, Сталин официально признал, что царская бюрократическая централизация власти будет заменена строительством

Троцкий, Сталин, Стейнберг, Карелин.) А после подавления недолговечной финской пролетарской революции, на заключительном этапе Гражданской войны, был заключен мирный договор, который был подписан и ратифицирован 22 октября1920 г. Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 489; Декреты советской власти.

[16] Троцкий Л. Д. История русской революции. Том. 1. Нью Йорк, 1931. С. 22.

[17] Там же.

[18] Ленин В. И. ПСС. Т. 45, С. 356–357.

более демократического федеративного государства, в котором главной задачей стала именно интеграция национальностей. Наконец, федеративное государство объединило ведомства по иностранные делам, военные ведомства, внутренние дела и финансово-экономическое управление в объединенные федеральные народные комиссариаты[19]. Историческая реальность, выраженная в идеях Сталина о централизации, независимо от того, сколько трансформаций она претерпела за 70 лет, в той или иной форме сопровождала всю историю развития советской системы, и вывела ее на путь, который, в отличие от первоначального социалистического проекта, привел к консолидации *государственно-социалистического типа* со всеми известными противоречиями. Все это не дает нам право забывать, что объявленное Сталиным 30 декабря 1922 г. на X Всероссийском или же на I съезде Советов федеративного государства[20] создание Советского Союза, стало достижением Октябрьской революции, и с созданием Союза Советских Социалистических Республик на карте мировой системы возникает новая политическая эра, новая социальная структура и новый геополитически важный регион, влияние которого на всю мировую систему было в то время признано и понято лишь немногими.

Те, кто сегодня – на основе внеисторического произвола, чуждого исторической науке – требуют от Ленина «имперского взгляда», не видят или не хотят понимать, что он действовал в духе иных целей, иных средств и методов, чем сегодняшние, потому что он мыслил не о капиталистической пер-

---

[19] Октябрьский пленум Центрального комитета партии в окт. 1922 года принял концепцию ленинской федерализации вместо сталинской автономии, поэтому 30 декабря 1922 г. первый общефедеральный съезд Советов провозгласил объединение и образование на его основе РСФСР, КФСК, Украины и Белоруссии. 31 января 1924 года вступила в силу Первая Конституция СССР, которая декларировала право свободного выхода из федерации любой республике.

[20] Первая Конституция новой социалистической федерации была уже готова к лету 1923 года. Первой частью Конституции, состоящей из двух частей, является Декларация об образовании Советского Союза, в которой говорилось о равенстве народов и добровольности объединения, закреплялось право на отделение и возможность вхождения для более поздних ссоциалистических республик. Вторая часть содержала фактические конституционные положения. Согласно Конституции, высшим органом государственной власти является общефедеральный съезд Советов, избираемый по системе делегатов, и двухпалатный Центральный исполнительный комитет, избираемый между сессиями Съезда. Федеральный совет, состоящий из 414 членов Центрального исполнительного комитета, избирается пропорционально населению каждой республики, а Национальный совет состоит из 5-5 представителей союзных и автономных республик и 1-1 представителя автономных территорий. Основываясь на принципе равенства между двумя советами, законы должны приниматься обеими палатами. Срав. Юхас, цит. пр.

спективе. Судить об обстоятельствах раннего советского периода на основе знания о современных структурах развития – наихудший методический подход, которого должен избегать любой историк. Хоть и по-другому, но такие историки совершают ту же методологическую ошибку, что и те, кто также критикует развитие Советского Союза через призму западных форм развития в неисторической манере. Повторим: распад Советского Союза не вытекает из исторического наследия Ленина. Ведь даже в период перестройки и 70 лет спустя, в полностью изменившейся политической системе, перед советским руководством и населением страны появлялись разные альтернативы. С одной стороны, прибалтийские государства и Грузия решили покинуть Советский Союз именно на основе права наций на самоопределение в духе его обеспечения, и даже не участвовали в референдуме марта 1991 года о сохранении Советского Союза. С другой стороны, на мартовском референдуме примерно 76 % избирателей проголосовали за сохранение Советского Союза. И мы не должны забывать, что в процессе распада Советского Союза Россия первой в июне 1990 года провозгласила свою независимость, хотя при этом не было сделано никаких ссылок на право наций на самоопределение.

Последующее развитие состоящей из 14 республик[21] советской федерации, и ее критический анализ могут привести к выводу, что формы общественного самоуправления рано отмерли как в производственной, так и в политической жизни, их место заняли органы государственной централизации. В сложившейся, пусть очень своеобразной авторитарной системе политические права отдельных национальных республик и национальностей были строго ограничены, но советская система также обеспечивала самобытность наций и народностей, связанных с определенной территорией, их образование на родном языке и культурные учреждения, рост их материального благосостояния до определенного уровня и доступ на руководящие посты национальным кадрам[22]. Поэтому, сколько бы противоречий не было за семьдесят лет советского развития, остановил его явно не *национальный вопрос*. В Советском Союзе не исчезла ни одна национальность, более того, именно сего-

[21] В 1936 году Конституция Советского Союза предусматривала существование 11 советских республик, а позже, в 1940 году, после расширения территорий, их число увеличилось до 15, и, наконец, Союз из 14 республик и 20 автономных республик просуществовал в составе СССР до 1989 года.

[22] Ср.: Suny R. Szocializmus és etnikai konfliktusok a Kaukázusontúlon. In: Poszt-Szovjet Füzetek 10., Budapest, Magyar Ruszisztikai Intézet, 1993., S. 29.

дня можно видеть, что Союз Советских Социалистических Республик оказался скорее инкубатором наций, а не их кладбищем.

Сам же «продукт» советского развития, *советский человек*, однако, не пережил этого «рождения», развитие, по сути, вернулось в некую устаревшую фазу, которую *советский человек* не мог себе ранее даже представить. Все без исключения новые национальные государства порвали с государственно-социалистической системой и своими собственными историческими предшественниками, а также со всеми идеями и практикой социализма, с экономической и социальной программой освобождения. Советский человек дрейфовал, с одной стороны, между «царством свободы» («*смело товарищи в ногу»*), великими целями экономического и социального равенства, и «мелочностью» повседневной мелкобуржуазной реальности, обещаниями потребительского рая, и, в конце концов, попал в рабство последнего. Тем не менее, советская культура оставила потомкам такую живую память, которая составляет неистребимую часть прогрессивной мировой культуры, элементы эмансипации[23]. Основываясь на опыте последних 30 лет, мы можем наблюдать печальную судьбу народов, «освобожденных от социализма», но в истории нет «пути назад». Советский Союз утонул в море мирового капитализма – по сути, вместе с созданной им «мировой системой». И последствия этого факта формируют наши сегодняшние условия жизни. Оптимизм имеет право на существование. Проект коммунизма провалился, но сама мировая система постоянно возрождает социальных носителей его «возрождения» в локальном и глобальном масштабе. Попытаются ли низшие классы, какая-то часть человечества, еще раз освободиться от капиталистической эксплуатации и войн, от колониального наследия и его новых форм, этого мы не можем знать. Но если бы такой эксперимент состоялся, то освободительные устремления и ценности, которые создали Советский Союз, но которые, в конечном счете, остались нереализованными, а также стремление к социальному и национальному равенству, безусловно, стали бы важным опытом.

[23] Цит. работа Л. Булавки и Т. Краус: Размышления о советском человеке. In: он же Судьба идей... С. 316–329.

В. И. Меньковский

Соотношение исторической науки и исторической политики в оценке советского прошлого

Рубеж 2010–2020-х гг. можно с определенной долей условности назвать «пятилеткой советских юбилеев». 2017 г. – столетие российской революции, 2018 г. – 140 лет со дня рождения И. В. Сталина, 2020 г. – 150 лет со дня рождения В. И. Ленина, 2021 г. – 30-летие распада СССР, 2022 г. – столетие образования СССР. Условность заключается лишь в том, что пятилетка растянулась на шесть лет, с 2017 по 2022 г., но поскольку речь идет о советской истории, термин представляется возможным. Пятилетки были формой периодизации советского исторического времени, начиная с 1920-х гг. даже в тех случаях, когда их реальная продолжительность не совпадала с указанным временем (незавершенные пятилетки, семилетка). По мере генезиса Советского Союза пятилетки включали в себя и настоящее, и «героическое прошлое», и «светлое будущее». Хотя Советский Союз прекратил существование более 30 лет назад, большинство новых независимых государств, образованных на его территории, продолжают определяться термином «постсоветские», и советское прошлое все еще актуально как для политических элит, так и для рядовых граждан этих стран.

Новые независимые государства находятся в процессе поиска путей самоидентификации и формирования национальной идеи. На этом пути чрезвычайно важную роль играет историческая память. Ключевые положения концепции истории памяти (*memory studies*) были предложены немецким культурологом Я. Ассманом и заключаются в том, что историческая память подвергается постоянной реорганизации в соответствии с запросами современности и благодаря социальной активности современников. Как писал Я. Ассман, «прошлое не вырастает естественным путем, оно является продуктом культурного творчества»[1]. Таким образом, представление о прошлом перестает быть неизменным, а термины «историческая память» (т. е. представление о прошлом) и «история» (т. е. прошлое) не синонимичны.

[1] Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 50.

Поскольку в социальных и гуманитарных науках терминология является предметом дискуссий, прежде всего, следует объяснить, какое значение (из множества используемых и дискутируемых) вкладывается автором в понятие «историческая память». Мы соглашаемся с пониманием исторической памяти как совокупности научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом. Историческая память является сложным социокультурным феноменом, связанным с осмыслением исторического опыта (реального и/или воображаемого), и одновременно выступает как продукт манипуляций массовым сознанием в политических целях[2]. А. Ластовский предлагает для аналитических целей выделить нескольких уровней исторической памяти, которые в социальной практике взаимосвязаны: набор описаний, идей и образов прошлого, формирующийся властным дискурсом; коллективные обыденные (фрагментарные и противоречивые) представления о прошлом; индивидуальная память, которая социально опосредована и соединяет индивида с социальной стратой[3].

Юбилеи стали удобным поводом для возвращения к обсуждению советского прошлого политиками, средствами массовой информации, профессиональными историками, обществом в целом. Мы употребляем термин «возвращение» поскольку советская история уже была в центре внимания в конце XX – начале XXI вв. Потом интерес ослаб, внимание властных элит и общества переключилось на проблемы современности, а история осталась полем деятельности историков. Однако процесс самоидентификации «постсоветских» социумов, поиск «национальной идеи» вернули советскую историю в центр общественного внимания.

В неопределенной, меняющейся ситуации современной исторической политики[4] многое могло зависеть от корпорации историков. Историческое сообщество, опираясь на научную методологию, проверенные факты, используя современные средства массовой информации способно донести досто-

---

[2] См. Репина Л. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2012. С. 4–6.

[3] См. Ластовский А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой // Вестник общественного мнения. 2009. № 4. С. 88–89.

[4] Историческая политика – инструментальное использование истории (или коллективных представлений о прошлом и его репрезентаций) в политических целях. См. Касьянов Г. К проблеме дефиниций: историческая память, историческая политика // Історія, Пам’ять, Політика. Збірник статей / Упоряд. Г. Касьянов, О. Гайдай. К., 2016. С. 122.

верные ответы на многие вопросы советского прошлого, предложить ту интерпретацию, которая связана не с конспирологией и сенсациями, а с глубинными социальными, национальными, политическими, экономическими проблемами, определявшими в прошлом и определяющими сейчас жизнь каждого человека. Произошло ли это? Нам представляется, что в целом *не* произошло, и мы склонны согласиться с мнением Б. Акунина: «В периоды, когда верховная власть по идеологическим соображениям начинала испытывать государственный интерес к исторической науке, ученые немедленно начинали искать не истину, а расположение начальства»[5].

Мемориальная политика, а, следовательно, и ее юбилейный аспект стали важным элементом идеологической и политической составляющей повседневности. Как справедливо отмечала Н. Иванова «Юбилеи – …мощный стимул для объединения. По тому, как они проходят в современной России, да и какие, собственно, юбилеи отмечаются – пышно и с размахом, или скромно, почти тайно – видны процессы либо размежевания, противостояния в обществе, либо нахождения и утверждения – на исторической толще юбилея – искомой идентичности»[6]. Представления о прошлом, национальной истории зависят от ментальности и целеполагания конкретной социальной, национальной или иной группы. Мемориальная политика включает практики коммеморации, использование образов прошлого при формировании коллективной идентичности, деятельность различных «институтов памяти», механизмы общественных дебатов о прошлом, методы работы средств массовой информации с историческим материалом.

Россия как правопреемница СССР, занимает особое положение на постсоветском пространстве, а соответственно и особо позиционирует себя по отношению к Советскому Союзу. Властные элиты, с помощью имеющихся у них ресурсов, создают специфический «советский миф», особый образ СССР, отличающийся от мифов и образов, создающихся властными элитами других новых независимых (постсоветских) государств. Советское прошлое в российской интерпретации оказалось более «полезным прошлым», чем оно представ-

---

[5] Акунин Б. История Российского государства. От истоков до монгольского нашествия. Часть Европы. Москва: АСТ, 2013. Kindle Edition.

[6] Иванова Н. Русский проект вместо русской идеи // Знамя. 1999. № 3 // [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/znamia/1999/3/russkij-proekt-vmesto-russkoj-idei.html (дата обращения: 10.03.2022).

ляется в историко-мифологических вариациях других стран. Расхождение в оценках, вероятно, будет только усиливаться по мере кристаллизации различных вариантов исторического обоснования современной государственности.

В российской государственной исторической политике по отношению к советскому прошлому нам представляется важным отметить несколько моментов.

Во-первых, переход к трактовке в трактовке советского периода истории как к «полезному прошлому». Интеллектуальному сообществу предлагалось использовать для блага общества только ту часть прошлого, которая может быть полезна настоящему. Если в прошлом такая полезная составляющая не обнаруживается, ее надо изобрести. Т. е., в коротком варианте, предлагалась историческая ложь (или частичная правда) во благо сегодняшнего дня. Вопрос об этической составляющей не ставился, также как и понимание блага, и определение институций и персоналий, имеющих право на его трактовку. То, что происходит сегодня с советской историей, во многом соответствует идеологии «полезного прошлого». Советская история, не столько реконструируется, сколько конструируется.

Во-вторых, уверенность политических акторов в своей способности давать окончательные оценки историческим событиям, не будучи специалистами. Отсутствие профессиональных научных навыков, методологии исторического исследования, фрагментарное знание конкретного исторического материала не останавливает политиков различных рангов в стремлении предлагать (навязывать) жестко детерминированную трактовку исторических событий. Альтернативные концепции определяются как «фальсификация истории».

Вариант современной российской политики памяти оказался неожиданным для зарубежных исследователей. Дилемма представлялась очевидной: игнорировать неприятное прошлое или осудить его. Однако в первые десятилетия XXI в. отношение политических элит России к «образу СССР» изменилось кардинально. Президент Российской Федерации В. В. Путин назвал Советский Союз «исторической Россией»: «… мы пережили, по сути, развал государства: Советский Союз распался. А что такое Советский Союз? Это Россия и есть, только называлась по-другому…»[7].

[7] Путин В. Полный текст интервью российским телеканалам. РИА «Новости». 2011. 17 октября [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20111017/462204254.html

Мы не будем повторять известные тезисы представителей российской власти об их неудовлетворенности постсоветскими границами, о (не)состоятельности государственности постсоветских стран и о праве России определять эту (не)состоятельность. С нашей точки зрения отношение к подобным претензиям было аргументированно определено на заседании Совета безопасности ООН 22.02.2022. Представитель Кении М. Кимани на примере Африки напомнил, что разделение братских народов искусственными границами в прошлом – не повод для насилия и угнетения в настоящем: «Границы наших стран чертили не мы, а чиновники в столицах далеких колониальных метрополий: Лондоне, Париже и Лиссабоне. Их не волновала судьба древних народов, которые они рассекали на части. Сегодня по другую сторону границы любой африканской страны живут наши соотечественники, с которыми у нас прочные исторические, культурные и языковые связи. Если бы в момент объявления независимости мы решили добиваться таких границ для наших государств, которые отражали бы их этническое, расовое или религиозное единообразие, мы бы до сих пор, много десятилетий спустя, вели кровавые войны.

Вместо этого мы договорились принять те границы, которые нам достались в наследство. И даже с ними мы решили добиваться экономической и правовой интеграции нашего континента. Вместо того чтобы стать нациями, которые бесконечно вглядываются в свое прошлое, предаваясь вредной ностальгии, мы решили идти вперед, к величию, которого никогда прежде не знали наши многочисленные народы и нации»[8].

Положительное отношение к советскому периоду истории, к образу советского государства разделяется большинством россиян. «Повсеместное присутствие советского прошлого в постсоветском настоящем сегодня сложно переоценить. Оно настигает нас повсюду: в большом стиле государственной пропаганды, объяснительных схемах политической аналитики, риторике социальных протестов, массовой культуре или авторском кино… Советское

[8] [Электронный ресурс]. URL: https:// https://meduza.io/feature/2022/02/22/my-reshili-idti-vpered-vmesto-togo-chtoby-stat-natsiyami-kotorye-beskonechno-vglyadyvayutsya-v-svoe-proshloe-predavayas-vrednoy-nostalgii (дата обращения: 10.03.2022).

превращается в более или менее принятый всеми по умолчанию способ узнавания настоящего в предшествующей эпохе»[9].

Согласно данным социологических опросов (по данным ВЦИОМ) в 2000 г. сожалели о распаде СССР 70 % опрошенных[10], в 2005 г. – 66 %[11], в 2012 г. – 56 %[12], 2016 г. – 63 %[13]. В 2020 г. «в структуре представлений о «советской эпохе» преобладала положительная компонента (76 %)»[14]. К. Пипия, ведущий научный сотрудник Левада-Центра, готовившая документ, приходит к выводу, что «ностальгические» настроения о советском прошлом определяются тремя основными причинами: необходимостью сопричастности к «великой державе», разрушением единой экономической системы и потерей чувства сплоченности и доверия, которым они наделяли советское общество. При этом[15], романтизация советского прошлого у 2/3 населения страны не приводит к желанию реставрировать советский строй в нынешней России ни у тех респондентов, кто жил в Советском Союзе, ни у постсоветских молодых, в среде которых советский путь уступает и особому российскому пути, и европейской модели развития[16].

---

[9] Будрайтскис И. Брежнев как современник? Ностальгия, ретромания и колонизация советского. Неприкосновенный запас. 2019. № 2. [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2019/2/brezhnev-kak-sovremennik-nostalgiya-retromaniya-i-kolonizacziya-sovetskogo.html (дата обращения: 10.03.2022).

[10] Россияне о распаде СССР и рыночных реформах [Электронный ресурс]. URL:https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10452

[11] Россияне о СССР – через четырнадцать лет после его распада [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-o-sssr-cherez-chetyrnadczat-let-posle-ego-raspada (дата обращения: 10.03.2022).

[12] Двадцать лет без СССР [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dvadczat-let-bez-sssr (дата обращения: 10.03.2022).

[13] Back in the USSR? [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/back-in-the-ussr (дата обращения: 10.03.2022).

[14] Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе [Электронный ресурс]. URL: https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/03/Pamyat-o-Sovetskom-Soyuze.pdf (дата обращения: 10.03.2022).

[15] Там же.

[16] Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. М., 1991. С. 257.

О. Г. Назаров

Образование СССР

Возрождение великой державы

В 1931 году великий князь Александр Михайлович, которому Николай II приходился одновременно двоюродным племянником и шурином[1], нашел в себе силы признать то, что в годы Гражданской войны «на страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской Империи, апеллируя к трудящимся всего мира»[2].

Вождь большевиков был марксистом, и воссоздавать на месте Российской империи свою империю не собирался. Тем не менее, именно Ленин сыграл важнейшую роль в создании Советского Союза, который задумывался вождем большевиков как своего рода «рубашка на вырост»[3]. В то время он жил надеждой на мировую революции, веря в то, что вскоре революционная волна перекинется в Германию и другие промышленно развитые страны. Ленин рассчитывал, что там произойдут социалистические революции, после чего встанет вопрос об объединении всех советских республик в Союз Советских Республик Европы и Азии[4].

О праве наций на самоопределение

Еще в середине XIX столетия Карл Маркс и Фридрих Энгельс, проанализировав экономическое развитие ведущих капиталистических стран и положение наемных рабочих, пришли к выводу, что развитие производительных сил и борьба пролетариата за свои права, в конечном итоге, приведут к смене несправедливого капиталистического общества бесклассовым коммунистическим. В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», написанной уже после кончины Маркса, Энгельс пророчил, что пролетариат

---

[1] Александр Михайлович был женат на сестре императора, великой княжне Ксении.
[2] Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. М., 1991. С. 257.
[3] Назаров О. На месте империи // Историк. 2022. №12 (96). С. 7.
[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 211–212.

отправит «всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором»[5].

Столь же смелыми были прогнозы основоположников марксизма по национальному вопросу. Констатировав то, что «национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком»[6], они пришли к выводу, что с уничтожением частной собственности национальные черты народов «неизбежно будут смешиваться и таким образом исчезнут».

Маркс и Энгельс не оставили своим последователям ни детально разработанного плана переходного периода к будущему социалистическому обществу, ни «чертежа» его модели. Маловероятно, что это вообще можно было сделать заранее в условиях быстро менявшегося мира.

На рубеже XIX и XX веков мир вступил в эпоху империализма. Повторяя и развивая в новых условиях идеи основоположников марксизма, Ленин писал, что целью социализма является «не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их»[7]. Такой была стратегическая цель большевиков в национальном вопросе, от которой они никогда не отказывались. Другой стратегической целью было безгосударственное общественное самоуправление.

Поставившая перед собой столь масштабные задачи, партия Ленина действовала в реалиях Российской империи, которая была унитарным государством. В то время и сам вождь большевиков являлся сторонником унитарного, а не федеративного устройства государства. «Мы в принципе против федерации – она ослабляет экономическую связь, она негодный тип одного государства», – писал Ленин Степану Шаумяну в декабре 1913 года. Однако далее шла такая фраза: «Хочешь отделиться? Проваливай к дьяволу, если ты можешь порвать экономическую связь»[8].

Дело в том, что двумя месяцами ранее на совещании ЦК РСДРП с партийными работниками в Поронине (близ Закопане) была принятая резолюция, зафиксировавшая приверженность большевиков принципу права наций

---

[5] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 173.
[6] Там же. Т. 4. С. 444.
[7] Ленин В. И. Пол. собр. соч. Т. 27. С. 256.
[8] Там же. Т. 48. С. 234–235.

на самоопределение вплоть до государственного отделения. Вместе с тем подчеркивалось, что вопрос целесообразности осуществления этого права партия будет решать в каждом конкретном случае «с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм».

Признавая право наций на самоопределение, большевики ориентировались на унитарное социалистическое государство с предоставлением компактно проживающим народам прав областной (региональной) автономии. В начале 1914 года Ленин работал над рукописью «К вопросу о национальной политике». Она являлась проектом речи, с которой в IV Государственной думе должен был выступить большевистский депутат Григорий Петровский. В ней Ленин сформулировал позицию большевиков по вопросу о праве наций на самоопределение: «Мы, социал-демократы, враги *всякого* национализма и сторонники демократического *централизма.* Мы противники партикуляризма, мы убеждены, что *при прочих равных условиях* крупные государства гораздо успешнее, чем мелкие, могут решить задачи экономического прогресса и задачи борьбы пролетариата с буржуазией. Но мы ценим связь только добровольную, а никогда не насильственную. Везде, где мы видим *насильственные* связи между нациями, мы, нисколько не проповедуя непременно отделения каждой нации, отстаиваем *безусловно* и решительно *п р а в о* каждой нации политически самоопределиться, т. е. отделиться.

Отстаивать, проповедовать, признавать такое *право* – значит отстаивать равноправие наций, значит не признавать *насильственных* связей, значит бороться против всяких государственных привилегий какой бы то ни было нации, значит и воспитывать в рабочих разных наций полную классовую солидарность»[9].

Тактическая гибкость большевиков в условиях Гражданской войны

Мощнейший удар по Российскому государству нанесла Февральская революция[10]. Взяв власть в Петрограде 25 октября (7 ноября) 1917 года, большевики получили в наследство от Временного правительства массу злобо-

[9] Ленин В. И. Пол. собр. соч. Т. 25. С. 70.

[10] Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сб. докл. международной науч. конф. / отв. редактор проф. В. В. Калашников. СПб, 2017; Хроника Смутного времени. Февраль 1917 года // Историк. 2017. №2 (26). С. 6–15; Шубин А. В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014 и др.

дневных проблем[11]. Решать их предстояло в ситуации, когда процесс распада территории бывшей Российской империи зашел уже далеко. Не только в Финляндии и Польше, но и на Украине, в Закавказье и других регионах огромной страны развивались национальные и сепаратистские движения.

«Реалии 1917 г. побудили большевиков к изменению своей позиции по отношению к федеративному устройству России. Объяснялось это такими факторами, которые нельзя было не учитывать. Прежде всего возрастанием национальных движений, в которых четко выделились три основных направления: централизаторов, отделенцев и федералистов… Но самым многочисленным тогда было направление сторонников превращения России в федеративное государство. Большевики поддержали большинство, видя в нем выражение воли народов страны. А если к этому добавить, что самая многочисленная партия России того времени эсеры внесла в свою программу принцип федеративизма, то возникла опасность, что именно эсеры поведут за собой большинство народов страны»[12], – писал доктор исторических наук В. Я. Гросул.

Поскольку сил противостоять центробежным тенденциям у новой власти не было, Ленин попытался использовать их в своих целях. Этого нельзя было сделать призывами к борьбе за конечную цель коммунистов в национальном вопросе – к слиянию наций. И тогда, по словам доктора исторических наук, профессора МГУ им. М. В. Ломоносова А. И. Вдовина, «в дело сразу пошло “приспособление принципов коммунизма к национальным предрассудкам”. Советская национальная политика с этого времени определялась главным образом идеями популизма, созвучными народным ожиданиям (подчас неосуществимым) и вере в возможность скорейшего и справедливого разрешения национальных проблем, и прагматизмом, ориентированным на скорейшее достижение практически полезных результатов»[13].

Действовали лидеры большевиков быстро и энергично. Сразу после Октябрьской революции Ленин заявил, что Советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение».

2 (15) ноября 1917 года народный комиссар по делам национальностей Иосиф Сталин и председатель Совета Народных Комиссаров Ленин подписа-

---

[11] Назаров О. Рожденная революцией // Историк. 2017. №12 (36). С. 53–55.

[12] Гросул В. Я. И. В. Сталин и проблемы советского федеративизма // Сталин и современность. Отв. ред. Д. В. Джохадзе, Р. И. Косолапов. Изд. 2-е. М., 2011. С. 186–187.

[13] Вдовин А. И. СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М., 2018. С. 25.

ли «Декларацию прав народов России». Ссылаясь на принятое в июне 1917 года решение I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов о праве наций на самоопределение, которое подтвердил II Всероссийский съезд Советов, авторы Декларации оповестили мир о своем решении «положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1. Равенство и суверенность народов России.

2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»[14].

22 ноября (5 декабря) 1917 года, выступая на Первом Всероссийском съезде военного флота, Ленин заявил: «Мы не анархисты, мы – сторонники государства. Да, но государство капиталистическое должно быть разрушено, власть капиталистическая должна быть уничтожена. Наша задача – строить новое государство, – государство социалистическое. В этом направлении мы будем неустанно работать, и никакие препятствия нас не устрашат и не остановят». По мнению Ленина, бояться распада страны не стоит: «Нам говорят, что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем, для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций»[15].

В январе 1918 года на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Советская Российская Республика была учреждена «на основе свободного союза свободных наций, федерация советских национальных республик»[16].

---

[14] Образование и развитие Союза Советских Социалистических Республик (в документах). М., 1973. С. 41–42.
[15] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 115.
[16] Образование и развитие Союза Советских Социалистических Республик (в документах). М., 1973. С. 70.

10 июля 1918 года V Всероссийский съезд Советов принял Конституцию (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. В ст. 9 подчеркивался переходный характер Конституции, основная задача которой «заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти»[17]. Комментируя эту статью Конституции РСФСР, английский историк Эдвард Карр отметил, что поскольку «водворение социализма» могло произойти «лишь как событие международного масштаба, Российская Федерация была лишь первой частицей будущей всемирной федерации социалистических республик»[18].

В те дни, когда принималась Конституция РСФСР, на территории бывшей Российской империи разгоралась Гражданская война. Разрастанию братоубийственного конфликта изрядно поспособствовали государства Антанты, которые подтолкнули к восстанию легионеров Чехословацкого корпуса[19]. «Линия Восточного (Чехословацкого) фронта в начале лета 1918 г. стремительно откатывалась на запад, а вместе с продвижением войск чехословацкого корпуса сюда приходит антибольшевистский террор»[20], – констатировал И. С. Ратьковский.

В ходе Гражданской войны, в отличие от белогвардейских генералов, лозунгом которых был «Единая и Неделимая Россия»[21], большевики проявляли тактическую гибкость и шли на уступки лидерам национальных движений. В

---

[17] Образование и развитие Союза Советских Социалистических Республик (в документах). М., 1973. С. 89.

[18] Карр Э. История Советской России. Кн.1. М., 1990. С. 119.

[19] См. подробнее: Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / отв. редактор проф. В.В. Калашников. СПб, 2018. С. 11, 28, 62, 149; Назаров О. Восстание Чехословацкого корпуса // Историк. 2018. №.5 (41); Назаров О. Кровавый след легионеров // Историк. 2021. №.7–8 (78–80); Прайсман Л. Г. Чехословацкий корпус в 1918 г. // Вопросы истории. 2012. №№5, 6; *Ратьковский И. С.* Лето–осень 1918: хроника чехословацкого террора // Мир экономики и права. 2013. №11–12 и др.

[20] *Ратьковский И. С. Хроника белого* террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М., 2017. С. 13.

[21] См. подробнее: Пученков А. С. Первый год Добровольческой армии. От возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооруженных Сил на Юге России. Ноябрь 1917 – декабрь 1918 года. СПб., 2021. С. 502–511; 775–776.

итоге это помогло им не только укрепить свою власть, но сохранить территориальное ядро и независимость государства.

Практическая реализация права наций на самоопределение в условиях Гражданской войны и иностранной военной интервенции превратила бывшую Российскую империю в совокупность различных национально-государственных образований[22]. Польша, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония и Тува обрели независимость. Бессарабия в 1918 году была захвачена Румынией. В составе РСФСР возник целый ряд автономных образований. Украина и Белоруссия получили статус независимых советских республик. В Средней Азии с 1920 года существовали Хорезмская и Бухарская народные советские республики. 6 апреля 1920 года на территории Забайкалья и Дальнего Востока Учредительным съездом трудящихся была провозглашена Дальневосточная республика (ДВР), в составе которой находилась Бурят-Монгольская автономная область. Чуть позже, в марте 1922 года ранее советизированные Грузия, Азербайджан и Армения образовали федеративный союз закавказских республик.

Взаимоотношения между советскими республиками не отличались ясностью. Выступая в марте 1921 года на X съезде РКП(б) особоуполномоченный при Сводной дивизии Южной группы войск Владимир Затонский признался в том, что не знает «в каких взаимоотношениях мы сейчас находимся с РСФСР, мы, живущие на Украине, я лично не разобрался окончательно»[23]. Примечательно, что Затонский, участвовавший в ликвидации восстания моряков Кронштадта[24] и награжденный за это орденом Красного Знамени, в 1920-е годы был одним из немногих хорошо образованных украинских руководителей. До революции он окончил физико-математический факультет Киевского университета, потом работал приват-доцентом и преподавателем физики в Киевском политехническом институте.

Фактор Генуи

Неопределенность в отношениях между республиками плохо отражалась на работе органов власти. Председатель СНК Украинской ССР и член ЦК РКП(б) Христиан Раковский жаловался Сталину на то, что «центральные

[22] Вдовин А. И. Указ. соч. С. 31.
[23] X съезд .РКП(б): Стенографический отчет. М., 1963. С. 205.
[24] Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. Составление, введение и примечания В. П. Наумова, А. А. Косаковского. М., 1997. С. 176, 388.

органы в некоторых независимых республиках живут при полном неведении, что им дозволено предпринять и что запрещено, и часто рискуют быть уличены или в отсутствии инициативы, или в действиях, имеющих сепаратный характер»[25].

Импульс процессу воссоздания единого государства придали те, от кого не ждали – победившие в Первой мировой войне страны Антанты. В январе 1922 года они решили пригласить Советскую Россию в Геную на международную конференцию, созывавшуюся для решения финансовых, экономических и торговых вопросов. На ней западные государства хотели обсудить с представителями РСФСР судьбу долгов царского и Временного правительств и иностранной собственности в Советской России. Другие советские республики в Геную не пригласили.

Против самостоятельного участия в конференции советских республик в письме в ЦК РКП(б) высказался и народный комиссар иностранных дел РСФСР Георгий Чичерин: «Если мы на конференции заключим договоры как девять параллельных государств, это положение дел будет юридически надолго закреплено, и из этой путаницы возникнут многочисленные затруднения для нас в наших сношениях с Западом». Чичерин, как и целый ряд других большевиков, считал правильным включить все советские республики в состав РСФСР на правах автономий.

Эта идея была близка и Сталину. 12 января 1922 года он внес в Политбюро предложение начать подготовку к объединению республик в единое государство: «В связи с вопросом о составе и полномочиях нашей делегации на европейскую конференцию встает вопрос о наших независимых республиках (как советских, так и о ДВР). На конференции впервые придется столкнуться с вопросом о границах РСФСР и о юридических взаимоотношениях между независимыми республиками и РСФСР. Несомненно, что наши противники постараются вскрыть при этом всю неопределенность и противоречивость в этих взаимоотношениях, найдут щели и попытаются сделать невозможным единство дипломатического фронта между РСФСР и независимыми республиками, обойдут вопрос о ДВР... Считаясь с обрисованной выше нежелательной перспективой и исходя из необходимости установления единства дипломатического фронта, некоторые товарищи предлагают добиться в крат-

[25] Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 211.

чайший срок объединения всех независимых республик с РСФСР на началах автономии».

В числе «некоторых товарищей» был и сам Сталин. Но более важно отметить то, что в январе 1922 года ни Ленин, ни Лев Троцкий, и вообще никто в руководстве ЦК РКП(б) против предложения объединить республики с РСФСР на началах автономии не возражал! И сделать это к началу Генуэзской конференции не позволил лишь дефицит времени.

В результате 22 февраля представители Азербайджанской, Армянской, Грузинской, Украинской, Белорусской, Хорезмской, Бухарской и Дальневосточной республик подписали протокол, поручив делегации РСФСР защищать их интересы в Генуе и подписывать от их имени выработанные на конференции акты, договоры и соглашения.

27 марта из Москвы в Геную в составе советской делегации во главе с Чичериным выехали представители республик Христиан Раковский, Буду Мдивани, Нариман Нариманов и Александр Бекзадян[26].

Сталинский план автономизации

План автономизации вновь встал в повестку дня после того, как 10 августа 1922 года Политбюро ЦК РКП(б) поручило Оргбюро ЦК создать комиссию и «к следующему Пленуму ЦК подготовить вопрос о взаимоотношениях РСФСР и независимых республик». На следующий день такая комиссия была образована. В нее вошли Сталин, Раковский, Валериан Куйбышев, Григорий (Серго) Орджоникидзе, Григорий Сокольников, а также представители республик – Агамали-оглы (Азербайджан), Александр Мясников (Армения), Буду Мдивани (Грузия), Григорий Петровский (Украина), Александр Червяков (Белоруссия), Яков Янсон (ДВР), Файзулла Ходжаев (Бухара) и Абдурахман Ходжаев (Хива)[27].

В конце августа Сталин представил на рассмотрение комиссии проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками. Документ, впоследствии получивший широкую известность как сталинский план автономизации, предусматривал необходимость «признать целесообразным формальное вступление независимых Советских республик: Украины, Бело-

[26] Шейнис З. С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, ученый. М., 1989. С. 192–193; 195.
[27] Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 200.

руссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР, оставив вопрос о Бухаре, Хорезме и ДВР открытым и ограничившись принятием договоров с ними по таможенному делу, внешней торговле, иностранным и военным делам и прочее»[28].

По сути, этот план, как отметил А. И. Вдовин, являлся «очередным выражением известного положения о РСФСР как воплощенной форме федерации всех советских республик»[29]. О праве выхода республик из состава РСФСР в нем ничего не говорилось.

Проект вызвал споры и между членами комиссии, и среди руководящих работников Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и Азербайджана, которым документ был отправлен. В середине сентября проект автономизации получил поддержку в ЦК Компартий Азербайджана и Армении. А вот ЦК Компартии Грузии 15 сентября большинством голосов – 19 против 6 – проект отклонил, постановив: «Объединение хозяйственных усилий и общей политики считаем необходимым, но с сохранением всех атрибутов независимости»[30]. Поскольку с 12 марта 1922 года три закавказские республики входили в Федеративный Союз Социалистических Советских республик Закавказья (в декабре преобразован в ЗСФСР), позиция грузин вызвала недовольство Закавказского краевого комитета РКП(б).

Не было единым по отношению к проекту и украинское руководство. Оно явно не спешило с заявлением своей позиции, прося перенести совещание в ЦК РКП(б), назначенное на 22 сентября, на 15 октября. Проект не получил одобрения и в Белоруссии. 16 сентября Пленум Центрального Бюро компартии Белоруссии постановил: «Считать целесообразным установление отношений между [нашими] комиссариатами и РСФСР аналогичных с отношениями, установленными между РСФСР и Украиной»[31]. А Украинская ССР была самостоятельной республикой.

Из членов комиссии против сталинского проекта сразу решительно выступил Раковский, предпочитавший федерацию со слабым центром. А в сентябре отдыхавший в Гурзуфе глава украинского правительства прислал в ЦК РКП(б) свои замечания: «Данный проект игнорирует, что Советская Федера-

---

[28] Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 192.
[29] Вдовин А. И. Указ. соч. С. 33.
[30] Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 196.
[31] Там же. С. 197.

ция не является однородным национальным государством. В этом отношении проект резолюции является поворотным пунктом во всей национальной политике нашей партии. Его проведение, т. е. формальное упразднение независимых республик, явится источником затруднений как за границей, так и внутри Федерации»[32].

Таким образом, вопрос, каким быть будущему Союзу – унитарным государством или советской федерацией – сразу же вызвал горячие споры в ЦК РКП(б) и в республиках.

Письмо Сталина Ленину

В условиях разброда и шатаний в дело вмешался создатель и вождь большевистской партии. К тому времени состояние здоровья Ленина улучшилось, но он все еще находился в Горках. 22 сентября туда поступило письмо Сталина, посвященное определению взаимоотношений РСФСР с республиками, которое вызвало всплеск активности вождя. Послание Председателю Совнаркома РСФСР Генеральный секретарь ЦК начал с того, что констатировал «отсутствие всякого порядка и полный хаос» во взаимоотношениях между центром и окраинами, что создает «конфликты, обиды и раздражение». Такое положение, по его словам, возникло во время Гражданской войны, когда «мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе» и, помимо своей воли, воспитали среди коммунистов «настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах». И теперь, сокрушался генсек, «молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказывается понимать как игру, упорно признавая слова о независимости за чистую монету и также упорно требуя от нас проведения в жизнь буквы конституции независимых республик».

Нарисовав тревожную картину, Сталин поставил ребром принципиальный вопрос: «Одно из двух, либо действительная независимость и тогда – невмешательство центра, …либо замена фиктивной независимости действительной внутренней автономией республик в смысле языка, культуры, юстиции, внутренних дел, земледелия и прочее». Сам генсек признал целесообразной автономизацию. Более того, он хотел, чтобы к Всероссийскому Съезду Советов ЦИКи Украины, Белоруссии, Армении,

[32] Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 211–212.

Азербайджана и Грузии «сами добровольно изъявили свое желание вступить в более тесные хозяйственные отношения с Москвой на началах автономии».

Свою позицию Сталин подкрепил и таким аргументом: «Сейчас речь идет о том, как бы не “обидеть” националов; через год, вероятно, речь пойдет о том, как бы не вызвать раскол в партии на этой почве, ибо “национальная” стихия работает на окраинах не в пользу единства советских республик, а формальная независимость благоприятствует этой работе»[33].

К сказанному Сталиным добавим, что «игра в независимость» мешала организации всего советского хозяйства как единой централизованной машины, что было мечтой Маркса и его последователей.

Готовясь к беседе с Лениным, Сталин 23 и 24 сентября собирал заседания комиссии Оргбюро ЦК, на которых председательствовал его сторонник секретарь ЦК Вячеслав Молотов. После голосования по поправкам комиссия приняла резолюцию о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками, первый пункт которой ставил крест на их независимости: «Признать целесообразным заключение договора между советскими республиками Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении и РСФСР о формальном вступлении первых в состав РСФСР, оставив вопрос о Бухаре, Хорезме и ДВР открытым и ограничившись принятием договоров с ними по таможенному делу, внешней торговле, иностранным и военным делам и прочее»[34].

Принятая резолюция и другие материалы комиссии были направлены в Горки.

Изучив письмо и другие документы, 26 сентября Ленин принял Сталина. Их беседа продолжалась 2 часа 40 минут. После нее Ленин направил письмо Льву Каменеву (с постскриптумом «разослать копии *всем* членам Политбюро). В нем вождь большевиков, посетовав на то, что Сталин «немного имеет устремление торопиться» в решении «архиважного» вопроса, сообщил, что «одну уступку Сталин уже согласился сделать. В § 1 сказать вместо “вступления” в РСФСР – “Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии”. Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др.

[33] Известия ЦК КПСС. 1989. №9. С.198–199.
[34] Там же. С. 205.

и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, “Союз Советских республик Европы и Азии”». В соответствии с новой конструкцией Ленин предложил создать Общефедеральный ВЦИК Союза Советских Республик Европы и Азии. «Важно, чтобы мы не давали пищи “независимцам”, не уничтожали их *независимости*, а создали еще *новый этаж*, федерацию *равноправных* республик»[35], – мотивировал Ленин свои предложения.

Для полноты картины добавим, что заселить «новый этаж» вождь большевиков планировал не только республиками, возникшими на руинах Российской империи. Как справедливо заметил историк Александр Елисеев, «Ленин хотел видеть в этом образовании разные страны, в первую очередь промышленно развитые государства Европы. Вхождение таковых в состав единого Российского государства казалось ему весьма проблематичным. Другое дело – вхождение в наднациональный союз суверенных государственных образований».

Продолжая размышлять о том, каким быть будущему Союзу, в последние дни сентября Ленин принял в Горках сторонников разных точек зрения. 27 сентября он переговорил с горячим сторонником плана автономизации Орджоникидзе, затем принял категорически против него выступавшего Мдивани. В последние дни сентября Ленин встретился с противниками автономизации членами ЦК Компартии Грузии Михаилом Окуджавой, Владимиром Думбадзе и Котэ Цинцадзе, а также с председателем армянского Совнаркома Мясниковым, который разделял идею автономизации.

В результате накануне октябрьского Пленума ЦК в проекте постановления комиссии ЦК появилась новая формулировка: «Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских Республик и РСФСР об объединении их в “Союз Социалистических Советских Республик” с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава “Союза”». В. Я. Гросул констатировал: «Это был первый и важнейший пункт проекта постановления комиссии, предложившей, таким образом, и новое название будущего государства – Союз Социалистических Советских Республик. Далее следовали предложения по организации государственных органов, в соответствии с

[35] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 211–212.

которыми часть комиссариатов подлежала союзному подчинению, а часть республиканскому».

Но вот что интересно. Проект постановления был разослан членам и кандидатам ЦК за подписью членов комиссии Сталина, Орджоникидзе, Мясникова и Молотова[36]. Генсек, согласившись с имевшим принципиальный характер предложением Ленина, объединить независимые республики в новый союз, о своем плане автономизации в дальнейшем старался не упоминать. Более того, при больном Ленине, как небезосновательно заметил доктор исторических наук А. В. Шубин, «именно Сталин стал архитектором нового Союза».

6 октября Пленум ЦК РКП(б) по докладу Сталина утвердил проект резолюции комиссии «по вопросу о взаимоотношениях между РСФСР и независимыми республиками», признав необходимость заключения договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских республик и РСФСР об их объединении в Союз Социалистических Советских Республик с сохранением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза. Пленум ЦК постановил для выработки советского законодательства о союзе республик и проведения его через съезд Советов создать новую комиссию ЦК в составе Сталина, Чичерина, Каменева, Михаила Калинина, Георгия Пятакова, Алексея Рыкова и представителей Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении.

В вопросе создания будущего Союза аргументы и авторитет Ленина сыграли решающую роль. И хотя споры внутри партии после этого не прекратились, а в ЦК Компартии Грузии они привели к скандалу и рукоприкладству со стороны Орджоникидзе[37], после 6 октября процесс создания союзного государства вышел на финишную прямую.

Переломный день в истории

18 ноября «Правда» опубликовала интервью Сталина. Рассказывая о подготовке к созданию СССР, он заявил, что инициатива объединения исходила от закавказских республик, Украины и Белоруссии. При этом генсек подчеркнул, что «упразднение национальных республик явилось бы реакционным аб-

[36] Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 206.
[37] Большевистское руководство. Переписка 1912–1927. Сборник документов. М., 1996. С. 268–270.

сурдом, требующим упразднения нерусских национальностей, их обрусения, т. е. реакционным донкихотством, вызывающим возражения даже со стороны таких мракобесов русского шовинизма, как черносотенец Шульгин»[38].

К 30 ноября комиссия ЦК разработала Основные пункты Конституции СССР, которые были разосланы в компартии республик для обсуждения. 18 декабря Пленум ЦК РКП(б) утвердил проекты Декларации об образовании Союза ССР и Договора об образовании Союза ССР. К тому времени состоялись съезды Советов объединявшихся в Союз республик – VII Всеукраинский, IV Всебелорусский и I Закавказский (на нем Армения, Азербайджан и Грузия образовали Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику). Все съезды приняли решения о создании СССР.

Последним 26 декабря такое решение после доклада Сталина принял X Всероссийский съезд Советов. Российская Федерация к тому времени увеличилась территориально. ДВР была освобождена от японских оккупантов и белогвардейцев и 15 ноября прекратила свое существование, войдя в состав РСФСР.

I съезд Советов СССР начал работу 30 декабря в Москве в Большом театре. На него прибыло 2214 делегатов. Съезд открыл член партии с 1898 года, бывший агент газеты «Искра» и участник Декабрьского вооруженного восстания 1905 года в Москве Петр Смидович. Затем Авель Енукидзе внес предложение избрать почетным председателем Ленина. Съезд поддержал его единодушно, как и предложение Михаила Фрунзе избрать председателем съезда Михаила Калинина.

Повестка дня состояла из трех вопросов – отдельное рассмотрение Декларации и Договора об образовании СССР и выборы Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.

С докладом об образовании СССР выступил Сталин. Он заявил, что «сегодняшний день является переломным», так как закончился старый период, «когда советские республики, хотя и действовали вместе, но шли врозь, занятые, прежде всего, вопросом своего существования». Теперь же начинается новый период – период объединения республик в единое союзное государство. По словам генсека это свидетельствует о стремлении Советской власти

[38] Сталин И. В. Сочинения. М., 1947. Т. 5. С. 141.

развиться «в серьезную международную силу», способную изменить международную обстановку в интересах трудящихся всего мира[39].

В тот же день съезд принял Декларацию об образовании СССР и Договор об образовании СССР. Декларация и ст. 26 Договора признавали за каждой республикой «право свободного выхода из Союза»[40]. Однако механизм реализации этого права нигде не был прописан.

Договор об образовании СССР определил взаимоотношения между республиками и центром. В компетенцию союзных органов передавались вопросы внешней политики, внешней торговли, финансов, обороны, путей сообщения, связи. Остальные сферы оставались в ведении союзных республик. Высшим органом страны объявлялся Всесоюзный съезд Советов, а в перерывах между его созывами – Центральный Исполнительный Комитет СССР. Первым председателем ЦИК избрали Калинина, а сопредседателями – Петровского, Нариманова и Червякова. Совет Народных Комиссаров СССР возглавил Ленин.

Декларация и Договор об образовании СССР легли в основу Конституции СССР, которую 31 января 1924 года принял II Всесоюзный съезд Советов. Всесоюзная перепись населения 1926 года установила то, что на территории СССР проживали около двухсот наций и народностей, ни одна из которых не была и не считала себя лишней в братской семье советских народов.

---

[39] Сталин И. В. Сочинения. М., 1947. Т. 5. С. 156.

[40] Образование и развитие Союза Советских Социалистических Республик (в документах). М., 1973. С. 268.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гагкуев Р. Г.	*д.и.н., член правления Российского исторического общества, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН*
Галлямова Л. И.	*д.и.н., профессор, главный научный сотрудник отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН*
Голдин В. И.	*д.и.н., профессор каф. регионоведения, международных отношений и политологии САФУ им. М. В. Ломоносова*
Икэда Ёсиро	*доцент Токийского университета, Япония*
Иоффе Г. З.	*д.и.н., профессор, Монреаль, Канада*
Калашников В. В.	*д.и.н., профессор кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
Калиновский В. В.	*к и.н., доцент кафедры музеологии Института истории СПбГУ*
Краус Тамаш	*д.и.н., профессор Будапештского университета, Венгрия*
Меньковский В. И.	*д.и.н., профессор кафедры истории России исторического факультета БГУ, г. Минск*
Назаров О. Г.	*д.и.н., обозреватель журнала «Историк»*
Пученков А. С.	*д.и.н., профессор кафедры новейшей истории России Института истории СПбГУ*
Пыльцын Ю. С.	*к.и.н., ст. преподаватель кафедры церковной истории и филологии Екатеринбургской духовной семинарии*
Рабинович А. Е.	*почетный профессор Индианского университета, США; ассоциированный научный сотрудник СПбИИ РАН*
Рынков В. М.	*д.и.н., директор ИИ СО РАН, Новосибирск*
Семенов В. В.	*сотрудник кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
Смирнова Т. М.	*д.и.н., профессор кафедры истории и философии ГУАП*
Солдатенко В. Ф.	*д.и.н., член-корреспондент НАН Украины, гл. научный сотрудник ИПиЭИ им. И. Ф. Кураса НАН Украины*

Суэйн Джеффри	*профессор университета Глазго, Великобритания*
Стогов Д. И.	*к.и.н., доцент кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
Узлова И. В.	*к.и.н., зав. кафедрой истории культуры, государства и права СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*
Цветков В. Ж.	*д.и.н., профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ*
Чураков Д. О.	*д.и.н., профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ*

К 100-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
И ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Сборник докладов
Международной научной конференции
«Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии»

Отв. редактор д-р ист. наук, проф. В. В. Калашников
Под редакцией канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова

Подписано в печать 19.12.2022. Формат 60*84 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Печ. л. 31,0
Тираж 50 экз. Заказ 179.

Отпечатано с готового оригинал-макета
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф

ДЕКЛАРАЦИЯ
ОБ ОБРАЗОВАНИИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК.
ДОГОВОР
ОБ ОБРАЗОВАНИИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК.